

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XIII.

Подъ редакціей кн. С. Н. Трубецкого и Л. М. Лопатина.

Книга I (61).

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ 1902 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская ул., соб. домъ.

1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Письма о философіи.— Н. Н. Страхова	783
Мысли двухъ философовъ о школь. В. Гумбольдтъ и Кондорсэ.— М. Гершензона	794
Иванъ Карамазовъ (въ романѣ Достоевскаго «Братья Карамазовы») какъ философскій типъ.— С. Булгакова . .	826
Общія черты судебной этики.— А. Ѳ. Кони	864

Вильгельмъ Вундтъ и психологія языка.— Ѳ. Зѣлинскаго .	533
Понятіе безконечности въ алгебрѣ, въ анализѣ, въ геометріи, въ философіи; проблема о безконечности пространства; проблема о безконечности вещества.— К. Жакова	568
Новое изслѣдованіе о философіи права Канта и Гегеля.— Кн. Е. Н. Трубецкого	581

Критика и библиографія.

I. Обзоръ книгъ.

Николай Бердяевъ . «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи». Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ. Съ предисловіемъ Петра Струве. Цѣна 2 р. 25 к.— А. Дживелегова	606
--	-----

См. на оборотъ.

	<i>Стр.</i>
II. Библиографическій листокъ	613
III. Обзоръ журналовъ	
Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1901.	
№ 1—3.	616
Archiv für Geschichte der Philosophie. 1901. № 1—4.	
Georg Misch. Zur Entstehung des französischen Positivismus.—С. Поварнина	619
<hr/>	
Полемика.	
Второй отвѣтъ г. Айхенвальду.—А. Нечаева	625
Психологическое Общество. (Отчеты о засѣданіяхъ.)	633
<hr/>	
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1—47

Письма о философіи ¹⁾.

Письмо I.

Вы непременно хотите, чтобы я писалъ о философіи, о самыхъ общихъ ея вопросахъ. Знаете ли?—мнѣ это и очень лестно, и очень страшно. Для меня вѣдь, по старому, философія есть самая высокая и самая трудная наука; не малымъ дѣломъ всегда считалъ я говорить во имя этой науки и заслужить имя дѣйствительнаго философа. Если до сихъ поръ я ограничивался только частными вопросами, или даже одной *постановкой вопросовъ*, то дѣлалъ это прежде всего изъ великаго уваженія къ философіи.

Вмѣсто того, чтобы выставять и развивать какія-нибудь общія положенія, мнѣ кажется лучше начинать свое философствованіе съ какой-нибудь частной и вполне опредѣленной черты, вродѣ того, какъ это дѣлаетъ Декартъ. Напримѣръ, я могъ бы начать такъ:

1) Эти „Письма“ доставлены редакціи однимъ изъ наслѣдниковъ покойнаго Н. Н. Страхова. Ред.

Вотъ предположенная авторомъ программа „Писемъ о философіи“:

Письма о философіи.

- I. Философія и науки.
- II. Философія во всѣхъ системахъ.
- III. Университетская, популярная, настоящая.
- IV. Шопенгауэръ.
- V. Эмпиризмъ и матеріализмъ.
- VI. Чего ждуть? Заранѣе составляются и задачи, и представленія (предвзятыя понятія).

Вопросы философіи, кн. 61.

Сперва я былъ ничего несмыслящимъ ребенкомъ; потомъ во мнѣ проснулось вниманіе и любопытство, и я сталъ понимать то, что мнѣ говорили и что я читалъ; чтобы усвоить себѣ это говоримое и читаемое, нужны были многіе годы и часто большія усилія; и, наконецъ, теперь я вполне полагаюсь уже на собственный умъ и самъ сталъ рѣшать, что правда и что ложь, самъ разыскиваю истину. Вотъ что со мною было, что я долженъ всегда помнить и всячески уяснить себѣ. Если дѣйствительно такъ было, если я дѣйствительно изъ несмысленнаго сталъ понимающимъ, и изъ принимающаго чужія мысли сталъ самостоятельно мыслящимъ и познающимъ, то какъ это произошло? Я долженъ всѣми силами привести себѣ къ сознанию тотъ путь и тѣ побужденія, по которымъ совершилось это движеніе моего ума. Чѣмъ лучше я уразумѣю этотъ путь, тѣмъ правильнѣе и тверже я могу по нему идти. Впереди же я не могу поставить себѣ никакой другой задачи, какъ именно идти дальше по этому пути, продолжать это движеніе. Понимать то, чего прежде не понималъ, и открывать то, чего прежде не зналъ,—такова моя судьба до конца.

II.

Есть понятія, которыя мы уже находимъ въ себѣ, какъ только приступаемъ къ какой бы то ни было дѣятельности. Если мы принимаемся мыслить, рассуждать, наблюдать, то оказывается, что мы заранѣе признаемъ понятіе *познанія*, заранѣе предполагаемъ существованіе *истины*, достигнуть которой и стараемся. Если мы принимаемся цѣнить существующее, какія бы то ни было вещи и явленія, не въ нихъ самихъ, а въ извѣстномъ отношеніи ихъ къ намъ, какъ наше *благо* и *зло*, во всевозможныхъ значеніяхъ этихъ словъ, то мы заранѣе признаемъ понятіе *чувства*, заранѣе предполагаемъ существованіе наслажденія и страданія. Если, наконецъ, мы начинаемъ дѣйствовать, то-есть не только познавать и цѣнить существующее, но производить въ немъ перемѣны, то мы заранѣе признаемъ понятіе *произвола*, зара-

нѣе предполагаемъ, что наши дѣйствія *свободны*, зависятъ отъ нашей воли.

Вотъ предположенія, безъ которыхъ мы не можемъ ступить ни одного шагу. Мы, разумѣется, сперва не замѣчаемъ ихъ и объ нихъ не думаемъ; но по мѣрѣ развитія нашей мысли и уясненія ея приемовъ, мы неизбежно приходимъ къ этимъ предположеніямъ, видимъ, что они лежатъ въ основѣ всякаго нашего разсужденія, желанія и дѣйствія.

Если же такъ, то, значить, понятія познанія чувства и произвола не могутъ быть выводимы или строимы ни изъ какихъ другихъ понятій; они не вытекаютъ какъ-нибудь изъ опыта или умозрѣнія, а напротивъ всякій опытъ и всякое умозрѣніе возможны только на ихъ основаніи. Это—понятія, въ полномъ смыслѣ слова, *иррациональныя*, не вкладывающіяся въ постоянные приемы нашего ума, не принадлежащія къ познаваемымъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова.

Такая особенность этихъ понятій можетъ показаться на первый взглядъ очень удивительною. Повидимому, значеніе словъ: познаніе, чувство, произволь—хорошо всѣмъ извѣстно; мы употребляемъ эти слова безпрестанно и дѣлаемъ это съ обычною увѣренностью и опредѣленностью. Почему же смыслъ ихъ долженъ имѣть не такую же природу, какъ смыслъ какихъ-нибудь другихъ словъ? На это замѣтимъ, что вообще языкъ, по самой способности обобщенія, составляющей его силу, всегда скрадываетъ отъ насъ разницу въ содержаніи, выражающемся въ словахъ и словосочиненіяхъ. Мы всего чаще принимаемъ языкъ за форму логическаго движенія мысли; между тѣмъ словами выражается не одно мышленіе, а также чувство, желаніе, всякое движеніе нашей души. И мы понимаемъ другъ друга вовсе не потому, что сообщаемъ одинъ другому логическую связь понятій, или опредѣленное ихъ значеніе, а лишь потому, что слова составляютъ для насъ *знаки* извѣстнаго содержанія, иногда почти такіе знаки, какъ мимика или измѣненіе въ чертахъ

лица. Предметы становятся для насъ знакомыми, хорошо извѣстными не посредствомъ точныхъ опредѣленій, а посредствомъ одного указанія пальцемъ. Намъ говорятъ: вотъ это дубъ, а это береза, и мы потомъ не только ясно знаемъ смыслъ этихъ названій, но узнаемъ самый маленькій кусокъ листа или коры дуба или березы, не отдавая себѣ никакого отчета въ томъ, какъ мы это дѣлаемъ. Подобнымъ образомъ мы знакомимся и съ тѣмъ, что называется познаниемъ, чувствомъ и произволомъ. Такъ какъ предметы или явленія, обозначаемыя этими словами, составляютъ самую стихію нашей жизни, такъ какъ мы ихъ встрѣчаемъ, такъ сказать, при каждомъ нашемъ движеніи, то мы знакомы съ ними вполне, но знаемъ ихъ по непосредственному созерцанію, а не помощію какихъ бы то ни было приемовъ познания. Другіе люди только наводятъ насъ на это созерцаніе, а не сообщаютъ намъ чего-то извѣданнаго ими, но у насъ еще не имѣющагося.

Обращаясь мыслью къ познанию, чувству и произволу, мы очевидно обращаемся къ самимъ себѣ, разсматриваемъ самихъ себя въ нашемъ внутреннемъ существѣ, или въ нашей внутренней жизни. Мы живемъ—это значитъ познаемъ, чувствуемъ, стремимся, и въ этомъ смыслѣ мы себя называемъ душою. Старинное положеніе: *человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла*, имѣетъ не совсѣмъ точный видъ, предполагаетъ какъ будто, что душа и тѣло могутъ быть поставлены наравнѣ. Гораздо правильнѣе сказать: *человѣкъ есть душа, облеченная тѣломъ*.

Очевидно, что бы мы ни думали и ни дѣлали, мы необходимо будемъ начинать съ себя, то-есть съ нашей души, какъ съ исходной точки нашей мысли, да и всякаго другого нашего дѣйствія. Тотъ, кто началъ бы съ того, что сталь сомнѣваться въ душѣ, тѣмъ самымъ отнялъ бы у себя всякую возможность двинуться хотя бы на единый шагъ, не могъ бы начать мыслить и говорить. Такое сомнѣніе въ сущности невозможно, и скептики въ этомъ случаѣ не то разумѣютъ, что они говорятъ.

III.

Нужно остановиться на особенномъ отношеніи нашего ума къ мышленію о душѣ.

Для человѣка, находящагося въ полномъ своемъ развитіи, нѣтъ ничего яснѣе, достовѣрнѣе, извѣстнѣе, какъ его жизнь, его душа. Онъ чувствуетъ свою душу, какъ скоро чувствуетъ, что ищетъ познаній, страдаетъ и радуется, стремится дѣйствовать и сопротивляться. Но если это ясное и неизбежное созерцаніе мы захотимъ облечь въ опредѣленные понятія, въ обыкновенныя формы понятія, то мы придемъ въ величайшее затрудненіе. Намъ здѣсь открывается дѣйствительность, для мышленія о которой требуются совершенно другіе приемы ума, чѣмъ для мышленія о другихъ предметахъ познанія. Вотъ почему Фихте, а потомъ Шеллингъ признавали въ умѣ особенную дѣятельность для постиженія души и мышленія о ней; они называли эту дѣятельность *умственнымъ созерцаніемъ* (*intellectuelle Anschauung*). Это непосредственное внутреннее созерцаніе даетъ намъ не какіе-нибудь простые факты, а внушаетъ понятія и положенія, совершенно несоразмѣрныя съ обыкновенными приемами мышленія. Таковы именно понятія *истины, блага и свободы*. Мы ихъ постигаемъ съ совершенною ясностью посредствомъ умственнаго созерцанія, становясь лицомъ къ лицу съ нашей душою; но они, можно сказать, сейчасъ же исчезаютъ отъ насъ, когда мы пробуемъ построить ихъ по способу другихъ понятій.

Если человѣкъ *мыслить*, то это не значитъ только того, что въ немъ совершается нѣкоторый процессъ по нѣкоторымъ причинамъ и съ нѣкоторыми результатами; смыслъ мышленія и всякаго понятія тотъ, что человѣкъ ищетъ и достигаетъ *истины*.

Если человѣкъ *чувствуетъ*, то это не значитъ только того, что онъ переживаетъ тѣ и другія различныя состоянія, а значитъ, что для него существуетъ дѣйствительное *благо* и что есть возможность достигнуть этого блага.

Если человѣкъ *дѣйствуетъ*, то это не значить только, что его влекутъ тѣ и другія различныя стремленія; главный смыслъ человѣческой воли въ томъ, что она ищетъ и достигаетъ *свободы*.

Такимъ образомъ, душа или жизнь человѣческая есть нѣчто ищущее и достигающее истины, блага и свободы.

Вотъ опредѣленіе, съ котораго можетъ начинаться свое изложеніе психологія и къ которому она непременно должна приходиться, съ какой бы другой точки она ни начинала своего изслѣдованія. Въ сравненіи съ обыкновенными приёмами нашего познанія, можетъ показаться, что мы, такимъ образомъ, *предпринимемъ* извѣстные вопросы, заранее признаемъ вѣрнымъ то, что будто бы еще подлежитъ изслѣдованію; но въ сущности, мы, держась этого опредѣленія, начинаемъ съ настоящей исходной точки, съ дѣйствительнаго начала, безъ котораго невозможно идти впередъ. Психологія должна показывать намъ, что всѣ ея изысканія имѣютъ эту твердую основу и къ ней сводятся.

Понятіе и значеніе натурфилософіи.

Философія не есть вѣрованіе, чаяніе или мнѣніе, а понятіе и наука о Божественномъ, и притомъ совершенно ясное и соразмѣрное познаніе, такъ какъ о Божественномъ или невозможно никакое познаніе, или возможно только такое.

Для Бога, или абсолютнаго, бытіе существенно, или лучше, самъ Богъ есть *бытіе* и нѣтъ иного бытія, кромѣ именно Бога. Мы не можемъ сказать—кромѣ бытія *Божія*, ибо бытіе Божіе было бы самъ Богъ, такъ какъ онъ именно есть ничто иное, какъ *бытіе*.

Слѣдовательно и наоборотъ, все бытіе, только потому, что оно бытіе, само въ себѣ божественно, абсолютно; ни изъ чего другого не объяснимо и не произошло, но есть вѣчная истина и насквозь положительно. Нѣчто такое, что не было бы божественнымъ (если бы только что-нибудь та-

кое вообще могло быть), было бы именно поэтому вовсе не *бытиемъ*; и потому было бы совершенно невозможно сказать, что оно *есть*.

Итакъ, Богъ есть единое дѣйствительное, такъ какъ онъ существенно есть *бытіе*; иначе говоря—онъ одинъ и всецѣло наполняетъ сферу дѣйствительности. Мыслить нѣчто дѣйствительное внѣ Бога такъ же невозможно, какъ мыслить нѣкоторую дѣйствительность внѣ дѣйствительности.

Поэтому, если философія есть наука о Божественномъ, то она не есть наука о немъ, какъ о нѣкоторомъ существѣ, которое существуетъ лишь въ мысли или только ею можетъ быть достигнуто, но она есть наука о Богѣ, какъ о единомъ дѣйствительномъ, а потому самому единомъ доступномъ созерцанію (*Anschauung*) и во всемъ созерцательномъ единомъ созерцаемомъ (ибо созерцаніе, которое не было бы созерцаніемъ дѣйствительнаго, не было бы и созерцаніемъ).

Мы хотимъ пояснить это съ другой стороны для того, кто допускаетъ, что Богъ (или вѣчное) можетъ быть достигнуто посредствомъ мысли ¹⁾. Если только онъ дѣйствительно мыслить Бога, то онъ мыслить его какъ единственно-реальное, которое существенно само есть *бытіе*. Поэтому Богъ не можетъ быть въ мірѣ мысли, не будучи именно поэтому тѣмъ, что есть единственно-положительное въ дѣйствительномъ мірѣ или въ мірѣ природы; и въ отношеніи къ нему вообще нѣтъ никакой противоположности между идеальнымъ и реальнымъ міромъ, между „по ту сторону“ и „по сю сторону“. Кто это отвергаетъ, тотъ можетъ, пожалуй, грезить о природѣ, которая не есть, или о дѣйствительности, которая не есть дѣйствительность. Но почему же онъ примется грезить, если онъ долженъ бодрствовать? Онъ допускаетъ, что Богъ есть реальность, сама чистая дѣйствительность: пусть же онъ ищетъ того міра или той сферы, въ которой Богъ есть дѣйствительность! Конечно, ни теперь, ни по-

¹⁾ Т.-е. для Фихте. См. *Anweisung zum seligen Leben*, § 19.

слѣ, не окажется передъ нимъ никакого другого міра, въ которомъ Богъ еще совершенно особенно былъ бы дѣйствительностью, кромѣ именно настоящаго и такъ называемаго, дѣйствительнаго міра, и если Богъ въ этомъ мірѣ не есть дѣйствительность, то онъ вообще не будетъ дѣйствительностью, т.-е. не будетъ Богомъ.

Итакъ, если философія есть наука о божественномъ, какъ объ единственно-положительномъ, то она есть наука о божественномъ какъ объ единственно - дѣйствительномъ въ дѣйствительномъ мірѣ или въ мірѣ природы, т.-е. она есть существенно натурфилософія.

Если бы она не была натурфилософіею, то она бы утверждала, что Богъ есть только въ мірѣ мысли, слѣдовательно не есть то, что положительно въ дѣйствительномъ мірѣ, или мірѣ природы, т.-е. она отвергала бы самую идею Бога.

Бытіе есть истина и истина есть бытіе. То, что философъ мыслить и о чемъ онъ говоритъ, должно *быть*, потому что оно должно быть *истинно*. Что не *есть*, то не истинно. Итакъ, философъ, говорящій о природѣ, какъ о чемъ-то такомъ, что *не есть*, говоритъ не объ истинномъ, и даже говоритъ не истинно, потому что онъ не истинному, говоря о немъ такъ, какъ будто оно существуетъ, придаетъ истинность, которой оно не имѣетъ. Истинная философія должна говорить о томъ, что существуетъ, т.-е. о дѣйствительной, *существующей* природѣ. Богъ есть существеннымъ образомъ бытіе—это значитъ: Богъ есть существеннымъ образомъ природа, и наоборотъ. Поэтому всякая истинная философія, т.-е. всякая, которая есть познаніе единственно истиннаго и положительнаго, есть *ipso facto* натурфилософія; и пока такое познаніе не стало всеобщимъ, она будетъ носить это имя, чтобы отличать себя отъ ложной философіи, пребывающей въ не-дѣйствительномъ, т.-е. въ не-истинномъ.

Теперь мы можемъ съ большею свободою употреблять эту идею натурфилософіи во всей ея строгости. По наше-

му взгляду, раздѣленіе между особымъ міромъ мысли и особымъ міромъ дѣйствительности есть доказательство, что и въ мірѣ мысли мы еще не положили *Бога*. Если бы (*per impossibile*) для меня не существовало вовсе природы, или я могъ бы положить, что она уничтожена, и я сталъ бы мыслить Бога истинно и съ полною ясностію, то въ то же мгновеніе для меня бы наполнился дѣйствительный міръ (вотъ смыслъ часто превратно понимаемаго тождества идеальнаго и реальнаго). Вы вотъ говорите между прочимъ о нѣкоторой данной природѣ и, къ несчастію, тѣ, кто всего ревностиѣе возставалъ противъ неумѣющихъ отрѣшиться отъ даннаго, сами обнаруживаютъ величайшую къ тому неспособность: но какъ же вы доходите до этой природы и по какому праву вы ее здѣсь вмѣшиваете? Вы вѣдь должны бы философствовать, т.-е. должны бы разсматривать идею Бога, или, пожалуй, хоть только *мыслить* ее (если таково ваше мнѣніе), и должны бы мыслить ее чисто и наполнить ею себя совершенно; но какъ только вы это сдѣлаете, то Богъ станетъ для васъ непосредственно реальнымъ какъ единственно-дѣйствительное, и вы не будете уже больше искать глазами еще другой природы, такъ какъ съ Богомъ и посредствомъ Бога вы уже имѣете полную дѣйствительность. Чтобы имѣть право говорить о вашей данной природѣ, вы должны бы сперва доказать намъ ея дѣйствительность; но этого вы не можете сдѣлать и потому рѣшайтесь же прежде всего разсматривать *сущее*, которое мы называемъ Богомъ, а не устремлять вашего взора тотчасъ же опять на не-сущее, подобно глазамъ, которые не выносятъ солнечнаго свѣта и обращаются къ тѣни.

Итакъ, въ идеѣ натурфилософіи мы идемъ не только дальше простаго мышленія къ познанію, но дѣлаемъ еще шагъ и дальше познанія вообще, до созерцанія въ дѣйствительности и до совершеннаго совпаденія міра, нами познаннаго, съ міромъ природы. Только именно въ той точкѣ, гдѣ идеальное для насъ самихъ стало также и совершенно реальнымъ, міръ мысли сталъ міромъ природы, только въ этой

точкѣ находится послѣднее, высшее удовлетвореніе и примиреніе познанія, подобно тому, какъ исполненіе нравственныхъ требованій достигается лишь тогда, когда они являются намъ уже не какъ мысли, наприм., какъ предписанія, а стали природою нашей души и стали въ ней дѣйствительными.

Въ этомъ одномъ заключается и отличіе натурфилософіи отъ всякаго прежняго философствованія. Въ силу того, что она вообще есть наука о божественномъ, она стремится отличить себя отъ всего, что порождено въ философіи послѣднимъ временемъ, а также прошлымъ послѣ Лейбница, но никакъ не отъ того, что порождено болѣе древнимъ и древнѣйшимъ временемъ. Спиноза признавалъ свое Богомъ наполненное ученіе за ученіе о природѣ; но то обстоятельство, что онъ не довель его изложенія до указанной точки тожества съ дѣйствительностію, и что, насколько онъ пытался это сдѣлать, доведеніе не удавалось, было причиною, что и на его ученіе впослѣдствіи смотрѣли только какъ на идеалистическій очеркъ, какъ на нѣкоторую форму мысли для мысли. Пусть идея натурфилософіи будетъ та самая, которую нѣкогда Бэконъ постигъ со стороны физики, но не позналъ со стороны философіи, почему и сталъ лишь родоначальникомъ вѣка эмпиризма; или пусть эта идея еще не была постигнута ни однимъ изъ прежнихъ мыслителей: она во всякомъ случаѣ есть необходимая идея, не только встрѣчающаяся и лежащая на пути къ завершенію, но ведущая къ самому тому завершенію, которое рано или поздно должно быть осуществлено. Она впервые полагаетъ рѣшительный предѣлъ, опредѣленную границу произволу мышленія, блужданія отвлеченія, ибо она есть прямая противоположность всякому отвлеченію и всякимъ системамъ, которыя изъ отвлеченія происходятъ. Все, что въ наукѣ, или въ религіи, или въ какомъ-нибудь другомъ кругѣ чело-вѣческой дѣятельности когда-нибудь достигло устойчивости и стало причастнымъ истинной объективности, все приобрѣло ее именно посредствомъ этого послѣдняго шага,

отнынѣ навсегда сдѣланнаго наукою разума черезъ то, что она стала натурфилософіею; и если бы даже намъ, нынѣ живущимъ, возможно и дано было разрѣшить самимъ лишь малѣйшую часть ясно познанной задачи, то это не можетъ ничего доказывать противъ истины идеи въ ней самой, идеи, которая, даже если она опять совершенно пропадетъ, неизбѣжно будетъ однако вновь и вновь принимаема и наконецъ вполнѣ осуществлена.

Н. Н. Страховъ.

Мысли двухъ философовъ о школѣ

(В. Гумбольдтъ и Кондорсэ).

„Сравнивая между собою наиболѣе замѣчательныя государственныя установленія и, рядомъ съ ними, мнѣнія о нихъ наиболѣе выдающихся философовъ и политиковъ, приходится—можетъ быть не безъ основанія—удивляться, какимъ образомъ вопросъ, который, казалось бы, долженъ прежде всего привлечь къ себѣ вниманіе, былъ такъ мало и такъ неполно разработанъ,—именно вопросъ о томъ, какую цѣль должно имѣть въ виду государственное устройство и какія границы оно должно ставить своей дѣятельности“. Эти строки, написанныя 109 лѣтъ назадъ, не устарѣли, кажется, и до сихъ поръ, если не въ примѣненіи къ философамъ и политикамъ, то, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи такъ называемаго образованнаго общества. Наиболѣе ярко эта политическая неразвитость общества обнаруживается, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда ему представляется поводъ высказать свои пожеланія относительно той или другой реформы, долженствующей охватить цѣлую отрасль общественной организаци. Если взять для примѣра школу—такъ какъ именно о ней мы хотимъ говорить здѣсь,—то поистинѣ можно удивляться, какъ мало среди возникшихъ у насъ въ послѣднее время толковъ на тему о школьной реформѣ было обращено вниманія на эту важнѣйшую сторону предмета. Въ обществѣ и печати очень много и горячо разсуждали о вредѣ классической системы, о пользѣ препо-

даванія естественныхъ наукъ и новыхъ языковъ, о необходимости умножить типы средней школы и пр., — слишкомъ часто упуская изъ виду, что не въ чрезмѣрномъ количествѣ уроковъ латинскаго языка и недостаточномъ числѣ уроковъ исторіи лежитъ главный корень зла, явно причиняемаго нашей средней школою, и не въ такихъ механическихъ поправкахъ, какъ увеличеніе числа однихъ и уменьшеніе числа другихъ уроковъ, слѣдуетъ искать лѣкарства противъ этого зла, — слишкомъ часто забывая, что въ основѣ нашей школы лежитъ такая сила, которая неминуемо чрезъ малое количество лѣтъ обратитъ въ мертвую схоластику и преподаваніе естественныхъ наукъ, какъ раньше — классиковъ.

Тотъ, кто задался бы цѣлью изслѣдовать отношеніе государства къ школѣ въ различныхъ странахъ, легко замѣтилъ бы, что наше отечество занимаетъ въ этомъ смыслѣ одинъ изъ двухъ полюсовъ, тогда какъ на другомъ стоитъ Англія: въ то время, какъ у насъ школа является исключительной и зорко оберегаемой монополіей государства, въ Англіи послѣднее ограничивается скромной ролью помощника, предоставляя почти все дѣло народнаго образованія заботамъ родителей и самодѣятельности общества — что, замѣтимъ въ скобкахъ, до сихъ поръ не привело эту страну ни къ насильственнымъ переворотамъ, ни къ анархіи. Между этими двумя полюсами — почти полного невмѣшательства и безусловной опеки — лежитъ цѣлый рядъ промежуточныхъ ступеней, на которыхъ стоятъ Пруссія, Франція и другія культурныя страны.

Мы далеки отъ мысли подвергать эти разнообразныя системы сравнительной оцѣнкѣ съ точки зрѣнія ихъ практическихъ результатовъ; еще менѣе въ нашу задачу входитъ теоретическій анализъ вопроса о природѣ государства и границахъ его компетенціи. Наша цѣль — возбудить интересъ къ намѣченной здѣсь темѣ и представить читателю матеріалъ, на который могло бы опереться его самостоятельное сужденіе.

I.

Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ трудовъ по вопросу о предѣлахъ дѣятельности государства до сихъ поръ остается книга Вильгельма Гумбольдта „Ideen zu einem Versuch die Grenzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen“, первыми строками которой мы начали эту статью ¹⁾. Книга эта была написана въ 1792 году и носить на себѣ яркій отпечатокъ вліянія французскихъ революціонныхъ идей; но, какъ это прекрасно разъяснилъ Гаймъ въ своей біографіи В. Гумбольдта, теорія послѣдняго столько же противоположна, сколько родственна ученію французскихъ революціонеровъ. Не менѣ послѣднихъ онъ проникнуть враждою къ государству; но въ то время, какъ они хотѣли разрушить существующее, исторически-сложившееся государство и на его мѣсто поставить новое, основанное на принципахъ разума, — Гумбольдтъ исходитъ изъ убѣжденія, что всякое государство, даже самое лучшее, есть только необходимое зло, и потому стремится не разрушить существующее государство, а по возможности устранить его, свести его дѣятельность къ *minimum*'у. Его ученіе явилось естественной реакціей противъ прусской государственной теоріи и особенно противъ „отеческой опеки“ Фридриха II съ ея основнымъ принципомъ: все для народа, ничего посредствомъ народа. Будущій сотрудникъ Штейна, онъ одинъ изъ первыхъ понялъ и предсказалъ то, чему наполеоновскій разгромъ научилъ потомъ всю Германію: что такая бюрократическая опека, воспитывая духъ раболѣпія въ чиновникахъ и подавляя въ управляемыхъ всякую самостоятельность, неизбѣжно ведетъ къ духовному паденію націи и тѣмъ подтачиваетъ самую силу сопротивленія государства.

Онъ исходитъ изъ строго-индивидуалистическаго принципа. Истинной цѣлью человѣческаго существованія, го-

¹⁾ Reclam's Univ. Bibl. №№ 1991—2. Рус. перев. въ приложеніи къ книгѣ: Р. Гаймъ, Вильгельмъ ф. Гумбольдтъ, перев. съ нѣм. Москва, 1899.

ворить онъ, является высшее и наиболѣе пропорціональное развитіе всѣхъ силъ человѣка, направленное къ образованію одного дѣлага. Первое и непреложное условіе такого развитія составляетъ свобода, съ которою неразрывно связано многообразіе положеній; истинный разумъ не можетъ желать человѣку никакого другого состоянія, кромѣ того, при которомъ не только каждый отдѣльный человѣкъ пользуется самой неограниченной свободой развиваться изъ самого себя во всемъ своеобразіи своей природы, но и физическая природа получаетъ въ человѣческихъ рукахъ именно ту форму, какую каждый отдѣльный человѣкъ, въ мѣру своей нужды и склонности, ограниченный только предѣлами своей силы и своего права, даетъ ей самъ и по своему произволу. Но, какъ свобода есть первое условіе нормальнаго человѣческаго развитія, такъ безопасность — первое условіе свободы; при томъ, безопасность—единственное, чего отдѣльный человѣкъ собственными силами не можетъ доставить себѣ. Задача государства и заключается въ обезпеченіи безопасности какъ отъ внѣшнихъ враговъ, такъ и отъ внутреннихъ раздоровъ, и только этой сферой должна ограничиваться его дѣятельность; поэтому оно должно воздерживаться отъ всякой заботы о положительномъ благополучіи гражданъ, и въ своей отрицательной дѣятельности, т.-е. въ заботѣ объ ихъ безопасности, должно тщательно остерегаться какимъ бы то ни было образомъ противодѣйствовать конечной цѣли—свободѣ.

Нетрудно понять, какъ долженъ былъ Гумбольдтъ, исходя изъ такихъ основныхъ положеній, смотрѣть на стремленіе государства захватить въ свои руки дѣло народнаго просвѣщенія. Разъ обезпеченіе безопасности есть единственная функція государства,—послѣднее не въ правѣ ни прямо, ни косвенно вліять на нравы и характеръ націи болѣе, чѣмъ это является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его строго-необходимыхъ мѣропріятій; въ особенности же всякій спеціальныи надзоръ за воспитаніемъ, какъ и за религіозными

установленіями, лежитъ безусловно внѣ предѣловъ дѣятельности государства. Высшей цѣлью жизни является по Гумбольдту, какъ мы видѣли, „развитіе человѣка въ величайшей разносторонности“; общественное же воспитаніе, т. е. воспитаніе, организуемое или направляемое государствомъ, неизбѣжно покровительствуетъ какой-нибудь одной формѣ— даже въ томъ случаѣ, когда оно ограничивается назначеніемъ и содержаніемъ учителей. Великимъ благомъ было бы, если бы человѣкъ вступалъ въ государство вполнѣ и самостоятельно сложившимся; тогда возникала бы, если можно такъ выразиться, борьба между тѣмъ положеніемъ, которое указано ему государствомъ, и тѣмъ, которое онъ самъ выбралъ себѣ, и въ этой борьбѣ частью онъ самъ измѣнился бы, частью государство претерпѣвало бы нѣкоторыя измѣненія. Но это становится невозможнымъ, разъ человѣкъ уже съ самаго дѣтства воспитывается въ качествѣ гражданина. Разумѣется, слѣдуетъ желать, чтобы положеніе гражданина и положеніе человѣка по возможности совпадали; но это мыслимо только тогда, когда положеніе гражданина требуетъ такъ мало специфическихъ качествъ, что естественный образъ человѣка можетъ при этомъ сохраниться неискаженнымъ, — чего мы въ современномъ государствѣ именно не видимъ. Всякое общественное воспитаніе — такъ какъ въ немъ неизбѣжно господствуетъ духъ правительства—стремится подогнать людей подъ одну определенную гражданскую форму; при такомъ условіи дѣйствительное исправленіе государственнаго строя націей становится невозможнымъ, и въ результатѣ получается то зло, отъ котораго страдали античныя республики: частыя перемѣны въ ихъ государственномъ строѣ можно объяснить именно тѣмъ, что каждый строй чрезвычайно сильно вліялъ на національный характеръ, послѣдній принималъ определенную однообразную форму, вырождался, и тѣмъ вызывалъ новый порядокъ. Изъ сказаннаго вытекаетъ, что воспитаніе должно быть вполнѣ свободно и какъ можно менѣе рассчитано на гражданскія отношенія, — а для этого оно пре-

жде всего должно быть изъято изъ-подъ надзора государства.

Въ упомянутой выше книгѣ Гаймъ мастерски раскрылъ основную ошибку В. Гумбольдта; онъ показываетъ, какъ авторъ самъ наноситъ себѣ смертельный ударъ, останавливаясь со своимъ требованіемъ индивидуальной свободы передъ государствомъ, какъ передъ преградой, вмѣсто того, чтобы наполнить содержаніе самого государства живымъ дѣйствіемъ индивидуальныхъ силъ. Государство является для него элементомъ, неразложимымъ для свободы; оно существуетъ только рядомъ со свободой и по-прежнему остается его непримиримымъ врагомъ, почему и оказывается необходимымъ сузить его дѣятельность до крайней возможности. Измѣнилась не сущность, а только объемъ правленія: прежде оно охватывало всю поверхность національной жизни, теперь оно занимаетъ на этой поверхности только одинъ пунктъ; но государство остается абсолютнымъ, и управляемые, поскольку ими управляютъ, по-прежнему несвободны. При такомъ коренномъ внутреннемъ противорѣчii вся система Гумбольдта является практически-неосуществимой.

Судьбѣ угодно было дать самому Гумбольдту возможность провѣрить на практикѣ его теорію, притомъ какъ разъ въ той части ея, которая насъ здѣсь интересуетъ. Свою книгу о предѣлахъ дѣятельности государства онъ написалъ 25 лѣтъ отъ роду, въ 1792 году; спустя 16 лѣтъ, въ 1809-мъ, прусскій король назначилъ его директоромъ департамента народнаго просвѣщенія. Вся его жизнь показываетъ, что онъ не измѣнилъ идеаламъ своей юности, да и на самомъ этомъ посту онъ явился другомъ свободы; тѣмъ не менѣе онъ не только счелъ возможнымъ принять это назначеніе, но и заложилъ основы той системы государственнаго воспитанія, которая донинѣ господствуетъ въ Пруссіи. Правда, по его почину былъ отмѣненъ законъ, воспрещавшій прусскимъ подданнымъ посѣщеніе другихъ нѣмецкихъ университетовъ, онъ предоставилъ ректорамъ широкую самостоятельность,

стремился снять съ работъ своего министерства покровъ канцелярской тайны и охотно привлекалъ къ содѣйствию свѣдущихъ лицъ изъ общества; но онъ же въ кругъ обязанностей учрежденной имъ ученой комиссiи ввелъ разработку учебныхъ плановъ, выборъ учебниковъ и пр., онъ же установилъ государственный экзаменъ для кандидатовъ въ преподаватели, которому должны были подвергаться и учителя частныхъ учебныхъ заведенiй и пр., и пр. Что же заставило его отступить отъ его старой теорiи?—Извѣстно, каково было положенiе Германiи, и въ частности Пруссiи, въ 1809 году. Извѣстно также, что Штейнъ и его сотрудники, однимъ изъ которыхъ и былъ В. Гумбольдтъ, единственнымъ вѣрнымъ средствомъ къ возрожденiю поработанной чужеземцами страны считали развитiе духовныхъ силъ народа, созданiе такого государства, которое было бы построено на самодѣтельности всѣхъ своихъ членовъ. Это была та самая точка зрѣнiя, которую въ своей книгѣ упустилъ изъ виду Гумбольдтъ. Теперь, взрослымъ человекомъ, передъ лицомъ великаго народнаго бѣдствiя, онъ долженъ былъ сознать односторонность своей теорiи: цѣль — освободить отдѣльную личность отъ государства должна была теперь преобразиться въ другую: освободить личность въ государствѣ и для государства. И какъ мы сейчасъ видѣли, онъ зашелъ въ этомъ направленiи очень далеко ¹⁾).

Примѣръ В. Гумбольдта, переброшеннаго могучимъ историческимъ толчкомъ изъ одной крайности въ другую, въ высшей степени поучителенъ. Для того, чтобы убѣдиться въ ошибочности его системы, вовсе не было надобности видѣть пораженiе пруссаковъ на поляхъ Иены и Ауэрштедта: для этого достаточно было выйти изъ кабинета на улицу или даже только въ кухню. При современныхъ ему, какъ и намъ, политическихъ и социальныхъ условiяхъ, при господствѣ глубокаго имущественнаго неравенства, его вели-

¹⁾ Гаймъ, I. с.

кая мечта о безусловной свободѣ личности еще не могла разсчитывать на осуществленіе; и это ясно понялъ другой замѣчательный мыслитель, его современникъ,—появился именно потому, что рядомъ со свободой ставилъ обществу цѣлю и равенство. Мы говоримъ о Кондорсѣ и его знаменитомъ планѣ организаціи народнаго образованія.

Кондорсѣ—также убѣжденный индивидуалистъ, и государственная школа въ принципѣ и ему представляется нежелательной и опасной; но онъ считается съ состояніемъ современнаго ему общества, и признаетъ ее пока неизбѣжнымъ зломъ. Эта точка зрѣнія очень ясно выражена въ заключительныхъ строкахъ его „Доклада объ организаціи народнаго просвѣщенія“, прочитаннаго имъ отъ имени учебной комиссіи въ засѣданіяхъ Законодательнаго собранія 20 и 21 апрѣля того же 1792 года, въ которомъ В. Гумбольдтъ написалъ свой трактатъ о государствѣ. „Придетъ, безъ сомнѣнія, время,—говорилъ здѣсь Кондорсѣ,—когда всѣ ученые общества, основанныя государственной властью, станутъ излишними и слѣдовательно опасными, когда бесполезна будетъ даже всякая государственная организація народнаго образованія: это будетъ тогда, когда исчезнутъ всѣ массовыя заблужденія, когда потеряютъ свою силу всѣ причины, дѣлающія корысть и страсти слугами предразсудковъ, когда знаніе будетъ распредѣлено равномерно на всемъ протяженіи данной страны и во всѣхъ слояхъ даннаго общества, когда всѣ науки и всѣ приложенія наукъ будутъ равно свободны отъ вліянія предвзятыхъ идей и лжеученій, наконецъ, когда всякій человѣкъ будетъ достаточно вооруженъ знаніями и нравственно закаленъ противъ всѣхъ уловокъ обмана. Но это время еще далеко, и наша обязанность—подготовлять и ускорять его наступленіе. Выработывая новый планъ просвѣтительныхъ учреждений, мы ни на минуту не должны забывать, что наша цѣль—приблизить ту счастливую минуту, когда они слѣдуются ненужными“. Такимъ образомъ онъ до поры до времени не считаетъ возможнымъ обойтись безъ государственной школы,

но хочет ее самое сдѣлать орудіемъ освобожденія чело-
вѣка. Именно на этой основѣ и строить онъ свой планъ
системы народнаго образованія. На слѣдующихъ страницахъ
мы попытаемся возможно сжато изложить его мысли объ
этомъ предметѣ, какъ онѣ выражены въ его обширныхъ
пяти мемуарахъ о народномъ образованіи (1790—91) и въ
упомянутомъ выше докладѣ ¹⁾.

II.

По мысли Кондорсэ, организація народнаго просвѣщенія
является обязанностью государства по отношенію, во-пер-
выхъ, къ каждому отдѣльному гражданину, во-вторыхъ, ко
всему обществу въ цѣломъ. Первое вытекаетъ изъ провоз-
глашеннаго Декларацией правъ принципа равенства: для
того, чтобы это равенство осуществилось въ жизни, госу-
дарство по долгу справедливости обязано дать каждому
гражданину возможность удовлетворять его матеріальныя
потребности, развивать въ полномъ объемѣ дарованія, вло-
женныя въ него природой, наконецъ, знать и осуществлять
свои политическія права и обязанности. Второе, т. е. долгъ
государства по отношенію къ цѣлому обществу, заключается
въ томъ, чтобы возможно болѣе открывать народной массѣ
доступъ къ удобствамъ и наслажденіямъ, какія доставляетъ
искусство, сдѣлать возможно большое число гражданъ спо-
собными исполнять необходимыя для общества функціи,
путемъ развитія знаній увеличивать средства къ достиже-

¹⁾ Oeuvres de Condorcet, éd. Arago-O'Connor, Paris, 1847, v. VII, pp. 169—
573. Rapport можно найти также въ Arch. Parl. t. XLII и въ Procès-Verbaux
du Comité d'instr. publ. de l'Assemblée législ., éd. par M. J. Guillaume, Paris,
Impr. Nat., 1889 (съ цѣнными примѣчаніями Гильома). „Докладъ“, составлен-
ный Кондорсэ и построенный всецѣло на тѣхъ идеяхъ, которыя онъ неза-
долго передъ тѣмъ изложилъ въ своихъ мемуарахъ, былъ принятъ комиссіей
безъ существенныхъ измѣненій; единственный важный пунктъ, въ которомъ
комиссія нѣсколько разошлась съ Кондорсэ,—совмѣстное обученіе половъ
(см. Guillaume, цит. изд., стр. 102, 124 и 250). Въ деталяхъ же комиссія
кое-что измѣнила съ согласія Кондорсэ; поэтому практическую часть про-
граммы мы излагаемъ исключительно на основаніи „доклада“ и приложеннаго
къ нему законопроекта, для теоретической же пользуемся и мемуарами.

нію личнаго благополучія и общаго благоденствія, наконецъ, развивать физическія, умственныя и нравственныя способности каждаго поколѣнія и тѣмъ содѣйствовать тому общему и постепенному усовершенствованію человѣческаго рода, которое должно быть послѣдней цѣлью всякаго общественнаго установленія.

Изъ этой двоякой задачи народнаго образованія вытекаютъ тѣ общія начала, которыя должны лежать въ основѣ его организаціи.

I. Первое требованіе, которое должно быть предъявлено къ народному образованію, заключается въ томъ, чтобы оно распространялось на всѣхъ гражданъ безъ исключеній и было настолько равномѣрно распредѣлено по территоріи государства и слоямъ общества, насколько это допускаютъ границы бюджета, группировка жителей на территоріи и ограниченность времени, какое дѣти могутъ тратить на ученіе. Государство обязано давать безъ исключенія всѣмъ гражданамъ то образованіе, которое можетъ быть распространено на всѣхъ, но оно не въ правѣ лишать ни одну группу гражданъ и высшаго образованія, недоступнаго всей массѣ народа. Если низшее образованіе необходимо потому, что оно полезно для получающихъ его, то высшее—необходимо потому, что оно полезно и для тѣхъ, кто непосредственно его не получаетъ. Люди всегда будутъ различаться по степени своихъ способностей, и, слѣдовательно, равенство въ степени образованности недостижимо. Задача законодателя должна заключаться лишь въ томъ, чтобы обратить это неизбѣжное неравенство на пользу общества, а для этого болѣе просвѣщеннымъ должна быть дана возможность учить прочихъ, охранять ихъ отъ заблужденій, содѣйствовать облегченію ихъ страданій и росту ихъ благосостоянія. При томъ, перевѣсъ образованности и таланта не представляетъ никакой опасности, разъ знанія, необходимыя въ обыденной жизни, станутъ достояніемъ всѣхъ. Тотъ, кто долженъ прибѣгнуть къ чужой помощи, когда хочетъ написать или даже прочесть письмо, сосчитать свой расходъ, измѣрить свое

поле, узнать, что позволяет и что воспрещаетъ ему законъ, кто не умѣетъ ни ясно говорить, ни толково изложить свою мысль на бумагѣ, тотъ неизбѣжно находится въ личной зависимости отъ другого человѣка,—зависимости, которая лишаетъ его возможности осуществлять его гражданскія права и парализуетъ принципъ равенства. Но достаточно ему приобрести эти элементарныя познанія, и онъ тотчасъ освобождается отъ этого рабства; такъ, человѣкъ, знающій четыре правила ариметики, не будетъ зависѣть въ своей обыденной жизни даже отъ самого Ньютона.

II. Обучение во всѣхъ школахъ, какъ низшихъ, такъ и среднихъ и высшихъ, должно быть бесплатнымъ. Оно должно быть бесплатнымъ въ низшихъ школахъ для того, чтобы привлекать въ нихъ дѣтей бѣдныхъ родителей; притомъ, плата за ученіе являлась бы, такъ сказать, наказаніемъ за многолѣтность, которое всей своей тяжестью ложилось бы, конечно, на бѣднѣйшіе классы. Но обученіе должно быть бесплатнымъ и въ среднихъ и высшихъ школахъ, такъ какъ общество заинтересовано въ томъ, чтобы дѣтямъ изъ бѣднѣйшаго класса, которыя составляютъ большинство, была дана возможность развить свои дарованія. Это необходимо не только для того, чтобы обезпечить государству возможно большое число гражданъ, способныхъ служить ему, и наукѣ—возможно большое число людей, способныхъ содѣйствовать ея успѣхамъ, но и для того, чтобы ослабить неравенство, вытекающее изъ различія имущественнаго состоянія. Мы наблюдаемъ въ обществѣ лишь два вида различія между людьми: разницу образованія и разницу богатства,—и общедоступность образованія сразу ослабитъ послѣдствія обѣихъ этихъ причинъ неравенства. Преимущества, даваемыя образованіемъ, сдѣлаются менѣ чувствительными и вполне безопасными, когда образованіе будетъ не столь исключительно связано съ богатствомъ; преимущества же, даваемыя ребенку богатствомъ родителей, будутъ уравновѣшены равной и даже высшей образованностью тѣхъ,

для кого бѣдность служить лишнимъ стимуломъ стремиться къ знанію.

Притомъ, ученикъ института или лицея, въ которомъ обученіе бесплатно, можетъ одновременно проходить нѣсколько курсовъ, не отягощая тѣмъ бюджетъ своей семьи, можетъ по своей волѣ переходить изъ одной науки въ другую, пробовать свой вкусъ и свои силы,—тогда какъ тамъ, гдѣ каждый новый курсъ требоваль бы новыхъ издержекъ, бѣдный юноша былъ бы принужденъ ограничиваться болѣе низкой сферой образованія. И это неудобство опять всей тяжестью падало бы на бѣднѣйшее населеніе. Наконецъ, въ пользу бесплатности обученія въ средней и высшей школѣ говорить еще одно соображеніе: при этомъ условіи бѣдный юноша, принужденный тотчасъ по окончаніи начальной школы заняться какимъ-нибудь промысломъ, получаетъ возможность въ свободные часы посѣщать одинъ или нѣсколько изъ тѣхъ многочисленныхъ курсовъ, на какіе будетъ распадаться преподаваніе въ институтахъ и лицеяхъ.

Итакъ, школа должна содержаться исключительно на счетъ казны. Въ томъ, что и холостые будутъ такимъ образомъ нести расходъ по народному образованію, нѣтъ никакой несправедливости, такъ какъ успѣхи просвѣщенія идутъ и имъ на пользу.

III. Организанія народнаго просвѣщенія не должна покидать гражданина тотчасъ за порогомъ школы: она должна обнимать всѣ возрасты, именно по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, опытъ показываетъ, что въ дѣлѣ образованія нѣтъ середины между движеніемъ впередъ и движеніемъ назадъ; человѣкъ, который по выходѣ изъ школы перестаетъ укрѣплять свой разумъ, пополнять пробѣлы и исправлять ошибки школьнаго образованія, очень скоро теряетъ не только пріобрѣтенныя въ школѣ знанія, но и самую способность усвоенія, гибкость и силу ума. Во-вторыхъ, сама жизнь въ своемъ непрерывномъ развитіи рождаетъ безпрестанно новыя идеи и формы, и государство должно каждому гра-

жданину давать возможность знакомиться съ важнѣйшими изъ нихъ: таковы, съ одной стороны, научныя открытія и практическія изобрѣтенія, съ другой—измѣненія въ законахъ и учрежденіяхъ страны. Итакъ, общество обязано предоставить легкія и простыя средства къ усвоенію знаній всѣмъ тѣмъ гражданамъ, которые получили недостаточное школьное образованіе и не имѣютъ возможности собственными силами пополнять и обновлять его. Это необходимо еще и по слѣдующей причинѣ. Бѣднѣйшіе классы общества отличаются не столько пороками, сколько грубыми и вредными привычками. Одна изъ главныхъ причинъ развитія этихъ привычекъ заключается въ томъ, что невѣжественный человѣкъ, стремясь избавиться отъ скуки въ часы досуга, умѣетъ находить развлеченіе только въ ощущеніяхъ, но не въ идеяхъ; отсюда пьянство, игра и развратъ. Откройте такому человѣку выходъ изъ скуки въ область идей, т.-е. пробудите въ немъ любознательность,—и эти привычки неизбѣжно исчезнутъ.

IV. Въ дѣлѣ образованія не должно быть никакого различія между мужчиной и женщиной. Такъ какъ задача образованія—сообщать и доказывать истины, то невозможно понять, почему надо для женщинъ выбирать другія истины или другіе способы ихъ доказательства, чѣмъ для мужчинъ. Учащіеся обоого пола должны обучаться совмѣстно, и женщинамъ долженъ быть открытъ доступъ къ преподаванію наравнѣ съ мужчинами.

V. Народное просвѣщеніе должно въ своихъ различныхъ подраздѣленіяхъ охватывать всю совокупность человѣческихъ знаній.

VI. Строй народнаго образованія, простирающійся отъ элементовъ человѣческихъ знаній до крайнихъ вершинъ его, долженъ быть возможно болѣе расчлененъ. Дѣти, обучающіяся въ школѣ, различаются между собою, во-первыхъ, по количеству времени, которое они, въ силу матеріальныхъ и другихъ условій, могутъ посвящать ученію, во-вторыхъ, по степени своихъ способностей: силѣ вниманія, ем-

кости и прочности памяти, быстротѣ и мѣткости ума. И такъ какъ оба эти различія представляютъ множество ступеней, то и народное образованіе должно быть раздѣлено по возможности на большое число послѣдовательныхъ этаповъ, такъ, чтобы учащійся могъ на пути образованія пройти большее или меньшее пространство, смотря по своимъ способностямъ и количеству времени, которое онъ можетъ удѣлить учению. То же правило должно быть соблюдаемо и въ дѣлѣ обученія взрослыхъ.

VII. Народное просвѣщеніе должно ограничиваться однимъ образованіемъ, не вторгаясь въ сферу воспитанія. Это положеніе обусловливается многими причинами. Во-первыхъ, градація въ воспитаніи невозможна: оно должно быть цѣльно; а такъ какъ не всѣ дѣти могутъ отдавать школѣ одинаковое число лѣтъ, то при установленіи однообразной системы воспитанія, рассчитанной на опредѣленный срокъ, неизбежно одна часть учащихся была бы принесена въ жертву другой. Во-вторыхъ, воспитаніе дѣтей есть долгъ, налагаемый на родителей самой природой, и слѣдовательно—ихъ естественное право; государство не властно нарушать это право. Наконецъ, въ-третьихъ, воспитаніе, понимаемое въ широкомъ смыслѣ, охватываетъ и политическія убѣжденія и религіозныя вѣрованія. Свобода этихъ убѣждений и вѣрованій есть неотъемлемое право человѣка; между тѣмъ она исчезнетъ, разъ государству будетъ дано право диктовать подроставшимъ поколѣніямъ, во чтѣ они должны вѣрить. Человѣкъ, получившій свои убѣжденія въ готовомъ видѣ отъ другого, уже не свободенъ; онъ рабъ своего учителя, и тѣмъ труднѣе ему разбить эти оковы, что онъ не чувствуетъ ихъ, такъ какъ, подчиняясь чужому уму, вполне увѣренъ, что подчиняется собственному. Правда, почти каждый юноша получаетъ свои убѣжденія отъ своей семьи; но въ этомъ случаѣ убѣжденія не однородны. Вступая въ жизнь, юноша тотчасъ замѣчаетъ, что не всѣ держатся тѣхъ взглядовъ, какъ онъ, и они теряютъ въ его глазахъ характеръ общепризнанной истины; онъ сомнѣвается, срав-

ниваетъ и можетъ, наконецъ, выбрать любое убѣжденіе. Притомъ насиліе, производимое въ этомъ смыслѣ семьей, есть результатъ естественнаго строя жизни, и образование должно какъ разъ стремиться ослаблять это зло; если же такое насиліе совершается государствомъ, то это—настоящая тираннія, посягательство на одну изъ драгоцѣннѣйшихъ частей естественной свободы человѣка.

VII. Наконецъ, народное просвѣщеніе должно быть безусловно независимо отъ политической власти. Такъ какъ цѣль образованія — сообщать истины и только истины, то никакая власть не въ правѣ навязывать учащимся какія бы то ни было вѣрованія, т.-е. внушать мнѣнія подъ видомъ истинъ. Особенно важно это въ области моральныхъ и политическихъ знаній, гдѣ количество установленныхъ истинъ еще крайне ничтожно и гдѣ все остальное, свободное пространство заполняется индивидуальными мнѣніями. Кто въ правѣ указать другому ту границу, гдѣ кончается истина? Кто въ правѣ сказать другому: вотъ мое мнѣніе—ты долженъ признавать его за истину? Это—дѣло личной совѣсти, не подлежащей контролю власти. И даже тамъ, гдѣ какое-нибудь мнѣніе становится господствующимъ или общепризнаннымъ, политическая власть не въ правѣ увѣковѣчивать его, иначе она ставитъ преграду совершенствованію общества, ибо единственнымъ орудіемъ этого совершенствованія является ознакомленіе съ новыми истинами. Надо тщательно избѣгать всего, что способно задержать свободное развитіе человѣческаго духа. Разъ какая-либо сила преграждаетъ ему путь, ничто не можетъ обезпечить общество противъ возвращенія даже наиболѣе грубыхъ заблужденій. Ибо человѣческій духъ никогда не остается неподвижнымъ: если ему закрыта дорога впередъ, онъ идетъ назадъ.

Но какимъ образомъ можетъ быть обезпечена эта независимость школы отъ политической власти? Кондорсэ предлагаетъ для этого три средства.

Во-первыхъ, необходимо отнять у государства монополію народнаго просвѣщенія. Всякій гражданинъ долженъ имѣть

право преподавать любой предметъ обученія или открывать любую школу; эта свобода обученія будетъ висѣть дамокловымъ мечомъ надъ государственной школой, такъ какъ послѣдняя, будучи лишена монополіи, сумѣетъ держаться исключительно при довѣрїи къ ней общества. Если по небрежности или злонамѣренности законодателя въ программѣ ея пропущена какая-нибудь отрасль знанія, преподаваніе которой просвѣщенное общество считаетъ желательнымъ, тотчасъ вольный починъ пополнить этотъ пробѣлъ; окажется ли въ данной мѣстности преподаватель того или другого учебнаго предмета неудовлетворительнымъ, — явится вольный учитель, который откроетъ тотъ же курсъ и привлечетъ къ себѣ учениковъ; исказится ли, наконецъ, самый духъ народнаго просвѣщенія въ той или другой его части, — свободная конкуренція тотчасъ парализуетъ зло. Словомъ, это средство болѣе всякаго другого способно обезпечить просвѣщенной части общества руководящую роль въ дѣлѣ народнаго образованія.

Во-вторыхъ, политическая власть не должна имѣть права навязывать школѣ монополію какого-либо догмата или міровоззрѣнія. Поэтому она не въ правѣ также выдавать существующую конституцію страны за непреложную истину, согласную съ вѣчными законами разума. Эта конституція должна быть преподаваема въ школахъ только какъ фактъ. Школа должна говорить ученику: „вотъ законы, которые господствуютъ въ нашей странѣ и которымъ всѣ граждане обязаны повиноваться“. Если же она говоритъ ему: „въ нашей конституціи воплощена сама истина и потому вы должны благоговѣть предъ нею“, то она тѣмъ самымъ создаетъ своего рода политическую религію. Никто не будетъ отрицать, что политическій строй, какъ все, что создано человекомъ, подлежитъ закону совершенствованія; слѣдовательно и школа обязана представлять своимъ питомцамъ господствующую конституцію не какъ нѣчто непреложное и вѣчное, а какъ нѣчто временное, подлежащее усовершенствованію. Задача народнаго образованія—не та, чтобы поработать

подростающее поколѣніе взглядамъ и волѣ предшествовавшихъ, а та, чтобы просвѣтить его и сдѣлать способнымъ слѣдовать внушеніямъ собственнаго разума.

Наконецъ, третье средство состоитъ въ томъ, чтобы какъ назначеніе и смѣна учителей, такъ и надзоръ надъ преподаваніемъ были изъяты изъ вѣдѣнія политической власти.

III.

Таковы начала, которыя, по мысли Кондорсэ, должны быть положены въ основу организациі народнаго просвѣщенія. Переходя къ изложенію самаго плана организациі, предлагаемаго Кондорсэ, я долженъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Этотъ планъ разработанъ чрезвычайно подробно и изобилуетъ новыми не только для того, но и для нашего времени, глубоко вѣрными мыслями какъ относительно внѣшняго строя школы, такъ и относительно методовъ преподаванія. Но, какъ естественно, въ немъ немало и устарѣлыхъ чертъ, пробѣловъ и прямыхъ ошибокъ. Насъ интересуютъ здѣсь не самыя эти подробности—ихъ анализъ есть дѣло специалистовъ-педагоговъ,—а лишь тѣ основныя начала, на которыхъ Кондорсэ строить свой планъ. Изложивъ его руководящія принципы въ ихъ теоретической формѣ, необходимо показать, какими способами онъ надѣется осуществить ихъ на практикѣ; въ этой мѣрѣ я и буду излагать его планъ.

Кондорсэ дѣлитъ организацию народнаго образованія на пять частей. Онъ различаетъ четыре вида школъ: низшую начальную школу, высшую начальную школу, институтъ и лицей; во главѣ всего строя онъ ставитъ своего рода академію подъ названіемъ національнаго научно-художественнаго общества.

Низшія начальныя школы распредѣляются по слѣдующей системѣ: въ каждой деревнѣ съ населеніемъ отъ 400 до 1500 человекъ и въ каждой деревнѣ, имѣющей менѣе 400 жителей, но удаленной отъ ближайшей школы болѣе, чѣмъ на тысячу туаза (приблизительно двѣ версты), учреждается

одна школа съ однимъ учителемъ; въ поселеніяхъ, число жителей которыхъ простирается отъ 1500 до 4000 чел., учреждаются двѣ школы съ однимъ учителемъ въ каждой или одна съ двумя учителями, и т. д. по аналогичному расчету. Въ этой школѣ дѣти должны приобрѣтать всѣ тѣ знанія, которыя даютъ возможность человѣку въ обыденной жизни обходиться безъ помощи чужого разума и осуществлять свои права и обязанности. Курсъ ея, вмѣстѣ съ воскресными лекціями, долженъ быть достаточенъ и для подготовки гражданъ къ отправленію простѣйшихъ общественныхъ функций, каковы функции муниципальнаго должностнаго лица или присяжнаго. Въ программу низшей начальной школы входитъ обученіе чтенію и письму, что необходимо предполагаетъ и нѣкоторыя свѣдѣнія изъ грамматики; кромѣ того, здѣсь преподается ариметика, сообщаются простые способы точно измѣрять землю и строенія, сообщаются элементарныя свѣдѣнія объ отечественномъ производствѣ, о техникѣ земледѣлія и ремесль, а также основы морали и принципы социальнаго строя въ размѣрѣ, доступномъ пониманію дѣтей. Этотъ курсъ дѣлится на 4 отдѣла, изъ которыхъ каждый проходитъ въ годъ; дѣти вступаютъ въ школу въ возрастѣ не ниже 6 лѣтъ. При каждой школѣ должна существовать библіотечка для учениковъ. Законъ Божій не входитъ въ программу школы: онъ преподается въ храмахъ священнослужителями.

Преподаватель низшей начальной школы еженедѣльно по воскресеньямъ читаетъ публичную лекцію, на которой могутъ присутствовать всѣ желающіе. Назначеніе этихъ лекцій — во-первыхъ, освѣжать въ памяти взрослыхъ знанія, приобрѣтенныя ими въ школѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщать элементарныя приемы самообразованія, какъ, напримѣръ, умѣніе пользоваться словаремъ, оглавленіемъ книги, географической картой или планомъ; во-вторыхъ—съ большей подробностью развивать принципы морали и основы законодательства; въ-третьихъ, сообщать и разъяснять какъ старые законы, знакомство съ которыми необходимо всѣмъ

гражданамъ и въ особенности присяжному, старостѣ и пр., такъ и важнѣйшіе изъ новыхъ; наконецъ, въ-четвертыхъ, сообщать о важнѣйшихъ наблюденіяхъ и изобрѣтеніяхъ въ области сельскаго хозяйства и ремесль.

Вторую ступень въ строѣ народнаго образованія представляетъ высшая начальная школа, соотвѣтствующая нынѣшней французской *école primaire supérieure*. Она предназначена для тѣхъ дѣтей, безъ помощи которыхъ ихъ родители могутъ обойтись большее число лѣтъ. Въ каждомъ уѣздномъ городѣ и, кромѣ того, въ каждомъ поселеніи, насчитывающемъ не менѣе 4000 обитателей, учреждается одна высшая начальная школа. Въ тѣхъ поселеніяхъ, которыя насчитываютъ болѣе 1500, но менѣе 4000 душъ и которыя расположены слишкомъ далеко отъ ближайшей школы, можетъ быть учреждена собственная высшая начальная школа по мотивированному ходатайству общины и съ согласія мѣстной администраціи. Въ городахъ и мѣстечкахъ, число жителей которыхъ не превышаетъ 6000, учреждается одна школа съ однимъ преподавателемъ, въ городахъ съ населеніемъ отъ 6 до 8 тыс. чел.—одна школа съ двумя преподавателями, и т. д.

Въ высшей начальной школѣ преподаются: грамматика въ объемѣ, необходимомъ для того, чтобы правильно читать и писать; исторія и географія Франціи и сосѣднихъ странъ; основы механическихъ искусствъ, практическія основы торговли и рисованіе; важнѣйшія начала морали и социальной науки съ объясненіемъ основныхъ законовъ государства, равно какъ положеній о сдѣлкахъ и договорахъ; элементарная математика, физика и естественная исторія въ ихъ примѣненіи къ искусствамъ, земледѣлю и торговлѣ; наконецъ, въ тѣхъ школахъ, гдѣ болѣе одного преподавателя, можетъ быть преподаваемъ одинъ изъ наиболѣе полезныхъ иностранныхъ языковъ по выбору, обусловленному мѣстными потребностями.

Курсъ высшей начальной школы дѣлится на три части или класса, которые ученики проходятъ послѣдовательно.

При каждой школѣ учреждается библіотека, соотвѣтствующая размѣру преподаваемыхъ въ ней знаній, а также небольшой кабинетъ съ важнѣйшими метеорологическими инструментами, образцами машинъ и наглядными пособіями по естественной исторіи. Преподаватели высшей начальной школы еженедѣльно по воскресеньямъ читаютъ лекціи, на которыя доступъ открытъ всѣмъ гражданамъ. Лекціи эти носятъ тотъ же характеръ, какъ и воскресные курсы при низшихъ начальныхъ школахъ, отличаясь отъ этихъ курсовъ только болѣе высокимъ уровнемъ сообщаемыхъ знаній. Ихъ программа также распадается на двѣ части: на извѣстный циклъ теоретическихъ знаній, изъ которыхъ важнѣйшія повторяются ежегодно, другія—каждые два года, и на сообщеніе практическихъ знаній относительно движенія законодательства и успѣховъ земледѣлія и промышленности.

Третьей ступенью, т.-е. тѣмъ, что мы называемъ средней школою, является институтъ, соотвѣтствующій въ общемъ нынѣшнему французскому коллежу.

Количество институтовъ опредѣляется въ ІЮ: въ каждомъ департаментѣ учреждается по одному институту, а остальные 27 — въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ этого потребуютъ мѣстные условія. Курсъ институтовъ обнимаетъ элементы всѣхъ человѣческихъ знаній. Въ нихъ преподается все то, что необходимо знать человѣку, который готовится занять одну изъ общественныхъ должностей, требующихъ наибольшей образованности, или съ успѣхомъ посвятить себя дальнѣйшимъ научнымъ занятіямъ; притомъ въ ихъ программу входятъ не только знанія, необходимыя для всякаго человѣка и гражданина, къ какой бы профессіи онъ ни принадлежалъ, но и научныя основы всѣхъ крупнѣйшихъ отраслей профессиональной дѣятельности, какъ-то: основы земледѣлія, механическихъ искусствъ, военнаго дѣла, медицины и пр. Наконецъ, въ институтахъ готовятся преподаватели высшихъ начальныхъ школъ и совершенствуются преподаватели низшихъ, предварительно прошедшіе высшую начальную школу.

Программа института распадается на 4 отдѣла: физико-математическій, морально-политическій, прикладныхъ наукъ и художественно-литературный. Каждый изъ этихъ отдѣловъ въ свою очередь подраздѣляется на цѣлый рядъ частью самостоятельныхъ, частью связанныхъ между собою курсовъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы ученикъ, соотвѣтственно своимъ способностямъ и успѣхамъ, могъ проходить одновременно 3—4 курса, или только одинъ, пройти приблизительно въ 5 лѣтъ всю программу института, или только часть ея, и т. д. Въ каждомъ институтѣ есть учитель латинскаго языка, въ нѣкоторыхъ—также греческаго. Преподается также одинъ изъ иностранныхъ языковъ по выбору, обусловленному мѣстными потребностями. При каждомъ институтѣ учреждается: библіотека, кабинетъ физическихъ инструментовъ, образцовъ машинъ и наглядныхъ пособій по естественной исторіи, равно какъ ботанической и сельско-хозяйственный сады; при устройствѣ этихъ коллекцій и садовъ должны быть приняты во вниманіе тѣ отрасли производства, которыя преобладаютъ въ данномъ департаментѣ. Библіотека и кабинетъ открыты для публики.

При каждомъ институтѣ учреждается особый курсъ методики преподаванія для лицъ, готовящихся въ учителя низшихъ и высшихъ начальныхъ школъ. Этотъ курсъ ведетъ одинъ изъ институтскихъ профессоровъ, ежегодно избираемый для этой цѣли профессорами.

Профессоры института не менѣе одного раза въ мѣсяцъ читаютъ публичныя лекціи, въ которыхъ сообщаютъ о новыхъ наблюденіяхъ, открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ въ области наукъ, искусствъ и ремесль, или дѣлаютъ доклады по различнымъ предметамъ знанія, входящимъ въ учебный планъ института. Въ городахъ, гдѣ расположены войска, можно обязать профессора военного искусства устраивать воскресные курсы для солдатъ, гдѣ онъ объяснялъ бы имъ смыслъ и основанія законовъ и военного регламента. Въ то время, какъ въ институтахъ преподается только элементарная теорія медицины, врачи, состояшіе при больни-

цахъ, будутъ читать лекціи по практикѣ врачебнаго дѣла, и эти элементарныя медицинскія школы, которыя должны быть учреждены въ возможно большомъ количествѣ, обезпечать бѣднѣйшей части населенія рациональную медицинскую помощь. Въ морскихъ портахъ спеціальныя профессора гидрографіи и лоцманскаго искусства будутъ преподавать основы мореходнаго дѣла ученикамъ, прошедшимъ предварительно курсы математики, астрономіи и физики въ высшей начальной школѣ. Такимъ же способомъ въ другихъ мѣстахъ будутъ преподаваться, смотря по мѣстной надобности, различныя общепользныя ремесла и искусства.

На институтѣ Кондорсэ необходимо остановиться нѣсколько долѣе. Какъ извѣстно, средняя школа во Франціи—да и не въ одной Франціи—носитъ въ настоящее время чисто-литературный характеръ. Страницы послѣдней парламентской анкеты о среднемъ образованіи (т. наз. анкеты Рибо, 1899 года) полны жалобъ на то, что изученіе языковъ и литературъ подавляетъ собою во французской школѣ все прочее, что она готовитъ молодыхъ людей не къ жизни, а къ мечтамъ и рѣчамъ, что она развиваетъ воображеніе, но не даетъ положительнаго знанія. Потребность въ новой, не словесной, а научной школѣ сказывается все настойчивѣе, и ближайшій періодъ въ развитіи французскаго средняго образованія несомнѣнно будетъ ознаменованъ торжествомъ тѣхъ дисциплинъ, которыя французы называютъ *sciences*. Кондорсэ и въ этомъ, какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, далеко опередилъ не только свой, но и нашъ вѣкъ: въ его средней школѣ *sciences*, т.-е. физико-математическія науки, занимаютъ главное мѣсто. Это былъ рѣдкій разрывъ съ традиціей, и Кондорсэ счелъ нужнымъ подробно мотивировать его. Указавъ на непосредственную пользу этихъ наукъ для всѣхъ профессій, онъ выдвигаетъ затѣмъ свой главный доводъ—преимущество ихъ передъ словесными дисциплинами въ смыслѣ воспитательной силы. Онъ говоритъ: „Для людей, не пре-

дающихся продолжительнымъ размышленіямъ, не углубляющихся въ какую-либо отрасль знанія, даже элементарное изученіе этихъ наукъ является самымъ вѣрнымъ средствомъ къ тому, чтобы развить свои умственныя силы, научиться правильно мыслить, правильно анализировать свои идеи. Безъ сомнѣнія, вѣрность сужденія, способность къ систематическому мышленію, здравую и глубокую логику можно приобрести и безъ всякаго знакомства съ естественными науками, путемъ изученія литературы, языкознанія, исторіи, политики, философіи; но элементарныя познанія въ этихъ областяхъ не даютъ такихъ результатовъ. Дѣло въ томъ, что въ естественныхъ наукахъ идеи менѣе сложны и строже очерчены; языкъ ихъ ближе къ совершенству, такъ какъ тѣ же слова точнѣе выражаютъ въ немъ тѣ же идеи. Элементы этихъ дисциплинъ представляютъ собою настоящую часть науки, ограниченную тѣсными предѣлами, но вполне законченную". И такъ какъ, сверхъ того, усвоеніе естественно-научныхъ знаній болѣе доступно для средняго ума, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, то Кондорсэ признаетъ ихъ если не самымъ надежнымъ, то по крайней мѣрѣ наиболѣе общедоступнымъ средствомъ противъ предрасудковъ и мелочности духа.

Въ этой же части своего плана онъ разсматриваетъ вопросъ о пользѣ и вредѣ древнихъ языковъ въ средней школѣ. Его конечный выводъ тотъ, что они „болѣе вредны, чѣмъ полезны“, и въ своемъ институтѣ онъ отводитъ имъ, какъ мы видѣли, болѣе, чѣмъ скромное мѣсто. Блестящія страницы, посвященныя имъ этому вопросу, сдѣлали бы честь перу любого современнаго противника классической системы.

Высшую, четвертую ступень въ учебной организаціи Кондорсэ представляетъ лицей, до извѣстной степени соотвѣтствующій нашему университету.

Въ лицей всѣ науки преподаются въ ихъ полномъ объемѣ; здѣсь образуются ученые и профессора институтовъ. Всѣхъ лицеевъ во Франціи должно быть 9. Нѣкоторые изъ

нихъ учреждаются въ городахъ, близкихъ къ границѣ, съ цѣлью привлечь въ нихъ иностранцевъ; остальные распределяются съ возможной равномерностью по всей территории государства, при чемъ во избѣжаніе соблазна для юношей и вліянія партійной борьбы на преподаваніе, лицей учреждаются преимущественно въ менѣ крупныхъ городахъ. Исключеніе составляетъ одинъ Парижъ, лицей котораго долженъ отличаться отъ прочихъ лицеевъ также и болѣе широкой постановкой нѣкоторыхъ предметовъ преподаванія, и болѣе большими размѣрами своихъ научныхъ коллекцій и библіотеки; такъ, здѣсь должны быть учреждены кафедръ всѣхъ живыхъ и мертвыхъ языковъ и спеціальныя кафедръ ваянія, музыки и декламаціи.

Къ слушанію лекцій въ лицейяхъ допускаются наравнѣ со студентами всѣ желающіе. При каждомъ лицейѣ существуетъ обширная библіотека, ботаническій и земледѣльческій сады и музей, содержащій естественно - научную, анатомическую, физико - техническую и художественную коллекціи. Библіотека и музей открыты для публики. Лицей распадается на тѣ же 4 отдѣла, какъ и институтъ: на физико-математическій, морально-политическій, прикладныхъ наукъ и художественно-литературный; каждый отдѣлъ въ свою очередь распадается на цѣлый рядъ курсовъ. Профессоры и хранители лицеевъ не менѣ одного раза въ мѣсяць читаютъ публичныя лекціи объ улучшеніи методовъ преподаванія и объ успѣхахъ въ области наукъ, искусства и литературы.

Наконецъ, во главѣ всего строя народнаго просвѣщенія должна стоять, по мысли Кондорсэ, своего рода академія, которой онъ даетъ имя Национальнаго научно-художественнаго общества. Оно представляетъ собою не учебное, а научное учрежденіе. Въ то время, какъ остальные органы народнаго образованія, т.-е. начальныя школы, институтъ и лицей, имѣютъ цѣлью развитіе умственныхъ и моральныхъ силъ современнаго общества, академія должна накоплять духовныя богатства для блага грядущихъ поколѣній;

другими словами, школа готовитьъ родинѣ гражданъ, достойныхъ свободы, академія же защищаетъ и расширяетъ самую свободу.

На обязанность академіи возлагается: 1) руководство народнымъ образованіемъ и надзоръ надъ нимъ, 2) забота объ улучшеніи и упрощеніи методовъ преподаванія, 3) усовершенствованіе наукъ и искусствъ путемъ открытій и изобрѣтеній, 4) сношенія съ иностранными учеными обществами въ видахъ обогащенія родной страны научными завоеваніями другихъ націй. Академія дѣлится на тѣ же 4 класса, какъ институтъ и лицей, и каждый классъ распадается на извѣстное число секцій; каждая секція состоитъ изъ опредѣленнаго числа членовъ, половина которыхъ живетъ въ Парижѣ, другая половина — въ департаментахъ; кромѣ того, въ каждомъ классѣ есть извѣстное число иностранныхъ членовъ. Засѣданія академіи открыты для публики.

Мы изложили планъ Кондорсэ лишь въ его основныхъ чертахъ, не только опустивъ болѣе мелкія подробности (конкурсы на составленіе учебныхъ книгъ, физическое развитіе учащихся, ознакомленіе ихъ съ простѣйшими формами общественной дѣятельности путемъ устройства въ ихъ средѣ кружковъ съ выборами и собраніями, и проч. и проч.), но и совершенно умолчавъ о предлагаемыхъ имъ методахъ преподаванія: этотъ планъ интересуемъ насъ здѣсь лишь постольку, поскольку въ немъ отражаются изложенныя выше принципальныя мысли Кондорсэ. Въ этихъ предѣлахъ намъ остается еще разсмотрѣть два вопроса: какими средствами надѣется Кондорсэ обезпечить общедоступность просвѣщенія и его независимость отъ предрержащей власти.

Безплатность обученія на всѣхъ его ступеняхъ является, какъ мы видѣли, однимъ изъ основныхъ положеній Кондорсэ. Но очевидно, что однимъ этимъ средствомъ еще не устраняется неравенство между богатымъ и бѣднымъ въ отношеніи доступа къ умственнымъ благамъ. За порогомъ высшей начальной школы образованіе перестаетъ быть

безусловно общедоступнымъ. Между тѣмъ справедливость и благо общества требуютъ, чтобы ни одинъ гражданинъ не былъ лишенъ возможности развитію дарованія, вложенныя въ него природою, и чтобы для общества не погибъ ни одинъ даровитый человѣкъ, способный служить ему. Въ виду этого дѣтямъ, обнаружившимъ выдающіяся способности въ одной изъ низшихъ школъ, должна быть дана возможность пройти высшую затѣмъ школу путемъ выдачи стипендіи изъ казны. Этимъ ученикамъ Кондорсэ присвоиваетъ названіе *питомцевъ отечества* (*élèves de la patrie*). Они набираются по слѣдующей системѣ. Каждый институтъ посылаетъ ежегодно въ лицей даннаго учебнаго округа одного изъ своихъ учениковъ, который получаетъ годовичную стипендію въ размѣрѣ дневной заработной платы по мѣстнымъ цѣнамъ, умноженной на 500; срокъ этой стипендіи не можетъ быть продленъ долѣе 5 лѣтъ. Далѣе, высшія начальныя школы каждаго департамента посылаютъ ежегодно въ мѣстные институты количество юношей, равное $\frac{1}{3}$ части числа депутатовъ даннаго департамента. Каждый изъ нихъ получаетъ годовичную стипендію въ размѣрѣ стоимости 450 рабочихъ дней по мѣстнымъ цѣнамъ; стипендія можетъ быть дана не болѣе, какъ на 4 года. Стипендіатъ можетъ выбрать любой изъ институтовъ даннаго департамента. Наконецъ, всѣ низшія начальныя школы департамента ежегодно посылаютъ въ высшія начальныя школы количество дѣтей, равное полному числу депутатовъ даннаго департамента. Выборъ между школами департамента предоставляется самимъ ученикамъ; ихъ стипендія, ограниченная 3 годами, равна стоимости 300 рабочихъ дней по мѣстнымъ цѣнамъ. Промышленность заслуживаетъ не меньшаго поощренія, чѣмъ наука; въ виду этого ученики, окончившіе высшую начальную школу и обнаружившіе выдающіяся способности къ торговлѣ, механическимъ искусствамъ или иной отрасли промышленности, получаютъ каждый единовременную субсидію въ размѣрѣ стоимости 500 рабочихъ дней для изученія одной изъ общепользныхъ профессій. Число ихъ должно

быть равно $\frac{1}{3}$ части числа депутатовъ даннаго департамента. Для той же цѣли опредѣленное число учениковъ, окончившихъ низшую начальную школу, именно число, равное полному количеству депутатовъ даннаго департамента, получаютъ каждый единовременную субсидію въ размѣрѣ стоимости 250 рабочихъ дней.

Вопросъ о способѣ назначенія преподавателей и о надзорѣ за правильнымъ ходомъ учебнаго дѣла предрѣшается въ планѣ Кондорсэ тѣмъ основнымъ его положеніемъ, въ силу котораго народное образованіе должно быть совершенно изъято изъ вѣдѣнія государственной власти. Эта цѣль можетъ быть достигнута, по его мнѣнію, слѣдующимъ способомъ: каждая отрасль учебной организациі должна быть подчинена — какъ въ смыслѣ выбора учителей, такъ и въ смыслѣ контроля—слѣдующему за нею высшему органу, послѣднее же звено всей системы, т.-е. академія, должно быть построено на принципѣ самоуправленія. Такимъ образомъ, начальныя школы подчиняются институту, институтъ—лицею, лицей—академіи, академія же не подчинена ничьей власти. Для осуществленія этого принципа устанавливается такой порядокъ.

Разъ академія будетъ сформирована, въ дальнѣйшемъ ея штатъ пополняется путемъ кооптациі. Для этого заранѣе составляется списокъ кандидатовъ, куда каждый имѣетъ право вписать свое или чужое имя; этотъ списокъ обнародуется и такимъ образомъ представляется на провѣрку общественнаго мнѣнія. Когда освобождается мѣсто въ академіи, данный классъ ея относительнымъ большинствомъ голосовъ выбираетъ изъ числа соискателей пятерыхъ, послѣ чего та секція, въ которой вакантно мѣсто, абсолютнымъ большинствомъ голосовъ выбираетъ между этими пятью кандидатами новаго члена.

При академіи ведется списокъ лицъ, ищущихъ званія лицейскаго профессора, и всякій имѣетъ право требовать внесенія своего имени въ этотъ списокъ. Когда освобождается мѣсто профессора, данный классъ академіи выби-

раетъ изъ списка кандидатовъ 5 лицъ, и изъ числа послѣднихъ новаго профессора избирають та или тѣ секціи, которыя соотвѣтствуютъ данной каедрѣ. Такимъ же порядкомъ лицеи избирають профессоровъ институтовъ, при чемъ мѣстному муниципалитету принадлежитъ право устранять извѣстную часть кандидатовъ. Для назначенія преподавателей начальныхъ школъ при институтахъ ведутся списки кандидатовъ; преподаватели высшихъ начальныхъ школъ избираются генеральнымъ совѣтомъ коммуны изъ числа 3 кандидатовъ, указанныхъ совѣтомъ мѣстнаго института; преподаватели низшихъ начальныхъ школъ избираются такимъ же порядкомъ, но не муниципальной властью, а собраніемъ отцовъ семейства, проживающихъ въ предѣлахъ даннаго учебнаго округа.

Эти установленія Кондорсэ мотивируетъ слѣдующимъ образомъ. Профессоры лицеевъ и институтовъ должны обладать знаніями, которыхъ не могутъ оцѣнивать административные органы; о годности кандидатовъ на эти должности могутъ судить лишь люди, обладающіе болѣе, чѣмъ они, солидными знаніями; поэтому списки такихъ кандидатовъ должны быть составлены членами школы, занимающей слѣдующую восходящую ступень въ строѣ народнаго образованія. Но если при выборѣ профессора слѣдуетъ предпочитать наиболѣе ученаго и наиболѣе искуснаго кандидата, то при выборѣ наставниковъ для начальныхъ школъ, гдѣ ученики моложе, гдѣ нравственныя качества учителя вліяютъ на нихъ сильнѣе и гдѣ преподаются лишь крайне элементарныя знанія, слѣдуетъ принять за руководство мнѣніе либо тѣхъ, на кого самой природой возложена забота о благополучіи подрастающаго поколѣнія, либо по крайней мѣрѣ ихъ непосредственныхъ представителей. По этой же причинѣ муниципалитетамъ предоставлено право устранять часть кандидатовъ въ профессоры институтовъ: личныя и мѣстныя условія здѣсь уже играютъ нѣкоторую роль, и право отвода служить ручательствомъ за то, что эти условія не будутъ слишкомъ явно нарушены.

Для надзора за ходомъ преподаванія въ государственныхъ школахъ вся страна должна быть раздѣлена на лицейскіе и институтскіе учебные округа. Самый надзоръ организуется по такой же системѣ, какъ и порядокъ выборовъ. Каждый классъ академіи чрезъ два года выбираетъ изъ своей среды трехъ лицъ, которыя образуютъ дирекцію народнаго просвѣщенія; этой дирекціи принадлежитъ верховный надзоръ надъ постановкой преподаванія въ лицеяхъ. Въ каждомъ лицей имѣется инспекторъ, избираемый ежегодно профессорами лица и вѣдающій административную часть. Въ свою очередь каждый лицей ежегодно избираетъ дирекцію изъ 6 членовъ, которой подчинены всѣ институты даннаго лицейскаго округа; въ каждомъ институтѣ есть свой инспекторъ. Наконецъ, каждый институтъ избираетъ изъ своей среды дирекцію, завѣдующую начальными школами институтскаго учебнаго округа. Преподаватели, хранители и профессора занимаютъ свои должности пожизненно, но могутъ быть смѣщаемы въ строго-опредѣленныхъ случаяхъ генеральными совѣтами тѣхъ учебныхъ или научныхъ учреждений, которыя принимали участіе въ ихъ назначеніи.

IV.

Весь планъ организациі народнаго просвѣщенія, предлагаемый Кондорсэ, можетъ быть сведенъ, какъ легко замѣтитъ читатель, къ двумъ положеніямъ: 1) государство обязано предоставить каждому гражданину возможность пріобрѣсти столько нужныхъ для жизни знаній, сколько онъ по своимъ условіямъ можетъ усвоить, и 2) государство не въ правѣ дѣлать народное образованіе орудіемъ своихъ временныхъ или эгоистическихъ цѣлей, т.-е. не въ правѣ обращать его въ свою монополію, не въ правѣ ни прямо, ни чрезъ посредство давленія на учащихъ изгонять изъ школы какія-либо изъ добытыхъ человѣкомъ знаній или вводить въ нее какія-либо одностороннія мнѣнія подъ видомъ истины. Такимъ образомъ, первое изъ этихъ положеній опредѣляетъ

долгъ государства въ дѣлѣ просвѣщенія, второе—границы его правъ. Кондорсэ исходитъ изъ той мысли, что всякая власть, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась, по самой своей природѣ враждебна знанію, такъ какъ власть есть опека, а ростъ опекаемаго неминуемо ведетъ къ ослабленію и, въ концѣ-концовъ, упраздненію опеки: чѣмъ болѣе люди просвѣщены, тѣмъ менѣе они нуждаются въ томъ, чтобы ими управляли. Притомъ, политическая власть, какъ сила чисто матеріальная, никоимъ образомъ не можетъ быть признана компетентной въ вопросѣ о томъ, что есть „истина“, т.-е. научно-обоснованное знаніе, и что—заблужденіе; поэтому ей не должно принадлежать право опредѣлять границу между тѣмъ и другимъ.

Если разложить каждый изъ сейчасъ формулированныхъ двухъ тезисовъ на его составныя части, то легко убѣдиться, какъ новъ идеаль Кондорсэ еще и для нашего времени. Школа, говоритъ онъ, должна быть на всѣхъ своихъ ступеняхъ равно доступна всѣмъ гражданамъ безъ всякихъ изъятій и безъ всякаго пристрастія къ той или другой части территоріи, тому или другому классу, тому или другому полу: въ большей половинѣ Европы такой общедоступности достигли едва низшія ступени народнаго образованія, да и то далеко не вездѣ; среднія же и высшія до сихъ поръ основаны на всевозможныхъ изъятіяхъ и, прежде всего, на рѣзкомъ предпочтеніи однихъ классовъ другимъ и мужского пола женскому. Школа должна быть на всѣхъ своихъ ступеняхъ бесплатна: она едва начинаетъ становиться бесплатной, опять-таки, на низшихъ своихъ ступеняхъ, среднія же и высшія составляютъ привилегію имущихъ классовъ. Школа должна давать знанія, нужныя для жизни: она вся направлена на формальную выучку. Государство обязано доставлять образовательныя средства взрослымъ въ такой же мѣрѣ, какъ дѣтямъ: эту свою обязанность государство начало сознавать, можно сказать, лишь вчера, и оно сдѣлало на этомъ пути еще только первые шаги. Такъ обстоитъ дѣло съ первой формулой; о второй, опредѣляющей гра-

ницу правъ государства, нечего и говорить. Школа до сихъ поръ остается монополіей политической власти, государство до сихъ поръ октруируетъ просвѣщеніе народамъ, изгоняя изъ школы неудобныя ему знанія и дѣлая ее разсадникомъ желательныхъ ему догматовъ. Такимъ образомъ, оно, съ точки зрѣнія Кондорсэ, не исполняетъ своего долга и въ то же время превышаетъ свои права.

Жизнь человѣка есть развитіе, а это развитіе въ послѣднемъ итогѣ есть ростъ знанія. Среди многообразія вещей и явленій человѣкъ искони искалъ внутри себя непоколебимой основы. Дикій человѣкъ живетъ въ мірѣ, гдѣ все—случайность, гдѣ ничто—ни въ немъ, ни внѣ его—не можетъ быть предусмотрѣнно. Мало-по-малу онъ начинаетъ замѣчать какъ внѣ, такъ и внутри себя нѣкоторыя постоянныя отношенія; каждое изъ такихъ постоянныхъ отношеній мы называемъ закономъ, ознакомленіе съ нимъ мы называемъ знаніемъ. Исторія и ежедневное наблюденіе показываютъ, что это стремленіе выйти изъ міра случайности въ міръ законмѣрности инстинктивно или сознательно живетъ въ каждомъ человѣкѣ: оно коренится въ глубочайшихъ основахъ человѣческаго духа. Такимъ образомъ, никакая сила не можетъ остановить ростъ знанія, какъ невозможно остановить навсегда развитіе, какъ невозможно задушить жизнь. Напротивъ, полная свобода въ области знанія есть вѣрнѣйшій залогъ нормальности жизни, строгой послѣдовательности развитія, и всякое ограниченіе этой свободы съ роковой неизбѣжностью ведетъ къ нарушенію этой послѣдовательности.

Нѣтъ силы, которая могла бы погасить свѣтъ знанія,—но его можно загородить отъ людей. Его можно загородить, правда, только на время; темная сила можетъ только отсрочить его распространеніе, и для исторіи человѣчества одно-два лишнихъ столѣтія пожалуй даже не слишкомъ важны. Но что мало важно для человѣчества, то можетъ быть очень важно для отдѣльнаго общества и, въ особенности, для отдѣльнаго человѣка. Страшно подумать, что десятки поколѣній прожили трудную жизнь, не узрѣвъ этого свѣта:

кто можетъ вызвать ихъ изъ могилы, кто можетъ дать имъ власть снова пережить жизнь уже при свѣтѣ знанія? И еще несравненно страшнѣе видѣть, что десятки миллионовъ живыхъ людей въ эту минуту проходятъ свой жизненный путь въ кромѣшной тьмѣ; они еще живы, ихъ—алчущихъ и болящихъ—еще можно напитать и исцѣлить знаніемъ, и чего не дать имъ нынѣшній день, того не возмѣстятъ имъ уже никакіе вѣка.

М. Гершензонъ.

Иванъ Карамазовъ

(въ романѣ Достоевскаго «Братья Карамазовы»)
какъ философскій типъ.

Публичная лекція ¹⁾.

Милостивыя государыни и государи!

Иванъ Карамазовъ, сидя въ скверномъ трактирѣ, говоритъ своему брату Алешѣ: „русскіе мальчики какъ до сихъ поръ орудуютъ. Иные то-есть? Вотъ, напримѣръ, здѣшній вонючій трактиръ, вотъ они и сходятся, засѣли въ уголь. Всю жизнь прежде не знали другъ друга, а выйдутъ изъ трактира, сорокъ лѣтъ опять не будутъ знать другъ друга, ну и что же, о чемъ они будутъ разсуждать, пока поймали минутку въ трактирѣ-то? О міровыхъ вопросахъ, не иначе: есть ли Богъ, есть ли безсмертіе? А которые въ Бога не вѣруютъ, ну, тѣ о социализмѣ и объ анархизмѣ заговорятъ, о передѣлкѣ всего человѣчества по новому штату, такъ вѣдь это одинъ же чортъ выйдетъ, все тѣ же вопросы, только съ другого конца. И множество, множество самыхъ оригинальныхъ русскихъ мальчиковъ только и дѣлаютъ, что о вѣковѣчныхъ вопросахъ говорятъ у насъ въ наше время. Развѣ не такъ?—Да,—настоящимъ русскимъ вопросы о томъ: есть ли Богъ и есть ли безсмертіе, или, какъ вотъ ты говоришь, вопросы съ другого конца, конечно, первые вопросы и прежде всего, да такъ и надо“,—отвѣтилъ ему на это Алеша.

¹⁾ Читана въ Кіевѣ 21 ноября 1901 года.

Я тоже вижу въ неослабѣвающемъ интересѣ къ этимъ вопросамъ самую характерную черту нашей молодежи и нашей интеллигенціи, черту, глубоко враждебную всему, что носить на себѣ печать культурной буржуазности, и также вижу въ этой чертѣ печать глубокаго идеализма, возвышенности настроенія, которое изъ внутренняго міра переходитъ во внѣшній, изъ настроенія становится дѣйстви-емъ. Какъ отмѣчено въ словахъ Ивана, наше общество съ разныхъ концовъ подходитъ къ этимъ вопросамъ, то со стороны, скажемъ, социологіи, то метафизики. Конечно, обѣ стороны не исключаютъ одна другую, вѣрнѣе, онѣ всегда такъ или иначе совмѣщаются, но обыкновенно съ бѣльшимъ акцентомъ выдвигается какая-либо одна сторона. Еще недавно мы пережили періодъ увлеченія социологической стороной міровоззрѣнія; если я не обманываюсь, теперь начинается поворотъ въ сторону метафизики. Во всякомъ случаѣ можно считать безспорнымъ, что наша интеллигенція является едва ли не наиболѣе философски настроенной, но при этомъ совершенно недостаточно философски образованной. Уровень философскаго образованія стоитъ у насъ чрезвычайно низко не только у читающей публики, но и у пишущей. До сихъ поръ мы, русскіе, ничѣмъ почти не обогатили міровой философской литературы, и единственнымъ нашимъ оригинальнымъ философомъ остается пока Влад. Соловьевъ, философскія заслуги котораго иными оспариваются. Однако, если мы не имѣемъ оригинальной научной литературы по философій, то мы имѣемъ наиболѣе философскую изящную литературу; та сила мысли нашего народа, которая не выразилась въ научныхъ трактатахъ,шла для себя исходъ въ художественныхъ образахъ, и въ этомъ отношеніи въ теченіе XIX вѣка, по крайней мѣрѣ второй половины его, мы въ лицѣ Достоевскаго и Толстого, даже Тургенева, въ меньшей степени и Чехова — идемъ впереди европейской литературы, являясь для нея образцомъ. Великія сокровища духа скоплены въ нашей литературѣ, и нужно умѣть цѣнить ихъ.

Къ сожалѣнію, я не могу сказать, чтобы мы вѣрно исполняли эту естественную и, въ лучшемъ смыслѣ слова, патріотическую обязанность. Можетъ быть, это дѣлается относительно Тургенева, Толстого и нашихъ современныхъ писателей, но этого не сдѣлано еще относительно великаго страдальца нашей литературы Достоевскаго. Онъ остается какъ бы забытъ въ нашей передовой литературѣ, около его священнаго имени скопляются обидныя недоразумѣнія, благодаря которымъ его считаютъ чуть не своимъ рептиліи литературы, а лучшая часть общества не чувствуетъ своей кровной съ нимъ связи. Конечно, въ нѣкоторой степени тому причиной являются, быть можетъ, своеобразныя политическія убѣжденія Достоевскаго, но кто же посмѣетъ смѣшать его съ тѣми, которые являются официальными представителями и хранителями этихъ воззрѣній? Въ лицѣ Достоевскаго мы имѣемъ не только безспорно гениальнаго художника, великаго гуманиста и народолюбца, но и выдающійся философскій талантъ. Изъ всѣхъ нашихъ писателей почетное званіе художника-философа принадлежитъ по праву Достоевскому; даже Толстой, поставленный рядомъ съ нимъ, въ этомъ отношеніи теряетъ въ своихъ колоссальныхъ размѣрахъ. И эта сторона — къ стыду нашей литературы — осталась всего менѣе разъясненной и оцѣненной нашей критикой. Въ виду этого, не взирая на всю огромную трудность оцѣнки Достоевскаго какъ философа, я чувствую непреодолимую потребность остановиться на этой именно его сторонѣ. И въ такомъ случаѣ всего естественнѣе остановиться на томъ произведеніи, которое и въ философскомъ, и въ художественномъ отношеніи является наиболѣе гениальнымъ у Достоевскаго, на *Братьяхъ Карамазовыхъ*, а въ этомъ романѣ выбрать самую яркую въ философскомъ отношеніи точку — образъ Ивана Карамазова. Изъ всей галереи типовъ этого романа этотъ образъ намъ, русской интеллигенціи, самый близкій, самый родной; мы сами болимъ его страданіями, намъ понятны его запросы. Вмѣстѣ съ тѣмъ образъ этотъ возносить насъ на

такую головокружительную высоту, на которую философская мысль поднималась въ лицѣ только самыхъ отважныхъ своихъ служителей. Но обратимся къ самому роману.

Иванъ Карамазовъ представляетъ одну изъ центральныхъ фигуръ въ этой грандіозной эпопеѣ русской жизни, въ которой послѣдняя отразилась отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ своихъ проявленій. Онъ есть одинъ изъ трехъ братьевъ Карамазовыхъ, которые, быть можетъ, въ глазахъ Достоевскаго символически изображали все русское общество, всю русскую жизнь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Иванъ есть эпизодическая фигура въ романѣ, ему не принадлежитъ въ немъ никакого дѣйствія. Отношеніе Ивана къ трагедіи, разыгравшейся въ стѣнахъ Карамазовскаго дома, можетъ быть характеризовано самое большее какъ попустительство. Хотя самъ Иванъ въ послѣдствіи мучится мыслью, что онъ есть нравственный виновникъ убійства, но это бредъ его больной души, скорѣе характерный для состоянія этой послѣдней, нежели для опредѣленія дѣйствительнаго участія Ивана въ убійствѣ.— Не ты убилъ,— говоритъ ему Алеша, устами котораго чаще всего говоритъ и самъ авторъ. И правда, нетрудно видѣть, что кровавое событіе въ романѣ надвигается съ фатальной силой, что трагедія неотвратима и все равно разыгралась бы и безъ всякаго участія Ивана. Смотри на дѣло объективно, можно считать и Алешу такимъ же попустителемъ какъ и Ивана.

Быть можетъ, съ точки зрѣнія архитектуры романа, покажется неудачнымъ, что одна изъ центральныхъ фигуръ вмѣстѣ съ тѣмъ является какъ бы эпизодической и лишней для развитія дѣйствія. Безспорно, что всѣ почти романы Достоевскаго страдаютъ большими недостатками, даже неряшествомъ архитектуры и выполненія, и фанатикамъ формы есть отчего придти въ справедливое негодованіе. Но какъ-то странно и неумѣстно говорить о недостаткахъ формы, когда рѣчь идетъ о такихъ колоссальныхъ произведеніяхъ, какъ „Братья Карамазовы“. Они сами себѣ законъ, и разумной критикѣ слѣдуетъ ограничиться относительно ихъ

только констатированіемъ фактовъ, возможно полнымъ раскрытіемъ художественнаго замысла.

Послѣ сказаннаго относительно мѣста Ивана въ романѣ легко понять, что душевный міръ Ивана характеризуется въ романѣ всего менѣе его поступками. Главный и основной источникъ для пониманія его души суть его собственныя слова о себѣ. Сравнительно второстепенное значеніе имѣютъ отзывы о немъ дѣйствующихъ лицъ, но они получаютъ значеніе только въ связи со словами Ивана. Характеристика Ивана сдѣлана въ драматической формѣ, большею частью формѣ монолога, рѣже діалога. Это какъ бы драматическій эпизодъ въ романѣ; хотя самъ Достоевскій избѣгалъ формы драмы, но многія страницы его романовъ возвышаются до истинно шекспировскаго драматическаго паеоса. По драматической формѣ многое изъ діалоговъ и монологовъ Ивана можетъ быть скорѣе всего сопоставлено съ первыми, философскими сценами Фауста. Заслуживаетъ особаго упоминанія какъ виртуозный техническій приѣмъ, доступный въ нашей да и во всей міровой литературѣ одному Достоевскому, это характеристика души Ивана его бредомъ. Мы разумѣемъ удивительную главу—„Чортъ. Кошмаръ Ивана Ѳедоровича“. Благодаря бреду, сопровождающемуся галлюцинаціей и болѣзненнымъ раздвоеніемъ сознанія, мы имѣемъ здѣсь какъ бы монологъ въ діалогической формѣ. Чортъ Ивана Ѳедоровича не метафизическій Мефистофель, изображающій собою абстрактное начало зла и ироніи, это произведеніе собственной больной души Ивана, частица его собственного я. Все, что мучаетъ Ивана, что онъ презираетъ въ себѣ и ненавидитъ, притомъ не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ, все это получаетъ какъ бы персонификацію въ чортѣ. Предоставляемъ психіатрамъ анализировать съ мало интересной здѣсь психіатрической точки зрѣнія этотъ эпизодъ, для насъ онъ является драгоценнымъ какъ характеристика состоянія души Ивана. Это высшій пунктъ нервнаго и умственнаго раздраженія, въ которомъ находится Иванъ,—моментъ, когда силы его рвутся

и имъ овладѣваетъ, наконецъ, болѣзнь. Появленіе его въ судѣ на послѣднихъ страницахъ романа мало прибавляетъ къ его душевной драмѣ.

Мало прибавляетъ для характеристики Ивана и любовная интрига, его романъ съ Екатериной Ивановной, который Достоевскій присоединилъ скорѣе всего ради внѣшней связи, да, можетъ быть, слабости черезчуръ усложнять фабулу романа. Романъ съ Екатериной Ивановной есть совершенно внѣшній эпизодъ въ жизни Ивана; онъ не играетъ ровно никакой роли въ его душевномъ мірѣ и потому является излишнимъ, не отвѣчающимъ художественнымъ цѣлямъ автора, въ сущности также излишнимъ, прибавимъ мы, какъ излишнимъ эпизодомъ для трагедіи *Фаустъ* является интрижка Фауста съ Маргаритой, которая могла бы быть отлично уступлена любому изъ второстепенныхъ персонажей и которая нисколько не характеризуетъ Фауста. Иванъ ведетъ, по выраженію нашего Герцена, логическій, скажу даже, метафизическій романъ, который заслоняетъ для него все остальное. Въ душевной жизни Ивана всѣ дѣйствующія лица романа, отецъ, Алеша, Митя и въ особенности Смердяковъ имѣютъ свое значеніе, и его не имѣетъ только Екатерина Ивановна да Грушенька. Мы не будемъ поэтому болѣе останавливаться на этомъ эпизодѣ.

Добавлю къ этому, что Достоевскій даетъ только, такъ сказать, моментальную фотографію души Ивана. Онъ очень кратко и отрывисто говоритъ объ его прошломъ, объ его дѣтствѣ и юности—въ романѣ Ивану 23 года—и ничего не говоритъ объ его будущемъ. Разсказъ круто обрывается. Внѣшней причиной тому была смерть автора, унесшаго съ собой въ могилу столько невысказанныхъ словъ. Но едва ли и въ дальнѣйшемъ Иванъ занялъ бы видное мѣсто въ романѣ,—въ предисловіи Достоевскій говоритъ, по крайней мѣрѣ, только объ Алешѣ, какъ героѣ будущаго романа, который долженъ былъ, по плану автора, составить продолженіе „Братьевъ Карамазовыхъ“. Характерно, что въ романѣ нигдѣ нѣтъ описанія внѣшности Ивана, хотя опи-

сывается внѣшность всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ не случайность, не неряшливость, а внутренній художественный инстинктъ. Иванъ—духъ, онъ весь отвлеченная проблема, онъ не имѣетъ внѣшности. Кому въ самомъ дѣлѣ придетъ въ голову требовать описанія внѣшности Фауста, относительно которой также не имѣется никакой ремарки въ трагедіи.

Такимъ образомъ весь талантъ автора направленъ къ тому, чтобы раскрыть и освѣтить состояніе души Ивана въ данный моментъ; оно находится какъ бы въ фокусѣ электрическаго солнца таланта Достоевскаго.

Иванъ принадлежитъ къ тѣмъ высшимъ натурамъ, для которыхъ послѣднія проблемы бытія, такъ называемые метафизическіе вопросы, о Богѣ, о душѣ, о добрѣ и злѣ, о міровомъ порядкѣ, о смыслѣ жизни, представляются не праздными вопросами сѣрой теоріи, но имѣютъ самую живую, непосредственную реальность. Такія природы не могутъ жить, не поставивши и не разрѣшивши этихъ вопросовъ. Съ психологической точки зрѣнія не имѣетъ значенія, каковы тѣ выводы или отвѣты, которые получены тѣмъ или другимъ лицомъ на эти вопросы. Важно то, что они не могутъ не быть поставлены и отвѣчены. Характерной особенностью состоянія, въ которомъ находится Иванъ въ романѣ, является невѣріе, утрата вѣры въ старое, которое не замѣнилось еще новымъ. Такое переходное состояніе въ высшей степени болѣзненно; болѣзнь роста грозитъ иногда смертельнымъ исходомъ. Я напому вамъ то мѣсто *Исповѣди*, этого драгоцѣннѣйшаго психологическаго памятника, гдѣ Толстой рассказываетъ, какъ онъ, находясь на высотѣ личнаго счастья, пряталъ отъ себя орудіе самоубійства, такъ сильно его къ нему тянуло. Подобное же состояніе описано въ автобіографіи Милля, гдѣ рассказана болѣзнь невѣрія, нравственный кризисъ, постигшій его при переходѣ отъ юности къ болѣе зрѣлому возрасту.

Представьте себѣ въ моментъ такого перехода, такой болѣзненной ломки человѣка огромнаго ума, логической

неустранимости, страстной искренности, человѣка, абсолютно неспособнаго къ сдѣлкамъ съ собой, и вы получите Ивана Федоровича Карамазова. Этотъ умный и талантливый человѣкъ, въ цвѣтѣ силъ и жизни, совершенно серьезно говорить о самоубійствѣ, правда, не сейчасъ, но къ 30 годамъ, когда остынетъ жажда жизни „неприличнѣйшая“. А Иванъ любитъ жизнь и умѣетъ ее цѣнить. „Пусть я не вѣрю въ порядокъ вещей, но дороги мнѣ клейкіе, распускающіеся весной листочки, дорого голубое небо, дорогъ иной человѣкъ, котораго иной разъ, повѣришь ли, не знаешь, за что и любишь, дорогъ иной подвигъ человѣческій, въ который давно уже, можетъ быть, пересталъ и вѣрить, а все-таки по старой памяти чтить его сердцемъ“. Душа этого человѣка открыта для всего великаго и прекраснаго. Онъ говоритъ, что поѣдетъ въ Европу, которую считаетъ дорогимъ кладбищемъ, „самымъ, самымъ дорогимъ кладбищемъ“: „дорогіе тамъ лежатъ покойники, каждый камень надъ ними гласитъ о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вѣрѣ въ свой подвигъ, въ свою истину, въ свою борьбу и въ свою науку, что я, знаю ранѣе, паду на землю и буду цѣловать эти камни и плакать надъ ними“. Такимъ образомъ, вся европейская культура, которую онъ такъ умѣетъ цѣнить и чтить, въ настоящемъ представляется ему дорогимъ покойникомъ. Вся жизнь является для него обезвкупленной. Состояніе нравственнаго омертвѣнія, въ которомъ находится Иванъ, дѣлаетъ его холоднымъ и безучастнымъ эгоистомъ, которому окружающая его жизнь внушаетъ только брезгливое раздраженіе. У насъ подираетъ морозъ по кожѣ, когда онъ говоритъ по поводу возможности убійства Дмитріемъ отца, что „одинъ гадъ сожретъ другого“, насъ шокируетъ, даже возмущаетъ его барски надменное, грубое отношеніе къ Смердякову, которому случайно пришлось сдѣлаться настоящимъ героемъ его метафизическаго романа; многое въ образѣ дѣйствій и въ особенности въ чувствахъ Ивана кажется намъ жесткимъ и отталкивающимъ. Но при этомъ не вѣрится, что во

всемъ этомъ сказывается подлинная сущность природы этого человѣка, умѣющаго такъ умиляться клейкими весенними листочками и цѣловать, орошая слезами, камни европейской культуры. Не вѣрится самому Ивану, когда онъ говоритъ про себя Алешѣ: „я никогда не могъ понять, какъ можно любить своихъ ближнихъ“. Тотъ Иванъ, котораго мы видимъ въ романѣ, не таковъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, какъ Раскольниковъ, готовящійся къ убійству старухи, очень мало похожъ на подлиннаго Раскольникова. Постоянное страданіе, жгучая боль неразрѣшенныхъ сомнѣній заставляютъ Ивана внимательно относиться только къ своему внутреннему міру; на участіе во внѣшней жизни у него не хватаетъ силъ. Иванъ боленъ не въ концѣ только романа, когда у него дѣлается уже настоящая нервная горячка, но онъ боленъ съ самаго начала, боленъ съ того времени, когда стали со всей ясностью передъ нимъ мучащія его вопросы, которые ему нужно разрѣшить или нравственно умереть. Софистъ и діалектикъ въ Иванѣ иногда заслоняетъ мученика идеи, но послѣдній виденъ проницательному взору старца Зосимы, который съ пророческой прозорливостью послѣ памятнаго разговора о церковномъ судѣ говоритъ Ивану: „идея эта (о безсмертіи души) еще не рѣшена въ вашемъ сердцѣ и мучаетъ его. Но и мученикъ любитъ иногда забавляться своимъ отчаяніемъ, какъ бы тоже отъ отчаянія. Пока съ отчаянія и вы забавляетесь и журнальными статьями, и свѣтскими спорами, сами не вѣруя своей діалектикѣ и съ болью сердца усмѣхаясь ей про себя... Въ васъ этотъ вопросъ не рѣшенъ, и въ этомъ ваше великое горе, ибо настоятельно требуетъ разрѣшенія“... Въ этихъ вѣщихъ словахъ данъ вѣрный ключъ къ душѣ Ивана. Какой же вопросъ или, лучше сказать, какіе вопросы не рѣшены у Ивана и ихъ неразрѣшенность составляетъ его великое горе?

Петръ Александровичъ Міусовъ въ той же сценѣ въ монастырѣ рассказываетъ про Ивана слѣдующую вещь: „Не далѣе какъ пять дней тому назадъ въ одномъ здѣшнемъ,

по преимуществу дамскомъ обществѣ, онъ торжественно заявилъ въ спорѣ, что на всей землѣ нѣтъ рѣшительно ничего такого, чтобы заставляло людей любить себѣ подобныхъ, что такого закона природы, чтобы человѣкъ любилъ человѣчество, не существуетъ вовсе, и, что если есть и была до сихъ поръ любовь на землѣ, то не отъ закона естественнаго, а единственно потому, что люди вѣровали въ свое безсмертіе. Иванъ Федоровичъ прибавилъ при этомъ въ скобкахъ, что въ этомъ-то и состоитъ весь законъ естественный, такъ что уничтожьте въ человѣчествѣ вѣру въ свое безсмертіе, въ немъ тотчасъ же изсякнетъ не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать міровую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будетъ безнравственнаго, все будетъ позволено, даже антропофагія. Но и этого мало, онъ закончилъ утвержденіемъ, что для каждаго частнаго лица, не вѣрующаго ни въ Бога, ни въ безсмертіе свое, нравственный законъ природы долженъ немедленно измѣниться въ полную противоположность прежнему религіозному и что эгоизмъ даже до злодѣйства не только долженъ быть дозволенъ человѣку, но даже признанъ необходимымъ, самымъ разумнымъ и чуть ли не благороднѣйшимъ исходомъ въ его положеніи“. Иванъ вполне подтверждаетъ вѣрность передачи его мысли: „нѣтъ добродѣтели, если нѣтъ и безсмертія“. А Иванъ въ романѣ не вѣритъ или еще не вѣритъ въ безсмертіе души. Ту же мысль повторяетъ ему его страшный двойникъ-чортъ. Онъ говоритъ о будущемъ царствѣ свободы и науки, когда человѣкъ, окончательно упразднивъ вѣру въ Бога, станетъ человѣкобогомъ. Но „вопросъ теперь въ томъ, думалъ мой юный мыслитель (высмѣиваетъ Ивана чортъ): возможно ли, чтобы такой періодъ наступилъ когда-нибудь или нѣтъ? Если наступить, то все рѣшено, и человѣчество устроится окончательно. Но такъ какъ, въ виду закоренѣлой глупости человѣческой, это, пожалуй, еще и въ тысячу лѣтъ не устроится, то всякому, сознающему уже и теперь истину, позволительно устроиться совершенно какъ ему угодно,

на новыхъ началахъ. Въ этомъ смыслѣ ему „все позволено“. Мало того: если даже періодъ этотъ никогда не наступитъ, то такъ какъ Бога и безсмертія все-таки нѣтъ, то новому человѣку позволительно стать человѣкобогомъ, даже хотя бы одному въ цѣломъ мірѣ, и, ужь конечно, въ новомъ чинѣ, съ легкимъ сердцемъ перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежняго раба человѣка, если оно понадобится. Для Бога не существуетъ закона! Гдѣ станетъ Богъ, тамъ ужь мѣсто Божіе! Гдѣ стану я, тамъ сейчасъ же будетъ первое мѣсто... „все позволено“ и шабашъ! Что „все позволено“, является вообще излюбленной идеей или, лучше, излюбленнымъ предметомъ разговора Ивана Карамазова: онъ развиваетъ эту идею и Алешѣ, и Митѣ въ тюрьмѣ, и Смердякову, и вы знаете, какое роковое направленіе придается мыслямъ Смердякова этимъ воззрѣніемъ. Но оставляя въ сторонѣ эпизодъ съ Смердяковымъ и останавливая вниманіе исключительно на философской сторонѣ дѣла, мы видимъ, что здѣсь съ безоговорочной рѣшительностью ставится одна изъ самыхъ главныхъ, изъ самыхъ центральныхъ проблемъ философіи всѣхъ временъ и народовъ, проблема, поставленная уже Сократомъ и даже его предшественниками-антагонистами софистами, именно этическая проблема, вопросъ о критеріяхъ добра и зла, объ этической санкціи. Думается, что въ наши дни изъ всѣхъ философскихъ проблемъ этическая проблема выдвигается на первое мѣсто и оказываетъ опредѣляющее вліяніе на все развитіе философской мысли. Но, конечно, эта проблема никогда вполнѣ не устранялась и неустранима изъ философіи и, я думаю, составляетъ самый главный, дѣйствительно *первый* по важности вопросъ философіи.

Иванъ съ честной неустранимостью и съ жестокой послѣдовательностью дѣлаетъ этическіе выводы изъ философіи атеизма или, если позволено употребить философскій терминъ нашихъ дней, позитивизма, онъ приходитъ къ безотрадному для себя выводу, что критерій добра и зла, а, слѣдовательно, и нравственности, не можетъ быть полу-

ченъ безъ метафизической или религіозной санкціи. Религіозной вѣры у него нѣтъ, но съ ея потерей онъ съ ужасомъ теряетъ и нравственность. Я намѣренно отстраняю здѣсь отъ себя теоретическую опѣнку воззрѣній Ивана, слѣдовательно, вопросъ о томъ, правъ или неправъ онъ, связывая критерій добра и зла съ религіей, на этотъ вопросъ люди разныхъ міровоззрѣній отвѣтятъ различно. Я подчеркиваю только общечеловѣческое содержаніе этого вопроса, который ставитъ себѣ всякій человѣкъ, начинающій жить сознательной жизнью и переходящій отъ дѣтской традиціонной вѣры къ сознательной вѣрѣ или невѣрью.

Трагедія Ивана состоитъ не въ томъ, что онъ приходитъ къ выводамъ, отрицающимъ нравственность; мало ли людей, для которыхъ теоретическое „все позволено“ является только удобной вывѣской для практической безнравственности; она состоитъ въ томъ, что съ такимъ выводомъ не можетъ помириться его сердце „высшее, способное такой мукой мучиться“, какъ охарактеризовалъ его старецъ. Достаточно вспомнить муки Ивана, считавшаго себя виновнымъ въ убійствѣ отца. Теоретическій разумъ приходитъ здѣсь въ разладъ съ практическимъ, то, что отрицаетъ логика, поднимаетъ свой голосъ въ сердцѣ, существуетъ, несмотря ни на какія отрицанія, какъ фактъ непосредственнаго нравственнаго сознанія, какъ голосъ совѣсти. Натура въ высокой степени этическая, принужденная отрицать этику, таковъ этотъ чудовищный конфликтъ. Вѣдь это подобно тому, какъ если бы кто-либо вынужденъ былъ отрицать дневной свѣтъ, который онъ видитъ своими глазами, съ той разницей, что этотъ разладъ, касающійся единичнаго факта познанія, не можетъ сравниться по значенію съ вопросомъ, затрагивающимъ всю нравственную жизнь человѣка.

Атеистическій аморализмъ, какъ можно опредѣлить этическія воззрѣнія Ивана, невольно напоминаетъ сходныя исканія безпокойнаго духа, которому, по прихоти моды, суждено было сдѣлаться кумиромъ нынѣшняго дня, Фр. Ницше. Всякій, кто хотя поверхностно знакомъ съ моральной фи-

лософіей Ницше, безъ труда усмотрить тожество основныхъ мотивовъ и основныхъ идей у Ницше и Ивана, что вполне понятно изъ сходства основной ихъ проблемы о совмѣстимости абсолютной морали съ позитивизмомъ. (Мы оставляемъ при этомъ, конечно, въ сторонѣ детали философіи Ницше, считая все остальное второстепеннымъ по сравненію съ этической проблемой.) Мы видѣли, что не только общее воззрѣніе, ставящее „сверхчеловѣка“ Ницше или „человѣкобога“ Ивана „по сю сторону добра и зла“, и дѣлающее для нихъ „все дозволеннымъ“, характерно для обоихъ, но также и принципъ эгоизма, отрицаніе альтруизма, становящееся на мѣсто упраздненной морали, повторяется и здѣсь и тамъ. Эгоистическое величіе сверхчеловѣка, мораль господъ и мораль рабовъ, — таковы неизбѣжные „плоды сердечной пустоты“, остающейся послѣ разрушенія морали долга и любви. Душевная драма Фр. Ницше и Ивана Карамазова одна и та же, — теорія аморализма, не совмѣщающаяся съ моральными запросами личности. Величіе духа Ницше, на мой взглядъ, выражается именно въ страстности и искренности переживанія этой драмы, которая окончилась трагически — сумасшествіемъ Ницше. Другого пути изъ философіи Ницше нѣтъ и быть не можетъ; если бы онъ, написавъ то, что онъ написалъ, остался благополучнымъ обывателемъ, какимъ остался, напримѣръ, Вольтеръ, написавъ Кандида, эту вещь, полную отчаянія невѣрія, то Ницше былъ бы просто беллетристъ, который въ изысканной прозѣ и стихахъ упражнялся на разныя философскія темы. Своимъ безуміемъ болѣе чѣмъ своими писаніями онъ показалъ дѣйствительную важность и дѣйствительное значеніе трактующихъ въ нихъ проблемъ. Жизнь Ницше является необходимымъ комментариемъ, при которомъ трагическимъ заревомъ озаряются его безумныя писанія, становятся понятны дѣйствительныя страданія Заратустры. Съ пророческой прозорливостью проблему Ницше, проблему атеистическаго аморализма, формулировалъ Достоевскій, но въ противоположность Ницше, который весь ушелъ на изживаніе

этого противорѣчія, Достоевскій, понимая его, возвышается надъ нимъ; духъ нашего романиста, рядомъ съ душою Ницше—Ивана, оказывается способенъ вмѣстить душу Алеши, и пророческій духъ старца Зосимы. О самомъ Достоевскомъ можно сказать словами чорта про подвижниковъ, которыхъ послѣднему приходилось искушать и душа которыхъ „стоитъ цѣлаго созвѣздія“: „такія бездны вѣры и невѣрія могутъ созерцать въ одинъ и тотъ же моментъ, что, право, иной разъ кажется только бы еще одинъ волосокъ—и полетитъ чело-вѣкъ „вверхъ тормашки“... ¹⁾ Необходимость сузить свое изложеніе заставляетъ насъ отклонить здѣсь трудную задачу анализа и критической оцѣнки общаго міровоззрѣнія Достоевскаго, долгъ любви и вниманія, до сихъ поръ неуплаченный нашимъ обществомъ великому писателю.

Иванъ нерѣшительно и условно выражается относительно морали: онъ говоритъ: если нѣтъ Бога и безсмертія души, то все позволено. Но когда его спрашиваютъ: есть ли Богъ, то иногда онъ рѣшительно отвѣчаетъ: нѣтъ Бога, иногда онъ даетъ почти противоположный отвѣтъ. Въ томъ и состоитъ мучительность положенія Ивана, что онъ не можетъ придти ни къ какому окончательному выводу. Иванъ жадно ищетъ вѣры, онъ усталъ отъ сомнѣній. Вѣдь это про него говоритъ его насмѣшливый двойникъ-чортъ: моя мечта, „чтобы воплотиться въ душу семипудовой купчихи и Богу свѣчку ставить“. Но достаточно поближе заглянуть въ душу Ивана, чтобы понять, какъ далека онъ отъ спокойствія вѣры, какъ оно недоступно ему, какъ глубоки и широки его сомнѣнія. Невольное смущеніе охватываетъ меня, когда мое изложеніе приближается къ тѣмъ главамъ романа, гдѣ описывается разговоръ братьевъ Ивана и Алеши въ трактирѣ.

¹⁾ Ср. отрывокъ изъ записной книжки Достоевскаго: „Инквизиторъ и глава о дѣтяхъ. Въ виду этихъ главъ вы бы (повидимому Кавелинъ) могли отнести ко мнѣ хотя и научно, но не столь высокоомѣрно по части философіи, хотя философія и не моя специальность. И въ Европѣ такой силы атеистическихъ *выраженій* нѣтъ и не было. Стало быть не какъ мальчишкѣ же я вѣрую во Христа и его исповѣдую, а черезъ *большое горнило сомнѣній* моя *осанна* прошла“.

Достоевскій достигаетъ здѣсь поистинѣ титанической мощи и отваги, кровью написаны эти главы, единственные въ своемъ родѣ во всей міровой литературѣ. И какой своеобразный замыселъ кроется даже въ этой обстановкѣ, гдѣ сходятся братья въ первый разъ для разговора, для разговора о Богѣ и Его мірѣ. Иванъ, о которомъ говорится, что онъ не любилъ ни пьянства, ни разврата и „до трактировъ вообще не охотникъ“, и послушникъ Алексѣй, сидятъ въ грязномъ трактирѣ, на манеръ того, въ какомъ Раскольниковъ слушалъ рассказъ Мармеладова. Они сидятъ „за ширмами во входной комнатѣ, съ буфетомъ у боковой стѣны. По ней поминутно шмыгали половые. Изъ посѣтителей былъ одинъ лишь старичокъ отставной военный ипилъ въ уголку чай. Зато въ остальныхъ комнатахъ трактира происходила вся обыкновенная трактирная возня, слышались призывные крики, откупориванія пивныхъ бутылокъ, стукъ биллиардныхъ шаровъ, гудѣлъ органъ“. А за ширмами, въ уголкѣ, подвергаются суровой оцѣнкѣ творческіе замыслы Бога, открывается всемірно-историческая даль и глубь вѣковъ, разрезаются бездонныя глубины легенды о великомъ инквизиторѣ, возносится къ небу Фиміамъ человѣческой мысли... Есть что-то подлинно русское въ этой простотѣ и отсутствіи всякихъ внѣшнихъ обстановочныхъ эффектовъ, съ которыми выражены здѣсь великія идеи.

Въ такой-то обстановкѣ братья впервые знакомятся между собою. Иванъ даетъ отвѣтъ на молчаливый вопросъ Алеши „во что вѣруетъ и чѣмъ живетъ его любимый братъ“. Сначала Иванъ въ духѣ позитивизма говоритъ, что гдѣ моему „эвклидовскому земному“ уму „про Бога понять“ и рѣшить, есть ли Онъ. Но затѣмъ продолжаетъ: „принимаю Бога и не только съ охотой, но, мало того, принимаю премудрость Его, и цѣль Его, намъ совершенно ужъ неизвѣстная, вѣрую въ порядокъ, въ смыслъ жизни, вѣрую въ вѣчную гармонию, въ которой мы будто бы всѣ сольемся, вѣрую въ слово, къ которому стремится вселенная и которое „бѣ къ Богу“ и которое есть само Богъ, ну, и прочее, и

прочее, и т. д. въ безконечность. Слово-то много наэтотъ счетъ надѣлано. Кажется, ужъ я на хорошей дорогѣ—а? Ну, такъ представь же себѣ, что въ окончательномъ результатѣ я міра этого Божьяго не принимаю, и хоть знаю, что онъ существуетъ, да не допускаю его вовсе. Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я міра, Имъ созданнаго, міра-то Божьяго не принимаю и не могу согласиться принять. Оговорюсь: я убѣжденъ какъ младенецъ, что страданья заживутъ и сгладятся, что весь обидный комизмъ человѣческихъ противорѣчій исчезнетъ какъ жалкій миражъ, какъ гнусенькое измышленіе малосильнаго и маленькаго какъ атомъ человѣческаго эвклидовскаго ума, что, наконецъ, въ мировомъ финалѣ, въ моментъ вѣчной гармоніи, случится и явится нѣчто до того драгоцѣнное, что хватить его на всѣ сердца, на утоленіе всѣхъ негодованій, на искупленіе всѣхъ злодѣйствъ людей, всей пролитой ими ихъ крови, хватить, чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось съ людьми, пусть, пусть все это будетъ и явится, но я то этого не принимаю и не хочу принять!“

Иванъ не хочетъ признать своимъ „эвклидовскимъ“ умомъ цѣлесообразность и разумность человѣческихъ страданій. О всѣхъ „слезахъ человѣческихъ, которыми пропитана вся земля отъ коры до центра—я ужъ ни слова не говорю... Я клопъ и признаю со всѣмъ приниженіемъ, что ничего не могу понять, для чего все такъ устроено. Люди сами, значить, виноваты: имъ данъ былъ рай, они захотѣли свободы и похитили огонь съ небеси, сами зная, что стануть несчастны, значить, нечего ихъ жалѣть“. „Но дѣтки невинны, они не „съѣли яблока“, на ихъ страданіяхъ яснѣе поэтому ненужность, бессмысленность страданій вообще. И вотъ идутъ ужасныя страницы о дѣткахъ, зарѣзанныхъ, застрѣленныхъ въ моментъ, когда дитя играючи тянулось за пистолетомъ, томимыхъ въ скверномъ мѣстѣ, истязаемыхъ, затравленныхъ собаками на глазахъ у матери,—длинная, кровавая галлерей. „Совсѣмъ непонятно,—гремить Иванъ,—для

чего должны были страдать и они и зачѣмъ имъ покупать страданіями гармонію? Для чего они-то тоже попали въ матеріаль и унавозили собою для кого-то будущую гармонію? Иванъ отказывается отъ гармоніи за такую цѣну. „Не стоитъ она слезинки хотя бы одного только того замученнаго ребенка, который билъ себя кулачкомъ въ грудь и молился въ зловонной конурѣ своей неисккупленными слезками своими къ „Боженькѣ“! Не стоитъ, потому что слезки остались неисккупленными. Онѣ должны быть искуплены, иначе не можетъ быть и гармоніи. Но чѣмъ, чѣмъ ты искупишь ихъ? Развѣ это возможно? Неужто тѣмъ, что они будутъ отомщены? Но зачѣмъ мнѣ ихъ отмщеніе, зачѣмъ мнѣ адъ для мучителей, что тутъ адъ можетъ поправить, когда тѣ ужъ замучены?“—„Слишкомъ дорого оцѣнили гармонію—заключаетъ Иванъ, не по карману нашему вовсе столько платить за входъ. А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обратно. И если я только честный человѣкъ, то обязанъ возвратить его какъ можно заранее. Это и дѣлаю. Не Бога я нѣ принимаю, Алеша, а только билетъ Ему почтительнѣйше возвращаю.“— „Это бунтъ“, тихо и потупившись проговорилъ Алеша¹⁾. Да, это бунтъ, бунтъ человѣка

1) Невольно напрашивается на сопоставленіе образъ, навѣянный тѣмъ же настроеніемъ и принадлежавшій одному изъ самыхъ вдумчивыхъ и благородныхъ философовъ новѣйшей Франціи, именно безвременно угасшему Гюйо: „однажды ночью какой-то ангелъ или серафимъ взялъ меня на свои крылья, чтобы отнести меня въ евангельскій рай, къ „творцу“ и я почувствовалъ себя летящимъ въ небесахъ, надъ землею. По мѣрѣ того какъ я поднимался, я слышалъ несущійся съ земли по направленію ко мнѣ протяжный и печальный шумъ, подобный монотонной пѣснѣ потоковъ, раздающейся съ горъ въ тиши вершинъ. Но на этотъ разъ я различаю человѣческіе голоса: это были рыданія, смѣшанныя съ просьбами о помилованіи, стоны, прерываемые славословіями, это были отчаянныя мольбы, воздыханія умирающей груди, вырывавшіяся вмѣстѣ съ хвалою; и все это смѣшивалось въ одинъ могучій голосъ, въ такую раздирающую симфонію, что мое сердце переполнилось жалостью. Небо показалось мнѣ потемнѣвшимъ, и я не видѣлъ уже болѣе ни солнца, ни радости вселенной. Я обратился къ тому, кто меня сопровождалъ.—Развѣ ты не слышишь?—сказалъ я ему. Ангелъ посмотрѣлъ на меня съ спокойнымъ и яснымъ лицомъ:—это,—сказалъ онъ, молитвы людей, которыя съ земли несутся къ Богу. И когда онъ говорилъ это, его бѣлое крыло

противъ Бога, или, выражая ту же мысль на атеистическій манеръ,—бунтъ безсильной человѣческой личности противъ объективнаго порядка вещей. Пламенный духъ Байроновскаго Каина, духъ міровой скорби, воскресъ въ Иванѣ! Иванъ отвѣчаетъ Алешѣ: „Бунтъ. Я бы не хотѣлъ отъ тебя такого слова. Можно ли жить бунтомъ, а я хочу жить“. Да, бунтомъ нельзя жить, и это настроеніе или это міропониманіе нужно какъ-нибудь побѣдить или пережить, иначе исхода нѣтъ.

Кривое зеркало души Ивана, его чортъ, съ пошлой насмѣшливостью развиваетъ ту же идею необходимости зла въ міровой дисгармоніи. Онъ противопоставляетъ себя Мефистофелю, который всегда хочетъ зла. „Я, можетъ быть, единственный человѣкъ во всей природѣ, который любитъ истину и хочетъ добра“. Чортъ рассказываетъ, какъ и ему хотѣлось крикнуть „осанна“, но „что же бы вышло изъ моей-то осанны? Тотчасъ бы все угасло на свѣтѣ и не стало бы случаться никакихъ происшествій. И вотъ, единственно по долгу службы и по социальному моему положенію я принужденъ былъ задавить въ себѣ хорошей моментъ и остаться при пакостяхъ. Честь добра кто-то беретъ всю себѣ, а мнѣ оставлены въ удѣлъ только пакости“. „Я знаю—жаляется чортъ—тутъ есть секретъ, мнѣ ни за что не хотятъ его открыть, потому что я, пожалуй, тогда, догадавшись въ чемъ дѣло, рявкну „осанну“, и тотчасъ исчезнетъ необходимый минусъ и начнется во всемъ мірѣ благополучіе“. „Будирую, и скрѣпя сердце исполняло свое назначеніе: губить тысячи, чтобы спасся одинъ. Сколько, напримѣръ, надо было погубить душъ и опозорить честныхъ репутацій, чтобы получить одного только Іова, на которомъ меня такъ

сверкало на солнцѣ; но оно показалось мнѣ чернымъ и полнымъ ужаса.—Я истекъ бы слезами, если бы былъ этимъ Богомъ,—воскликнуъ я, и дѣйствительно почувствовалъ, что плачу какъ дитя. Я выпустилъ руку ангела и упалъ на землю, полагая, что у меня остается еще слишкомъ много гуманности, чтобы я могъ жить въ небѣ.“ (*M. Guisan. Esquisse d'une morale sans obligation, ni sanction. 5-me éd. Paris, 1900, p. 12).*

зло поддѣли во время оно! Нѣтъ, пока не открыть секретъ для меня существуютъ двѣ правды: одна тамошняя, ихняя, мнѣ пока совсѣмъ неизвѣстная, а другая моя". Иванъ стонетъ отъ этого издѣвательства чорта надъ его идеями.

Вопросъ, который съ такой трагической силой и безумной отвагой ставитъ здѣсь Иванъ, вопросъ о происхожденіи и значеніи зла въ мірѣ и разумности мірового порядка, есть вѣковѣчный вопросъ метафизики, старый какъ міръ, вопросъ, который, со временъ Лейбница, сталъ называться проблемой Теодицеи. На этотъ вопросъ отвѣчали и богословы, для которыхъ онъ формулируется въ проблему промысла Божьяго, и философы,—и оптимисты, какъ Лейбницъ, и пессимисты, какъ злой его критикъ Вольтеръ, или Шопенгауэръ и Эд. Гартманъ, и спиритуалисты, и материалисты, и деисты, и атеисты. Не нужно думать, чтобы этотъ вопросъ задавался только религіознымъ воззрѣніемъ, онъ остается и для атеистическаго съ еще большей силой подчеркивающаго гармонію будущаго, которая покупается однако дисгармоніей настоящаго. Примѣромъ такого міровоззрѣнія можетъ служить современное матеріалистическое пониманіе исторіи и основанное на немъ ученіе социализма: будущая гармонія социализма покупается здѣсь неизбѣжною жертвой страданій капитализма; „муки родовъ“ новаго общества, по извѣстному сравненію Маркса, неустранимы. Слѣдовательно съ полнымъ правомъ и съ полной силой и здѣсь можно поставить вопросъ Ивана о цѣнѣ этой будущей гармоніи, и, конечно, его неизбѣжно ставить себѣ каждая сознательная личность. Нѣтъ и не можетъ быть универсальной философской системы, которая не посчиталась бы съ этимъ вопросомъ въ полномъ объемѣ. Это есть въ полномъ смыслѣ слова міровой вопросъ; особенность его въ качествѣ такового состоитъ не только въ его неотвязности, но и въ неразрѣшимости въ томъ смыслѣ, что никакой прогрессъ науки, никакая сила мысли не можетъ дать ему такого рѣшенія, которое уничтожило бы самый вопросъ. Напротивъ, какъ бы совершенно онъ ни былъ, казалось,

разрѣшенъ однимъ философомъ, онъ обязательно долженъ быть снова поставленъ и другимъ. Каждымъ философомъ, вѣрнѣе, каждымъ мыслящимъ и потому философствующимъ человѣкомъ вопросъ этотъ долженъ рѣшаться за собственный страхъ и счетъ, не отъ разума, не отъ логики только, а изъ всего существа. Даже въ случаѣ несамостоятельнаго его рѣшенія чужая мысль должна пройти черезъ святая святыхъ cadaго человѣка и, такимъ образомъ, сдѣлаться кровнымъ достояніемъ усвоившаго ее лица. Таково свойство всѣхъ міровыхъ вопросовъ, которые составляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и основныя проблемы метафизики, и таково, между прочимъ, свойство всѣхъ вопросовъ, мучащихъ Ивана Карамазова. Мы лично думаемъ, что проблема теодицеи, какъ она поставлена Ивановъ, неразрѣшима съ точки зрѣнія эвдемонистическаго пониманія прогресса, видящаго въ послѣднемъ увеличеніе счастья наибольшаго числа людей. Проблема эта разрѣшима или устранима только путемъ метафизическаго и религіознаго синтеза.

Но мы не коснулись еще одного изъ самыхъ мучительныхъ сомнѣній, тревожащихъ сердце Ивана, мірового вопроса, отвѣтъ на который составляетъ вѣру и надежду нашихъ дней; мы разумѣемъ проблему всемірно-историческаго развитія человѣчества, или, что тоже, проблему демократіи и социализма. Нетрудно намъ, дѣтямъ XIX вѣка, понять сущность этой проблемы. XIX вѣкъ въ умахъ многихъ разрушилъ или, по крайней мѣрѣ, расшаталъ старыя вѣрованія и старое представленіе объ этой, земной, жизни какъ приготовленіи къ будущей, небесной. Онъ выдвинулъ воззрѣніе, по которому наша жизнь дѣйствительно является приготовленіемъ къ будущей, но не небесной, а земной жизни. Мѣсто религіи временно заняла теорія прогресса, или, по старому контовскому выраженію, религія человѣчества. Вычислялось и научно доказывалось, что будущему человѣчеству суждено царство свободнаго и свѣтлаго развитія, при которомъ будутъ воплощены въ жизнь радостныя принципы свободы, равенства и братства. Все тяжелое

и мертвящее нашей теперешней жизни, всѣ формы эксплуатаціи и порабощенія человѣка человѣкомъ погибнуть естественной смертью, и міру явится новый, свободный, научно владѣющій природой человѣкъ, человѣкобогъ, по выраженію Достоевскаго.

Независимо отъ того, молится или не молится новымъ богамъ душа, необходимо замѣтить, что въ основѣ новаго пониманія жизни, не взирая на научное его облаченіе и даже иногда дѣйствительно научную постановку отдѣльныхъ вопросовъ, въ него входящихъ, лежитъ все-таки вѣра, которую для краткости можно охарактеризовать какъ вѣра въ человѣкобога, замѣнившая прежнюю вѣру въ Богочеловѣка. Да не подумаютъ, что я говорю это въ упрекъ новому міросозерцанію. Нѣтъ, но я вообще думаю, что на днѣ всякаго міросозерцанія, настолько широкаго и дѣйствительнаго, что оно непосредственно переходитъ въ религію (хотя бы и атеистическую), находится вѣра; въ основѣ всякаго религіознаго міровоззрѣнія лежитъ нѣчто, что недоказуемо и стоитъ даже выше доказательства.

Вѣрь тому, что сердце скажетъ,
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ.

Положеніе это, въ моихъ глазахъ, имѣетъ то значеніе, что вообще одной наукой нельзя построить живого и цѣлостнаго міровоззрѣнія, ибо въ созданіи его участвуетъ, кромѣ ума, находящаго выраженіе въ наукѣ; и ирраціональные элементы чувства, для краткости выразимся—сердце.

Итакъ, для того, чтобы жить упованіемъ свѣтлаго и прекраснаго будущаго человѣчества и работать ради этой отдаленной перспективы, нужно *вѣрить* въ человѣчество; вѣрить въ то, что человѣкъ дѣйствительно способенъ быть человѣкобогомъ, что человѣчество въ цѣломъ дѣйствительно можетъ подняться до небывалой еще высоты, а не выродиться въ нравственное убожество, даже достигнувъ животнаго счастья. Въ это нужно вѣрить, и въ это можно не вѣрить. Слѣдовательно, здѣсь есть проблема въ томъ смыслѣ, что здѣсь имѣется возможность различнаго пониманія,

здѣсь возможны сомнѣнія, короче, здѣсь мы имѣемъ тоже міровой вопросъ, т.-е. вопросъ, окончательно неразрѣшимый, но тѣмъ не менѣе необходимо ставящийся каждымъ сознательнымъ существомъ. И этотъ вопросъ поставленъ, а это сомнѣніе выражено въ „легендѣ о великомъ инквизиторѣ“.

„Легенда о великомъ инквизиторѣ“ есть одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ перловъ, созданныхъ русской литературой. Въ этомъ причудливо гениальномъ созданіи соединено величіе евангельскаго образа съ вполне современнымъ содержаніемъ, выражены тревожныя исканія нашихъ дней, подобно тому какъ величественный рассказъ книги Іова, переложенный на языкъ понятій новаго времени, уже послужилъ однажды рамкой для одного изъ самыхъ великихъ созданій европейской литературы, дивнаго пролога къ Фаусту въ небѣ. „Легенда о великомъ инквизиторѣ“ представляетъ эпизодическую вставку въ романъ: хотя она и является важнѣйшимъ документомъ для характеристики души Ивана, но она можетъ быть выдѣлена и рассматриваться какъ самостоятельное произведеніе. Легенда представляетъ собой „безбрежную фантазію“, философскую поэму молодого студента, въ свою жизнь ненаписавшаго двухъ стиховъ. Это, если позволите смѣлое сравненіе, религіозная картина Васнецова, сознательно пренебрегающая реализмомъ матеріи ради реализма идеи. Она сводитъ вторично Христа на землю, въ самый разгаръ религіозныхъ насилій и инквизиціи, въ самой фанатизированной и темной странѣ—въ Испаніи. Чудными чертами описано появленіе Христа: „Онъ появился тихо, незамѣтно, и вотъ всѣ—странно это—узнають Его. Это могло бы быть—прибавляетъ Иванъ—однимъ изъ лучшихъ мѣстъ поэмы, т.-е., почему именно узнають Его. Народъ непобѣдимой силой стремится къ нему, окружаетъ Его, нарастаетъ кругомъ Него, слѣдуетъ за Нимъ. Онъ молча проходитъ среди нихъ съ тихой улыбкой безконечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ, лучи Свѣта, Просвѣщенія и Силы текутъ изъ очей

Его и, изливаясь на людей, сотрясаютъ ихъ сердца отвѣтной любовью“. Это чисто русская манера художественнаго трактованія образа Христа, и она сближаетъ такихъ во всѣхъ отношеніяхъ различныхъ и далекихъ по духу писателей какъ Тургеневъ и Достоевскій. Вспомните, не та же ли манера рисовать плѣнительный образъ человѣколюбца въ одномъ изъ самыхъ прекрасныхъ „стихотвореній въ прозѣ“ Тургенева „Христосъ“.

Христосъ совершаетъ чудеса, воскрешаетъ мертвыхъ. Его видитъ и узнаетъ при этомъ великій инквизиторъ—официальный служитель Его ученя, и велитъ Его арестовать. Толпа разступается, и Христа уводятъ въ темницу. А ночью, севильскою душною ночью, приходитъ къ Христу въ тюрьму инквизиторъ, 90-лѣтній старецъ, и здѣсь происходитъ полный философскаго величія и священнаго мистицизма разговоръ. Впрочемъ, говоритъ все время великій инквизиторъ; Христосъ говоритъ молча, хотя вы все время слышите эту молчаливую отвѣтную рѣчь, рѣчь любви и всепрощенія. Не ищите исторической вѣрности въ рѣчахъ инквизитора. Вы скоро убѣждаетесь, что въ фантастическомъ образѣ средневѣковаго инквизитора вы узнаете скорбную и мятущуюся душу Ивана; сынъ XVI вѣка оказывается способнымъ вмѣстить самыя тягостныя сомнѣнія нашихъ дней, и полновластный деспотъ съ безудержной отвагой, съ Карамазовской дерзостью ставитъ проблему демократіи и социализма. Инквизиторъ исповѣдуетъ свою вѣру или, точнѣе, свое невѣріе въ человѣчество, которое не можетъ жить, по его мнѣнію, своимъ умомъ и своею совѣстью. Онъ упрекаетъ Христа въ томъ, что онъ, исходя изъ идеальнаго пониманія человѣчества и его задачъ, взвалилъ ему на плечи непосильную тяжесть. Евангельскій рассказъ объ искушеніи Христа въ пустынь и трехъ соблазнахъ, которые представлялъ ему дьяволъ, служить ему символомъ всей исторической проблемы. „Въ этихъ трехъ вопросахъ какъ бы совокуплена въ одно цѣлое и предсказана вся дальнѣйшая исторія человѣческая и явлены три образа, въ которыхъ сойдутся всѣ не-

разрѣшимыя историческія противорѣчія человѣческой природы на всей землѣ“. „Обрати сіи камни въ хлѣбы, и за Тобой побѣжитъ человѣчество какъ стадо, благодарное и послушное, хотя и вѣчно трепещущее, что Ты отымешь руку свою и прекратятся имъ хлѣбы Твои. Но Ты не захотѣлъ лишить человѣка свободы и отвергъ предложеніе, ибо, какая же свобода, разсудилъ Ты, если послушаніе куплено хлѣбами?“ Но людямъ не подь силу это. Послѣ тяжелыхъ испытаній „люди поймутъ, наконецъ, сами, что свобода и хлѣбъ земной вдоволь для всякаго вмѣстѣ не мыслимы, ибо никогда, никогда, не сумѣютъ они раздѣлиться между собою! Убѣдятся тоже, что не могутъ быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики“. Такъ рисуется инквизитору экономическая проблема социализма, свободной демократической организаціи производства, проблема, предвѣчно поставленная „страшнымъ и злымъ духомъ“ въ вѣщихъ его искушеніяхъ. „Принявъ „хлѣбы“, Ты бы отвѣтилъ на всеобщую и вѣковѣчную тоску человѣческую, какъ единоличнаго существа, такъ и пѣлаго человѣчества вмѣстѣ, это: „передъ кѣмъ преклониться?“ Нѣтъ заботы непрерывнѣе и мучительнѣе для человѣка, какъ, оставшись свободнымъ, сыскать поскорѣе того, передъ кѣмъ преклониться“. Инквизиторъ упрекаетъ Христа въ томъ, что онъ отвергнулъ и второе предложеніе діавола, свергнуться со скалы, сдѣлать чудо. „Но Ты не зналъ, что чуть лишь человѣкъ отвергнетъ чудо, то тотчасъ отвергнетъ и Бога, ибо человѣкъ ищетъ не столько Бога, сколько чудесь“. Распятый Христось не захотѣлъ сойти со креста. „Ты не сошелъ потому, что опять-таки не захотѣлъ поработить человѣка чудомъ, и жаждалъ свободной вѣры, а не чудесной. Жаждалъ свободной любви, а не рабскихъ восторговъ невольника передъ могуществомъ, разъ навсегда его ужаснувшимъ. Но и тутъ Ты судилъ о людяхъ слишкомъ высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя и созданы бунтовщиками“. „Мы исправили подвигъ Твой и основали его на чудѣ, тайнѣ и авторитетѣ. И люди обрадовались, что

ихъ вновь повели какъ стадо и что съ сердцеъ ихъ снять, наконецъ, столь страшный даръ, принесшій имъ столько муки“. Зноемъ дышитъ рѣчь инквизитора. Какимъ дѣтскимъ лепетомъ кажутся по сравненію съ нею рѣчи на эту и подобную тему какого-нибудь нынѣ моднаго и прославленнаго „Доктора Штокмана“ и под.

Инквизиторъ третій разъ упрекаетъ Христа, что онъ не захотѣлъ взять у великаго духа власти, царства земного, которое онъ предлагалъ ему, отвергнувъ мечъ, надѣясь только на слово свободнаго убѣжденія. Мы исправили подвигъ Твой,—говоритъ инквизиторъ,—взяли мечъ на помощь кресту, насиліе на помощь свободному убѣжденію, „мы не съ Тобой, а съ нимъ“. Немногіе избранники взяли на себя управленіе человѣческимъ родомъ, основавъ его на сладкомъ обманѣ. „И всѣ будутъ счастливы, всѣ милліоны существъ, кромѣ сотни тысячъ управляющихъ ими. Ибо лишь мы, мы, храняшіе тайну, только мы будемъ несчастны. Будутъ тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ, и сто тысячъ страдальцевъ, взявшихъ на себя проклятіе познанія добра и зла“.

Итакъ, на вопросъ, способно ли человѣчество выйти изъ теперешняго, униженнаго состоянія, вмѣстить въ себя начала новой, свободной, автономной нравственной жизни, исполнить задачу, указуемую ему въ будущемъ, инквизиторъ отвѣчаетъ злобнымъ и страстнымъ *нѣтъ*. Достоевскій даетъ какъ будто намекъ, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать выхода изъ отчаянія воззрѣній инквизитора, онъ даетъ его въ рѣчахъ молчаливаго собесѣдника—Христа. Съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ художникъ заставляетъ чувствовать присутствіе этого молчаливаго собесѣдника. „И что Ты молча и проникновенно глядишь на меня кроткими глазами твоими?—раздражается вдругъ инквизиторъ въ самомъ разгарѣ своей богохульственной рѣчи—разсердись, я не хочу любви Твоей, потому что самъ не люблю Тебя... То, что имѣю сказать Тебѣ, все Тебѣ уже извѣстно, я читаю это въ глазахъ Твоихъ“. Вы чувствуете,

какъ не даетъ покоя, лишаетъ увѣренности этотъ безмолвный любящій взоръ Спасителя. И какимъ дивнымъ аккордомъ кончается легенда: „когда инквизиторъ умолкъ, то нѣкоторое время ждетъ, что Плѣнникъ его ему отвѣтитъ. Ему тяжело Его молчаніе. Онъ видѣлъ, какъ Узникъ все время слушалъ его, проникновенно и тихо смотря ему въ глаза, и видимо не желая ничего возражать. Старикъ хотѣлось бы, чтобы Тотъ сказалъ ему что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное. Но Онъ вдругъ молча приближается къ старикъ и тихо цѣлуетъ его въ его безкровныя девяностолѣтнія уста“. Вотъ и весь отвѣтъ. Инквизиторъ выпускаетъ Плѣнника, котораго только недавно хотѣлъ сжечь. Хотя старикъ остается при прежнихъ идеяхъ, но „поцѣлуй горитъ на его сердцѣ“.

Здѣсь, говорю, дается какъ бы намекъ на возможное разрѣшеніе ядовитыхъ вопросовъ, которое, можетъ быть, и состоитъ въ снятіи ихъ съ постановки, а снять ихъ можетъ не логика, ихъ поставившая, а дѣйственная сила любви, поцѣлуй, горящій на сердцѣ инквизитора. Это та мысль, которая такъ торжественно выражена въ дивныхъ стихахъ Влад. Соловьева.

Смерть и время царятъ на землѣ,
Ты владыками ихъ не зови,
Все кружась исчезаетъ во мглѣ.
Неподвижно лишь солнце любви.

Инквизиторъ не напрасно хотѣлъ сжечь Христа, ибо его идеи являются прямымъ отрицаніемъ идей христіанства, не потому, что онъ говоритъ богохульственныя рѣчи, но по самому своему существу. Основная идея христіанства состоитъ въ этической равноцѣнности всѣхъ людей, идея, формулированная какъ равенство всѣхъ передъ Богомъ. Рѣчь идетъ не о механическомъ уравнии правъ и обязанностей, не о мнимомъ равенствѣ людей, которые по своимъ естественнымъ даннымъ необходимо различаются и неравны между собою, но о признаніи въ каждомъ человѣкѣ, въ каждомъ существѣ полноправной нравственной лично-

сти, имѣющей извѣстныя права и слѣдовательно налагающей извѣстныя обязанности. Никакая личность — повторилась позднѣе эта же идея въ этикѣ Канта—никогда не должна быть средствомъ, она есть сама себѣ цѣль. Идея этического равенства легла въ основу нашей европейской культуры,—античная жизнь эту идею отрицала; она была основана на противопоставленіи морали господъ и морали рабовъ. Христіанская идея этической равноцѣнности и нравственной автономіи требуетъ для своего осуществленія въ жизни людей устраненія внѣшнихъ препятствій, т.-е. такихъ человѣческихъ установленій, которыя этому равенству противорѣчатъ; она требуетъ поэтому устраненія такихъ формъ жизни, въ которыхъ человѣкъ является человѣку средствомъ, а не цѣлью, формъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Въ этомъ смыслѣ новѣйшая европейская культура есть культура христіанская, и основные постулаты этики христіанства сливаются съ основными постулатами ученій современной демократіи, экономической и политической, до полнаго отождествленія. Вотъ почему великій инквизиторъ, отрицая демократію и свободу во имя поработенія личности, является „съ нимъ, а не съ Тобою“, является, по горделивому выраженію Ницше, антихристомъ. Не потому, чтобы онъ сомнѣвался въ осуществимости тѣхъ или иныхъ формъ политическаго или социальнаго устройства,—можно сомнѣваться и тѣмъ не менѣе считать это нравственнымъ идеаломъ, стремленіе къ которому нравственно обязательно,—но потому, что онъ отрицаетъ основной завѣтъ Христа о равномъ достоинствѣ всѣхъ людей, какъ нравственныхъ личностей, и о любви къ этимъ людямъ, какъ носителямъ одного и того же божественнаго начала. „Инквизиторъ твой не вѣруетъ въ Бога, вотъ и весь его секретъ!“ говоритъ Алеша, и Иванъ это вполнѣ подтверждаетъ. Достоевскій хочетъ указать на несостоятельность атеистическаго (или натуралистическаго) ученія о равенствѣ, на его противоестественность, въ смыслѣ противорѣчія его грубымъ, животнымъ инстинктамъ человѣка. Люди равны въ

Богъ, но не равны въ природѣ, и это естественное неравенство побѣждаетъ этическую идею ихъ равенства тамъ, гдѣ эта идея лишена религіозной санкціи. Идея равенства людей есть нравственная аксіома, нравственный постулатъ, формулирующійся въ великой заповѣди любви; равенство людей въ этомъ смыслѣ есть супранатуральный, метафизическій принципъ, находящій свое осуществленіе въ исторіи, но именно эта исторія свидѣтельствуетъ о постоянномъ поруганіи этой идеи, объ упорной, хронической въ этомъ смыслѣ грѣховности людей, оказывающихъ насиліе другъ надъ другомъ. Это насиліе и возводитъ въ идеаль великій инквизиторъ, чуждый христіанской любви, которую хочетъ зажечь въ его сердцѣ пощѣлуй Христа. Инквизиторъ хочетъ подѣлить людей на двѣ расы, на двѣ различныхъ породы, между которыми открывается незасыпаемая пропасть; такимъ образомъ устанавливаются двѣ нравственности—мораль господъ и мораль рабовъ, по извѣстному Ницшевскому выраженію.

Мы не разъ уже, говоря объ инквизиторѣ, упоминали имя Ницше. Это не случайно, ибо мы видимъ поразительную близость исходныхъ идей антихристіанства инквизитора и автора Заратустры. Основной мотивъ соціальной философіи Ницше есть та же идея, что и у великаго инквизитора,—отрицаніе этического равенства людей, признаніе различной морали рабовъ и господъ. „Только относительно равныхъ себѣ существуютъ обязанности, относительно существъ низшаго порядка можно дѣйствовать по усмотрѣнію“. Эта высшая порода людей и является цѣлью исторіи. Съ точки зрѣнія этой идеи Ницше приходитъ ко всѣмъ патологическимъ уродливостямъ своего ученія,—отрицанію любви, состраданія, возвеличенію войны, полному отрицанію демократическихъ идеаловъ и т. д. и т. д. Удивительно гениальная прозорливость Достоевскаго, прозрѣвшаго одну изъ самыхъ характерныхъ нравственныхъ болѣзней нашего вѣка. Образъ „сверхчеловѣка“ упорно тревожилъ творческое воображеніе Достоевскаго: въ двухъ сво-

ихъ величайшихъ созданіяхъ: „Преступленіи и наказаніи“ (Раскольниковъ) и „Братьяхъ Карамазовыхъ“, не говоря уже о второстепенныхъ, возвращается онъ къ этому образу.

Всѣ проблемы, которыя ставитъ Иванъ (и изъ которыхъ мы коснулись лишь важнѣйшихъ), какъ легко убѣдиться, находятся въ органической связи между собою. Онѣ касаются самыхъ существенныхъ сторонъ міросозерцанія XIX вѣка. Основная вѣра этого вѣка—вѣра въ безконечный прогрессъ человѣчества; въ этой вѣрѣ сходятся всѣ теоріи прогресса, какъ бы различны онѣ ни были. Прогрессъ этотъ является самъ себѣ цѣлью, нѣтъ какого-либо внѣшняго императива, который бы эту цѣль оправдывалъ или превращалъ въ средство для иной высшей цѣли. Смыслъ этого прогресса—возможно большее счастье возможно большаго числа людей. Основное правило морали XIX вѣка—альтруистическое служеніе этому прогрессу. Самымъ яркимъ и рѣшительнымъ выраженіемъ этого міровоззрѣнія является теорія такъ называемаго научнаго социализма или вообще социализма. Оговорюсь, что ученіе социализма теоретически является лишь частнымъ случаемъ теоріи прогресса вообще; возможны и другіе способы представить себѣ будущее развитіе человѣчества, но исторически это есть важнѣйшая, по крайней мѣрѣ, въ наши дни, почти единственная изъ распространенныхъ теорій прогресса. Въ этомъ смыслѣ между теоріей прогресса вообще и социализмомъ въ частности можно поставить для настоящаго времени знакъ равенства. Поэтому, всѣ сомнѣнія Ивана, направленные противъ господствующаго ученія прогресса, направлены въ то же время и противъ теоріи социализма, понимаемой не какъ экономическое только ученіе, а какъ общее міровоззрѣніе; скажу шире, какъ религія. Иванъ выражаетъ сомнѣніе относительно трехъ основныхъ вѣрованій этой религіи: относительно обязательности нравственныхъ нормъ, повелѣвающихъ жертвовать этому безличному прогрессу или благу другихъ людей свое личное благо и интересы, затѣмъ относительно того, что можно назвать *цѣной* про-

гресса, въ которомъ счастье будущихъ поколѣній покупается насчетъ несчастія настоящихъ (чисто эвдемонистическая версія теоріи прогресса), наконецъ, относительно будущаго этого человѣчества, для котораго приносятся всѣ эти жертвы.

Изъ сказаннаго вы видите, что въ маленькомъ городкѣ, гдѣ живутъ Карамазовы, бьется пульсъ міровой мысли. Иванъ Карамазовъ есть *міровой* образъ (хотя еще далеко недостаточно понятый и оцѣненный). Достоевскій въ этомъ романѣ является тѣмъ *всечеловкомъ*, котораго такъ страстно и краснорѣчиво охарактеризовалъ онъ въ своей рѣчи о Пушкинѣ.

Міровое значеніе образа Карамазова станетъ для насъ яснѣе, когда мы сопоставимъ его съ другимъ міровымъ образомъ—*Фаустомъ*. Можетъ быть, кому-нибудь покажется смѣлымъ это сопоставленіе безсмертнаго творенія Гете, этой, по выраженію Гейне, свѣтской библии нѣмцевъ, да и всего культурнаго міра, и нашего Ивана Карамазова,—мы такъ не привыкли полной мѣрою цѣнить свое національное достояніе по сравненію съ западнымъ. Но я обдуманно дѣлаю это сопоставленіе и считаю его вполне законнымъ. Сопоставленіе не касается, конечно, *формы* обоихъ произведеній, которая несравнима, а ихъ идейнаго содержанія. А съ точки зрѣнія этого послѣдняго Фаустъ и Карамазовъ находятся въ несомнѣнной генетической связи, одинъ выражаетъ собой сомнѣнія XVIII, другой XIX вѣка, одинъ подвергаетъ критикѣ теоретическій, другой—практическій разумъ.

Въ чемъ сосредоточивается паѳосъ трагедіи Фаустъ? Это драма ограниченности человѣческаго познанія, драма, если позволено здѣсь употребить философскій терминъ, гносеологическая. Первые сцены первой части Фауста, эта, безспорно, наиболѣе гениальная часть трагедіи, выражаютъ скепсисъ Юма и Канта. На Кантовскій вопросъ: возможно ли познаніе (опытъ) и какую цѣну имѣетъ это познаніе, Фаустъ, на склонѣ жизни, отданной исканію истины, отвѣча-

еть: „und sehe, dass wir nichts wissen können. Das will mir schier das Herz verbrennen“. Это—Критика Чистаго Разума, скептически понятая. Фаустъ отдается магіи, чтобы волшебствомъ добыть полное знаніе. Чарами волшебства онъ вызываетъ духа земли—символь универсальной космологіи,—пытаясь его понять и его къ себѣ приблизить, но получаетъ отъ него уничтожающій, повергающій его въ отчаяніе, отвѣтъ: „Du gleichst, den du begreifst, nicht mir“. Воплощенное сомнѣніе и иронія—и надъ собой, и надъ всѣмъ въ мірѣ—стоитъ рядомъ съ Фаустомъ въ лицѣ Мефистофеля.

Фаустъ символизируетъ собой европейскую мысль, отрѣшившуюся отъ опеки богословія, пытающуюся идти на своихъ ногахъ и впервые отдающую себѣ отчетъ въ своихъ силахъ. Первая часть Фауста, повторяю, есть трагедія сомнѣнія, даже отчаянія въ знаніи. Мотивъ этотъ, специфически характерный для опредѣленной исторической эпохи или точнѣе эпохъ, въ то же время никогда не теряетъ для человѣчества своего значенія. Сомнѣніе Фауста должно быть пережито каждымъ сознательно живущимъ человѣкомъ; къ проблемѣ познанія постоянно возвращается человѣческая мысль,—это вѣковѣчная проблема философіи. Вмѣстѣ съ другими міровыми вопросами и этотъ вопросъ не допускаетъ разрѣшенія, которое бы уничтожило самый вопросъ. Вопросы Фауста будутъ ставиться до тѣхъ поръ, пока живетъ и мыслить человѣчество; вотъ почему и теперь, черезъ 100 лѣтъ послѣ написанія Фауста, его драма является для насъ чѣмъ-то роднымъ, близкимъ и вполне понятнымъ. Такова особенность міровыхъ проблемъ.

Историческій Фаустъ, человѣчество XVIII вѣка, выходитъ изъ своего кабинета на арену общественной борьбы, онъ стремится уйти отъ своихъ сомнѣній и забыться въ общественной дѣятельности. Центръ тяжести жизни переносится изнутри наружу, цѣлью жизни превозглашается дѣятельность на пользу людей. Вы видите, что Фаустъ второй части является уже сыномъ XIX вѣка, проповѣдникомъ общественной дѣятельности, общественной морали. Короче

говоря, дряхлѣющій и умирающій Фаустъ становится прокомъ социализма XIX вѣка. Его міровоззрѣніе есть почти міровоззрѣніе О. Конта и религіи человѣчества, безконечнаго прогресса, являющагося самоцѣлю.

Nach drüben ist die Aussicht uns verrannt,
 Thor wer dorthin die Augen blitzend richtet,
 Sich über Wolken seinesgleichen dichtet!
 Er stehe fest und sehe hier sich um.
 Dem Tüchtigen ist diese Welt nicht stumm,
 Was braucht er in die Ewigkeit zu schweifen!
 Was er erkennt, lässt sich ergreifen
 Er wandle so den Erdengang entlang;
 Wenn Geister spucken, geh' er seinen Gang:
 Im Weiterschreiten find' er Qual und Glück,
 Er, unbefriedigt jeden Augenblick!

А предсмертная заповѣдь Фауста является девизомъ современнаго социализма, постоянно повторяемымъ его представителями!

Das ist der Weisheit letzter Schluss:
 Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben,
 Der täglich sie erobern muss.

Итакъ, Фаустъ кончаетъ теоріей прогресса. Это послѣдній теоретическій шагъ, который онъ успѣваетъ сдѣлать предъ смертью. Часто указываютъ на отсутствіе внутренняго единства между первой и второй частью Фауста. Указаніе это справедливо въ томъ смыслѣ, что вторая часть не является отвѣтомъ и разрѣшеніемъ вопросовъ, постановленныхъ первой. Фаустъ не разрѣшаетъ гносеологической проблемы, имъ поставленной, но отъ нея уклоняется, перестаетъ ею заниматься. Гармонію духа онъ находитъ въ равновѣсіи различныхъ его способностей, голосъ сердца и у него даетъ отвѣтъ на запросы разума. Такимъ образомъ, общественная дѣятельность для Фауста является теоретическимъ *pis aller*, практическимъ, а не теоретическимъ раз-

рѣшеніемъ вопроса. Общественная дѣятельность есть для него лишь фактъ, а не теоретическій постулатъ. Но чѣмъ кончается одно поколѣніе, тѣмъ начинается другое. И то, что для одного поколѣнія представляетъ кровью добытый результатъ, для другого, съ этого пункта начинающаго, образуетъ проблему; такимъ образомъ, завѣщаніе Фауста является проблемой для Карамазова. Какъ было указано выше, всѣ сомнѣнія Ивана образуютъ въ своей совокупности *проблему социализма*, не въ экономическомъ смыслѣ, какъ ставить ее послѣднее время, скажемъ, Бернштейнъ и вся экономическая литература, но въ смыслѣ нравственнаго міросозерцанія, какъ ставить его современная философія, въ особенности Ницше, слѣдовательно, не его теорія, но его религія. Иванъ не социалистъ, ничто, по крайней мѣрѣ, не даетъ повода считать его активнымъ социалистомъ, но онъ всецѣло охваченъ этимъ міросозерцаніемъ, онъ дитя социализма, но дитя маловѣрное, сомнѣвающееся. Не нужно раздѣлять сознательно идеи вѣка, чтобы быть тѣмъ не менѣе его сыномъ; иногда отрицаніе свидѣтельствуетъ о гораздо болѣе страстномъ отношеніи къ отрицаемому ученію, нежели равнодушное его принятіе. Въ этомъ смыслѣ можно, между прочимъ, сказать, что Ницше, съ своей враждой къ социализму, является вполне продуктомъ міровоззрѣнія социализма, незаконнымъ его духовнымъ сыномъ. Великій духъ Достоевскаго уловилъ всѣ основныя особенности новаго міровоззрѣнія; не раздѣляя его, онъ постоянно думалъ надъ нимъ, и слѣды этой напряженной и страстной думы сохранились во многихъ его художественныхъ произведеніяхъ (напримѣръ, „Бѣсахъ“) и, въ публицистической формѣ, въ *Дневникѣ писателя*. И эти свои думы, свое невѣріе онъ выразилъ съ художественной яркостью въ Иванѣ Карамазовѣ. Братья Карамазовы являются послѣднимъ по времени и самымъ зрѣлымъ произведеніемъ великаго писателя. Быть можетъ, его невѣріе помогло ему глубже заглянуть въ проблемы этого міровоззрѣнія; его глазъ былъ открытъ и для его слабыхъ сторонъ, для его теоретическихъ брешей.

Достоевскій смотрѣлъ на міровозрѣніе социализма такъ же какъ и на духовное состояніе Ивана, какъ на что-то вродѣ нравственной болѣзни, но болѣзни роста, какъ на переходное міровозрѣніе, за которымъ послѣдуетъ высшій синтезъ, который, добавимъ отъ себя, долженъ состоять въ сляніи экономическихъ требованій социализма съ началами философскаго идеализма и оправданіи первыхъ послѣдними. Несовмѣстимость философскаго матеріализма или позитивизма и того этического размаха, котораго требуетъ социализмъ, болѣзнь религіознаго невѣрія, парализующая и социальный идеализмъ, таковъ діагнозъ, который Достоевскій въ лицѣ Ивана Карамазова поставилъ европейскому передовому обществу. И намъ кажется, исторія подтверждаетъ справедливость этого діагноза. Можетъ быть, и къ міровозрѣнію XIX вѣка относилъ, между прочимъ, Достоевскій великія евангельскія слова, взятыя имъ эпиграфомъ къ роману и выражающія законъ всякаго здороваго развитія: „истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши на землю, не умретъ, то останется одно, а если умретъ, то принесетъ много плода“. (Іоанн. XII, 24.)

Итакъ, Иванъ Карамазовъ выражаетъ муки и сомнѣнія XIX вѣка, какъ Фаустъ XVIII. Если послѣдній является представителемъ эпохи міросозерцанія индивидуализма, то Иванъ Карамазовъ есть скептическій сынъ эпохи социализма. Въ этомъ міровое значеніе образа Карамазова.

Но все великое является въ національномъ обличьѣ, и, указывая міровыя, внѣ-національныя черты даннаго образа, мы должны отмѣтить и національныя. Непосредственное впечатлѣніе говоритъ вполне опредѣленно, что Фаустъ, оставаясь міровымъ образомъ, есть въ то же время нѣмецъ съ ногъ до головы, отъ котораго порой даже попахиваетъ филистерствомъ; также несомнѣнно, что Иванъ Карамазовъ есть вполне русскій человекъ, съ которымъ каждый изъ насъ не можетъ не чувствовать кровнаго родства. Говоря опредѣленнѣе, Иванъ есть русскій интеллигентъ, съ головы до ногъ, съ его пристрастіемъ къ міровымъ вопросамъ, съ

его склонностью къ затяжнымъ разговорамъ, съ постояннымъ самоанализомъ, съ его больной, измученной совѣстью. Въ послѣднемъ признакъ я вижу самую яркую и характерную черту русской интеллигенціи, черту, много разъ отмѣченную въ литературѣ; въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что вся наша художественная литература и добрая часть публицистической прямо или косвенно говорятъ объ этой болѣзни совѣсти. Признаюсь, я люблю и цѣню эту черту русской интеллигенціи, отличающую, на мой взглядъ, ее отъ западно-европейской. Она придаетъ ореоль нравственного мученичества и чистоты, она исключаетъ самодовольство и культурную буржуазность, она одухотворяетъ. Такъ иногда лицо тяжело больного кажется красивѣе, интеллигентнѣе, благороднѣе, нежели здоровое и румяное лицо.

Болѣзнь совѣсти, эта удивительная болѣзнь, опредѣляетъ весь характеръ нашей культуры, и, я думаю, всего нашего философскаго развитія. Я помянулъ уже о полномъ почти теоретическомъ безплодіи русской философской мысли; между тѣмъ, мы, русскіе, томимы постоянной и напряженной метафизической и религіозной жаждой; какъ замѣчаетъ Иванъ, мы постоянно носимся то въ той, то въ другой формѣ съ міровыми вопросами. Безсиліе нашей философской мысли, несмотря на это, имѣетъ причину все той же больной совѣсти. Въ каждой теоріи мы прежде всего ищемъ отвѣтовъ на запросы совѣсти, ищемъ практическихъ указаній. Мы подходимъ, такимъ образомъ, къ теоріи съ практическаго конца, съ котораго нельзя придти къ цѣннымъ теоретическимъ выводамъ. Отсюда недостатокъ спокойствія, чрезмѣрная страстность, которая произвольно вносится въ теорію и затемняетъ ея ясность. По этой же причинѣ, изъ всѣхъ великихъ проблемъ философіи избранной нашей проблемой является этическая. Этическая проблема, напримѣръ, составляетъ *все* содержаніе философіи гр. Толстого, этой типично русской философіи. Въ этомъ ея жизненность, въ этомъ и ея полная метафизиче-

ская слабость. Исходя изъ этической проблемы, въ особенности ею ограничиваясь, трудно построить цѣльное и цѣнное философское или метафизическое міровоззрѣніе. Кантъ изъ Критики Чистаго Разума пришелъ къ Критикѣ Практическаго Разума и къ положительному ученію о нравственности, мы идемъ какъ разъ наоборотъ. Иванъ Карамазовъ является настоящимъ русскимъ именно въ томъ, что онъ всецѣло занятъ этической проблемой; поразительно равнодушіе этого сильнаго философскаго ума ко всѣмъ остальнымъ проблемамъ философіи, на примѣръ, теоріи познанія. И, наоборотъ, Фаустъ, выступающій съ гносеологической проблемой, является настоящимъ нѣмцемъ, съ ихъ удивительной силой философской мысли и съ ихъ философскими Grübeleien (даже не найдешь русскаго слова для этого понятія).

Мы ощутили, такимъ образомъ, у Ивана Карамазова свою родную болѣзнь, составляющую наше національное отличіе, болѣзнь совѣсти, и усмотрѣли въ ней его основную психологическую черту.

Отчего же болѣзнь совѣсти въ такой степени является нашей національной чертой? Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ для каждаго. Оттого, что между идеаломъ и дѣйствительностью, между требованіемъ совѣсти и разума и жизнью, у насъ лежитъ огромная пропасть, существуетъ страшный разладъ, и отъ этого разлада мы и становимся больны. Идеаль, по самому своему понятію, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, онъ ее отрицаетъ; но степень этого несоотвѣтствія можетъ быть различна, и въ Россіи это несоотвѣтствіе измѣряется разницей въ нѣсколько вѣковъ, ибо, тогда какъ интеллигенція идетъ въ своихъ идеалахъ въ ногу съ самой передовой европейской мыслью, наша дѣйствительность въ иныхъ отношеніяхъ на много вѣковъ отстала отъ Европы. Вотъ почему нигдѣ въ Европѣ жизнь такъ глубоко не оскорбляетъ на каждомъ шагу, не мучаетъ, не калѣчитъ, какъ въ Россіи. И вся эта нравственная скорбь отъ этого несоотвѣтствія въ сознаніи интеллигенціи выра-

жается въ чувствѣ нравственной отвѣтственности передъ народомъ, къ полному и плодотворному соединенію съ которыми мѣшаютъ постороннія силы. Эту скорбь русскаго интеллигентнаго сердца съ геніальной простотой и потрясающей силой въ одномъ образѣ выразилъ Достоевскій въ томъ же самомъ романѣ. Митѣ Карамазову, измученному допросомъ судебнаго слѣдователя и прикурнувшему на простомъ сундукѣ, снится сонъ.

„Вотъ онъ будто бы гдѣ-то ѣдетъ въ степи, тамъ, гдѣ служилъ давно, еще прежде, и везетъ его въ слякоть на телѣгѣ на парѣ мужикъ. Только холодно будто бы Митѣ, въ началѣ ноябрь, и снѣгъ валить крупными мокрыми хлопьями, а падая на землю, тотчасъ таетъ. И бойко везетъ его мужикъ, славно помахиваетъ; русая, длинная такая у него борода, и не то, что старикъ, а такъ лѣтъ будетъ 50, сѣрый мужичій на немъ зипунишко. И вотъ недалеко селеніе, виднѣются избы черныя-пречерныя, а половина избъ погорѣла, торчатъ одни обгорѣлыя бревна. А при вѣздѣ выстроились на дорогѣ бабы, много бабъ, цѣлый рядъ, все худыя, испитыя, какія-то коричневые у нихъ лица. Вотъ особенно одна съ краю, такая костлявая, высокаго роста, кажется, ей лѣтъ сорокъ, а, можетъ, и всего только двадцать, лицо длинное, худое, а на рукахъ у нея плачетъ ребеночекъ, и груди-то, должно быть, у ней такія изсохшія, и ни капли въ нихъ молока. И плачетъ, плачетъ дитя, и ручки протягиваетъ, голенькія съ кулачонками, отъ холоду совсѣмъ какія то сизыя.

— Что они плачутъ? Чего они плачутъ? спрашиваетъ, лихо пролетая мимо нихъ, Митя.

„Дите,—отвѣчаетъ ему ямщикъ,—дите плачетъ“.

И поражаетъ Митю то, что онъ сказалъ по-своему, по-мужицки: „дите“, а не дитя. И ему нравится, что мужикъ сказалъ „дите“: жалости будто больше. Да отчего оно плачетъ? домогается, какъ глупый, Митя. Почему ручки голенькія, почему его не закутаютъ? А иззябло дите, промерзла одежонка, вотъ и не грѣтъ.

— Да почему это такъ? Почему? все не отстаётъ глупый Митя.

— А бѣдные, погорѣлые, хлѣбушка нѣту-ти, на погорѣлое мѣсто просятъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — все будто не понимаетъ Митя, — ты скажи: почему это стоятъ погорѣлыя матери, почему бѣдны люди, почему бѣдно дите, почему голая степь, почему они не обнимаются, не цѣлуются, почему не поютъ пѣсень радостныхъ, почему они почернѣли такъ отъ черной бѣды, почему не кормятъ „дите“?

Этотъ сонъ постоянно, весь XIX вѣкъ, снится русской интеллигенціи. Снится ей и сейчасъ, что во многихъ губерніяхъ, на протяженіи многихъ тысячъ верстъ и среди многихъ милліоновъ населенія голодаетъ и плачетъ дите. Но къ намъ глухо доносится его плачь, и мы не можемъ по собственному почину ему помочь. Пусть же снится этотъ сонъ, и пусть болитъ наша совѣсть до тѣхъ поръ, пока мы не властны научить „дите“, не можемъ его накормить, пока оно „бѣдно и почернѣло отъ черной бѣды“, пока „не обнимаются, не цѣлуются, не поютъ пѣсень радостныхъ!“

С. Булгаковъ.

Общія черты судебной этики ¹⁾.

Мм. гг., съ чувствомъ невольнаго смущенія приступаю я къ моему докладу. Оно вызывается прежде всего глубокою скорбью о томъ, что, получивъ наконецъ давно желанную возможность принять активное участіе въ засѣданіи нашего Общества, я не вижу предъ собою ни полного мысли и энергіи лица Николая Яковлевича Грота, ни проникнутаго одухотворенною красотою образа Владиміра Сергѣевича Соловьева. Оба они вступили уже на тотъ берегъ, отъ котораго насъ еще отдѣляютъ туманы и неотрадныя волны житейской суеты. Мнѣ больно сознавать, что и возможность видѣть здѣсь дорогаго наставника, которому я самъ многимъ обязанъ въ своемъ духовномъ развитіи,—видѣть Бориса Николаевича Чичерина, пресѣчена постигшимъ его недугомъ... Смущаетъ меня и содержаніе моего доклада. Въ немъ очень мало мѣста для философскихъ разсужденій или психологическихъ изслѣдованій. Онъ, въ сущности, касается вопроса педагогическаго, т.-е. вопроса о томъ—не слѣдуетъ ли, при современномъ состояніи уголовного кризиса, расширить его академическое преподаваніе въ сторону подробнаго изслѣдованія и установленія нравственныхъ началъ, которымъ должно принадлежать видное и законное вліяніе въ дѣлѣ отправленія уголовного правосудія. Поэтому я заранѣе прошу снисхожденія, если этотъ докладъ не будетъ вполне соответствовать строгому и

. 1) Докладъ въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 22 декабря 1901 г.

стройному характеру трудовъ, къ которымъ привыкло Общество.

Нѣтъ сомнѣнія, что историко-догматическая сторона въ преподаваніи уголовного процесса вездѣ должна занимать подобающее ей по праву мѣсто, но, мнѣ думается, настало время наряду съ исторіей и догмою освѣтить и тѣ разнообразные вопросы, возникающіе въ каждой стадіи процесса, которые подлежатъ разрѣшенію согласно существеннымъ требованіямъ нравственного закона этого *non scripta, sed nota lex*. Ими у насъ до сихъ поръ почти никто систематически не занимался, а между тѣмъ нравственнымъ началамъ, какъ мнѣ кажется, принадлежитъ въ будущемъ первенствующая роль въ изслѣдованіи условій и обстановки уголовного процесса. Форма судопроизводства тоже повсюду болѣе или менѣе прочно установилась. Точно также опредѣлился взглядъ и на цѣнность, пригодность и цѣлесообразность различныхъ судебныхъ учреждений. Законодательство, подъ вліяніемъ временныхъ ослѣпленій, можетъ публично отступать назадъ и возвращаться къ устарѣлымъ и отжившимъ учрежденіямъ, но на коренныя начала правосудія—гласность, устность, непосредственность и свободную оцѣнку доказательствъ—оно серьезно посягнуть не рѣшится. Эти пріобрѣтенія человѣчества куплены слишкомъ дорогою цѣною многовѣковыхъ страданій и заблужденій, чтобы съ ними можно было легко и надолго разстаться. вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли скоро человѣчество придумаетъ форму суда, могущую съ прочнымъ успѣхомъ замѣнить судъ присяжныхъ,—или найдетъ возможнымъ обходиться безъ состязательнаго начала. Поэтому,—по всѣмъ вѣроятіямъ,—въ будущемъ предстоитъ лишь частичное улучшеніе нѣкоторыхъ отдѣловъ уголовного процесса и утонченіе техники производства уголовного изслѣдованія. Рядомъ съ этимъ изошреніемъ техники должно пойти—будемъ на это надѣяться—развитіе истиннаго и широкаго человѣколюбія на судѣ, равно далекаго и отъ механической нивеллировки отдѣльныхъ индивидуальностей, и отъ черствости пріемовъ,

и отъ чуждой истинной добротѣ дряблости воли въ защитѣ общественнаго правопорядка. Тогда главное вниманіе, съ полнымъ основаніемъ, обратится на изученіе нравственныхъ началъ уголовного процесса—и центръ тяжести ученія о судопроизводствѣ перенесется съ *хода процесса* на *этическую и общественно-правовую дѣятельность* судьи во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ.

Задача уголовного суда состоитъ въ изслѣдованіи преступнаго дѣянія и въ справедливомъ приложеніи къ человѣку, признанному виновнымъ, карательнаго закона. На судѣ не механизмъ и не отвлеченіе отъ жизни, а живой и воспримчивый организмъ, приходящій въ самое непосредственное и богатое разнообразными послѣдствіями соприкосновеніе съ явленіями общежитія. Онъ осуществляется судьею—въ общеніи съ другими сотрудниками или единолично. На различныхъ ступеняхъ уголовного процесса—изслѣдуя преступное дѣло и связывая съ нимъ личность содѣятеля,—оцѣнивая его вину и прилагая къ ней мѣрило уголовной кары,—наблюдая, чтобы эта оцѣнка была совершаема по правиламъ, установленнымъ для гарантіи какъ общества, такъ и подсудимаго—судья призванъ прилагать всѣ силы ума и совѣсти, знанія и опыта, чтобы постигнуть житейскую и юридическую правду дѣла. Облекая эту правду въ опредѣленные формы, онъ долженъ способствовать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, возстановленію поколебленнаго правопорядка. Какъ бы хороши ни были правила дѣятельности, они могутъ потерять свою силу и значеніе въ неопытныхъ, грубыхъ или недобросовѣстныхъ рукахъ. Чѣмъ больше отѣнковъ въ своемъ практическомъ примѣненіи допускаютъ эти правила, чѣмъ глубже косятся они личности и участи человѣка, чѣмъ болѣе важнымъ интересамъ общественной жизни они служатъ, тѣмъ серьезнѣе представляется вопросъ—въ чьи руки отдается приложеніе этихъ правилъ и при какихъ условіяхъ. Не даромъ народная житейская мудрость создала поговорку: „не суда бойся, бойся судьи!“ Извѣстный французскій криминалистъ Ортолацъ указываетъ

на то, что честный гражданинъ еще можетъ не подпасть подъ дѣйствіе дурныхъ уголовныхъ законовъ, но онъ лишень средствъ избѣжать дурного отправления правосудія, при которомъ самый обдуманнѣйшій и справедливѣйшій уголовный законъ обращается въ ничто.

Вотъ почему центромъ тяжести организациі уголовного правосудія долженъ быть признанъ *судья* съ тѣми неизбѣжными условіями, въ которыя его ставитъ разумное законодательство, и съ тѣми типическими чертами, которыми его снабжаетъ общественное правовое и нравственное чувство. Постановка званія судьи, предѣлы свободы его самостоятельности, обязательныя правила его дѣйствій и нравственныя требованія, предъявляемыя къ нему, даютъ ясную картину состоянія уголовного правосудія въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ. Отношеніе къ судьямъ рисуется въ общихъ чертахъ, и характеръ производимаго ими суда. Знаменитая фраза, которую Бомарше вкладываетъ въ уста своего героя: „я вѣрю въ вашу справедливость, *хотя* вы и представитель правосудія“ съ яркостью указываетъ, въ какихъ подкупныхъ и трусливыхъ рукахъ было производство суда въ современной ему Испаніи, а крикъ отчаянія, вырвавшійся у Де-Сеза: „я ишу судей—и нахожу лишь обвинителей“ характеризуетъ чуждыя правосудію чувства, овладѣвшія конвентомъ во время суда надъ „Людовикомъ Капетомъ“.

Такимъ образомъ изученіе судопроизводства, съ точки зрѣнія судейской дѣятельности, должно распасться на изученіе а) необходимыхъ *свойствъ* этой дѣятельности, выражающейся, главнымъ образомъ, въ постановленіи приговора, заключающаго въ себѣ выводъ о виновности на основаніи внутренняго убѣжденія судьи, толкованіе закона въ приложеніи къ данному случаю и опредѣленіе мѣры наказанія; б) необходимыхъ *условій* этой дѣятельности, и в) *поведенія* судьи по отношенію къ лицамъ, съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе вслѣдствіе своей дѣятельности. Въ первомъ отношеніи прежде всего особеннаго вниманія

заслуживаетъ та роль, которую должно играть въ выработкѣ приговора внутреннее убѣжденіе судьи.

Ближайшее знакомство съ типомъ судьи въ его историческомъ развитіи показываетъ, что, имѣя задачу быть живымъ выразителемъ правосудія, судья не всегда однако принималъ одинаковое участіе въ изслѣдованіи истины, и роль, которая отводилась ему *внутреннему убѣжденію*, какъ основанію приговора, не была одинакова въ разные историческіе періоды. Народный судъ геліастовъ, подъ предсѣдательствомъ архонта, въ древней Греціи, — присяжные судьи (*judices jurati*) подъ руководствомъ претора въ Римѣ до IV вѣка по Р. Х. и франко-германскій судъ *лучшихъ людей*, созываемый вождемъ маршіи—являются представителями чисто обвинительнаго начала и рѣшаютъ судебный споръ лишь по тѣмъ доказательствамъ, которыя представлены истцомъ—обвинителемъ и отвѣтчикомъ—обвиняемымъ. Къ доказательствамъ греческаго и римскаго процессовъ—задержанію съ поличнымъ, собственному признанію и показаніямъ свидѣтелей—эпоха *leges barbarorum* присоединяетъ свои, выдвигая на первый планъ очистительную присягу подсудимаго и поручителей за него изъ свободнаго сословія, съ замѣною ея ордаліей, т.-е. испытаніемъ огнемъ, водою и желѣзомъ. Феодальная система передаетъ судъ въ руки сеньора, патримоніальнаго владѣльца, по уполномочію котораго его замѣститель (во Франціи—балы) судитъ обвиняемаго при сотрудицествѣ опредѣленнаго числа равныхъ послѣднему по званію людей. Процессъ остается тѣмъ же, но въ числѣ доказательствъ преобладаетъ судебный поединокъ, получающій особенное развитіе въ XI и XII столѣтіяхъ и почти совершенно упраздняющій свидѣтельскія показанія. Такъ совершается постепенный переходъ отъ *свободы внутренняго убѣжденія*—при ограниченномъ кругѣ доказательствъ—древняго народнаго судьи къ внѣшней задачѣ судьи феодальнаго, которая характеризуется отсутствіемъ или вѣрнѣе *ненадобностью внутренняго убѣжденія* въ виновности или невинности подсудимаго. Въмѣсто суда человѣческаго

этотъ вопросъ рѣшаетъ судъ Божій, выражающійся въ личности или отсутствіи несомнѣнныхъ признаковъ виновности, состоящихъ въ слѣдахъ ожоговъ, въ побѣдѣ противника во время „поля“ и т. д. Судья, опредѣляя на чьей сторонѣ истина, не изслѣдуетъ вины и не основываетъ своего приговора на сопоставленіи и взвѣшиваніи внутренней силы доказательствъ: поличное, ордаля, поединокъ и даже признаніе такой работы по тогдашнему взгляду вовсе не требуютъ. Сплоченіе государствъ въ одно цѣлое и торжество монархическаго единства надъ феодальною раздробленностью—объединяетъ и судъ, сосредоточивая его въ рукахъ специальныхъ судей, назначаемыхъ отъ короны. Ихъ роль измѣняется. Подобно служителямъ церкви, имѣвшимъ свой особый, инквизиціонный процессъ, коронные судьи начинаютъ разыскивать доказательства преступленія и доискиваться виновности подсудимаго. Подъ влияніемъ церкви, которая все болѣе и болѣе сливается съ государствомъ, устраняются кровавыя доказательства. Исчезаютъ всякіе слѣды ордалей, не назначается болѣе судебныхъ поединковъ. Но связанное съ проповѣдью мира и человѣколюбія влияніе церкви на свѣтскій судъ привело къ обратному результату, усвоивъ этому суду приемы и обстановку своихъ изслѣдованій. Очищенная церковью отъ воззрѣній феодальнаго времени, система доказательствъ сосредоточилась на показаніяхъ и прежде и главнѣе всего на собственномъ признаніи и оговорѣ. Это признаніе надо добыть во что бы то ни стало,—не убѣжденіемъ, такъ страхомъ, не страхомъ, такъ мукою. Средствомъ для этого является пытка. Употреблявшаяся въ античномъ мірѣ и въ феодальную эпоху очень рѣдко и лишь относительно рабовъ и несвободныхъ, пытка становится универсальнымъ средствомъ для выясненія истины. Судья *допытывается* правды и считаетъ за нее то, что слышитъ изъ запекшихся отъ крика страданій устъ обвиняемаго, которому жмутъ тисками голени и пальцы на рукахъ, выворачиваютъ суставы, жгутъ бока и подошвы, въ котораго наливаютъ неимоверное количество воды. Это-

го нельзя дѣлать всенародно—и судъ уходитъ въ подземелье, въ застѣнокъ. Такъ заносить онъ въ свои мертвые и безцвѣтныя записи—признанія, данныя съ судорожными рыданіями или прерывающимся, умирающимъ шопотомъ. Отсюда—отсутствіе, очевидно бесполезной, защиты, безгласность, письменность и канцелярская тайна. Очевидно, что и тутъ внутреннему убѣжденію судьи очень мало мѣста. Если только онъ убѣжденъ, что пытка есть спасительное средство для полученія истины—а въ этомъ горячо убѣждены, въ лицѣ выдающихся юристовъ, всѣ судьи того времени—то рѣшаетъ дѣло не его совѣсть, а физическая выносливость подсудимаго. Это время можно назвать временемъ *предвзятости внутренняго убѣжденія*. Человѣчество однако движется впередъ и къ концу своего свыше трехвѣкового господства пытка сначала регулируется и сокращается и, наконецъ, исчезаетъ съ мрачныхъ процессуальныхъ страницъ. Развивавшаяся рядомъ съ нею система формальныхъ, предустановленныхъ доказательствъ—замѣняетъ ее и господствуетъ повсюду болѣе или менѣе неограниченно до введенія суда присяжныхъ. Эта система даетъ въ руки судѣ готовый рецептъ, гдѣ установлены заранѣе виды и дозы доказательныхъ средствъ, необходимыхъ для излѣченія подсудимаго отъ недуга, называемаго преступленіемъ. Задача судьи сводится къ механическому сложенію и вычитанію доказательствъ, въсь и взаимная сила которыхъ заранѣе определены, при чемъ даже и для сомнѣнія есть опредѣленные, формальныя правила. Хотя, при господствѣ розыскаго, слѣдственнаго процесса, судебная власть сама собираетъ доказательства, но, собравъ ихъ, она не даетъ судѣ права свободно сопоставлять и сравнивать ихъ, руководясь внутреннимъ убѣжденіемъ, а указываетъ ему для этого готовое непреложное мѣрило. Время господства системы формальныхъ доказательствъ можетъ быть названо временемъ *связанности внутренняго убѣжденія судьи*. Новое время даетъ, наконецъ, надлежащую свободу убѣжденію судьи, возвращая его въ положеніе античнаго судьи, но обставляя его лич-

ность и дѣятельность условіями и требованіями, которыя обезпечиваютъ, по мѣрѣ возможности, правильность отправленія правосудія. Розыскъ доказательствъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова производитъ судья, вооруженный опытомъ и знаніемъ,—и свою работу передаетъ другимъ судьямъ, которые уже ее оцѣниваютъ, присутствуя при совокупной работѣ сторонъ по разработкѣ этихъ доказательствъ. При этомъ слѣдственно-обвинительномъ производствѣ выводъ о виновности является результатомъ сложной внутренней работы судьи, не стѣсненнаго въ опредѣленіи силы доказательствъ ничѣмъ, кромѣ указаній разума и голоса совѣсти. При томъ, по важнѣйшимъ дѣламъ, судебная власть зоветъ къ себѣ въ помощь общество, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей,—и говоритъ этимъ обществу: „я сдѣлала все, что могла, чтобы выяснить злое дѣло человѣка, ставимаго мною на твой судъ,—теперь скажи свое слово самообороны или укажи мнѣ, что, ограждая тебя, я ошибалась въ его виновности“.

Повсемѣстное отсутствіе требованій отъ присяжныхъ мотивировки ихъ рѣшенія—есть самое яркое признаніе свободы судейскаго убѣжденія. Но, ставя высоко эту свободу, какъ необходимое условіе истиннаго правосудія, надо не смѣшивать ее съ произволомъ, съ усмотрѣніемъ судьи, лишеннымъ разумнаго основанія и не опирающимся на логическій выводъ изъ обстоятельствъ дѣла. Свобода внутреннего убѣжденія—по отношенію къ каждому доказательству состоитъ въ томъ, что доказательство это можетъ быть принято судьей за удостовѣреніе существованія того или другого обстоятельства лишь тогда, когда, разсмотрѣвъ его, обдумавъ и взвѣсивъ, судья находитъ его по источнику и содержанію невозбуждающимъ сомнѣнія и достойнымъ вѣры;—по отношенію ко всѣмъ доказательствамъ вмѣстѣ—въ томъ, что сопоставленіе, противопоставленіе и провѣрка однихъ доказательствъ другими совершается не по заранѣ начертанной программѣ, а путемъ разумной критической работы, ищущей доступной человѣку степени правды, и

одной правды, какъ бы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ни было тяжело подчинить свое личное чувство послѣдовательному выводу сознанія.

Судья—органъ государства. Оно смотритъ на него, какъ на средство ближе и правильнѣе исполнить свою задачу охраненія закона. Напряженіе душевныхъ силъ судьи для отысканія истины въ дѣлѣ есть исполненіе порученія государства, которое, уповая на спокойное безпристрастіе его тяжелаго подчасъ труда, ввѣряетъ ему частицу своей власти. Поэтому оно ждетъ отъ судьи обдуманнаго приговора, а не мимолетнаго мнѣнія, внушеннаго порывомъ чувства или предвзятымъ взглядомъ. Для правосудія является бѣдствіемъ, когда въ приговорахъ *stat pro ratione voluntas*. Поэтому судья, рѣшая дѣло, никогда не имѣетъ ни права, ни нравственнаго основанія говорить: „*sic volo, sic jubeo!*“—я такъ хочу. Онъ долженъ говорить, подобно Лютеру:—„*ich kann nicht anders!*“—я не могу иначе,—не могу потому, что и логика вещей, и внутреннее чувство, и житейская правда, и смыслъ закона—твердо и неуклонно подсказываютъ мнѣ мое рѣшеніе, и противъ всякаго другого заговорить моя совѣсть, какъ судьи и человѣка.—Постановляя свой приговоръ, судья можетъ ошибаться; но если онъ хочетъ быть дѣйствительно судьей, а не представителемъ произвола въ ту или другую сторону, онъ долженъ основывать свое рѣшеніе на томъ, что въ данное время ему представляется *логически неизбежнымъ и нравственно-обязательнымъ*. Тотъ же Лютеръ объясняетъ, что „грѣхъ противъ Духа Святого“ состоитъ въ „дьявольскомъ упорствѣ“, съ которымъ человѣкъ, разъ разубѣдившись въ чемъ либо, *не хочетъ* быть разубѣжденнымъ. „Я узналъ этотъ грѣхъ,—прибавляетъ онъ съ ироніей,—лишь сталъ ученымъ докторомъ“...

Одно внутреннее убѣжденіе, не стѣсненное обязательными правилами или формальными указаніями, не можетъ однако обезпечить справедливости рѣшеній. Въ самомъ судѣ и во внѣшнихъ обстоятельствахъ могутъ лежать причины къ тому, чтобы судья не умѣлъ или не могъ примѣнить къ

дѣлу всю полноту внутренняго своего убѣжденія или дать ему правильный исходъ. Человѣку свойственны увлеченія, создающія односторонній взглядъ на вещи, въ его дѣятельности возможны ошибки, недосмотры и невѣрное пониманіе предметовъ сложныхъ или необычныхъ. Наконецъ, судья можетъ страдать недостаткомъ, столь часто встрѣчающимся у насъ и названнымъ Кавелинымъ „лѣнью ума“. Эта лѣнь ума, отказывающагося проникать въ глубь вещей и пробивать себѣ дорогу среди кажущихся видимостей и поверхностныхъ противорѣчій особенно нежелательна въ виду того, что въ дѣлѣ суда достовѣрность вырабатывается изъ правдоподобности и добывается послѣдовательнымъ устраненіемъ возникающихъ сомнѣній. Благодѣтельный и разумный обычай, обратившійся почти что въ неписанный законъ, предписываетъ всякое сомнѣніе толковать въ пользу подсудимаго. Но какое это сомнѣніе? Конечно, не мимолетное, непровѣренное и соблазнительное по легко достигаемому при посредствѣ его рѣшенію, являющееся не плодомъ вялой работы лѣниваго ума и сонной совѣсти, а остающееся послѣ долгой, внимательной и всесторонней оцѣнки каждаго доказательства въ отдѣльности и всѣхъ ихъ въ совокупности, въ связи съ личностью и житейскою обстановкою обвиняемаго. Съ сомнѣніемъ надо бороться — и побѣдить его или быть имъ побѣжденнымъ, такъ, чтобы въ концѣ концовъ не колеблясь и не смущаясь сказать рѣшительное слово — „виновенъ“ или „нѣтъ“... Итальянскій процессъ, устанавливая парламентскій, а не судебный способъ подачи голосовъ присяжными засѣдателями, въ силу котораго послѣднимъ предоставляется воздерживаться отъ подачи голоса, опуская въ урну бѣлыя бумажки—потворствуетъ, ко вреду для правосудія, такой бездѣятельности ума и совѣсти, создавая почву для той *инертности духа*, которая, вмѣстѣ съ жаднымъ исканіемъ подчиненія авторитету и съ рабствомъ предъ своею чувственною природою, составляетъ, по ученію Фихте, одинъ изъ главнѣйшихъ пороковъ человѣчества.

Но опасности, грозящія выработкѣ правильнаго пригово-

ра, могут исходить не изъ однихъ личныхъ свойствъ судьи, онѣ могутъ лежать *внѣ* судьи, вліяя пагубнымъ для правосудія образомъ на спокойствіе рѣшенія и его независимость отъ постороннихъ личныхъ соображеній. Приказаніе, идущее отъ имущихъ власть и возможность *удалить судью* отъ его дѣла или вовсе лишить его привычной дѣятельности и настойчивыя, вліятельныя просьбы и внушенія, способны создать въ судѣ постоянную тревогу за свое положеніе вообще, опасеніе послѣдствій своего *предстоящаго* рѣшенія и страхъ по поводу *уже состоявшагося*. Къ судѣ слѣдуетъ предъявлять высокія требованія не только въ смыслѣ знанія и умѣнія, но и въ смыслѣ характера; но требовать отъ него героизма невозможно. Отсюда необходимость оградить его отъ условій, дающихъ основаніе къ развитію въ немъ малодушія и вынужденной угодливости. Отсюда *несмѣняемость* судьи, дающая честному, строго исполняющему свои обязанности человѣку безупречнаго поведенія возможность спокойно и безтрепетно осуществлять свою судейскую дѣятельность. Положеніе, при которомъ судья можетъ совершенно не помышлять о *своемъ* завтрашнемъ днѣ, а думать лишь о завтрашнемъ днѣ судимаго имъ *обвиняемаго*, положеніе, характеризуемое знаменитыми словами „la Cour rend des arrêts et pas des services“—есть одно изъ лучшихъ ручательствъ правильности приговоровъ.

Есть однако другой видъ давленія на судью, отъ котораго его должна ограждать не одна несмѣняемость, но и другія, нравственныя условія исполненія долга. Это давленіе окружающей среды, выражающееся весьма многообразно, чувствительно и вмѣстѣ неуловимо, создающее около судьи, въ его общественной жизни ту атмосферу, которая стремится властно повліять на исходъ его работы по тому или другому отдѣльному дѣлу или ряду дѣлъ. Подъ видомъ „общественнаго мнѣнія“ судѣ указывается иногда лишь на голосъ „общественной страсти“, слѣдовать которому въ судебномъ дѣлѣ всегда опасно и нерѣдко недостойно. Судья долженъ стоять выше этого въ выполненіи своей высокой

задачи, основанной не на временныхъ переходящихъ впечатлѣніяхъ, а на вѣчныхъ и неизмѣнныхъ началахъ правосудія. Забывая мудрый совѣтъ глубокаго мыслителя и юриста Бентама, указывающаго, что, исполняя свой долгъ, судья долженъ иногда идти противъ вождельнѣй толпы, говоря себѣ: „*populus me sibilat, at ego mihi plaudo!*“,— судья, боясь общаго неудовольствія, утраты популярности и трудной аналитической работы ума, можетъ пожелать во мнѣніи пестраго и волнующагося большинства найти легкой и успѣшный исходъ для своей заглушенной на время совѣсти и умыть себѣ руки. Такіе судьи бывали и имена нѣкоторыхъ пріобрѣли себѣ безсмертіе. Въ одной старой и чудной книгѣ, пережившей вѣка, рассказанъ процессъ, произведенный *такимъ* судьей и подъ вліяніемъ *такихъ* указаній. Это было 1868 лѣтъ назадъ. Судью звали Понтій Пилать.

Иногда, не вдумавшись глубоко въ смыслъ судебной дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, въ нихъ хотятъ видѣть представителей общественнаго мнѣнія по данному дѣлу. Это совершенно ошибочно. Было бы очень печально, если бы присяжные приносили въ судъ это уже заранѣе сложившееся мнѣніе, — мнѣніе, которое чрезвычайно подвижно, склонно увлекаться, бываетъ безсознательно игрушкой въ рукахъ своихъ развратителей или ловкихъ агитаторовъ, сегодня превозноситъ то, что еще вчера топтало въ грязь— и будучи часто справедливымъ въ своихъ *вкусахъ*, иногда бываетъ жестоко несправедливо въ поверхностной оцѣнкѣ фактовъ и побужденій. Не даромъ законъ предостерегаетъ присяжныхъ отъ мнѣній, сложившихся внѣ стѣнъ суда и вносить это предостереженіе даже въ текстъ ихъ присяги. Тѣ, кто раздѣлялъ трудныя судейскія обязанности съ присяжными, знаютъ, что послѣдніе служатъ не представителями мимолетнаго мнѣнія плохо освѣдомленной массы, а являются выразителями *общественной совѣсти*, велѣнія которой коренятся въ глубинѣ правового и нравственнаго міросозерцанія народа и въ каждомъ данномъ случаѣ примѣняются къ оцѣнкѣ *совокупности всѣхъ обстоятельствъ* дѣла.

Но кромѣ давленія на *имѣющій* состояться приговоръ возможны тягостные упреки судѣ, отчужденіе отъ него отдѣльных личностей и даже мщеніе ему по *поводу* постановленнаго имъ или при его участіи приговора. Это въ особенности примѣнимо по отношенію къ присяжнымъ засѣдателямъ, почерпнутымъ изъ общественнаго моря и снова въ него возвращающимся. Вотъ почему законъ, ограждая свободу убѣжденія присяжныхъ, устанавливаетъ строгія правила о тайнѣ ихъ совѣщаній. Уголовный приговоръ обыкновенно выражаетъ собою мнѣніе большинства, которому должно подчиняться меньшинство, не утрачивая самостоятельности своего взгляда и оставляя его слѣдъ въ особыхъ мнѣніяхъ; но судебные обычаи и приличія требуютъ, чтобы судья, оставшійся въ меньшинствѣ, не разглашалъ безъ нужды своего несогласія съ состоявшимся рѣшеніемъ, давая тѣмъ пищу страстямъ и праздному любопытству.

Такъ называемыя „судебныя ошибки“ далеко не всегда бываютъ слѣдствіемъ безсознательнаго заблужденія или несчастнаго стеченія обстоятельствъ. Исторія знаетъ помимо явно пристрастныхъ, жестокихъ и бездоказательныхъ приговоровъ, постановленныхъ въ угоду разсчитанному мщенію или политическимъ страстямъ,—приговоровъ, горящихъ на ея страницахъ, какъ несмываемое кровавое пятно на рукѣ леди Макбетъ,—еще и такіе, гдѣ въ оцѣнкѣ доказательствъ невольнo чувствуется вліяніе на судей предвзятыхъ мнѣній окружающей среды. Такіе приговоры, представляя, по прекрасному выраженію канцлера Дагессо, „общественное бѣдствіе“ — многіе годы тревожатъ совѣсть смѣняющихся поколѣній и взываютъ къ ихъ правосудію, въ то время, когда по приговорамъ перваго рода исторія — этотъ *testis temporum, vita memoriae, lux veritatis*—давно уже постановила свое оправдательное рѣшеніе несчастнымъ подсудимымъ.

Вернемся отъ этихъ *условій* дѣятельности судьи къ *свойствамъ* его приговора. Я уже говорилъ, что не одна оцѣнка доказательствъ и выводъ изъ нея предлежать судѣ. Не ме-

нѣе важную задачу его составляетъ *подведеніе установленной имъ виновности подъ опредѣленіе карательнаго закона* и приложеніе справедливой мѣры наказанія. Правильному примѣненію и толкованію закона судьей грозятъ въ жизни обыкновенно двѣ крайности: или судья выходитъ изъ предѣловъ своей дѣятельности и стремится стать законодателемъ, замѣняя въ своемъ толкованіи *существующій законъ желательнымъ*, или же онъ опирается на одну лишь букву закона, забывая про его духъ и про мотивы, его вызвавшіе. Но работа законодателя, исполняемая судьей, всегда поспѣшна, односторонняя и произвольна. Конкретный случай слишкомъ дѣйствуетъ на чувство и въ то же время обыкновенно представляетъ очень скудный матеріалъ для безличныхъ обобщеній, на которыя однако опирается работа составителя закона. Законодательная дѣятельность, въ своей вдумчивой и медлительной, по самому своему существу, работѣ, уподобляется старости, о которой поэтъ сказалъ: „старость ходить осторожно и подозрительно глядитъ“. Пестрыя явленія и новыя потребности мимобѣгушей жизни обгоняютъ законъ съ его тяжелою поступью. Судья легко и извинительно увлечется представленіемъ о томъ *новомъ*, которому слѣдовало бы быть на мѣстѣ существующаго *старого*,—и въ рамки настоящаго постараться втиснуть предполагаемыя велѣнія желаннаго будущаго. Этотъ приемъ приложенія закона съ точки зрѣнія *de lege ferenda*, вмѣсто *de lege lata*, однако грозитъ правосудію опасностью крайней неустойчивости и случайности, такъ какъ каждый судья будетъ склоненъ невольно вносить въ толкованіе закона свои личные вкусы, симпатіи и антипатіи—и равномерность приложенія закона замѣнять произволомъ неравномернаго усмотрѣнія.

Съ другой стороны, автоматическое примѣненіе закона по его буквальному смыслу, при чемъ судья не утруждаетъ себя проникновеніемъ въ его внутренней смыслъ, обличающій намѣреніе законодателя, и находитъ бездушное успокоеніе въ словахъ — *quia lex, sed lex* — недостойно судьи, хотя, во многихъ практическихъ случаяхъ, можетъ оказать-

ся для него не только удобнымъ, но даже и выгоднымъ. Для пониманія и толкованія закона необходима самостоятельность судьи и вдумчивая работа. Матеріальное уголовное право, устанавливая примѣненіе наказанія по аналогіи, вмѣняетъ судью въ обязанность оцѣнивать преступленія по ихъ важности и роду, т. е. входить въ разборъ того, *почему и для чего* обложилъ законъ тотъ или другой родъ преступныхъ дѣяній извѣстнымъ наказаніемъ. Судебные уставы — въ ст. 9 и 10 Уст. Гражд. Судопр. и 12 и 13 Уст. Угол. Суд. требуютъ, чтобы разрѣшеніе дѣла ни въ какомъ случаѣ не останавливалось подъ предлогомъ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, предписывая судебнымъ установленіямъ основывать свое рѣшеніе на общемъ смыслѣ послѣднихъ. А этотъ общій смыслъ постигается лишь сопоставленіемъ законовъ между собою, изученіемъ системы ихъ распредѣленія и историко-бытовыхъ источниковъ ихъ происхожденія. Сколько здѣсь серьезной работы для судьи,—какой сложный матеріалъ для его мышленія!

Въ этомъ же *общемъ смыслѣ* долженъ искать судья разъясняющія указанія при примѣненіи закона вообще. Языкъ закона скупъ и лакониченъ—и краткія его опредѣленія требуютъ подчасъ вдумчиваго толкованія, которое невозможно безъ проникновенія въ мысль законодателя. Эта сторона дѣятельности судьи, особливо кассационной его дѣятельности, представляетъ особую важность.

Она образуетъ живую связь между уголовнымъ закономъ и практическими проявленіями нарушенія ограждаемыхъ имъ интересовъ,—она даетъ драгоценный матеріалъ для назрѣвшихъ законодательныхъ работъ,—она указываетъ и на незаполненные пробѣлы въ существующихъ карательныхъ опредѣленіяхъ и на то, въ какомъ направленіи и смыслѣ ихъ слѣдуетъ заполнить. Поэтому ни въ какой другой стадіи судейской дѣятельности, какъ въ этой, въ стадіи толкованія и примѣненія закона, не представляется случая проявиться той разумной человѣчности, которая составляетъ одинъ изъ элементовъ истинной справедливости. Можно съ пол-

нымъ основаніемъ сказать, что не область вывода о виновности изъ обстоятельствъ дѣла, а именно область примѣненія закона есть та, въ которой наиболѣе осязательно и нравственно-ободрительно можетъ проявляться самостоятельность судьи и независимость его отъ нагнетающихъ на его совѣсть вліяній.

Наша кассационная практика представляетъ рядъ примѣровъ толкованія мотивовъ закона и вкладыванія въ его сжатую форму обширнаго жизненнаго содержанія. Достаточно указать на толкованіе понятій о соvrращеніи въ расколъ, о служебномъ подлогѣ, о посягательствахъ на честь и цѣломудріе женщинъ, о клеветѣ и опозореніи въ печати и т. п. Такъ, на примѣръ, уложеніе о наказаніяхъ говоритъ о взысканіи за клевету, не опредѣляя содержанія этого понятія, и Сенату пришлось, прежде всего, разъяснить, что подъ клеветою разумѣется завѣдомо ложное обвиненіе кого-либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести.

Жизнь показала однако, что такія обвиненія, подчасъ грозящія самыми тяжкими послѣдствіями неповинному и составляющія „поджогъ его чести“, размѣровъ и предѣловъ котораго не можетъ предусмотрѣть и ограничить даже и самъ клеветникъ, очень часто распространяются съ безсовѣстнымъ легкомысліемъ, съ преступною довѣрчивостью ко всякому случаю, дающему пищу злорадному любопытству. Пришлось пойти дальше и разъяснить, что подъ клеветою должно быть понимаемо не только завѣдомо ложное, но и не завѣдомо истинное обвиненіе въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести. Но жизнь, въ своемъ вѣчномъ движеніи, поставила вскорѣ другой вопросъ. Было распространено съ умысломъ не завѣдомо вѣрное извѣстіе о полученіи образованнымъ и воспитаннымъ случайнымъ посѣтителемъ ресторана пощечины и о послѣдовавшемъ затѣмъ выталкиваніи его вонъ. Оскорбителю защищался тѣмъ, что, дѣлая сообщеніе неprovѣреннаго и лживаго слуха, онъ не обвинялъ обиженнаго въ какомъ-либо *дѣйствіи*, противномъ правиламъ чести, такъ какъ полученіе пощечины не есть дѣйствіе по-

лучившаго ее, и, слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть основаній для обвиненія въ клеветѣ. Пришлось снова пойти дальше — и явилось разъясненіе нашего кассационнаго суда о томъ, что здѣсь есть клевета, такъ какъ было разглашено ложное обстоятельство о такомъ обращеніи съ жалобщикомъ, которое ложится тяжкимъ пятномъ на личное достоинство подвергшагося такому обращенію, приводя къ неизбежному выводу, что это поруганіе его чести вызвано его собственными дѣйствіями, при которыхъ онъ самъ своею честью не стѣснялся и ею не дорожилъ.

Дѣйствующее уложеніе составлено тогда, когда не только наша, но, повидимому, и западная жизнь еще не знали одного изъ отвратительнѣйшихъ преступленій, чрезвычайно распространившихся въ послѣднее время. Я говорю о такъ называемомъ шантажѣ, т.-е. вымогательствѣ денегъ и иныхъ услугъ подъ угрозой сообщенія кому-либо или во всеобщее свѣдѣніе обстоятельствъ, могущихъ разрушительно повліять на честь, имущество или семейное спокойствіе подвергающагося вымогательству. Нельзя оставлять безнаказаннымъ шипѣніе змѣи, заползающей, ради гнуснаго прибытка, въ чужую частную жизнь — и Сенатъ, въ рядѣ рѣшеній, подвель шантажъ подъ покушеніе на мошенничество. Признавая, что самоубійство можетъ иногда быть слѣдствіемъ жестокаго обращенія, уголовный законъ, въ ст. 1476 уложенія, караетъ родителей, опекуновъ и другихъ облеченныхъ властью лицъ за побужденіе, жестокимъ злоупотребленіемъ этою властью, подчиненныхъ имъ лицъ къ посягательству на свою собственную жизнь. Въ крестьянскомъ семействѣ повѣсилась сноха, доведенная до отчаянія притѣсненіями свекра и свекрови. По закону — послѣднія лица, не будучи родителями, въ то же время не облечены никакою властью надъ женою сына. Но не такъ въ дѣйствительной жизни — и Сенатъ отвергъ жалобу осужденныхъ по 1476 ст. уложенія, признавъ, что по установившемуся въ сельскомъ быту обычаю глава семейства, живущаго нераздѣльно, имѣетъ надъ всѣми принадлежащими къ семьѣ власть не только до-

мохозяина, но и родителя и, въ случаяхъ злоупотребленія ею, подходитъ подъ карательное опредѣленіе закона.

Къ важнѣйшимъ обязанностямъ судьи относится и *избраніе рода и мѣры наказанія*. Законодатель, руководясь нравственными и общественными идеалами, потребностями государства и цѣлями общежитія, изъ ряда сходныхъ житейскихъ явленій выводитъ одно типическое понятіе, которое и называетъ преступленіемъ, облагая опредѣленнымъ въ своихъ крайнихъ границахъ наказаніемъ. Судья это типическое понятіе прилагаетъ къ отдѣльнымъ случаямъ жизни, облеченнымъ въ плоть и кровь. Поэтому ему нужна наблюдательность, умѣнье оцѣнивать подробности и способность прислушиваться не только къ голосу разума, но и къ предстательству сердца. Наказаніе есть не только правовое, но и бытовое явленіе и его нельзя прилагать механически ко всякому однородному преступленію одинаково.

Карая нарушителя закона, судъ имѣетъ дѣло не съ однообразною формулою отношенія дѣятеля къ дѣянію, а обсуждаетъ такъ называемое „преступное состояніе“, представляющее собою въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ своего рода кругъ, въ центрѣ котораго стоитъ обвиняемый, отъ котораго къ окружности идутъ радіусы, выражающіе, болѣе или менѣе, всѣ стороны его личности и житейскаго положенія — психологическую, антропологическую, общественную, экономическую, бытовую, этнографическую и патологическую. Для правильной оцѣнки этого состоянія не можетъ быть общаго, равно примѣнимаго мѣрила, и механически прилагамое наказаніе безъ соображенія движущихъ силъ, приведшихъ къ преступленію, было бы, въ огромномъ числѣ случаевъ, великою несправедливостью. Поэтому всѣ лучшія современные уголовныя законодательства, а въ томъ числѣ нашъ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями и нашъ проектъ уголовного уложенія, стремятся, по возможности, освободить судью отъ внѣшнихъ путей и дать ему широкій просторъ въ избраніи наказанія, довѣряя, въ этомъ случаѣ, его житейской опыт-

ности и его судейской совѣсти. Въ послѣдніе годы, по этому вопросу то тутъ, то тамъ—у насъ, въ Пруссіи, въ Италиі—замѣчается нѣкоторая реакція противъ этой свободы, предоставляемой судѣ. Въ ней хотясть нѣкоторые видѣть лишь поле для легальнаго произвола, могущаго часто идти въ разрѣзъ съ истинными намѣреніями законодателя. Но даже и тамъ, гдѣ законъ ставитъ строгія и тѣсныя правила въ выборѣ наказанія, онъ предоставляетъ судѣ право признавать смягчающія обстоятельства, существенно вліяющія на мѣру и на степень наказанія, не говоря уже о томъ, что наше дѣйствующее уложеніе во многихъ случаяхъ разрѣшаетъ судѣ выбрать одно изъ двухъ и даже трехъ альтернативныхъ наказаній, весьма различныхъ по значенію и по тяжести при своемъ практическомъ осуществленіи.

Довѣріе къ судѣ — есть необходимое условіе его дѣятельности. Онъ не стоитъ къ уголовному законодателю въ положеніи приказчика, со стороны котораго можно опасаться растраты хозяйскаго добра. Онъ живой и самостоятельный выразитель цѣлей законодателя въ приложеніи ихъ къ явленіямъ повседневной жизни. Я уже говорилъ, что между указаніями его совѣсти и произволомъ есть огромная разница. То, что называется „судейскою совѣстью“, есть сила, поддерживающая судью и вносящая особый, возвышенный смыслъ въ творимое имъ дѣло. Условія ея проявленія прекрасно изображены въ присягѣ судей и присяжныхъ засѣдателей. Съ ея голосомъ надо считаться, подъ угрозой глубокаго душевнаго разлада съ собою... Съ непосредственнымъ приложеніемъ ея голоса къ рѣшенію каждаго дѣла связаны и трудныя, и сладкія минуты. Послѣднія бываютъ тогда, когда на закатѣ своей трудовой жизни, вспоминая отдѣльные эпизоды своей дѣятельности, судья имѣетъ возможность сказать себѣ, что ни голосъ страсти, ни постороннія вліянія, ни личныя соображенія, ни шумъ и гулъ общественнаго возбужденія — ничто не заглушило въ немъ сокровеннаго голоса, не измѣнило его *искреннюю*

убѣжденія и не свело его съ намѣченнаго судейскимъ долгомъ пути дѣйствительнаго правосудія.

Особенно важна въ нравственномъ отношеніи область изученія *поведенія судьи*, ибо исполненіе судьей своего служебнаго долга—охраненіе независимости своихъ рѣшеній и стремленіе вложить въ нихъ всю доступную ему справедливость—не исчерпываютъ еще всей полноты его задачи.

Современный процессъ ставитъ судью лицомъ къ лицу съ живымъ человѣкомъ. Гласность и устность внесли въ судебное производство начало непосредственнаго воспріятія матеріала для сужденія. Онѣ расшевелили и разметали по сторонамъ тотъ ворохъ бумагъ, докладовъ, протоколовъ, проектовъ, резолюцій и т. п., подъ которымъ былъ прежде погребенъ живой человѣкъ, становившійся лишь номеромъ дѣла. Онѣ встали изъ-подъ этого нагроможденія письменной работы, стиравшей его личныя краски, и предстали предъ судьей вмѣстѣ со своими фактическими обличителями и заступниками—свидѣтелями. Отсюда возникъ новый элементъ судейской дѣятельности—поведеніе судьи по отношенію къ людямъ, съ которыми онѣ призванъ имѣть дѣло. Это поведеніе не есть простая совокупность поступковъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ порядкѣ времени,—это есть систематическій и послѣдовательный рядъ дѣяній, связанныхъ между собою однимъ и тѣмъ же побужденіемъ и одною и тою же цѣлью. Иными словами—это есть сознательный образъ дѣйствій, одинаково примѣнимый ко всѣмъ разнообразнымъ случаямъ судебной и судебно-бытовой жизни, предусмотрѣть и предустановить которые заранѣе невозможно. Поэтому положительный законъ, говорящій объ отправленіи уголовного правосудія, не въ силахъ начертать образъ дѣйствій судьи во всѣхъ его проявленіяхъ. Да это и не входитъ въ его задачу. Онѣ можетъ и долженъ говорить лишь о порядкѣ, внѣшнемъ характерѣ и содержаніи отдѣльныхъ судебныхъ обрядовъ и процедуръ, распоряженій и постановленій. Онѣ намѣчаетъ *служебныя обязанности органовъ правосудія* по отношенію къ изслѣ-

дованію преступленія и къ соблюденію законныхъ условій, при которыхъ совершается постепенный переходъ нарушителя общественнаго правопорядка изъ заподозрѣннаго въ обвиняемаго, изъ обвиняемаго въ подсудимаго и изъ подсудимаго въ осужденнаго. Въ дѣятельности судьи, однако, должны сливаться правовыя и нравственныя требованія. Правила для внѣшнихъ дѣяній, въ своемъ практическомъ осуществленіи, неминуемо отражаютъ на себѣ и внутренній строй души того, кто ихъ осуществляетъ, ибо въ каждомъ судебномъ дѣйствіи, наряду съ вопросомъ, *что* слѣдуетъ произвести, возникаетъ не менѣе важный вопросъ о томъ, *какъ* это произвести. Чтобы не быть простымъ орудіемъ внѣшнихъ правилъ, дѣйствующимъ съ безучастною регулярностью часового механизма, судья долженъ вносить въ творимое имъ дѣло свою душу и, наряду съ предписаніями положительнаго закона, руководиться безусловными и вѣчными требованіями человѣческаго духа.

Такія требованія указаны Кантомъ, этимъ Петромъ Великимъ новой философіи, раскаты мощной мысли котораго слышатся до сихъ поръ во всѣхъ позднѣйшихъ ученіяхъ о проявленіяхъ человѣческаго духа,—Кантомъ, котораго въ засѣданіи петербургскаго Философскаго Общества профессоръ Котляревскій остроумно назвалъ „узловой станціей новѣйшей философіи“. Практическій разумъ, т.-е. обращенный не на внѣшній міръ, а на изученіе побужденій человѣческой воли, открываетъ, согласно возвышенному и глубокому ученію Канта, въ душѣ нашей *нравственный законъ*, безусловный, независимый отъ внѣшнихъ требованій, но подчиненный внутренней необходимости. Не личное счастье лежитъ въ основѣ его указаній, не отдаленныя цѣли мірового развитія и не успѣхъ въ борьбѣ за существованіе, приносящіе въ жертву отдѣльную личность, а *счастье ближняго и собственное нравственное совершенство*. Стремленіе къ тому и другому составляетъ нравственный долгъ человѣка, которому надлежитъ поступать такъ, чтобы правила его дѣйствій могли стать принципами дѣйствій другихъ людей,

т.-е. могли бы быть возведены во всеобщій обязательный для всѣхъ законъ. Осуществленіе безусловныхъ требованій нравственнаго долга выражается, прежде всего, въ уваженіи къ человѣческому достоинству и въ любви къ человѣку, какъ къ носителю нравственнаго закона, того закона, сознание котораго вмѣстѣ съ видомъ звѣзднаго неба наполняло душу великаго мыслителя восторгомъ и вѣрою въ безсмертіе души. Отсюда вытекаетъ справедливое отношеніе къ человѣку, выражающееся въ сознательномъ и безпристрастномъ поставленіи себя на его мѣсто въ каждомъ данномъ случаѣ и въ воздержаніи отъ того, чтобы дѣлать разумное существо не цѣлью, а средствомъ для достиженія постороннихъ и своихъ личныхъ цѣлей. Въ осуществленіи справедливости въ связи съ *дѣятельною* любовью, нравственный долгъ сливается съ руководящимъ началомъ христіанства, предписывающаго возлюбить ближняго, какъ самого себя. Вотъ почему наряду со служебнымъ долгомъ судебного дѣятеля вырастаетъ его нравственный долгъ. Онъ предписываетъ никогда не забывать, что объектомъ дѣйствій этого дѣятеля является прежде всего *человѣкъ*, имѣющій никѣмъ и ничѣмъ неотъемлемыя права на уваженіе къ своему человѣческому достоинству. Всякое поруганіе послѣдняго есть, неизбѣжно, поруганіе и своей собственной души, въ ея высочайшемъ проявленіи — совѣсти. Оно не проходитъ даромъ—и рано или поздно оживаетъ въ тяжелыхъ, гнетущихъ сознание, образахъ, отогнать которые уже нельзя позднимъ или даже и совершенно невозможнымъ исправленіемъ своего прежняго отступленія отъ возопившаго впослѣдствіи въ душѣ нравственнаго закона. Правосудіе не можетъ быть отрѣшено отъ справедливости, а послѣдняя состоитъ вовсе не въ одномъ правомѣрномъ примѣненіи къ доказанному дѣянію карательныхъ опредѣленій закона. Судебный дѣятель всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій относительно людей, къ дѣяніямъ которыхъ онъ призванъ приложить свой умъ, трудъ и власть,—долженъ стремиться къ осуществленію нравственнаго закона. Забвеніе про жи-

вого челоѣвка, про брата во Христѣ, про товарища въ общемъ міровомъ существованіи, способнаго на чувство страданія,—вмѣняетъ въ ничто и умъ, и талантъ судебнаго дѣятеля и *внѣшнюю*, предполагаемую полезность его работы! Какъ бы ни было различно его общественное положеніе сравнительно съ положеніемъ тѣхъ, кого онъ призываетъ предъ свой судъ, какъ бы ни считалъ онъ себя безупречнымъ не только въ формальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи, въ его душѣ должно, какъ живое напоминаніе о связи со всѣмъ окружающимъ міромъ, звучать прекрасное выраженіе браминовъ „*tat twam asi!*“—*это тоже ты*,—ты въ паденіи, ты въ несчастіи, ты въ невѣжествѣ, нищетѣ и заблужденіи, ты въ рукахъ страсти!

Вотъ почему необходимо, при изученіи уголовного процесса, обращать вниманіе на то, какъ и въ чемъ выражается въ немъ указываемая Гегелемъ *объективная нравственность* Sittlichkeit и должна проявляться *нравственность субъективная* — Moralitaet. Такимъ путемъ можно выяснить, какъ надлежитъ поступать, чтобы шаги *судебнаго дѣятеля* по пути къ цѣлямъ правосудія не противорѣчили нравственному долгу *человѣка*. Я предвижу, что мнѣ могутъ указать на отсутствіе въ моемъ докладѣ умозрительныхъ доказательствъ происхожденія нравственности и послѣдовательнаго вывода ея основаній изъ тѣхъ или другихъ коренныхъ положеній. Но это не входитъ въ мою задачу. Едва ли можно спорить противъ того, что нравственность, какъ рядъ непринудительныхъ, но тѣмъ не менѣе подчасъ весьма властныхъ требованій, вытекающихъ изъ общежитія, существуетъ, при чемъ эти требованія въ различныя историческія эпохи мѣняются въ формѣ своего осуществленія и во взглядѣ на свой источникъ. То обстоятельство, что Кантъ и Гегель, Гербертъ Спенсеръ и Гефдингъ, Соловьевъ и Гюйо существенно разнорѣчатъ въ своемъ ученіи о происхожденіи нравственности, почти сходясь въ ученіи о ея содержаніи, доказываетъ, что она не есть что-либо придуманное и отвлеченное, а дѣйствительно существующее, дающее себя

чувствовать на каждомъ шагѣ, и тѣсно переплетенное со множествомъ явленій нашей личной и общественной жизни.

Само процессуальное право признаетъ законность вторженія въ область своего примѣненія требованій нравственности и старается, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти требованія можно осуществить прямыми предписаніями, дать имъ необходимый просторъ. Такъ напримѣръ, оно признаетъ, что ради цѣлей земного правосудія нельзя ослаблять или нарушать священныя узы, связывающія людей между собою и съ Верховнымъ Судьею ихъ поступковъ. Поэтому, въ силу ст. 705 уст. угол. суд., супругъ подсудимой, родственники по прямой линіи, восходящей и нисходящей, родные его братья и сестры могутъ устранить себя отъ дачи показаній по дѣлу о немъ. Законъ щадитъ тѣ чувства, которыя даже при сознаніи свидѣтелемъ виновности подсудимаго или личности изобличающихъ его фактовъ заставляли бы нерѣдко сердце дающаго показаніе обливаться слезами и кровью или искать облегченія своего тяжкаго положенія во лжи. Въ человѣчномъ взглядѣ закона на таинственный голосъ крови или супружеской привязанности заключается даже какъ бы признаніе допустимости лжи, которая, въ извѣстныхъ случаяхъ, болѣе близка къ внутренней правдѣ жизни, чѣмъ объективная и холодная истина. Вслѣдствіе этого даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда близкіе кровные родственники и супруги не устраняютъ себя отъ свидѣтельства, т.-е. въ сущности, когда они хотятъ *помочь* своимъ показаніемъ подсудимому, законъ, снисходя къ понятной и возможной съ ихъ стороны неправдѣ, оберегаетъ ихъ отъ клятвопреступленія, предписывая допрашивать ихъ безъ присяги, а въ случаѣ доказанной лживости такого показанія, подвергаетъ на основаніи 944 ст. улож. виновнаго, желавшаго спасти прикосновеннаго къ дѣлу близкаго родственника или супруга—лишь кратковременному аресту.

Точно также вовсе не допускаются къ свидѣтельству, согласно ст. 93 и 704 уст. угол. суд., священники по отношенію къ признанію, сдѣланному на исповѣди и защитники

по отношенію къ признанію, сдѣланному имъ подсудимымъ во время производства о нихъ дѣлъ. Законъ строго поддерживаетъ церковное правило, обнародованное у насъ въ 1775 году: „да блюдетъ пресвитеръ исповѣданнаго грѣха никому да не откроетъ, ниже да не намѣтитъ въ генеральныхъ словахъ или другихъ какихъ примѣтахъ, но точію, какъ вещь запечатльнную держать у себѣ, вѣчному предавъ молчанію“. Онъ признаетъ, что священникъ, вѣщающій кающемуся „се Христось невидимо стоитъ, пріемля исповѣданіе твое, не усташися, ниже убояся и да не скроеши что отъ мене, но не обинуяся рцы вся, да пріемлещи оставленіе отъ Господа, отъ Негоже точію свидѣтель есмь, да свидѣтельствую *предъ Нимъ* вся, елика рѣчеш ми“ и затѣмъ отпустившій ему грѣхи, не можетъ уже являться обличителемъ предъ судомъ земнымъ. Здѣсь *возможность* раскрытія преступнаго дѣла и установленія вины приносится въ жертву *необходимости* сохранить высокое и просвѣтляющее значеніе исповѣди. И законъ тысячу разъ правъ, не допуская искаженія таинства покаянія обращеніемъ его во временное и случайное орудіе изслѣдованія преступленія! Правъ онъ и въ томъ, что проводитъ свое запрещеніе допрашивать священника о тайнѣ исповѣди послѣдовательно и неуклонно, не соблазняясь возможностью лукаво *предоставить* ему лишь отказываться отвѣчать на такой допросъ. Нравственныя требованія — этотъ категорическій императивъ Канта—должны быть ставимы твердо и безусловно, не оставляя выхода ни для психическаго насилія, ни для малодушія.

Проникнуть нравственнымъ элементомъ законъ и въ томъ случаѣ, когда воспрещаетъ спрашивать о сознаніи подсудимаго своему бывшему защитнику, хотя бы первому изъ нихъ уже и не могла грозить уголовная кара. Между защитникомъ и тѣмъ, кто въ тревогѣ и тоскѣ отъ грозно нагнутаго обвиненія обращается къ нему въ надеждѣ на помощь—устанавливается тѣсная связь довѣрія и искренности. Защитнику открываются тайники души, ему стара-

ются разъяснить свою невиновность или объяснить свое паденіе и свой, скрываемый отъ другихъ, позоръ такими подробностями личной жизни и семейнаго быта, по отношенію къ которымъ *слѣпая* Фемида должна быть и *глухою*. Къ такимъ же юридико-нравственнымъ правиламъ судопроизводства должно быть отнесено, на примѣръ, и право подсудимаго молчать на судѣ, при чемъ, согласно 685 ст. у. у. с., „молчаніе подсудимаго не должно быть принимаемо за признаніе имъ своей вины“. Законъ не требуетъ отъ подсудимаго непремѣннаго отвѣта на всѣ вопросы суда, не грозитъ ему обращеніемъ его молчанія въ оружіе противъ него, ибо нравственному чувству составителей судебныхъ уставовъ претила мысль пользоваться для судебныхъ цѣлей замѣшательствомъ, неумѣніемъ или несообразительностью поставленнаго въ безвыходное и психически подавленное положеніе человѣка.

Есть, однако, много случаевъ и положеній, ускользящихъ отъ внѣшней регламентаціи закона. Для нихъ не могутъ быть установлены какія-либо обязательныя нормы, законность и возможность которыхъ Гегель признаетъ, на примѣръ, въ области *Sittlichkeit*. Здѣсь все основывается на началахъ, почерпнутыхъ изъ области *Moralitaet*, на нравственной чуткости судьи, на его житейской опытности, на настойчивомъ душевномъ саморазвитіи и на искреннемъ стремленіи не только *казаться*, но и *быть* справедливымъ.

Въ частности, въ видѣ примѣровъ, можно указать рядъ случаевъ, въ которыхъ начала справедливости должны быть вносимы и въ способы къ ея осуществленію. Такъ сюда относится правильное обращеніе съ подсудимымъ и со свидѣтелями и облегченіе ихъ подчасъ очень тяжелаго или затруднительнаго положенія на судѣ. Судья не долженъ забывать, что *подсудимый* почти никогда не находится въ спокойномъ состояніи. Естественное волненіе послѣ долгихъ, тяжелыхъ недѣль и мѣсяцевъ ожиданія, иногда въ полномъ одиночествѣ тюремнаго заключенія, страхъ предъ приговоромъ, стыдъ за себя или близкихъ и раздражающее чувство

выставленности „напоказъ“ предъ холодно любопытными взорами публики — все это дѣйствуетъ подавляющимъ или болѣзненно-возбуждающимъ образомъ на сидящаго на скамѣ подсудимыхъ. Начальственный, отрывистый тонъ можетъ еще больше запугать или взволновать его. Спокойное къ нему отношеніе, — вниманіе къ его объясненіямъ, — полное отсутствіе ироніи или насмѣшки, которыми такъ грѣшатъ французскіе президенты суда, — а иногда и слово ободренія — входятъ въ нравственную обязанность судьи, который долженъ умѣть, безъ фарисейской гордыни, представить себя въ положеніи судимаго человѣка, *Tat twam asi!* — Не меньшаго вниманія заслуживаетъ и положеніе *потерпѣвшаго*, иногда оскорбленнаго въ своихъ лучшихъ чувствахъ и своихъ законныхъ правахъ. Стоитъ только представить себѣ положеніе обезчещенной дѣвушки, которая не можетъ прекратить разъ уже начатого — и по большей части не ею самую — дѣла и должна выдерживать подробный перекрестный допросъ, отвѣчая на разспросы о всѣхъ судебно-медицинскихъ подробностяхъ учиненнаго надъ нею поруганія. А положеніе ея родителей? а душевное состояніе тружениковъ, ставшихъ внезапно нищими, благодаря „самовоспособленію“ какого-нибудь банковскаго расхитителя? а отчаяніе и боль, и понятное раздраженіе жены, обреченной насильственной смертью мужа на одиночество и беспомощность? и т. п. Я помню изъ своей практики случай, когда въ качествѣ потерпѣвшей предстала предъ судомъ вдова достаточнаго человѣка, павшаго отъ руки ея брата, защищая честь и будущность ввѣренной его попеченію дѣвушки. Предъ несчастной женщиной, съ тремя малолѣтними сиротами на рукахъ, была поставлена жестокая дилемма — или отказаться отъ показаній по 705 ст. у. у. с. и предоставить подсудимому позорить доброе имя убитаго, приписывая ему самому гнусныя намѣренія, — или подвергнуться проклятію отца, которымъ послѣдній грозилъ ей, если она скажетъ хоть слово противъ брата... Мать побѣдила въ ней дочь — она дала показаніе, представъ грозною обличительницею брата и лишив-

шисъ чувствъ съ послѣднимъ словомъ своего объясненія. Мы *можемъ* себѣ представить ея состояніе,—предсѣдательствующій судья *долженъ* его себѣ представить, и форменное, безучастное его отношеніе къ такой потерпѣвшей—не противорѣча его законнымъ обязанностямъ, съ точки зрѣнія нравственнаго долга—являлось бы безчеловѣчнымъ. Наконецъ и не затронутые лично дѣломъ *свидѣтели* требуютъ уваженія къ своей личности. Они несутъ случайную повинность всегда болѣе или менѣе тягостную; большинство изъ нихъ теряется въ необычной, торжественной обстановкѣ суда; стороны—обвинитель и защитникъ—склонны иногда къ безцеремонному отношенію къ свидѣтелю, къ предложенію ему ненужныхъ щекотливыхъ и обидныхъ не по формѣ, а по своему косвенному смыслу вопросовъ. Одни свидѣтели подъ вліяніемъ этого раздражаются и, чувствуя, что ихъ ловятъ на словахъ, становятся грубы и принимаютъ вызывающій тонъ, — большинство же теряется и нравственно страдаетъ. Нужно зорко слѣдить за настроеніемъ свидѣтелей; нужно мысленно становиться на ихъ мѣсто, умѣя вернуть спокойствіе и самообладаніе однимъ, поддерживавъ бодрость въ другихъ. Нужно, наконецъ, терпѣливо и съ мягкою настойчивостью умѣть ограничить словоохотливость свидѣтеля и направить его къ тому, чтобы онъ излагалъ свои свѣдѣнія объ извѣстномъ ему и точныя впечатлѣнія отъ видѣннаго и слышаннаго, а не рассказывалъ суду, какъ это дѣлаютъ у насъ иногда и развитые люди, безсвязно и съ излишними пустыми подробностями *ходъ своего мышленія*. Предсѣдатель нравственно обязанъ давать свидѣтелю чувствовать, что онъ, свидѣтель, не одинокъ, не отданъ на жертву, и что у него есть бдительный защитникъ и охранитель.

Сюда, затѣмъ, относятся уваженіе къ наукѣ и ея представителямъ на судѣ, чуждое рабскому преклоненію предъ авторитетомъ, но чуждое также и самомнѣнію, внушаемому вѣрою въ такъ называемый „здравый смыслъ“;—уваженіе къ законной свободѣ слова и къ дару слова, не допускающее ни употребленія этого слова на служеніе безнравственнымъ

теоріямъ, ни стѣсненія его ненужными перерывами ио становками, по большей части свидѣтельствующими лишь о начальственной бездарности и способности къ трепету. Сюда же относится,—въ виду различныхъ и многообразныхъ неприятныхъ и способныхъ вызвать раздраженіе впечатлѣній, сопряженныхъ съ веденіемъ дѣла на судѣ, — воспитаніе судьей своей воли, „умѣнье властвовать собой“ и стремленіе слѣдовать совѣту нашего великаго поэта, сказавшаго „блаженъ, кто словомъ твердо править—и держитъ мысль на привязи свою“...

Можно также настойчиво желать, чтобы въ выполненіи формы и обрядовъ, которыми сопровождается отправленіе правосудія, вносился *вкусъ*, чувство *мѣры* и *тактъ*, ибо судъ есть не только судилище, но и школа. Здѣсь *этическія* требованія сливаются съ *эстетическими*, оправдывая свою внутреннюю связь, подмѣченную нѣкоторыми мыслителями.

Особенно обширнымъ является вліяніе нравственныхъ соображеній въ такомъ важномъ и сложномъ дѣлѣ, какъ оцѣнка доказательствъ по ихъ *источнику*, *содержанію* и *психологическимъ свойствамъ*,—какъ выясненіе себѣ, позволительно ли, независимо отъ формальнаго разрѣшенія закона, съ нравственной точки зрѣнія пользоваться тѣмъ или другимъ доказательствомъ вообще или взятымъ въ конкретномъ его видѣ? Достаточно, въ этомъ отношеніи, указать на необходимость тщательнаго анализа видовъ сознанія въ виновности, столь однообразнаго по своей формѣ и столь различнаго по побужденіямъ, къ нему приводящимъ. Какая разница между явкой съ повинною вслѣдствіе тяжелыхъ угрызений совѣсти, въ искреннемъ порывѣ изстрадавшейся души и признаніемъ въ меньшемъ преступленіи, чтобы сбить съ пути изслѣдователя или выторговать себѣ уменьшеніе наказанія! между признаніемъ, губительная сила котораго распространяется и на того, кому хочется отомстить, кого хочется нравственно похоронить, — и восторженнымъ желаніемъ „пріять страданіе“ хотя бы и за вымышленную вину, свойственнымъ нѣкоторымъ мрачнымъ религіознымъ энту-

зіастамъ! Нравственный долгъ судьи—не идти слѣпо по пути „собственнаго сознанія“, хотя бы нашъ старый законъ въ XV томѣ свода и считалъ его „лучшимъ доказательствомъ всего свѣта“ и хотя бы оно подтвердилось внѣшними обстоятельствами дѣла,—а свободно, вдумчиво и тревожно изслѣдовать, въ чемъ кроется истинный источникъ этого доказательства. Возьмемъ другой примѣръ. Между доказательствами, преимущественно въ дѣлахъ о преступленіяхъ противъ личности, иногда фигурируютъ дневники, чаще всего—подсудимыхъ, рѣдко потерпѣвшихъ отъ преступленія. Слѣдуетъ ли вообще и если слѣдуетъ, то можно ли безгранично пользоваться дневникомъ, какъ доказательствомъ? Законъ положительный отвѣчаетъ на это утвердительно. По уставу Угол. Суд. — если дневникъ, въ качествѣ письменнаго доказательства, приобщенъ къ дѣлу и упомянутъ въ протоколѣ слѣдователя, его можно читать на основаніи 687 ст. по требованію сторонъ. Но иначе обстоитъ дѣло со стороны нравственной.

Дневникъ очень опасное, въ смыслѣ постиженія правды, доказательство. Кромѣ очень рѣдкихъ случаевъ, когда дневникъ бываетъ отраженіемъ спокойныхъ наблюденій надъ жизнью со стороны зрѣлаго и много пережившаго человѣка и когда онъ болѣе походитъ на мемуары, онъ пишется въ ранней молодости, которой свойственно увлеченіе и невольное преувеличеніе своихъ ощущеній и впечатлѣній. Предчувствіе житейской борьбы и броженіе новыхъ чувствъ налагаютъ оттѣнокъ грусти и скоропреходящаго отчаянія на размышленія, передаваемые бумагѣ. Почти каждый молодой человѣкъ, одаренный живою воспріимчивостью, проходитъ свой личный періодъ Sturm und Drang, періодъ того, что Достоевскій называлъ „бунтомъ души“ и все, что возбуждаетъ въ немъ подозрѣніе, или причиняетъ боль, или вызываетъ гнѣвъ — выливается въ горячихъ, негодующихъ строкахъ, содержащихъ декларацію непримиримаго негодованія или безповоротнаго презрѣнія, объясняемаго не тѣмъ, что въ юные годы разрѣшеніе самыхъ сложныхъ

вопросовъ кажется „такъ возможно, такъ близко...“ Притомъ—и всякій, кто велъ дневникъ, не станетъ отрицать этого—на содержаніи дневника отражается, почти безсознательно, представление о какомъ-то отдаленномъ, будущемъ читателѣ, который когда-нибудь возьметъ дневникъ въ руки и скажетъ: „какой это былъ хорошій человѣкъ,—какія у него были благородныя мысли и побужденія“ или же, „какъ бичеваль онъ себя за свои недостатки, какое честное недовольство на себя умѣлъ онъ питать!“. Поэтому человѣкъ, безусловно правдивый въ передачѣ фактовъ и событій, часто въ дневникѣ обманываетъ себя самъ въ передачѣ своихъ чувствъ и мнѣній. Дозволительно ли, однако, пользоваться этимъ иногда во вредъ правосудію и обыкновенно во вредъ подсудимому и противъ него? Можно ли мнѣнія и чувства, почерпнутыя изъ дневника, выдавать за нѣчто определенное, строго проверенное, и дѣлать изъ нихъ орудіе обвиненія, когда знаешь, что, въ большинствѣ случаевъ мрачное или гнѣвное, исполненное „горечи и злости“ настроеніе, оставившее слѣдъ въ дневникѣ, должно пройти или даже прошло,—что жизнь взяла свое и все „образовалось“. Вотъ почему въ дневникѣ слѣдуетъ пользоваться лишь фактическими указаніями, отбросивъ всю личную сторону. Эти указанія могутъ быть иногда очень важны и полезны, доказывая, напримѣръ, присутствіе автора дневника въ извѣстномъ мѣстѣ и въ данное время или, наоборотъ, устанавливая его инобытность (*alibi*). Ими и надо ограничиваться. Нравственное чувство должно удерживать отъ любознательнаго прислушиванія къ сокровеннымъ звукамъ души—и притомъ къ звукамъ невѣрнымъ и взятымъ октавою выше...

Наконецъ, нельзя не указать нравственной необходимости цѣльности въ характерѣ слѣдствій судебного дѣятеля во всѣхъ фазисахъ и на всѣхъ ступеняхъ его работы и даже въ частной его жизни, ибо „стрѣла тогда лишь бьетъ высоко, когда здорова тетива“,—необходимости стойкости его въ законной борьбѣ во имя правосудія и за правосудіе, и

недопустимости въ судебномъ дѣятелѣ рисовки, самолюбованія, односторонняго увлеченія своими талантами, съ принесеніемъ *человѣка* въ жертву *картинѣ* и т. п.

Такимъ образомъ складывается рядъ *этическихъ правилъ*, образующихъ необходимую нравственную сторону въ дѣятельности судьи и его ближнихъ помощниковъ. Поэтому слѣдуетъ изучать не только судебную технику и судебную практику, но и *судебную этику*, какъ ученіе о приложеніи общихъ понятій о нравственности къ той или другой отрасли спеціальной судебной дѣятельности. Этическія правила существуютъ и въ другихъ отрасляхъ права — и въ другихъ учрежденіяхъ и областяхъ общественной жизни. Значительная часть дѣятельности *законодателя* должна быть построена на цѣляхъ и требованіяхъ морали; этическими потребностями объясняется современное вмѣшательство государства въ область народнаго хозяйства и промышленности путемъ законовъ о страхованіи рабочихъ, о трудѣ малолѣтнихъ, о рабочемъ днѣ и т. д.; съ нравственной точки зрѣнія оцѣниваются въ финансовомъ правѣ нѣкоторые виды займовъ и налоговъ и рекомендуются парализующія ихъ вредное вліяніе мѣры. Нужно ли говорить объ обширномъ проявленіи нравственнаго элемента въ постановленіяхъ объ организаціи тюремнаго дѣла и общественнаго благоустройства и безопасности? Особенно богата затѣмъ этическими вопросами область медицины. Здѣсь можно, съ полнымъ правомъ, говорить объ отдѣльной и важной отрасли знанія, необходимаго для врача — о *врачебной этикѣ*. Достаточно указать лишь на такіе вопросы какъ о врачебной тайнѣ, о явкѣ къ больному, о предѣлахъ сохраненія секрета научно-врачебныхъ открытій и т. д., чтобы увидѣть всю важность этой отрасли профессиональной этики. Наконецъ, и область свободнаго творчества—искусство, литература и сцена, не совершенно изъяты отъ вліянія этическихъ требованій, — ибо и здѣсь возможно сознательное обращеніе творчества на служеніе порочнымъ и низкимъ инстинктамъ и въ средство удовлетворенія больному или свирѣпому любопытству.

До сихъ поръ мы говорили почти исключительно о дѣятельности судьи; но состязательное начало въ процессѣ выдвигаетъ, какъ необходимыхъ помощниковъ судьи въ изслѣдованіи истины, — *обвинителя* и *защитника*. Ихъ совокупными усилиями освѣщаются разныя, противоположныя стороны дѣла и облегчается оцѣнка его подробностей. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ представителемъ обвинения является *прокуроръ*. Вводя въ Россіи заимствованный съ Запада институтъ государственныхъ обвинителей, составители судебныхъ уставовъ стояли предъ трудною задачею. Надо было создать должностное лицо, несущее новыя, необычныя обязанности и дѣйствующее не въ тиши „присутствія“, а въ обстановкѣ публичнаго столкновенія и обмѣна убѣжденныхъ взглядовъ, — и дѣйствующаго притомъ невѣдомымъ дотолѣ оружіемъ — живымъ словомъ. Гдѣ взять пригодныхъ для этого людей? Не будутъ ли они слѣпыми подражателями западнымъ образцамъ, не перенесутъ ли они на русскую почву страстныхъ и трескучихъ приемовъ французскихъ обвинителей, столь часто обращающихъ свое участіе въ судебныхъ преніяхъ въ запальчивую травлю подсудимаго? Въ судебномъ строѣ стараго устройства была прекрасная должность губернскаго прокурора. Наслѣдіе Петровскихъ временъ и одно изъ лучшихъ украшеній Екатерининскихъ учреждений — должность эта, при всей своей полезности, — къ сожалѣнію не достаточно признанной при поспѣшномъ ея упраздненіи, — не представляла однако элементовъ для выработки обвинительныхъ приемовъ. „Блюститель закона“ и „Царское око“, — охранитель интересовъ казны и свободы дѣйствій частныхъ лицъ въ случаяхъ учрежденія опеки съ ограниченіемъ ихъ правъ, — ходатай за арестантовъ и наблюдатель за содержаніемъ ихъ „безъ употребленій орудій, закономъ воспрещенныхъ“, внимательный „читатель“ опредѣленій всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, возбудитель „безгласныхъ“ дѣлъ, находившійся въ прямыхъ сношеніяхъ съ министромъ юстиціи, — губернский прокуроръ, по существу своихъ правъ и обязанностей, былъ

представителемъ центральной правительственной власти, вдвинутомъ въ среду мѣстнаго управленія. Но во всей его многообразной дѣятельности не было почвы для судебного состязанія, въ которомъ взаимно создаются и разрушаются аргументы и устанавливаются новыя и не всегда ожидаемыя точки зрѣнія не только на законъ, но и на личность подсудимаго, взятую не отвлеченно, а выхваченную изъ жизни со всѣми своими корнями и вѣтвями. Не было ни школы, ни подготовки для прокуроровъ-обвинителей, но былъ зато на лицо вѣчный припѣвъ противъ осуществленія реформъ, призванныхъ оживить и облагородить нашъ общественный строй: „нѣтъ людей!“. Жизнь, однако, блистательно опровергла эти зловѣщія опасенія, способныя оправдать всякія неудачи и подорвать всякія начинанія. Люди нашлись. Быстро и съ запасомъ неожиданныхъ силъ появились у насъ въ первые же мѣсяцы послѣ преобразованія судовъ, въ лицѣ прокуроровъ и защитниковъ, судебные ораторы, не только глубоко понявшіе свою новую роль, но и умѣвшіе владѣть словомъ и внесившіе въ это умѣнье иногда и истинный талантъ. И не слѣпыми подражателями французскому образцу явились они. Они самостоятельно пошли своей дорогой, еще разъ доказавъ способность духовной природы русскаго человѣка. Если, быть можетъ, еще рано говорить о вполнѣ выработанномъ типѣ русскаго прокурора, то, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что общій характеръ и приемы русской обвинительной рѣчи имѣютъ очень мало общаго съ тѣмъ, что, подъ влияніемъ страстности національнаго темперамента, односторонняго отношенія къ подсудимому и освященныхъ годами привычекъ, говорятъ, въ большинствѣ, французскіе прокуроры. Основныя черты слагающагося русскаго типа обвинителя суть, за исключеніемъ печальныхъ уклоненій, спокойствіе, отсутствіе личнаго озлобленія противъ подсудимаго, опрятность приемовъ обвиненія, чуждая и возбужденію страстей, и искаженію данныхъ дѣла, и, наконецъ, что весьма важно, полное отсутствіе лицедѣйства въ голосѣ, въ жестѣ и въ

способъ держать себя на судѣ. Къ этому надо прибавить простоту языка, свободную, въ большинствѣ случаевъ, отъ вычурности или громкихъ и „жалкихъ“ словъ. Лучшіе изъ нашихъ судебныхъ ораторовъ поняли, что въ стремленіи къ истинѣ всегда самыя глубокія мысли сливаются съ простѣйшимъ словомъ. Слово — одно изъ величайшихъ орудій человѣка. Безсильное само по себѣ — оно становится могучимъ и неотразимымъ, сказанное умѣло, искренно и въ время. Оно способно увлекать за собою самого говорящаго и ослѣплять его и окружающихъ своимъ блескомъ. Поэтому нравственный долгъ судебного оратора — обращаться осторожно и умѣренно съ этимъ оружіемъ и дѣлать свое слово лишь слугою глубокаго убѣжденія, не поддаваясь соблазну красивой формы или *видимой* логичности своихъ построений и не заботясь о способахъ увлечь кого-либо своею рѣчью. Онъ долженъ не забывать совѣта Фауста Вагнеру: „говори съ убѣжденіемъ, слова и вліяніе на слушателей придутъ сами собою“.

Судебные уставы, создавая прокурора-обвинителя и указавъ ему его задачу, начертали и нравственныя требованія, которыя облегчаютъ и возвышаютъ его задачу, отнимая у исполненія ея формальную черствость и бездушную исполнительность. Они вмѣняютъ въ обязанность прокурору отказываться отъ обвиненія въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ найдетъ оправданія подсудимаго уважительными и заявлять о томъ суду по совѣсти, внося, такимъ образомъ, въ дѣятельность *стороны* элементъ безпристрастія, которое должно быть свойственно судѣ. Обрисовывая, насколько это возможно въ законѣ, приемы обвиненія, судебные уставы даютъ прокурору возвышенныя наставленія, указывая ему, что въ рѣчи своей онъ не долженъ ни представлять дѣла въ одностороннемъ видѣ, извлекая изъ него только обстоятельства, уличающія подсудимаго, ни преувеличивать значенія доказательствъ и уликъ, или важности преступленія. Такимъ образомъ, въ силу этихъ этическихъ требованій, прокуроръ приглашается сказать свое слово и въ опро-

верженіе обстоятельствъ, *казавшихся* сложившимися противъ подсудимаго, при чемъ въ оцѣнкѣ и взвѣшиваніи доказательствъ онъ вовсе не стѣсненъ цѣлями обвиненія. Иными словами, онъ — *говорящій публично судья*. На обязанности его лежитъ сгруппировать и провѣрить все изобличающее подсудимаго, и если подведенный имъ итогъ, съ необходимымъ и обязательнымъ учетомъ всего, говорящаго въ пользу обвиняемаго, создастъ въ немъ убѣжденіе въ виновности послѣдняго, заявить о томъ суду. Сдѣлать это надо въ связномъ и послѣдовательномъ изложеніи, со спокойнымъ достоинствомъ исполняемаго грустнаго долга, безъ паэоса, негодованія и преслѣдованія какой-либо иной цѣли, кромѣ правосудія, которое достигается не непремѣннымъ согласіемъ суда съ доводами обвинителя, а непремѣннымъ *выслушаніемъ* ихъ.

Отсюда видно, какое обширное примѣненіе должны находить себѣ въ прокурорской дѣятельности начала судебной этики. Подробное ознакомленіе съ приѣмами обвиненія, съ положеніемъ прокурора на судѣ и съ отношеніемъ его къ свидѣтелямъ, къ присяжнымъ и къ подсудимому и его защитнику, показываетъ, какъ тѣсно связано отправленіе прокурорскихъ обязанностей съ тѣми нравственными правилами отношенія къ человѣку, о которыхъ я уже говорилъ. На государствѣ лежитъ задача охраненія общества, между прочимъ преслѣдованіемъ нарушителей закона. Практическое служеніе этой важной задачѣ выпадаетъ въ судебномъ состязаніи на долю прокурора - обвинителя и, исполняя свой тяжелый долгъ, онъ служитъ обществу. Но это служеніе только тогда будетъ полезно, когда въ него будетъ внесена строгая нравственная дисциплина и когда интересы общества и человѣческое достоинство личности будутъ ограждаться съ одинаковою чуткостью и усердіемъ. Знаменитый московскій митрополитъ Филаретъ въ своей рѣчи „о назиданіи ссыльныхъ“ говоритъ, что относиться къ преступнику, надо „съ христіанскою любовью, съ простотою и снисхожденіемъ и остерегаться всего, что унижаетъ или

оскорбляетъ. Низко преступленіе, а человѣкъ достоинъ сожалѣнія“. Но если таково должно быть отношеніе къ *осужденному* преступнику, составляющее одну изъ прекрасныхъ нравственныхъ чертъ русскаго народа — то нѣтъ никакого основанія иначе относиться къ *подсудимому*. А это должно неминуемо отражаться на формахъ и приѣмахъ обвинительной рѣчи, нисколько не ослабляя ея правовой и фактической доказательности. Строгое соблюденіе этическихъ началъ въ состязательной дѣятельности русскаго прокурора необходимо еще и потому, что желательный обликъ *говорящаго судьи* еще у насъ не вполне установленъ. Онъ, какъ называетъ судебная практика, подвергается иногда весьма печальному искаженію. Обвинители увлекаются, не всегда ясно понимаютъ свои задачи. Бываютъ, къ счастью очень рѣдкіе, случаи, когда для обвинителя, подъ вліяніемъ постороннихъ правосудію личныхъ расчетовъ, обвиняемый человѣкъ, вопреки предписанію нравственнаго закона, становится *средствомъ*. Молодому поколѣнію русскихъ юристовъ-практиковъ предлежитъ благодарная и высокая задача личнымъ примѣромъ закрѣпить и упрочить типъ говорящаго судьи и тѣмъ способствовать выработкѣ прекрасной *національной* особенности нашего судебного быта.

Еще большее значеніе имѣютъ этическіе уставы дѣятельности для *адвокатуры* по уголовнымъ дѣламъ, ибо уголовная защита представляетъ больше поводовъ для предъявленія требованій, почерпнутыхъ изъ области нравственной, чѣмъ дѣятельность обвинительная, въ виду сложныхъ многообразныхъ отношеній защитника къ своему клиенту-подсудимому и къ обществу. Цѣлый рядъ общихъ и частныхъ вопросовъ возникаетъ при изученіи осуществленія и обстановки уголовной защиты и каждый изъ нихъ вызываетъ на практикѣ разнообразныя, нерѣдко діаметрально-противоположныя рѣшенія. Защита есть общественное служеніе, говорятъ одни. Уголовный защитникъ долженъ быть *vir bonus, dicendi peritus*, вооруженный знаніемъ и глубокой честностью, умѣренный въ приѣмахъ, безкорыстный въ ма-

теріальномъ отношеніи, независимый въ убѣжденіяхъ, стойкій въ своей солидарности съ товарищами. Онъ долженъ являться лишь правозаступникомъ и дѣйствовать только на судѣ или на предварительномъ слѣдствіи, гдѣ это допускается. Онъ не слуга своего кліента и не пособникъ ему въ стремленіи уйти отъ заслуженной кары правосудія. Онъ другъ, онъ совѣтникъ человѣка, который, по его искреннему убѣжденію, невиновенъ *вовсе*, или *вовсе не такъ и не въ томъ* виновенъ, какъ и въ чемъ его обвиняють. Не будучи слугою кліента — онъ, однако, въ своемъ общественномъ служеніи, слуга государства, и можетъ быть *назначенъ* на защиту такого обвиняемаго, въ помощь которому по собственному желанію онъ бы не пришелъ. И въ этомъ случаѣ его роль почтенна, ибо нѣтъ такого падшаго и преступнаго человѣка, въ которомъ безвозвратно былъ бы затемненъ человѣческій образъ и по отношенію къ которому не было бы мѣста слову снисхожденія. Говоря, при наличности доказаннаго преступленія, о снисхожденіи — защитникъ исполняетъ свою обязанность — свою завидную обязанность — вызывать наряду со строгимъ голосомъ правосудія, карающаго преступное дѣло, кроткіе звуки милости къ человѣку, иногда глубоко несчастному.

Уголовный защитникъ — говорятъ другіе — есть производитель труда, составляющаго извѣстную цѣнность, оплачиваемую эквивалентомъ въ зависимости отъ тяжести работы и способности работника. Какъ для врача, въ его практической дѣятельности, не можетъ быть дурныхъ и хорошихъ людей, заслуженныхъ и незаслуженныхъ болѣзней, а есть лишь больные и страданія, которыя надо облегчить, — такъ и для защитника нѣтъ чистыхъ и грязныхъ, правыхъ и неправыхъ дѣлъ, а есть лишь даваемый обвиненіемъ поводъ противопоставить доводамъ прокурора всю силу и тонкость своей діалектики, служа ближайшимъ интересамъ кліента и не заглядывая на далекій горизонтъ общественнаго блага.

Отсюда видно насколько умѣстно и желательно изученіе возникающихъ въ адвокатурѣ вопросовъ и отношеній съ

точки зрѣнія требованій основныхъ началъ нравственности. Особенно это важно у насъ, гдѣ еще уголовная защита не вылилась въ окончательно сложившіяся формы. Учрежденіе присяжной адвокатуры, пришедшей на смѣну старинныхъ ходатаевъ, крючкотворцевъ и челобитчиковъ „съ задняго крыльца“—было встрѣчено горячимъ общественнымъ сочувствіемъ и, привлекая къ себѣ выдающіяся силы, эта адвокатура стала сильнымъ конкурентомъ магистратуры на почвѣ личнаго состава. Но къ сожалѣнію, она не поставлена въ благопріятныя для своего развитія условія. Это постепенно отразилось и на представленіи значительной части общества объ уголовномъ защитникѣ, при чемъ, по вольному или невольному заблужденію, въ глазахъ хулителей слились воедино и присяжные повѣренные, и частные ходатаи и, наконецъ, совершенно постороннія адвокатурѣ лица, имѣющія право быть представителями обвиняемыхъ въ уголовномъ судѣ безъ всякаго нравственнаго или образовательнаго ценза.

Но, независимо отъ неправильности такого искусственнаго сліянія, не надо забывать, что несовершенство чловѣческихъ учрежденій даетъ основаніе и для проявленій несовершенства чловѣческой природы, — а *возможное* совершенство достигается не поспѣшными и огульными обвиненіями, а безпристрастною и спокойною работою улучшенія. Историкъ первыхъ 30 лѣтъ дѣятельности русской адвокатуры поступилъ бы несправедливо и близоруко, если бы забылъ тѣ достойныя глубокаго уваженія имена, которыя оставили и оставятъ свой нравственный слѣдъ въ рядахъ присяжной адвокатуры, и не отмѣтилъ той постоянной и вполне безкорыстной работы, которую нерѣдко съ большимъ напряженіемъ силъ, приходилось и приходится нести членамъ этой адвокатуры, защищая, по назначенію отъ суда, въ огромномъ числѣ дѣлъ. Значительные шаги въ выработкѣ этическихъ началъ и правилъ адвокатской дѣятельности уже сдѣланы совокупными трудами видныхъ ея представителей, но благотворная работа эта еще не окон-

чена. Надо идти къ приведенію нравственнаго чувства лучшей части общества въ гармонію задачами и приёмами уголовной защиты. Эта гармонія нарушается и можетъ обращаться въ справедливую тревогу, при видѣ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ и къ счастью рѣдкихъ случаяхъ, того, какъ защита *преступника* обращается въ оправданіе *преступленія*, при чемъ потерпѣвшаго и виновнаго, искусно извращая нравственную перспективу дѣла, заставляють помѣняться ролями,—или какъ широко оплаченная ораторская помощь отдается въ пользованіе притѣснителю слабыхъ, развратителю невинныхъ или расхитителю чужихъ трудовыхъ сбереженій. Есть основанія для такой тревоги и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительные интересы обвиняемаго и огражденіе присяжныхъ засѣдателей отъ могущихъ отразиться на достоинствѣ ихъ приговора увлеченій, приносятся въ жертву эгоистическому желанію возбудить шумное вниманіе къ *своему* имени — и человѣка, а иногда и цѣлое учрежденіе дѣлается попытка обратить въ *средство* для личныхъ цѣлей, осуждаемое нравственнымъ закономъ. Въ этой области проведеніе въ судебную жизнь этическихъ началъ тѣсно связано съ разработкою того, что нравственно дозволительно или недозволительно въ *судебныхъ преніяхъ*. Вотъ почему можно и даже должно говорить объ этической подкладкѣ судебного краснорѣчія, для истинной цѣнности котораго недостаточно одного знанія обстоятельствъ дѣла, знанія родного слова и умѣнья владѣть имъ и слѣдованія формальнымъ указаніямъ или ограниченіямъ оберегающаго честь и добрыя нравы закона. Всѣ главные приемы судоговоренія слѣдовало бы подвергнуть своего рода критическому пересмотру съ точки зрѣнія *нравственной дозволительности* ихъ. Мѣриломъ этой дозволительности могло бы служить то соображеніе, что цѣль не можетъ оправдывать средства и что высокія цѣли правосуднаго огражденія общества и вмѣстѣ защиты личности отъ несправедливаго обвиненія должны быть достигаемы только нравственными способами и приёмами. Кромѣ того, дѣятели судебного состязанія не

должны забывать, что судъ, въ извѣстномъ отношеніи, есть школа для народа, изъ которой, помимо уваженія къ закону, должны выноситься уроки служенія правдѣ и уваженія къ человѣческому достоинству. Въ огромномъ числѣ серьезныхъ дѣлъ общество, въ лицѣ своихъ представителей, присяжныхъ засѣдателей, не только участвуетъ въ рѣшеніи вопроса о винѣ и невинности подсудимаго, но и получаетъ назидательныя указанія!

Важное педагогическое значеніе суда присяжныхъ должно состоять именно въ томъ, чтобы эти люди, оторванные на время отъ своихъ обыденныхъ и часто совершенно безцвѣтныхъ занятій и соединенные у одного общаго, глубокаго по значенію и по налагаемой имъ нравственной отвѣтственности, дѣла, уносили съ собою, растекаясь по своимъ уголкамъ, не только возвышающее сознаніе исполненнаго долга общественнаго служенія, но и облагораживающее воспоминаніе о правильномъ отношеніи къ людямъ и достойномъ обращеніи съ ними. Эта форма суда заслуживаетъ особаго изученія именно съ точки зрѣнія нравственныхъ началъ, въ нея вложенныхъ, и при посредствѣ ея осуществляемыхъ. Объемъ распространенія суда присяжныхъ то суживается, то расширяется, и можно сказать, что въ одной лишь Англій на него смотрятъ какъ на нѣчто безповоротное и органически слившееся со всѣмъ строемъ общественной жизни. Но именно такое боевое положеніе этой формы суда и указываетъ, какъ глубоко и чувствительно соприкасается она съ жизнью, служа одновременно и однимъ изъ ея регуляторовъ и правдивымъ ея отраженіемъ. Упраздненіе суда присяжныхъ по важнѣйшимъ дѣламъ и передача его функцій короннымъ судьямъ, удовлетворяя трусливымъ пожеланіямъ внѣшняго и формальнаго единообразія—обыкновенно отодвигаетъ судъ отъ жизни и создаетъ для него „заповѣдную область“, отъ которой часто вѣетъ холодомъ и затхлостью рутинны. Поэтому, несмотря на національную реакцію противъ учрежденій, перенесенныхъ въ Германію изъ Франціи, даже возсоздатели суда

шеффеновъ не рѣшились совсѣмъ упразднить судъ присяжныхъ и лишь въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ нимъ, по сторонамъ короннаго судьи посадили выборныхъ на долгій срокъ засѣдателей, очень скоро стяжавшихъ себѣ славу—Isager'овъ и Weichläfer'овъ. И надо признать, что ни историко-политическія возраженія Геринга и Биндинга, ни метафизическія выходки Шопенгауэра и техническая критика Крюппи—не въ состояніи поколебать основаній суда присяжныхъ. Поспѣшные и основанные на непровѣренныхъ данныхъ выводы о неправильности приговоровъ присяжныхъ со стороны людей, не бывшихъ свидѣтелями хода процесса, не пережившихъ его лично, а судящихъ лишь по обрывкамъ печатныхъ извѣстій—составляютъ обычное явленіе у насъ. При томъ этотъ судъ долгіе годы поставленъ былъ въ самыя невыгодныя условія, оставаясь безъ призора и ухода, при чемъ недостатки его, столь естественные въ новомъ дѣлѣ, не исправлялись любовно и рачительно, а „каждое лыко ставилось въ строку“. Еще недавно у насъ надъ нимъ было произведено особое судебное разбирательство, при чемъ въ горячихъ и пристрастныхъ обвинителяхъ не было недостатка. И все-таки, подавляющимъ большинствомъ, пришлось вынести ему оправдательный приговоръ, выразивъ надежду, что этотъ жизненный, облагораживающій народную нравственность и служащій проводникомъ народнаго правосознанія судъ долженъ укрѣпиться въ нашей жизни, а не отойти въ область преданій. Эту же надежду хочется мнѣ выразить и по отношенію къ молодымъ юристамъ, которымъ придется входить въ оцѣнку этого суда. Пусть помнятъ они, что, какъ всякое человѣческое учрежденіе, онъ имѣетъ свои несовершенства. Но ихъ надо исправлять безъ гнѣва, ослѣпленія и горделиваго самомнѣнія, строго отличая недостатки учрежденія отъ промаховъ и упущеній отдѣльныхъ личностей, и строго вопрошая себя—все ли, что нужно, сдѣлано для правильнаго осуществленія этого суда со стороны судьи имъ руководящаго и со стороны законодателя, его устрояющаго? На людяхъ, призванныхъ служить дѣлу суда и

управленія, лежитъ нравственная обязанность предъ родиною и предъ русскимъ народомъ, охранять этотъ судъ отъ порчи и способствовать его укорененію въ русской жизни.

Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, задачи изученія судебной этики. Необходимость преподаванія основныхъ ея положеній чувствуется, какъ мнѣ думается, очень многими изъ тѣхъ, кто вступилъ въ практическую жизнь на зарѣ великихъ реформъ Царя-Освободителя и кто имѣлъ незабываемое счастье участвовать въ первыхъ годахъ дѣятельности нашего новаго суда. Послѣдующія поколѣнія не испытали уже того возвышеннаго духовнаго настроенія и строгости *къ себѣ*, съ которымъ тогдашніе пионеры и нынѣшніе ветераны судебного дѣла брались за святое дѣло отправления правосудія. Идеалы постепенно начали затемняться и нравственныя задачи отходить на задній планъ. *Служеніе правосудію* понемногу начинаетъ обращаться въ *службу* по судебному вѣдомству, которая отличается отъ многихъ другихъ лишь своею тяжестью и сравнительно слабымъ матеріальнымъ вознагражденіемъ. Надо вновь разъяснить эти идеалы, надо поставить на первое мѣсто нравственныя требованія и задачи. Это дѣло университетскаго преподаванія. Университетъ—эта *alma mater* своихъ питомцевъ, долженъ напоить ихъ здоровымъ, чистымъ и укрѣпляющимъ молокомъ общихъ руководящихъ началъ. Въ практической жизни среди злободневныхъ вопросовъ техники и практики объ этихъ началахъ придется имъ услышать уже рѣдко. Отыскивать ихъ и раздумывать о томъ въ лихорадочной суетѣ дѣловой жизни уже поздно. Съ ними, какъ съ прочнымъ вооруженіемъ, какъ съ вѣрнымъ компасомъ надо войти въ жизнь. Когда человѣка обступятъ столь обычные низменные соблазны и стимулы дѣйствій: нажива, карьера, самодовольство удовлетвореннаго самолюбія и тоска неудовлетвореннаго тщеславія и т. п., когда на каждомъ шагу станутъ грозить мели и подводные камни и манить заводи со стоячею водою, тогда не будетъ уже времени, да пожалуй и охоты запасаться стѣснительнымъ компасомъ. Не даромъ

говорить великій писатель, юбилей котораго мы скоро будемъ праздновать: „забирайте съ собою, выходя въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество,—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ!“

Вотъ почему желательно, чтобы въ курсъ уголовного судопроизводства входилъ отдѣлъ судебной этики, составляя живое и богатое по своему содержанию дополненіе къ исторіи и догмѣ процесса. И если иной, уже давно зрѣлый судебный дѣятель, въ минуту колебанія предъ тѣмъ, какого образа дѣйствій надо держаться въ томъ или другомъ вопросѣ, вспомнить нравственныя указанія, слышанныя имъ съ кафедръ—и устыдись ржавчины незамѣтно подкравшейся рутины, воспрянетъ духомъ—преподаваніе судебной этики найдетъ себѣ житейское оправданіе...

А. Ө. Кони.

Вильгельмъ Вундтъ и психологія языка ¹⁾.

I.

Вундтъ какъ ученый. — Психоматериалисты и физиоматериалисты. — Принципъ актуальности и принципъ самобытности психической причинности. — Народная психологія, какъ продолженіе психологіи индивидуальной. — Возникновеніе и программа народной психологіи: Лацарусъ и Штейнталь. — Критика этой программы: Пауль. — Реабилитация народной психологіи. — Ея области: языкъ, религія, нравы.

Условія индивидуальной научной работы, если ставить къ ней одновременно требованія и самостоятельности и цѣльности, въ настоящее время менѣе благоприятны, чѣмъ когда-либо. Материальное обогащеніе сокровищницы знаній съ одной стороны, развитіе методовъ изслѣдованія съ другой — все это повело къ специализации ученаго труда, той роковой специализации, которая насъ душистъ, но освободиться отъ которой мы не въ состояніи, если не желаемъ жертвовать своею самостоятельностью, а съ нею и своими правами собственности на облюбованный нами клочокъ научной территоріи. Какъ городскіе обыватели нашихъ дней, вмѣсто домовъ, въ которыхъ жили ихъ предки, вынуждены ютиться въ квартирахъ и квартиркахъ огромныхъ каменныхъ сооружений, точно такъ же и дѣятели науки средней руки работаютъ каждый въ своей болѣе или менѣе узкой «специальности», часто даже не зная жильцовъ смежныхъ квартиръ общаго научнаго зданія.

Съ этимъ положеніемъ дѣль приходится мириться — оно неизбежно; а разъ примирившись, можно утѣшать себя мыслью о его неоспоримой пользѣ для науки вообще и, слѣдовательно, для

¹⁾ Докладъ, читанный въ Философскомъ Обществѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ 8 ноября 1901 г.

человѣчества, и сверхъ того — если мы оптимисты — устраивать себѣ по мѣрѣ своихъ силъ свое «счастіе въ уголкѣ». Но чѣмъ болѣе человѣческая натура склонна къ этому послѣднему исходу, тѣмъ прекраснѣе и величественнѣе представляется намъ зрѣлище тѣхъ немногихъ «непримиримыхъ» избранниковъ науки, которые, нигдѣ не жертвуя своей творческой самобытностью, силою своей мысли сумѣли восторжествовать надъ специализаціей; ихъ творенія производятъ впечатлѣніе барскихъ хоромъ между каменными муравейниками обывателей средней руки.

Къ этимъ избранникамъ принадлежитъ и Лейпцигскій профессоръ Вильгельмъ Вундтъ; изъ философовъ нашего времени онъ и Гербертъ Спенсеръ — единственные, которые, задавшись идеей цѣльной, объединяющей всѣ науки философской системы, сумѣли или почти что сумѣли довести свою задачу до конца. Конечно, это «почти что» звучитъ угрожающей ноткой, когда рѣчь идетъ о семидесятилѣтнемъ старцѣ: между тѣмъ какъ зданіе «синтетической философіи» достроено, въ системѣ Вундта не хватаетъ еще нѣсколькихъ существенныхъ частей. Все же его поразительное трудолюбіе позволяетъ намъ надѣяться, что и онъ не оставитъ своего творенія неоконченнымъ; а съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что уже и теперь трудъ жизни Вундта, благодаря завершенію столькихъ капитальныхъ отдѣловъ, представляетъ изъ себя довольно опредѣленную научную величину, а съ выпускомъ въ свѣтъ перваго тома его «народной психологіи», имѣющаго содержаніемъ «языкъ», начата постройкой и послѣдняя часть, долженствующая увѣнчать все зданіе.

Этотъ трудъ о языкѣ, появившійся всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, ¹⁾ и подалъ поводъ къ настоящей статьѣ. Но такъ какъ самый терминъ «народная психологія» представляется спорнымъ, и не сразу понятно, какое отношеніе наука о языкѣ можетъ имѣть къ философіи, то будетъ не лишне начать съ характеристики общей системы Вундта.

Я только что сопоставилъ Вундта со Спенсеромъ; это сопоставленіе оправдывается также и тѣмъ, что и Вундтъ, подобно Спенсеру, кладетъ опытъ въ основу познанія. Этимъ онъ суще-

1) Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte von Wilhelm Wundt. Erster Band: die Sprache (въ двухъ частяхъ: 627+644 стр.) Leipzig, Engelmann 1900.

ственно отличается отъ традиціоннаго въ его отечествѣ пути философскаго мышленія; все же было бы несправедливо видѣть въ этомъ основномъ его направленіи уступку англійской философіи: оно было естественнымъ послѣдствіемъ развитія, съ одной стороны, Вундта, какъ ученаго, а съ другой—тѣхъ наукъ, съ изученія которыхъ онъ началъ свою научную карьеру. Онъ былъ первоначально медикомъ; изъ его учителей наибольшее вліяніе оказалъ на него знаменитый берлинскій біологъ Іоганнъ Мюллеръ, во всеобъемлющемъ умѣ котораго впервые блеснула мысль о распространеніи физиологическаго, экспериментальнаго метода изслѣдованія также и на психическія явленія. Конечно, это распространеніе коснулось прежде всего смежной съ физиологіей области психологіи—теоріи ощущеній. Мысль эта стала рѣшающей для всей дальнѣйшей научной дѣятельности Вундта: развивая ее послѣдовательно, онъ сталъ основателемъ *экспериментальной психологіи*. Эта область—центральная въ его умственной территоріи. Правда, онъ не ограничился изслѣдованіями психологическаго характера—всѣмъ извѣстна его обширная трехтомная «логика», небезызвѣстна и его «этика», а также и его метафизическая теорія, вошедшая въ составъ его «системы» философіи. Но для всѣхъ этихъ трудовъ психологія была точкой отправленія, она же и наложила на нихъ свою печать: какъ въ логикѣ главнымъ предметомъ вниманія Вундта былъ субъективный процессъ мышленія, такъ точно и его метафизика была плодомъ его размышленій о психологической причинности въ ея соотношеніи съ физической; что же касается его этики, то изученіе *совершающагося* въ области психики само собою наводило на размышленіе о допустимости или недопустимости, рядомъ съ нимъ, также и *долженствующаго совершаться*, вопросъ, разрѣшенный Вундтомъ въ положительную сторону.

Итакъ, психологія—центральная область въ философіи Вундта; какъ психологъ, онъ занимаетъ среднее мѣсто между матеріалистами обѣихъ крайнихъ категорій—психоматеріалистами и физиоматеріалистами, какъ мы ихъ можемъ назвать. Первые видятъ въ психологіи науку, изучающую функціи единаго, хотя и невещественнаго субъекта, души—подобно тому, какъ физиологія изучаетъ функціи тѣла; по мнѣнію Вундта, напротивъ, душа, какъ объектъ психологіи, сводится къ связи явленій сознанія, и параллелизмъ между психологіей и физиологіей страдаетъ непол-

нотой: между тѣмъ какъ фізіологія имѣетъ дѣло и съ функціями, и съ ихъ субстратомъ (и поэтому основана на обоихъ принципахъ *субстанціальности* и *актуальности*)—психологія имѣетъ своимъ объектомъ однѣ только функціи, своей основой—одинъ только принципъ актуальности.—Вторые, напротивъ, отказываются признать психическую причинность рядомъ съ физической. По ихъ мнѣнію, психическія явленія—не что иное, какъ отраженія явленій фізіологическихъ, неразрывно связанныя съ этими послѣдними *и поэтому* не связанныя другъ съ другомъ—иначе пришлось бы признать двойную обусловленность психическихъ явленій, что невозможно. Въ отличіе отъ нихъ Вундтъ признаетъ самобытность психической причинности рядомъ съ фізіологической.—Нетрудно убѣдиться, что въ обоихъ случаяхъ Вундтъ имѣетъ какъ будто здравый смыслъ противъ себя; «невозможность функцій безъ субстрата», «невозможность двойной обусловленности»—это возраженія, сразу подсказываемыя разсудкомъ, и Вундту нерѣдко приходилось ихъ выслушивать изъ устъ своихъ противниковъ того и другого лагеря. Но онъ остался вѣренъ тому методу, который онъ первый сознательно и послѣдовательно ввелъ въ психологическую науку—методу экспериментальному, не допуская рационализма въ подвластной опыту области. Опытъ въ психологіи обнаруживаетъ только явленія, только функціи, а не какой бы то ни было субстратъ таковыхъ; тотъ же опытъ доказываетъ и существованіе психической причинности, какъ таковой, хотя и въ извѣстной связи съ причинностью фізіологической. Съ этимъ приходится считаться; если же эти результаты противорѣчатъ тому, что мы называемъ здравымъ смысломъ, то примиренія слѣдуетъ искать въ той области философіи, которая одинаково властвуетъ и надъ психологіей и надъ всѣми науками ви́шняго міра—въ метафизикѣ.

Этими двумя положеніями Вундтъ проложилъ себѣ дорогу къ *народной психологіи*, какъ къ продолженію и дополненію психологіи *индивидуальной*; можно смѣло сказать, что только съ его точки зрѣнія «народная психологія», какъ наука, оказывается возможной. Но для того, чтобы обосновать это положеніе, мы должны сначала спросить себя, чѣмъ была народная психологія во мнѣніи тѣхъ, которымъ эта область знанія обязана своимъ происхожденіемъ и развитіемъ.

Это были, какъ извѣстно—Лацарусъ и Штейнталь; въ первомъ.

томъ издаваемого ими журнала «Zeitschrift für Völkerpsychologie» они начертали обширную программу своей новой науки. Согласно общему опредѣленію этого понятія, «народная психологія» должна относиться къ отдѣльнымъ народамъ и къ человечеству въ его совокупности такъ же, какъ психологія, обыкновенно такъ называемая, относится къ отдѣльному человѣку; она распадается поэтому на двѣ отдѣльныя науки: во-первыхъ, на науку объ условіяхъ духовной жизни общества, во-вторыхъ, на науку объ особенностяхъ духовнаго характера отдѣльныхъ народовъ. — Журналъ обоихъ только что названныхъ ученыхъ быстро приобрѣлъ симпатіи ученаго міра и занялъ прочное положеніе въ наукѣ; со всѣмъ тѣмъ нельзя было не признать, что его программа грѣшила отсутствіемъ выдержанности. Въ критикахъ, поэтому, недостатка не было; образцомъ этихъ критикъ можетъ служить хорошо извѣстное и у насъ сочиненіе мюнхенскаго германиста Пауля «Principien der Sprachwissenschaft». Пауль указываетъ прежде всего на принципиальную разнородность обѣихъ наукъ, которыя Лацарусъ и Штейнталь соединяютъ подъ общимъ именемъ народной психологіи; дѣйствительно, если дѣлать науки на науки о законахъ («номологическія») и науки о явленіяхъ («феноменологическія»), то окажется, что изъ обѣихъ частей народной психологіи первая относится къ первому, а вторая ко второму разряду. Это бы еще не бѣда; хуже то, что ни та, ни другая не можетъ быть поставлена въ разумное отношеніе къ индивидуальной психологіи. О второй это доказать не трудно: «характеристика отдѣльныхъ народовъ, — говоритъ Пауль, — можетъ соотвѣтствовать только характеристикѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ, а эту послѣднюю не принято называть психологіей». Это — безусловно справедливо; съ этимъ согласенъ и Вундтъ. «Спеціальная психологія народовъ въ этомъ смыслѣ, — говоритъ онъ въ своемъ новомъ сочиненіи (I. 3), — пытается создать для этнологическихъ типовъ то же, что общая характерологія (лучше этологія) для индивидуальныхъ разновидностей духовной природы человѣка» — и замѣчаетъ вполне основательно, что эту науку слѣдуетъ вернуть этнологіи, къ которой она относится, какъ часть къ цѣлому. Итакъ, остается только первая часть опредѣленія Лацаруса и Штейнталья — «наука объ условіяхъ (лучше: законахъ) духовной жизни общества»; но и ея критика не пощадила. Основатели народной психологіи подолгу распростра-
ня-

лись о «духѣ совокупности (въ абсолютномъ смыслѣ), отличномъ отъ духа всѣхъ составляющихъ эту совокупность индивидуевъ», о «духѣ народа, какъ источникѣ всѣхъ явленій, которыя входятъ въ народную психологію» и т. д. Противъ этого возражали и понинѣ возражаютъ очень многіе; «это значитъ,—говоритъ Пауль,—затемнять настоящую суть явленій олицетвореніемъ цѣлаго ряда абстракцій. Всѣ психологическія явленія совершаются исключительно въ душѣ индивидуевъ; ни народный духъ, ни его элементы не имѣютъ конкретнаго бытія. Устранимъ, поэтому, всѣ эти абстракціи!» Съ ихъ устраненіемъ устраняется, по мнѣнію Пауля и многихъ другихъ, и самое понятіе «народная психологія»; но съ этимъ послѣднимъ результатомъ Вундтъ не согласенъ — и читатель тотчасъ увидитъ, что именно та точка зрѣнія, на которой онъ стоитъ въ индивидуальной психологіи, позволяетъ ему отстаивать и понятіе народной психологіи, какъ таковой.

Противники народной психологіи оспариваютъ ея родство съ индивидуальной психологіей на томъ основаніи, что «народная душа», функціями которой могли бы быть народно-психологическія явленія, не существуетъ, что она не болѣе какъ абстракція, ипостась, миѳъ. Это возраженіе допустимо только со стороны психоматериалистовъ, признающихъ, какъ мы видѣли, особый субстратъ душевныхъ явленій въ индивидуальной психологіи; но именно противъ этой точки зрѣнія и возстаетъ Вундтъ. «Очевидно, говоритъ онъ (I, 8), что авторы приведенныхъ возраженій сами не свободны отъ той миѳологической формы мышленія, которая, какъ они воображаютъ, скрывается за словомъ «народная душа». Понятіе «душа» и у нихъ такъ неразрывно связано съ представленіемъ о матеріальномъ, надѣленномъ особымъ тѣломъ существѣ, что они считаютъ непозволительнымъ его употребленіе въ такомъ значеніи, которое исключаетъ эту связь; между тѣмъ для эмпирической психологіи душа никогда не можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, кромѣ непосредственно данной связи психическихъ явленій»... Само собою разумѣется, что и народная психологія можетъ пользоваться понятіемъ «душа» только въ этомъ эмпирическомъ значеніи, и ясно, что въ этомъ смыслѣ понятіе «народная душа» имѣетъ такое же реальное значеніе, какого для себя требуетъ «индивидуальная душа». Такимъ образомъ, опредѣленнымъ въ спорѣ съ психоматериалистами по-

нятіемъ «душа» спасено существованіе народной психологіи; точно также самобытность психологической причинности, оспариваемая фізіоматеріалистами, гарантируетъ ей независимость ея научныхъ методовъ—и дѣйствительно Вундту не разъ приходилось въ своей народной психологіи и доказывать эту самобытность, и ссылаться на нее (особенно блестяще по вопросу о происхожденіи словъ I 491 сл., см. ниже, гл. 7).

Итакъ, народная психологія доказала свое право на существованіе, какъ наука; теперь требуется намѣтить вопросы, которые входятъ въ ея область, и заодно опредѣлить ея отношеніе къ индивидуальной психологіи. Обѣ эти задачи находятся въ связи одна съ другой. Въ качествѣ *народной* психологіи наша наука должна обнимать тѣ психологическія явленія, которыя представляются результатами совмѣстнаго существованія и взаимодействія людей; но въ то же время она не можетъ захватывать тѣхъ областей, въ которыхъ сказывается преобладающее вліяніе личностей. Вотъ почему литература, искусство и т. д. остаются за рубежомъ народной психологіи, продолжая, однако, оставаться «областями примѣненія» (Anwendungsgebiete) психологіи вообще. За вычетомъ этихъ областей мы получаемъ слѣдующіе три естественныхъ и неотъемленныхъ объекта народной психологіи: *языкъ*, *миръ* (съ началами религіи) и *нравы*. Эта тройственность не случайна: Вундтъ усматриваетъ органическую связь между намѣченными имъ областями народной психологіи и тремя категоріями, на которыя онъ, подобно Канту, раздѣляетъ явленія индивидуальной психологіи; эти три категоріи—*ощущенія* (какъ первичные элементы представленій), *чувства* (какъ первичные элементы аффектовъ) и *волевые акты*. Есть несомнѣнная связь между представленіями и языкомъ—ихъ лучшимъ выраженіемъ; между аффектами и первобытной религіей, внушенной удивленіемъ, страхомъ, любовью; между волей и нравами, этимъ продуктомъ коллективной воли народа. Все же эта связь не столь исключительна, чтобы давать намъ право выводить напр. языкъ только изъ ощущеній и представленій—самъ Вундтъ въ объясненіи явленій языка въ достаточной мѣрѣ прибѣгаетъ къ содѣйствию и чувствъ, и воли, и нѣтъ сомнѣнія, что и при толкованіи міеологіи и нравовъ, которое будетъ содержаніемъ дальнѣйшихъ томовъ капитальнаго труда, будетъ избѣгнута всякая доктринерская односторонность. Но объ этомъ говорить прежде-

временно; пока предъ нами только два объемистыхъ тома, посвященные психологій языка. На нихъ мы и постараемся сосредоточиться.

II.

Вопросъ о языкѣ.—Философія языка и грамматика.—Вильгельмъ Гумбольдтъ и эволюціонный принципъ.—Біологическая теорія.—Ея критика.—Психологическая теорія.—Лингвисты-психологи и психологи-лингвисты.—Вундтъ, какъ психологъ-лингвистъ.—Возможность дальнѣйшаго прогресса.—Народно-психологическая точка зрѣнія въ противоположность къ индивидуально-психологической.

Вопросъ о языкѣ принадлежитъ къ самымъ стариннымъ проблемамъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ трудится человѣческій умъ. Родоначальники нашей науки, философы и ученые древней Греціи, отвели ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди предметовъ общечеловѣческаго интереса; при этомъ они, въ силу своей замѣчательной способности строить свои научные мосты заразъ съ обоихъ концовъ, метафизическаго и эмпирическаго, занялись и гипотезами о происхожденіи языка какъ такового, и сортировкой словъ и оборотовъ въ своемъ родномъ греческомъ языкѣ. Усилія перваго разряда дали въ результатѣ величавую, хотя и туманную «философію языка», усилія второго—смирненную и сухую, но за то вполне конкретную греческую грамматику, передавшую со временемъ свой схематизмъ латинской, а черезъ нее—и грамматикамъ новыхъ языковъ. При этомъ заслуживаетъ особаго вниманія устойчивость, обнаруженная обѣими частями лингвистической науки въ теченіе тысячелѣтій: какъ грамматическія категоріи Діонисія Фракійца—тѣже, которымъ учатъ въ школахъ и нашихъ дѣтей, точно такъ же и древнегреческая постановка вопроса о происхожденіи языка—естественномъ или условномъ, *physei* или *thesei*—оставалась неизмѣнной вплоть до истекшаго XIX вѣка. Итакъ, съ одной стороны спекуляціи о возникновеніи языка, таившемся во мракѣ тысячелѣтій; съ другой,—каталогизація явленій развитыхъ языковъ—вотъ въ чемъ состояла наука о языкѣ въ ея высшей и низшей формѣ.

Впервые Вильгельмъ Гумбольдтъ понялъ, что между началомъ и концомъ стоитъ середина, и что въ этой серединѣ заключается, пожалуй, самая интересная проблема лингвистической науки; имъ впервые *эволюціонный принципъ* былъ примѣненъ къ объясненію явленій въ области языка, задолго до его перенесенія въ

область біологическихъ наукъ. Начавшееся вскорѣ послѣ того быстрое развитіе сравнительнаго языковнѣнія дало этому принципу новую богатую пищу; а когда къ началу шестидесятихъ годовъ эволюціонизмъ завоевалъ всю область естественной исторіи, то біологическая теорія развитія языка, въ лицѣ своего главнаго представителя Шлейхера, заняла прочное и, казалось, непоколебимое положеніе въ наукѣ. Согласно этой теоріи и языкъ какъ цѣлое и каждое его слово разсматривались какъ реально существующіе, самобытно развивающіеся организмы, законы развитія которыхъ надлежало опредѣлить; опредѣлялись же они на основаніи матеріала, доставляемаго самой лингвистикой, которая была, такимъ образомъ, самодовлѣющей наукой. Мы всѣ, люди нынѣ подвизающагося поколѣнія, выросли подъ болѣе или менѣе сознаваемымъ вліяніемъ этой теоріи; вслѣдствіе этой субъективной причины, но еще болѣе вслѣдствіе своей связи съ господствующимъ въ біологическихъ наукахъ теченіемъ, она кажется намъ вполне естественной, и многіе даже не подозреваютъ, чтобы противъ нея возможны были возраженія.

А между тѣмъ эти возраженія не только возможны—они таковы, что, разъ услышавъ о нихъ, человѣкъ удивляется, какъ это они ему самому не пришли въ голову. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, сравнить языкъ или слова съ организмомъ? Вѣдь организмъ—реально и независимо отъ насъ существующій предметъ, между тѣмъ какъ слово—порожденіе секунды, прекращающее свое существованіе, какъ только улеглись звуковыя волны, въ движеніи которыхъ состояла вся его жизнь. То, что біологическая теорія называла жизнью слова, есть собственно постоянное и многократное его *воспроизведеніе* говорящими; законы той жизни сводятся, поэтому, къ законамъ этого воспроизведенія; это—законы отчасти фізіологическіе, отчасти психологическіе. Эта точка зрѣнія возобладала къ концу семидесятихъ годовъ; она господствуетъ и понынѣ въ лицѣ т. наз. неограмматической школы. А такъ какъ изъ обѣихъ категорій законовъ рѣчи, фізіологической и психологической, вторая естественно получила перевѣсъ надъ первой—фізіологическія условія произношенія словъ уже вслѣдствіе своего относительнаго постоянства не могли содѣйствовать объясненію *развитія* языка—то новая теорія лингвистики, въ противоположность къ старой, біологической, носить названіе *теоріи психологической*. Подъ ея

господствомъ лингвистика перестала быть самодовлѣющей наукой; ея представители—Бругманъ, Остгофъ, Пауль и др.—сплошь и рядомъ обращаются къ содѣйствию психологіи для объясненія явленій языка; чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе лингвистика превращается въ удѣлъ психологіи. И это произошло—на что слѣдуетъ обратить вниманіе—безъ всякихъ маломальски активныхъ завоевательныхъ попытокъ со стороны психологіи; сама лингвистическая наука въ силу внутреннихъ условій своего развитія обращалась къ психологіи съ предложеніемъ владѣть ею. До сихъ поръ психологія туго откликалась на ея предложенія; сами лингвисты должны были, чтобы оставаться хозяевами своей науки, запасаться необходимыми психологическими свѣдѣніями, что было въ сущности, въ виду разрозненности и неустойчивости возникающихъ психологическихъ теорій, и нелегкимъ, и рискованнымъ дѣломъ.

При такихъ условіяхъ значеніе новаго труда Вундта станетъ еще очевиднѣе: въ его лицѣ впервые психологія и притомъ психологія экспериментальная, т.-е. самая прочная и богатая надеждами психологическая система, пошла навстрѣчу лингвистикѣ. Важна тутъ однако не столько сама мысль, какъ она ни существенна, сколько способъ ея исполненія. Кто знаетъ Вундта, тотъ заранѣе будетъ увѣренъ, что каждая строка его труда окажется написанной въ сознаніи той огромной отвѣтственности, которая въ глазахъ добросовѣстныхъ людей является неотъемлемой спутницей огромнаго авторитета. Позволимъ себѣ въ третій разъ сопоставить Вундта со Спенсеромъ. Я ничуть не намѣренъ умалять ни капитальныхъ заслугъ, ни исполинскаго трудолюбія этого послѣдняго; но лингвисты знаютъ, какъ легкомысленно онъ воспользовался явленіями языка, чтобы въ нихъ прослѣдить свои принципы дифференціаціи и интеграціи. Ничего подобнаго нельзя сказать про Вундта. Его разсужденія покоятся на самомъ широкомъ и прочномъ лингвистическомъ базисѣ; можно съ увѣренностью сказать, что многіе, называющіе себя лингвистами, не обладаютъ и десятой долей тѣхъ знаній, которыя сосредоточены въ его трудѣ о языкѣ. А каковъ этотъ базисъ—это станетъ ясно, если вспомнить, что Вундтъ въ силу самаго характера своей задачи не могъ ограничиться одной какой-нибудь группой языковъ; его матеріалы заимствованы не только изъ индоевропейскихъ и семитскихъ языковъ, не только изъ языковъ

ближняго и дальняго Востока—ими привлечены всѣ говоры африканскихъ, американскихъ и полинезійскихъ дикарей, поскольку они могли иллюстрировать ту или другую психологически важную сторону образованія или измѣненія словъ. И притомъ эти матеріалы заимствованы не только изъ болѣе или менѣе удобныхъ сводовъ, вродѣ извѣстныхъ руководствъ Бругмана или Фридриха Мюллера — авторомъ изученъ цѣлый длинный рядъ монографій по тѣмъ или другимъ языкамъ, сами имена которыхъ не каждому лингвисту извѣстны; мало того, въ особенно интересныхъ случаяхъ онъ обращался съ запросами къ миссіонерамъ, прося ихъ изслѣдовать на мѣстѣ какое-нибудь явленіе въ языкѣ ихъ чернокожей паствы. Я не распространяюсь здѣсь о логической выдержанности труда, о замѣчательной силѣ мысли, господствующей надъ огромнымъ матеріаломъ и облегчающей этимъ чтеніе объемистой (и, скажемъ между скобокъ довольно-таки сухо написанной) книги: эти качества и такъ уже извѣстны всѣмъ, кто только имѣетъ понятіе о томъ, что такое Вундтъ. Въ результатѣ получилось сочиненіе, при изученіи котораго читатель проникается и уваженіемъ, и прямо благоговѣніемъ къ автору: здѣсь, чувствуется ему, достигнутъ предѣлы человѣческой энергіи въ области научнаго труда.

При такихъ условіяхъ и задача критика мѣняется; не можетъ быть и рѣчи, чтобы подмѣчать какія-нибудь частичныя погрѣшности новой книги. Конечно, безъ такихъ дѣло обойтись не могло: Бругманъ, которому авторъ далъ прочесть свой трудъ въ листахъ, указалъ ему рядъ мелкихъ погрѣшностей, что и было имъ принято къ свѣдѣнію; кое-что и я подмѣтилъ по своей наукѣ, да и любой специалистъ можетъ въ томъ или другомъ усумниться; но только говорить объ этомъ не приходится, если не желаешь подражать сапожнику предъ картиной Апелла. Точно такъ же было-бы безцѣльно пускаться въ критическую оцѣнку психологической системы Вундта; само собою разумѣется, что эта система та же, что и въ «основаніяхъ фізіологической психологіи», и въ «руководствѣ психологіи», такъ что критика, умѣстная быть можетъ въ эпоху появленія этихъ двухъ трудовъ, оказалась бы запоздалой теперь. Нѣтъ, критикъ такихъ первостатейныхъ сочиненій, какъ это, долженъ уподобиться человеку, котораго искусный и опытный пловецъ повезъ черезъ невѣдомое море, въ архипелагъ нетронутыхъ человѣческой сто-

пой острововъ: онъ опишетъ увидѣнное имъ на пути, но опишетъ также и открывшійся ему съ послѣдняго, предѣльнаго пункта горизонтъ. Такъ и я намѣренъ поступить въ настоящей статьѣ. Съ послѣдняго достигнутаго Вундтомъ пункта мнѣ открылся новый горизонтъ пониманія лингвистическихъ явленій. Быть можетъ, другіе объявятъ его воздушнымъ маревомъ; разсудить насъ будущее, пока же я опишу то, что видѣлъ.

Думаю даже, въ видахъ ясности, именно съ этого описанія и начать. Дѣло въ томъ, что Вундтъ, строго отличающій народную психологію отъ индивидуальной и относящій явленія языка къ первой изъ нихъ, на самомъ дѣлѣ въ ихъ объясненіи нигдѣ дальше индивидуальной психологіи не пошелъ. Съ точки зрѣнія психолога-эксперименталиста такое отношеніе къ дѣлу вполне понятно: только въ области индивидуальной психологіи возможенъ экспериментъ, народная психологія его не допускаетъ. Въ результатѣ выходитъ, что объясненія *наличности* явленій языка у Вундта сводятся къ объясненію ихъ *возникновенія*: возникновеніе, дѣйствительно, подвержено законамъ одной только индивидуальной психологіи. На самомъ же дѣлѣ одного только возникновенія лингвистическихъ фактовъ недостаточно для образованія языка: подъ языкомъ мы разумѣемъ совокупность лингвистическихъ явленій не только возникшихъ гдѣ-либо внутри определенной среды, но и *удержавшихся* внутри ея. А между тѣмъ условія утвержденія какого-нибудь явленія въ области языка не совпадаютъ съ условіями его возникновенія: принципъ цѣлесообразности, недопустимый во второмъ случаѣ (какъ это много разъ въ полемикѣ съ цѣлымъ рядомъ крупныхъ лингвистовъ доказываетъ Вундтъ), вполне допустимъ въ первомъ. Теперь вспомнимъ, что утвержденіе лингвистическаго явленія, какъ результатъ коллективной воли совокупности составляетъ непосредственный предметъ народной психологіи—и мы въ правѣ будемъ сказать, что принципъ цѣлесообразности имѣетъ свое законное мѣсто въ лингвистикѣ, какъ отдѣлъ именно народной психологіи. Возраженіе, что со введеніемъ этого принципа воскрешается устарѣвшее телеологическое толкованіе языка, неосновательно: то толкованіе было ошибочно тѣмъ, что вводило принципъ цѣлесообразности въ самый актъ возникновенія, чѣмъ и впадало въ противорѣчіе съ законами индивидуальной психологіи.—Ограничиваюсь пока общей формулировкой мысли, открывающей,

думается мнѣ, возможность прогресса психологіи языка въ томъ самомъ направленіи, по которому ее повелъ Вундтъ; для болѣе основательнаго ея поясненія необходимъ фактической матеріалъ, который мы и получимъ, слѣдуя за нашимъ авторомъ по нелегкому пути его изысканій.

III.

Содержаніе труда Вундта о языкѣ. — Выразительныя движенія. — Анализъ полного комплекса выразительныхъ движеній: движенія внутреннія, мимическія и пантомимическія. — Анализъ аффекта: чувства и представленія. — Классификація чувствъ. — Чувства количественныя и качественные. — Параллелизмъ составныхъ частей аффектовъ и выразительныхъ движеній. — Вопросъ о возникновеніи выразительныхъ движеній. — Физиологическая теорія Спенсера и Дарвина. — Психофизическая теорія Вундта. — Сопутствующія движенія. — Ощущеніе выразительнаго движенія и его роль въ усиленіи и замѣнѣ первичнаго аффекта.

Вотъ, прежде всего, перечень девяти главъ, на которыя распадается трудъ Вундта: 1. Выразительныя движенія; 2. Языкъ жестовъ; 3. Выразительные звуки; 4. Измѣненіе звуковъ, 5. Образованіе словъ; 6. Формы словъ; 7. Соединеніе словъ; 8. Измѣненіе значенія; 9. Происхожденіе языка. Въ послѣдней изъ нихъ читатель безъ труда узнаетъ прежнюю «философію языка». Съ четвертой по восьмой нашли себѣ обработку вопросы современной науки о языкѣ, выросшей изъ древней грамматики; авторъ, повидимому, сознательно избѣгалъ извѣстныхъ изъ грамматическихъ руководствъ и поэтому нѣсколько истрепавшихся терминовъ, иначе онъ смѣло могъ бы своей четвертой главѣ дать названіе «фонетики», шестой — «морфологіи», седьмой — «синтаксиса» и восьмой «семантики» (или семасіологіи). Что же касается первыхъ трехъ, то ихъ прибавилъ психологъ-лингвистъ; въ нихъ доказана и развита главная идея Вундта, та идея, которая и во всемъ дальнѣйшемъ трудѣ сдѣлала возможнымъ новое освѣщеніе послѣдовательно нарождающихся вопросовъ. Охотно вѣримъ, что другія главы стоили автору болѣе усиленнаго труда; но первыя три — самыя оригинальныя; онѣ заслуживаютъ особаго вниманія съ нашей стороны.

Терминъ «выразительныя движенія», не совсѣмъ изящно передающій нѣмецкое *Ausdrucksbewegungen*, долженъ быть понимаемъ въ самомъ широкомъ значеніи; подъ нимъ мы разумѣемъ всѣ измѣненія нормальнаго состоянія тѣла, въ которыхъ себѣ нахо-

дигъ «выраженіе» какой-нибудь аффектъ. Представимъ себѣ чело-
вѣка, одержимаго аффектомъ—гнѣвомъ, напри-мѣръ: его пульсъ
бьется, онъ дышитъ порывисто, его глаза широко раскрыты,
мускулы губъ судорожно сжимаются, руки угрожающе подняты,
точно онъ хочетъ поразить вызвавшего его гнѣвъ противника,
и т. д.—всѣ эти явленія мы будемъ называть «выразительными
движеніями» въ принятомъ нами смыслѣ. Присматриваясь ближе
къ этому довольно сложному комплексу, мы различимъ въ немъ
три отдѣльныхъ группы. Во-первыхъ, движенія *внутреннія*, т. е.
измѣненія въ органахъ дыханія и кровообращенія; во-вторыхъ,
движенія *мимическія*, производимыя мускулами лица; наконецъ,
движенія *пантомимическія*, органами которыхъ служатъ главнымъ
образомъ руки, но въ извѣстной степени также и ноги и про-
чее тѣло. Конечно, внутреннія движенія тоже отражаются на
лицѣ чело-вѣка: вслѣдствіе прилива крови къ головѣ лицо крас-
нѣетъ, глаза наливаются кровью, на лбу выступаетъ «жила гнѣва»;
тѣмъ не менѣе эти движенія строго отличаются отъ мимиче-
скихъ, въ которыхъ участвуютъ только мускулы лица, отлича-
ются между прочимъ и гораздо меньшей своей произволь-
ностью.

И весь этотъ сложный комплексъ движеній вызванъ однимъ
только аффектомъ — въ данномъ случаѣ, гнѣвомъ. Понять это
нетрудно — дѣло въ томъ, что и аффекты представляютъ изъ
себя довольно сложное психологическое цѣлое. Анализъ аф-
фекта даетъ, прежде всего, двѣ разрозненныя группы элемен-
товъ—группу *чувствъ* и группу *представленій*. Займемся сначала
первыми.

Читателю уже извѣстно, что психологія отличаетъ чувства отъ
ощущеній. Капля сиропа, попадая на вашъ языкъ, вызываетъ
прежде всего ощущение—ощущеніе сладости; это ощущение со-
провождается чувствомъ—чувствомъ удовольствія. Ощущеніе какъ
такое безразлично; его цѣнность зависитъ отъ сопровождаю-
щаго его чувства, которое можетъ измѣняться независимо отъ
измѣненія ощущенія. Пусть за первой каплей сиропа послѣдуетъ
вторая, третья, десятая и т. д.—сладость останется сладостью,
но удовольствіе со временемъ перейдетъ въ неудовольствіе. Удо-
вольствіе и неудовольствіе образуютъ оба полюса въ извѣстномъ
измѣреніи чувствъ. Вундтъ признаетъ еще двѣ группы: группу
возбуждающихъ и удручающихъ чувствъ съ одной стороны, на-

прягающихъ и разрѣшающихъ съ другой; вмѣстѣ взятыя эти три группы образуютъ три измѣренія въ области чувствъ.

Все же эти три измѣренія неравностепенны. Двѣ изъ названныхъ группъ опредѣляютъ *качество* испытываемаго сложнаго чувства: это послѣднее будетъ пріятнымъ или непріятнымъ чувствомъ напряженія, пріятнымъ или непріятнымъ чувствомъ разрѣшенія—сравните радостное; ожиданіе, счастье, страхъ, горе. Напротивъ, возбужденіе или удрученіе опредѣляетъ собою не качество, а *силу* или степень чувства. Мать встрѣчаетъ любимаго сына—чѣмъ долѣе она его ждала, чѣмъ болѣе она его любитъ, тѣмъ сильнѣе будетъ ея радость; при ожиданіи и встрѣчѣ, она будетъ, съ большимъ или меньшимъ возбужденіемъ, испытывать чувство пріятнаго напряженія и разрѣшенія. Но пусть это будетъ сынъ, котораго она считала умершимъ, пусть онъ предстанетъ передъ нею внезапно—она упадетъ въ обморокъ, она, быть можетъ, тутъ же испуститъ духъ. «Радость ее убила»,—скажутъ люди; «возбуждающій аффектъ, достигши своего крайняго предѣла, перешелъ въ удручающій», скажетъ психологъ. И такъ со всѣми аффектами; всегда возбужденность, по достиженіи извѣстной степени роста, переходитъ въ удрученность, могущую, въ извѣстныхъ случаяхъ, повести къ полному прекращенію жизни. Одного убиваетъ радость, другого—страхъ, третьяго—отчаяніе.

Итакъ, въ чувственной сторонѣ аффекта мы различаемъ количественныя и качественные чувства; но, кромѣ чувствъ, аффектъ всегда сопровождается и извѣстными *представленіями*. Эти представленія—продолжающіяся или воспроизводимыя, ощущенія факта, вызвавшаго аффектъ, будь это человекъ, или вещь, или событіе, а равно и факта, могущаго быть его послѣдствіемъ; его сознаниемъ поддерживается самый аффектъ, съ его исчезновеніемъ и самый аффектъ долженъ улетѣть, какъ волненіе моря послѣ прекращенія вѣтра.

Теперь, если мы эти три части аффекта—количественныя чувства, качественные чувства и представленія—сравнимъ съ тремя категоріями движеній, въ которыхъ выражается аффектъ, то мы найдемъ, что эти двѣ тріады вполне соотвѣтствуютъ одна другой: количественныя чувства находятъ себѣ выраженіе во внутреннихъ движеніяхъ, качественные—въ мимическихъ, наконецъ, представленія—въ пантомимическихъ. При каждомъ аффектѣ возбужденіе выражается выступленіемъ краски на лицѣ, учащеннымъ

біеніемъ пульса, усиленнымъ дыханіемъ, удрученіе—блѣдностью, замедленіемъ или пріостановленіемъ пульса и дыханія. По однимъ этимъ симптомамъ нельзя узнать, какимъ именно аффектомъ одержимъ человѣкъ; для этого слѣдуетъ взглянуть на его лицо, которое съ этой точки зрѣнія правильно названо зеркаломъ души. Тутъ каждому аффекту соотвѣтствуетъ особое движеніе мускуловъ, особое «выраженіе» лица, по которому мы безошибочно узнаемъ, весель ли человѣкъ, или счастливъ, или озабоченъ, или разгнѣванъ, или огорченъ. Съ нѣскольکو меньшей опредѣленностью и преслѣдующее человѣка въ минуту аффекта представленіе найдетъ выраженіе въ движеніи тѣла, особенно рукъ: если мать при мысли о радостномъ свиданіи съ сыномъ радостно простираетъ руки, точно готовясь прижать его къ сердцу, если разгнѣванный человѣкъ поднимаетъ кулакъ, точно собираясь поразить кого-то, если мучимая совѣстью леди Макбетъ инстинктивно и механически умываетъ свои руки—то мы по этимъ движеніямъ догадываемся о представленіяхъ, которыми сопровождаются эти аффекты. Конечно, эти движенія мало опредѣленны; но не забудемъ, что ихъ авторы вовсе не имѣютъ намѣренія *сообщить* намъ свои представленія. Пусть у нихъ явится это намѣреніе—и, слѣдуя по намѣченному природой пути, они достигнутъ гораздо большей опредѣленности. Такимъ образомъ, изъ произвольныхъ «выразительныхъ движеній» развился произвольный и сознательный «языкъ жестовъ»; но прежде чѣмъ прослѣдить это развитіе, мы должны разъяснить нѣкоторые вопросы, относящіеся къ выразительнымъ движеніямъ, какъ къ таковымъ.

Мы до сихъ поръ обзрѣвали одни факты, не входя въ обсужденіе причинъ; но наука не только описываетъ и классифицируетъ, она и объясняетъ. Откуда взялись выразительныя движенія? И почему именно внутреннія соотвѣтствуютъ количественнымъ чувствамъ, именно мимическія—качественнымъ, именно пантомимическія—представленіямъ?

Первый вопросъ заводитъ насъ въ самую спорную область психологіи—въ ту, гдѣ антагонизмъ между физиоматеріалистами и психоматеріалистами особенно силенъ. Что касается первыхъ, то по Г. Спенсеру вся психологическая жизнь сосредоточена въ нервной системѣ; аффектъ—это токъ, исходящій отъ центра и распространяемый въ видѣ «разсѣяннаго возбужденія» по тѣлу; понятно, что именно самые тонкіе мускулы,—а таковы мускулы

лица—прежде всего охватываются этимъ токомъ, чѣмъ и объясняется преобладающая роль мимическихъ движеній. Съ другой стороны среди множества случайныхъ движеній, вызванныхъ аффектомъ, должны были оказаться и такія, которыя доставляли аффекту удовлетвореніе (напр., среди движеній гнѣвнаго—движенія, разрушающія предметъ гнѣва); эти «полезныя движенія» стали поэтому, чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе, ассоціироваться съ самими аффектами. Продолжая разсужденіе Спенсера, Дарвинъ, путемъ его комбинаціи со своимъ принципомъ естественнаго подбора, выработалъ, для объясненія выразительныхъ движеній теорію «цѣлесообразно ассоціированныхъ привычекъ».—Что касается Вундта, то онъ, признавая огромную заслугу особенно Дарвина въ области наблюденія фактовъ и полемизируя противъ нѣкоторыхъ увлеченій особенно Спенсера (по части «легкихъ мускуловъ»), указываетъ однако на то, что въ сущности ни тотъ, ни другой не обходятся безъ психологіи. Итакъ, принципъ выразительныхъ движеній—принципъ не чисто-физиологическій (и подавно, разумѣется, не чисто-психологическій), а психофизическій; въ началѣ развитія стоитъ не механическое (автоматическое), но и не произвольное движеніе, а посредствующее между обоими движеніе инстинктивное (*Triebbewegung*), давшее со временемъ и произвольное (путемъ развитія сознательности), и автоматическое (путемъ механизациі, т. е. выключенія такъ называемыхъ высшихъ нервныхъ центровъ).

Удовлетворено ли наше любопытство этимъ объясненіемъ? Я думаю, врядъ ли многимъ понравится эта психофизическая мода, сидящая на начальной ступени эволюціонной лѣстницы; большинство признаетъ полнымъ только такое объясненіе, которое сумѣетъ вывести психическія явленія цѣликомъ изъ физическихъ путемъ какого-нибудь «хемотропизма» въ духѣ Геккеля и его единомышленниковъ. Вундтъ, однако, ни на шагъ не идетъ навстрѣчу этому стремленію; какъ строгій и добросовѣстный мыслитель, онъ ясно сознаетъ, что всякое объясненіе, выводящее психическій міръ изъ физическаго, въ скрытомъ видѣ допускаетъ чудо въ числѣ звеньевъ эволюціоннаго процесса, болѣе или менѣе удачно маскируя его. «Объяснить, какъ возникли первоначальныя инстинкты, другими словами, какъ произошли ощущенія и чувства одушевленныхъ существъ—это, какъ и вообще выясненіе первоначальныхъ элементовъ опыта, выходитъ за предѣлы нашего изслѣдованія. Основные психическіе

факты мы должны предполагать данными точно такъ же, какъ и существованіе первичныхъ элементовъ матеріальнаго міра, обнаруживаемые анализомъ элементовъ природы» (I, 36).

Съ этимъ признаніемъ отпадаетъ надобность объясненія такихъ элементарныхъ выразительныхъ движеній, какъ «внутреннія», служація мѣриломъ только интенсивности аффекта безъ всякой качественной дифференціаціи; другое дѣло—движенія мимическія и пантомимическія. Но для полнаго ихъ пониманія требуется выясненіе одного различія внутри одной изъ трехъ категорій движеній вообще—а именно движеній автоматическихъ. Эта категорія распадается на два подѣотдѣла: движенія рефлекторныя и движенія *сопутствующія*. Первые вызываются непосредственнымъ раздраженіемъ сенсорныхъ нервовъ; вторыя, напротивъ,—въ силу т. наз. координаціи движеній—автоматически сопровождаютъ какое-нибудь другое движеніе, которое въ свою очередь можетъ принадлежать къ любой изъ трехъ категорій. Теорія сопутствующихъ движеній (*Mitbewegungen*) играетъ большую роль въ излагаемой нами психологіи языка, и намъ еще придется къ ней вернуться; здѣсь ея важность заключается въ томъ, что она даетъ намъ возможность разложить весь комплексъ выразительныхъ движеній, соотвѣтствующихъ какому нибудь чувству или представленію, на движеніе центральное, непосредственно его выражающее, и цѣлый рядъ движеній сопутствующихъ, вызванныхъ центральнымъ. Представимъ себѣ выраженіе лица человѣка, отвѣдаващаго какой-нибудь вкусной пищи: въ его центрѣ мы найдемъ движеніе мускуловъ, имѣющее цѣлью подолѣе удержать и пошире распространить пріятное раздраженіе вкусовыхъ нервовъ, а кругомъ—цѣлый рядъ сопутствующихъ движеній мускуловъ лица, вслѣдствіе котораго все лицо получаетъ выраженіе, которое мы въ силу ассоціаціи называемъ выраженіемъ удовольствія. Представимъ себѣ, наоборотъ, раздраженіе непріятное—движенія непосредственно заинтересованныхъ мускуловъ будутъ имѣть цѣлью его ограниченіе и скорѣйшее прекращеніе, а сопровождающія ихъ движенія прочихъ мускуловъ придадутъ лицу выраженіе болѣе или менѣе сильнаго отвращенія. И въ этомъ заключается причина, почему именно мимическія движенія являются выраженіями качественныхъ чувствъ: мускулы—органы этихъ движеній—находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ органами вкуса и обонянія, зрѣнія и слуха, отъ нихъ зависитъ усилить или ослабить раздраженіе. — Такой

же анализъ можетъ быть произведенъ, разумѣется, и въ области пантомимическихъ движеній, органы которыхъ, какъ наиболѣе близкіе къ внѣшнему міру, были наиболѣе приспособлены къ тому, чтобы служить выразителями представленій—какъ мы это увидимъ тотчасъ.

Еще одинъ пунктъ требуетъ разъясненія, какъ одинъ изъ элементовъ дальнѣйшихъ построеній. Выразительныя движенія не только выражаютъ аффектъ—они также усиливаютъ его и могутъ даже въ извѣстныхъ случаяхъ его породить. Дѣло въ томъ, что всякое движеніе соединено съ ощущеніемъ; если какое-нибудь движеніе служитъ обыкновенно выраженіемъ опредѣленнаго чувства, то, въ силу ассоціаціи, это чувство вызывается также и ощущеніемъ самаго движенія. Мы можемъ, такимъ образомъ, различать первичныя и производныя чувства: первичное чувство вызываетъ движеніе, ощущеніе котораго въ свою очередь вызываетъ производное чувство, однородное съ первичнымъ и поэтому усиливающее его. Но можетъ выйти и такъ: человѣкъ безъ первичнаго чувства произвольно продѣлываетъ движеніе, служащее обыкновенно его выраженіемъ; ощущеніе этого движенія рождаетъ, въ силу ассоціаціи, производное чувство, которое отнынѣ занимаетъ мѣсто отсутствующаго первичнаго чувства. Напомню читателю извѣстную сцену—расправу съ Верещагинымъ («Война и миръ» III, 25). «Руби,—прошепталъ офицеръ драгунамъ, и одинъ изъ солдатъ вдругъ съ *искаженнымъ отъ злобы лицомъ* ударилъ Верещагина тупымъ палашомъ по головѣ». Чѣмъ была вызвана эта злоба? Верещагинъ ничего солдату не сдѣлалъ. Нѣтъ; но солдатъ по чужому приказанію произвелъ движеніе, служащее обыкновенно выраженіемъ злобы, и это движеніе породило въ немъ, въ видѣ производнаго аффекта, ту злобу, которая исказила его лицо.

Таковы психофизическія основанія теоріи выразительныхъ движеній.

IV.

Языкъ жестовъ.—Его происхожденіе изъ выразительныхъ движеній.—Классификація жестовъ.—Грамматическія категории въ языкѣ жестовъ.—Вспомогательные жесты.—Синтаксисъ жестовъ.—Психологическая теорія Вундта.—Ея критика.—Двойной источникъ языка жестовъ.

Къ выразительнымъ движеніямъ непосредственно примыкаетъ *языкъ жестовъ*. Принципіальная разница между той и другой

категоріей заключается въ томъ, что языкъ жестовъ имѣеть своею цѣлью *сообщеніе* какого-нибудь факта другому человѣку, между тѣмъ какъ въ выразительныхъ движеніяхъ эта цѣль совершенно отсутствуетъ. Одинокій человѣкъ будетъ производить въ совершенствѣ всѣ разновидности выразительныхъ движеній, но языка жестовъ онъ знать не будетъ.

Это различіе имѣеть послѣдствіемъ и другія. Когда человѣкъ находится въ состояніи аффекта, онъ не испытываетъ желанія сообщить что-либо другимъ; наоборотъ, появленіе этого желанія предполагаетъ прекращеніе или ослабленіе самого аффекта, какъ комплекса чувствъ. Вотъ почему чувственный элементъ, преобладающій въ выразительныхъ движеніяхъ, отступаетъ на задній планъ въ языкѣ жестовъ. Здѣсь главное—представленія, которыя сообщаются въ состояніи либо отсутствія, либо слабости аффекта; въ языкѣ жестовъ поэтому внутреннія движенія не играютъ никакой роли, мимическія—чисто вспомогательную, между тѣмъ какъ первое мѣсто принадлежитъ движеніямъ *пантомимическимъ*, какъ выразителямъ именно представлений. Но при всей важности происшедшаго измѣненія смысла и перемѣщенія центра тяжести, языкъ жестовъ, какъ было сказано только что, примыкаетъ къ выразительнымъ движеніямъ: разъ возникло желаніе сообщить другому человѣку какое-нибудь представленіе, самымъ естественнымъ было прибѣгнуть къ тому самому жесту, который въ состояніи аффекта служитъ его выраженіемъ.

Всматриваясь въ выразительныя движенія пантомимическаго характера, мы замѣтимъ, что они распадаются на двѣ категоріи. Если вызвавшее аффектъ явленіе налицо, человѣкъ невольно простираетъ къ нему руку: это движеніе *указательное*. Если его налицо нѣтъ, онъ также невольно воспроизводитъ путемъ жестикуляціи его или свое представляемое отношеніе къ нему: это—движеніе *подражательное*. Тѣ же двѣ категоріи мы находимъ и въ языкѣ жестовъ; только, благодаря его значительно большей сознательности, обусловливаемой его цѣлью, категорія подражательныхъ жестовъ получила въ немъ гораздо болѣе широкое развитіе—такое широкое, что самый терминъ «подражательныя движенія» оказывается слишкомъ узкимъ и его приходится замѣнить терминомъ «движеніе изобразительное» или правильнѣе «жестъ изобразительный». Изобразительныя жесты по своему внѣшнему виду распадаются на *графическіе* и *пласти-*

ческіе: желая на языкѣ жестовъ передать представленіе «домъ», я могу или нарисовать пальцемъ въ воздухѣ главные контуры дома, или сложить ладони рукъ подъ острымъ угломъ, изображая подобіе кровли; первое будетъ *графическимъ*, второе *пластическимъ* жестомъ. Съ точки же зрѣнія смысла изобразительные жесты раздѣляются на три категоріи—жесты *уподобительные*, *соозначительные* и *символическіе*. Примѣръ первой категоріи: желая изобразить домъ, я рисую его контуры въ воздухѣ. Примѣръ второй категоріи: чтобы передать представленіе «осель», я изображаю (графически или пластически, все равно) ослиную голову съ ея характерными ушами; этотъ жестъ будетъ «означать» представленіе «ослиная голова», но соозначать и представленіе «осель». Примѣръ третьей категоріи: чтобы передать понятіе «ложь», я провожу пальцемъ *косую* линію отъ рта внизъ налѣво. Отсюда видно, что одинъ и тотъ же жестъ можетъ, смотря по обстановкѣ, быть и уподобительнымъ, и соозначительнымъ, и символическимъ; такъ, пантомимическое изображеніе ослиной головы будетъ уподобительнымъ жестомъ для понятія «ослиная голова», соозначительнымъ для понятія «осель» и символическимъ для понятія «дуракъ» или «глупость». Рядомъ съ богатымъ классомъ изобразительныхъ жестовъ *указательные* не отличаются обиліемъ значеній: за ними осталось только обозначеніе участвующихъ въ бесѣдѣ лицъ и обозначеніе мѣста и времени.

Другими словами: указательные жесты соотвѣтствуютъ тому, что въ языкѣ выражается мѣстоименіями (и мѣстоименными нарѣчіями); въ противоположность къ нимъ изобразительные соотвѣтствуютъ всѣмъ словамъ, выражающимъ опредѣленные понятія, т.-е. существительнымъ, прилагательнымъ и глаголамъ. Возможно ли еще болѣе точное разграниченіе этихъ категорій? Аргюи могло бы показаться, что пластическіе жесты, какъ устойчивые, должны соотвѣтствовать наименованіямъ предметовъ, графическіе—наименованіямъ дѣйствій; и дѣйствительно, нѣкоторый параллелизмъ тутъ наблюдается. Сплошь и рядомъ пластическій жестъ получаетъ значеніе глагола путемъ присоединенія къ нему жеста графическаго; такъ сложенная на подобіе стакана рука означаетъ уподобительно «стаканъ» и соозначительно «вода», но, если сдѣлать ея нѣсколько движеній по направленію ко рту, то получится значеніе «пить». Интересно обозначеніе прилага

тельныхъ. Прикосновеніе къ зубу можетъ выражать понятіе «зубъ», но также и понятіе «бѣлый» или «твердый». Если требуется понятіе «бѣлый», то говорящій сопровождаетъ свой жестъ выпучиваньемъ глазъ, давая этимъ понять, что онъ имѣетъ въ виду зрительное впечатлѣніе; если «твердый», то нужно ударить нѣсколько разъ ногтемъ о зубъ, чѣмъ подчеркивается осязательность впечатлѣнія. Такъ-то въ многихъ случаяхъ такіе «вспомогательные жесты» переводятъ главные жесты изъ рубрики существительныхъ въ рубрики прилагательныхъ и глаголовъ; они то, по мнѣнію Вундта, составляютъ формальный элементъ въ языкѣ жестовъ (I, 189). Эта ихъ роль, однако, чисто случайная: мы встрѣчаемъ вспомогательные жесты и въ совершенно другомъ значеніи. Такъ, чтобы выразить понятіе «сонъ» или «спать», надо, закрывъ глаза, склонить голову на руку; но если при этомъ сдѣлать другой рукой указательный жестъ по направленію къ землѣ, то получится смыслъ «смерть» (или «умереть» или «мертвый»). Отсюда видно, что вспомогательные жесты имѣютъ не столько грамматически-формальный, сколько синонимически опредѣлительный характеръ: они употребляются исключительно съ практической цѣлью во избѣжаніе недоразумѣній.— Можно даже идти дальше и оспаривать вообще формальный характеръ вспомогательныхъ жестовъ. Развѣ между «вода» и «пить» разница только формальная? Нѣтъ, исключительно формальными мы можемъ признать только такія различія, какъ между «плавать» и «плаваніе», «красный», «краснота» и «краснѣть»—а эти различія въ языкѣ жестовъ никогда не соблюдаются. А если такъ, то правильнѣе будетъ сказать, что языкъ жестовъ грамматики—по крайней мѣрѣ ея этимологической части—не знаетъ.

Но за то онъ знаетъ, повидимому, синтаксисъ. Я долженъ упомянуть, что Вундтъ изучилъ языкъ жестовъ въ его самыхъ различныхъ видахъ—и какъ интернаціональный языкъ американскихъ дикарей, и какъ языкъ глухонѣмыхъ, и какъ условное средство обмѣна мыслей у монаховъ - молчальниковъ, и, наконецъ, какъ средство оживленія рѣчи у народовъ классической древности, существующее и понынѣ, въ качествѣ пережитка, у неаполитанцевъ. Такъ вотъ во всѣхъ этихъ разновидностяхъ наблюдается опредѣленный синтаксисъ; части простого предложенія (другихъ языкъ жестовъ не знаетъ) располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: подлежащее—опредѣленіе—дополненіе—ска-

зуемое. Другими словами, соблюдаются слѣдующія три правила: 1) подлежащее предшествуетъ сказуемому, 2) опредѣляемое предшествуетъ опредѣленію, 3) дополненіе предшествуетъ сказуемому. Эти три правила сводятся въ свою очередь къ слѣдующему: непосредственно представимое понятіе предшествуетъ тому, которое само по себѣ непредставимо. Мы говоримъ: «бѣлый человѣкъ строить домъ», соблюдая только первое изъ трехъ названныхъ правилъ; на языкѣ жестовъ слѣдуетъ сказать такъ: «человѣкъ бѣлый—домъ строить». Почему? Потому что понятія «человѣкъ» и «домъ» представимы непосредственно; напротивъ, понятія «бѣлый» и «строить» непредставимы безъ своихъ субстратовъ, бѣлаго предмета съ одной стороны и строящаго и строимаго предметовъ—съ другой.

Остановимся на этомъ явленіи; здѣсь впервые сталкиваются оба принципа, о которыхъ я говорилъ во второй главѣ—тотъ, который послѣдовательно проводится Вундтомъ въ его разсужденіяхъ, и тотъ, который, по моему мнѣнію, обусловливаетъ возможность дальнѣйшаго прогресса въ наукѣ о языкѣ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, объяснить возникновеніе этого синтаксиса въ языкѣ жестовъ? Выражаясь точнѣе: соотвѣтствуетъ ли онъ интересамъ говорящаго или того, съ которымъ говорятъ? Представленія, говоритъ Вундтъ, сообщаются въ порядкѣ своей временной и мѣстной зависимости. Не трудно, однако, убѣдиться, что это нѣсколько туманное опредѣленіе ничего не объясняетъ. Я вижу человѣческій образъ; подойдя ближе, я убѣждаюсь, что это—человѣкъ бѣлый, а не индѣецъ. Прекрасно; въ данномъ случаѣ порядокъ «человѣкъ бѣлый» будетъ оправданъ. Но чаще я вижу прежде всего что-то бѣлое, и только подойдя ближе, убѣждаюсь, что это—овца, а не камень. Мало того—это даже нормальный порядокъ воспріятія ощущеній: вѣдь по примѣтамъ же узнается предметъ, а не независимо отъ нихъ. Но это не все, и даже не главное; можно сказать, что, подчеркивая порядокъ воспріятія ощущеній, Вундтъ впадаетъ въ противорѣчіе съ однимъ изъ главныхъ положеній своей собственной психологіи языка. Согласно этому положенію психологической единицей рѣчи является единое, но сложное представленіе, соотвѣтствующее предложенію; дѣятельность говорящаго по отношенію къ этому представленію—аналитическая: онъ расчленяетъ его на его составныя части, выражая каждую въ формѣ одного

слова. Въ противоположность къ нему дѣятельность слушающаго (или, въ нашемъ случаѣ, смотрящаго) синтетическая: онъ долженъ изъ сообщенныхъ составныхъ частей воспроизвести сложное представленіе. Теперь спросимъ себя, въ чьихъ интересахъ постоянный распорядокъ «человѣкъ бѣлый» и т. д.? Говорящаго? Нѣтъ; такъ какъ въ его умѣ существуетъ уже цѣльное представленіе, то для него порядокъ частей безразличенъ. Мало того—самъ Вундтъ считаетъ въ другомъ мѣстѣ (II, 354) наиболѣе естественнымъ, съ точки зрѣнія говорящаго, тотъ порядокъ, который возможенъ въ однихъ только классическихъ языкахъ (напр. *magna dis immortalibus habenda est gratia*), при которомъ подлежащее и начинается, и оканчивается предложеніе, прекрасно выражая этимъ единство и цѣльность сложнаго представленія; согласно этому порядокъ «бѣлый строить домъ человѣкъ» болѣе всего соотвѣтствовалъ бы интересамъ говорящаго. Если же соблюдается правило, чтобы самопредставимое понятіе предшествовало несамопредставимому, то ясно, что при этомъ соблюдаются интересы не говорящаго, а смотрящаго. Если я, передавая вамъ привезенную въ ящикѣ посуду, постоянно соблюдаю такой порядокъ, чтобы передать миску раньше крышки, блюдечко раньше чашки—то ясно, что я имѣю въ виду ваши удобства—дѣйствительно, при иномъ порядкѣ вамъ въ ожиданіи миски некуда было бы дѣвать крышку.

Къ тому же результату приводитъ насъ анализъ вспомогательныхъ жестовъ, о которыхъ рѣчь была выше—особенно тотъ фактъ, что они обыкновенно слѣдуютъ за главными. Мы уже видѣли, что они употребляются въ случаѣ многозначительности главнаго жеста, во избѣжаніе недоразумѣній; но своимъ происхожденіемъ они очевидно обязаны не могущему возникнуть, а уже возникшему недоразумѣнію. По выраженію лица собесѣдника говорящій замѣчалъ, что его жестъ не былъ понятъ; онъ быстро прибавлялъ вспомогательный жестъ, которымъ опредѣлялось и пояснялось значеніе перваго—вотъ почему вспомогательный жестъ не предшествуетъ главному, а слѣдуетъ за нимъ.

Итакъ, языкъ жестовъ будетъ для насъ понятенъ только тогда, когда мы признаемъ его двойное происхожденіе и при его объясненіи будемъ примѣнять двойной принципъ, психологическій и логическій. Съ психологической стороны языкъ жестовъ соприкасается, какъ мы видѣли, съ выразительными жестами пантомими-

ческаго характера: указательные жесты непосредственно примыкаютъ къ указательнымъ движеніямъ, уподобительные жесты развились изъ изобразительныхъ движеній, а изъ уподобительныхъ произошли въ свою очередь, путемъ естественной ассоціаціи по смежности и по сходству, жесты соозначительные и символическіе. Но съ признаніемъ *логической* стороны вводится принципъ цѣлесообразности: къ объясненію «потому что» присоединяется и объясненіе «для того, чтобы». Конечно, если мы спросимъ себя, какъ эта цѣлесообразность возникла, то возможно, что и здѣсь дѣйствовалъ извѣстный подборъ: того, кто соблюдалъ правила порядка рѣчи, легче понимали, чѣмъ того, кто его не соблюдалъ; онъ считался лучшимъ ораторомъ и этимъ самымъ вызывалъ подражаніе. И здѣсь, такимъ образомъ, логическій принципъ сводится къ психологическому; только его область уже не индивидуальная психологія, а та, которая имѣетъ своимъ содержаніемъ душевныя явленія, обусловленныя взаимодействіемъ индивидуа и среды, т. е. согласно принятой терминологіи, психологія народная.

V.

Языкъ звуковъ и языкъ жестовъ.—Выразительные звуки у звѣрей.—Модуляція тона и артикуляція звука.—Языкъ дѣтей: крикъ, лепетъ, языкъ-эхо, сознательная рѣчь.—Выразительные звуки въ развитой рѣчи: междометія, звукоподражанія, звуковые образы, звуковыя метафоры.—Ихъ общій знаменатель: звуковой жестъ.—Критика этой теоріи.—Чувства и представленія въ языкѣ.—Сопутствующія движенія, какъ источникъ языка представленій.—Сравнительная древность языка жестовъ и языка звуковъ.

Подобно языку жестовъ и языкъ звуковъ примыкаетъ къ выразительнымъ движеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если разложить на ихъ составныя части тѣ звуки, изъ которыхъ состоятъ наши слова, то мы получимъ два элемента: модуляцію *тона* и артикуляцію *звука* ¹⁾. Модуляція тона производится стремительнымъ прохождомъ воздуха черезъ гортань, приводящимъ въ сотрясеніе голосовыя связки; ее слѣдуетъ, поэтому, причислить къ внутрен-

¹⁾ Подобно многимъ терминамъ нашей рѣчи слово „звукъ“ грѣшитъ неопредѣленностью: оно то употребляется въ смыслѣ акустическаго явленія, выражаемаго оптически *нотой* (=нѣм. Klang), то—въ смыслѣ акустическаго явленія, выражаемаго оптически *буквой* (=нѣм. Laut). Въ настоящей статьѣ его употребленіе ограничено вторымъ значеніемъ, въ первомъ же оно замѣняется словомъ „тонъ“.

нимъ движеніямъ. Артикуляція звука производится мускулами лица и рта, главнымъ образомъ языкомъ; она, такимъ образомъ, принадлежитъ къ мимическимъ движеніямъ. Итакъ, языкъ звуковъ,—прямой коррелятъ къ языку жестовъ; какъ послѣдній развился изъ пантомимическихъ движеній, такъ точно языкъ имѣетъ своимъ источникомъ движенія внутреннія и мимическія. Между тѣмъ мы видѣли (гл. 3), что пантомимическія движенія служатъ выраженіемъ представленій, такъ же какъ внутреннія и мимическія—чувствъ; отсюда слѣдуетъ, что первоначально въ основѣ языка жестовъ лежатъ представленія, въ основѣ языка звуковъ—чувства.—Я долженъ замѣтить, что этого параллелизма самъ Вундтъ не проводитъ; но онъ — естественный выводъ изъ его теоріи и выводъ, думается мнѣ, не безынтересный и не маловажный.

Это, пока, теорія; область опыта имѣемъ мы вездѣ тамъ, гдѣ звуки языка сохраняютъ значеніе выразительныхъ звуковъ. Сюда принадлежатъ, во-первыхъ, явленія въ жизни звѣрей и первобытнаго человѣка; во-вторыхъ, языкъ младенцевъ; наконецъ, въ третьихъ, и нѣкоторыя явленія въ развитой рѣчи.

Ближе всего къ природѣ стоимъ мы, конечно, въ первой изъ названныхъ трехъ областей; выразительные звуки звѣрей, однако, представляютъ изъ себя довольно разнообразную смѣсь акустическихъ явленій, въ которой мы можемъ различать три категоріи, соотвѣтствующія тремъ ступенямъ развитія. На первой ступени животное знаетъ только тонъ, какъ выраженіе интенсивности аффекта; а такъ какъ самые сильные аффекты—аффекты неудовольствія, то въ началѣ эволюціонной цѣпи мы имѣемъ крикъ—крикъ боли и крикъ ярости. На второй ступени находятъ себѣ выраженіе и умѣренные аффекты въ смыслѣ и удовольствія и неудовольствія; къ интенсивнымъ движеніямъ присоединяются и качественные, вслѣдствіе чего тонъ отдѣляется артикуляціей звука; а такъ какъ умѣренные аффекты продолжительнѣе острыхъ, то и ихъ выраженіе—вслѣдствіе протяжности или повторенія—занимаетъ больше времени. Сюда относятся крики большинства домашнихъ животныхъ, какъ четвероногихъ, такъ и птицъ. Наконецъ, третья ступень характеризуется тѣмъ, что на ней развиваются двѣ различныя группы выразительныхъ звуковъ: одна для интенсивныхъ, другая для умѣренныхъ аффектовъ, при чемъ эта послѣдняя допускаетъ значительное разнообразіе и по отношенію къ отдѣльнымъ аффектамъ и по отношенію къ от-

дѣльнымъ индивидуумамъ. Сюда принадлежатъ собаки, обезьяны и особенно пѣвчія птицы.

Такимъ образомъ, артикуляція звука по своему происхожденію позднѣе простого тона и его модуляціи. Въ жизни человѣка оба эти выраженія чувствъ пошли своей дорогой; изъ модуляціи тона развилось пѣніе, изъ артикуляціи звука — языкъ (при чемъ мы въ обоихъ случаяхъ, разумѣется, имѣемъ въ виду лишь *преобладаніе* одного элемента надъ другимъ). Это, конечно, пока только теоретическая конструкція; вопросъ о происхожденіи пѣнія у человѣка еще не разрѣшенъ. Загадкой былъ онъ и для Дарвина, который долженъ былъ прибѣгнуть къ гипотезѣ о начальной роли пѣнія, какъ средства любовнаго состязанія, по аналогіи съ соотвѣтствующими явленіями въ жизни пѣвчихъ птицъ. Вундтъ считаетъ эту гипотезу неправдоподобной, ссылаясь на отсутствіе полового различія въ приспособленности къ пѣнію у людей; самъ онъ присоединяется къ мнѣнію Бюхера о преобладающей роли работы въ развитіи пѣнія ¹⁾. Но это не такъ важно; главное—это артикуляція звука, породившая языкъ. Согласно сказанному выше, она первоначально выражала только *чувства*, а именно ихъ качества, въ противоположность къ тону, выражавшему ихъ интенсивность; между тѣмъ несомнѣнно, что въ человѣческой рѣчи она выражаетъ именно *представленія*, тогда какъ выразителемъ чувствъ во всемъ ихъ объемѣ является «голосъ», т.-е. модуляція тона. Какъ произошла эта переменна, превратившая простые «выразительные звуки» въ настоящій языкъ? На этотъ вопросъ первая область—какъ это и понятно—отвѣта не даетъ.

Обратимся ко второй—къ языку дѣтей. Извѣстно, какія надежды возлагались многими на его изслѣдованіе: полагали, что онъ дастъ намъ возможность воочію, такъ сказать, прослѣдить возникновеніе языка; какъ ребенокъ мало-по-малу усваиваетъ языкъ, переходя отъ крика къ лепету, отъ лепета къ членораздѣльной и осмысленной рѣчи, такъ точно и родъ человѣческой произвелъ свой языкъ. Когда же былъ открытъ Геккелемъ знаменитый «біогенетическій законъ», то всѣ сомнѣнія, казалось, должны были исчезнуть: «онтогенія» рѣчи въ устахъ любого младенца была объявлена вѣрнымъ, хотя и сокращеннымъ вос-

¹⁾ Сравни мою статью „Рабочая пѣсенка“ (Міръ Божій, май 1901 г.).

произведеніемъ ея «филогеніи» во всѣхъ первобытныхъ эпохахъ развитія человѣческаго рода. Вундтъ относится очень скептически ко всѣмъ этимъ увлеченіямъ. Вполнѣ резонно подчеркиваетъ онъ громадную принципиальную разницу, заключающуюся въ томъ, что ребенокъ усваиваетъ готовую уже рѣчь, преподносимую ему старшими, между тѣмъ какъ человѣчеству приходилось постепенно вырабатывать несуществовавшій раньше языкъ. А между тѣмъ, ясно, что психологическіе процессы въ томъ и другомъ случаѣ совершенно различны. Вначалѣ мы, дѣйствительно, и у ребенка имѣемъ «крикъ», какъ выраженіе интенсивныхъ исключительно непріятныхъ чувствъ, голода или боли— тутъ онтогенія совпадаетъ съ филогеніей и, пожалуй, еще немного далѣе. Спустя нѣкоторое время ребенокъ начинаетъ (какъ говорятъ наши няньки) «гулить», т.-е. выражать также и веселое настроеніе рядомъ сначала слабо, затѣмъ все опредѣленнѣе артикулированныхъ звуковъ. Тутъ-то и видно, что выразительные звуки параллельны мимическимъ движеніямъ: «гуленье» ребенка является настоящей акустической улыбкой. Затѣмъ сама артикуляція дѣлается предметомъ игры: ребенокъ тѣшитъ себя повтореніемъ ряда слоговъ, не связывая съ ними, однако, никакого представленія. Этотъ періодъ очень важенъ, какъ подготовительный періодъ къ усвоенію языка: имъ создаются правильныя ассоціаціи между осязательнымъ ощущеніемъ звуковой артикуляціи и слуховымъ ощущеніемъ соотвѣтствующаго звука. По достаточномъ упражненіи въ этой простой ассоціаціи является возможнымъ такъ наз. «языкъ-эхо»: ребенокъ воспроизводитъ, не соединяя съ нимъ никакого предметнаго представленія, услышанное отъ матери слово, пользуясь средствами своего собственнаго репертуара слоговъ;—мать: «Саша»; дитя: «Сяся». При этомъ происходитъ двойная ассоціація: 1) слуховое ощущеніе «Саша» вызываетъ схожее слуховое же ощущеніе «Сяся» (ассимиляціонная ассоціація); 2) слуховое ощущеніе «Сяся» вызываетъ осязательное ощущеніе артикуляціи этого слова (компликаціонная ассоціація). И вотъ, наконецъ, по достаточномъ упражненіи въ языкѣ-эхо, является вторженіе представленія въ слово: благодаря повтореннымъ указаніямъ матери ребенокъ начинаетъ соединять со словомъ «Сяся» представленіе о своемъ старшемъ братцѣ. Къ обѣимъ ассоціаціямъ языка-эхо присоединяется третья (компликаціонная): ассоціація оп т и ч е с к а г о

ощущенія фигуры мальчика, именуемаго Сашей. ¹⁾ Такова онтогенія рѣчи; ясно, что мы въ филогеніи, пользуясь ея схематизмомъ, дальше «гуленья» не пойдѣмъ.

Противъ этого яснаго анализа ни якобы изобрѣтаемыя дѣтскими слова, ни такъ называемый дѣтскій языкъ ничего не доказываютъ. Что касается первыхъ, то Вундтъ—располагающій богатымъ сводомъ какъ чужихъ, такъ и собственныхъ наблюдений—совершенно оспариваетъ самый феноменъ изобрѣтенія дѣтскими словъ; всѣ приводимые примѣры оказываются, при болѣе тщательномъ изслѣдованіи, явленіями языка-эхо, по случайной ассоціаціи невпопадъ примѣненными. (Примѣръ: ребенокъ называетъ свою любимую игрушку, огромное деревянное яйцо краснаго цвѣта, «Сяся»; причина: когда ему впервые представляли Сашу, на послѣднемъ была красная блуза.) Дѣтскій же языкъ изобрѣтеніе не дѣтей, а взрослыхъ, которые съ цѣлью облегченія усвоенія рѣчи, выключаютъ одну изъ трехъ названныхъ ассоціацій—либо ассимиляціонную (тѣмъ, что пользуются дѣтскимъ-же репертуаромъ словъ, напр. «пруа»—«гулять»), либо вторую, компликаціонную (тѣмъ, что замѣняютъ оптическое ощущеніе слуховымъ, напр. «му»—«корова»).

Итакъ, языкъ дѣтей не выясняетъ спорнаго вопроса; обратимся къ третьей области—къ развитой рѣчи, и посмотримъ, не содержитъ ли она элементовъ, указывающихъ на родство языка съ выразительными звуками. Тутъ первыми намъ припоминаются т. наз. «природные звуки», среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ междометія, эти пережитки первобытнаго «крика» въ развитой рѣчи; но ихъ число слишкомъ ограничено и ихъ роль въ словообразованіи («охъ»—«охать») совершенно ничтожна. Но къ природнымъ звукамъ примыкаютъ «звукоподражанія» различныхъ родовъ («куковать», «громъ», «шарахнуть», «тараторить» и т. д.), рубрика которыхъ такъ легко увеличивается путемъ новообразованій, а къ нимъ опять—интересная группа словъ, которая Вундтъ называетъ «звуковыми образами» (Lautbilder). Подъ ними онъ разумѣетъ такія слова, которыя—какъ нѣмецкія *timmeln*, *tokeln*, *wimmeln* и др.—выражаютъ не слуховыя, а зрительныя или другія представленія, но выражаетъ ихъ такъ,

¹⁾ Въ этомъ разсужденіи я нѣсколько развилъ и дополнилъ мысль Вундта, который въ языкѣ-эхо признаетъ только простую, а не двойную ассоціацію.

что мы чувствуемъ нѣкоторое сходство между самимъ акустическимъ подборомъ звуковъ и соотвѣтствующимъ представленіемъ; по-русски сюда можно бы отнести такія слова, какъ «байбакъ», «балаболка», «каракули», «тилиснуть», «схлиздить» и т. д. большею частью нелитературныя и тоже умножимыя ad libitum. По мнѣнію Вундта звукоподражанія и звуковые образы составляютъ вмѣстѣ взятые одну категорію и по отношенію къ ней онъ развиваетъ особую оригинальную и любопытную теорію.

Мы уже знаемъ, въ чемъ состоитъ ощущеніе артикуляціи произносимаго слова, отличное отъ его слухового впечатлѣнія: вся важность для ребенка его безсмысленнаго лепета состоитъ въ томъ, что онъ даетъ ему затвердить ассоціацію между слуховымъ и артикуляціоннымъ ощущеніемъ одного и того-же комплекса звуковъ, и на непосредственности этой ассоціаціи основывается способность гортани воспроизводить услышанное нами слово. Эта способность такъ окрѣпла, что мы при представленіи о словѣ совсѣмъ не думаемъ о его артикуляціи; а между тѣмъ она—непосредственный результатъ иннервации моторныхъ нервовъ, а звуковая фізіономія слова является лишь послѣдствіемъ его артикуляціи. Это артикуляціонное движеніе языка и губъ принадлежитъ несомнѣнно къ движеніямъ мимическимъ; какъ изъ мимическихъ движеній вообще развивается мимическій жестъ, такъ спеціально изъ артикуляціонныхъ движеній развивается *звуковой жестъ*. Теперь намъ легко будетъ привести къ одному знаменателю и звукоподражанія и звуковые образы: всѣ они принадлежатъ къ подражаніямъ, но органомъ подражанія будетъ не непосредственно звукъ, а «уподобительный» звуковой жестъ.

Съ принятіемъ этой теоріи область выразительныхъ звуковъ и ихъ потомства въ языкѣ значительно расширяется; еще болѣе расширяется она съ приобщеніемъ родственныхъ явленій, которыя Вундтъ называетъ «звуковыми метафорами». Подъ ними онъ разумѣетъ такія отношенія внутри пары или группы словъ, которыя могутъ быть объяснены уподобительнымъ измѣненіемъ звукового жеста. Сюда относятся такіе коррелаты, какъ «крикнуть» и «крикнуть», но не въ нихъ сила: есть поинтереснѣе. Давно было замѣчено, что въ громадномъ большинствѣ языковъ имена «отецъ» и «мать» образуютъ коррелаты, при чемъ твердому, эксплозивному звуку въ имени отца (t, p и родственные)

соотвѣтствуетъ мягкій, носовой звукъ въ имени матери (n, m) Такого же рода уподобительное измѣненіе звукового жеста наблюдается въ мѣстныхъ нарѣчіяхъ близкаго и далекаго разстоянія: «туть» и «тамъ» и т. д.; сюда же относятся и измѣненія гласныхъ въ связи съ измѣненіемъ вида глаголовъ, наблюдаемое особенно въ еврейскомъ языкѣ, но также и въ индоевропейскихъ: ср. греческое *eleipon*, *elipon*, русское «оставлялъ», «оставилъ» (первое—для продолжающагося, второе—для однократнаго дѣйствія). А при такихъ условіяхъ наша область становится очень значительной; является возможность представить себѣ языкъ (или рядъ языковъ), состоящій исключительно изъ звуковыхъ образовъ или звуковыхъ метафоръ, которыя будутъ соотвѣтствовать уподобительнымъ и символическимъ жестамъ развитаго выше оптическаго языка; происхожденіе же изъ этого языка (или этихъ языковъ) тѣхъ, которые намъ извѣстны, станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе условія *измѣненія звуковъ*, о которыхъ говорится далѣе—условія, кореннымъ образомъ извратившія первоначальныя слова и затемнившія ихъ первоначально ясный психологическій характеръ.

Такова теорія Вундта; развивъ ее, какъ мнѣ кажется достаточно образно, я считаю позволительнымъ подѣлиться съ читателемъ и тѣми сомнѣніями, которыя она возбуждаетъ во мнѣ.

Два возможныхъ возраженія намѣтилъ самъ авторъ: они заключаются, во-первыхъ, въ сравнительной новизнѣ тѣхъ образований, которыя онъ относитъ къ звукоподражаніямъ и звуковымъ образамъ, и, во-вторыхъ, въ ихъ сравнительной малочисленности. Первое возраженіе значенія не имѣетъ; пусть слова вроде «шарахнуть», «тилиснуть» принадлежатъ къ новѣйшимъ наслоеніямъ языка, въ иныхъ случаяхъ даже къ плодамъ личнаго творчества, не получившимъ общественной санкціи—все же условія, создающія ихъ теперь, существовали всегда и всегда приводили къ созиданію этого рода словъ, которыя, измѣняясь въ своемъ звуковомъ составѣ, теряли со временемъ свой характеръ звукоподражаній и образовъ и вызывали этимъ появленіе новыхъ болѣе характерныхъ словъ; съ другой стороны, именно новизна нашихъ образований, эта непосредственная ихъ близость къ нашей душѣ и даетъ намъ возможность прослѣдить психологическій процессъ, призвавшій ихъ къ жизни—мы уже видѣли, что психологическая теорія, въ противоположность къ біологической,

особенно дорожить явленіями живыхъ, въ полномъ смыслѣ слова, языковъ. То же приблизительно можно отвѣтить и на второе возраженіе: малочисленность образованій, въ которыхъ чувствуется связь между звуковымъ составомъ и представленіемъ, тоже легко объясняется, если принять во вниманіе дѣйствіе измѣненія звуковъ. Возьмемъ коралловую вѣтвь: какъ незначителенъ объемъ ея живыхъ кончиковъ въ отношеніи къ окаменѣвшему ея корпусу! Между тѣмъ именно эти живые кончики и объясняютъ намъ ея происхожденіе. А съ другой стороны, «слѣдуетъ принять во вниманіе, что мы другихъ мотивовъ соотвѣтствія между звуковымъ составомъ и значеніемъ, которые позволяли-бы намъ уразумѣть этотъ составъ, какъ непосредственно понятное выраженіе представленія, — совсѣмъ не знаемъ. Совершенно же произвольная или случайная ассоціація между звукомъ и значеніемъ могла бы быть признана хотя и возможнымъ, но уже никакъ не естественнымъ и соотвѣтствующимъ выраженію определеннаго душевнаго явленія отношеніемъ» (I, 344).

Не думаю, однако, чтобы орудія критики были исчерпаны обоими приведенными авторомъ возраженіями. Прежде всего онъ, думается мнѣ, врядъ-ли многихъ убѣдитъ въ томъ, что въ звукоподражаніяхъ средствомъ подражанія является не звукъ, а артикуляціонное движеніе. Когда въ 1848 году группа друзей рѣшила основать въ Берлинѣ антиправительственный юмористическій журналъ, выборъ подходящаго названія причинилъ имъ немало затрудненій. Въ самый разгаръ спора объ этомъ изъ сосѣдней комнаты послышался грохотъ разбиваемой посуды; этотъ грохотъ вызвалъ у одного изъ друзей совершенно инстинктивное восклицаніе «Kladderadatsch», каковое и было принято какъ названіе новаго журнала съ его «разрушительными» тенденціями. Что же должны мы допустить: что ощущеніе грохота вызвало у нашего берлинца непосредственное представленіе соотвѣтствующаго ему приблизительно звукового комплекса, каковой и былъ тотчасъ воспроизведенъ въ силу давно затверженной ассоціаціи между слуховымъ и артикуляціоннымъ ощущеніемъ, — или, согласно Вундту, что услышанный грохотъ вызвалъ прежде всего представленіе о падающей и разбивающейся посудѣ, это послѣднее—«уподобительный жестъ» въ видѣ болтающагося между верхней и нижней челюстью языка, каковой жестъ и произвелъ слово Kladderadatsch? Мнѣ кажется, звукоподражанія должны

быть отдѣлены отъ звуковыхъ образовъ и отнесены къ явленіямъ языка-эхо, о которомъ рѣчь была выше: слово Kladderdatsch относится къ дѣйствительному грохоту разбивающейся посуды точно такъ же, какъ младенческое Сяся къ настоящему Саша, — въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ стремленіе передать услышанный звукъ съ помощью несовершеннаго звукового аппарата говорящаго лица.

Остаются звуковые образы и родственныя имъ звуковыя метафоры; по отношенію къ нимъ теорія Вундта нуждается, какъ мнѣ кажется, только въ одной — правда, довольно существенной — поправкѣ. Какъ видно изъ приведенной выше фразы, Вундтъ при ихъ объясненіи исходитъ изъ *представленій*, результатомъ которыхъ является слово. Это объясненіе не вяжется однако съ его собственнымъ анализомъ выразительныхъ движеній, согласно которому мимическія движенія — а къ нимъ принадлежатъ и звуковые жесты — выражаютъ непосредственно не представленія, а *чувства*. Правда, Вундтъ не забываетъ и о возможной роли чувствъ въ возникновеніи звуковыхъ метафоръ (I, 340), но только этихъ послѣднихъ и только вскользь; послѣдовательность требовала, чтобы чувства были исходной точкой при объясненіи интересующихъ насъ явленій. «Какъ тилисну (ее) по горлу ножомъ», говоритъ у Достоевскаго каторжникъ (Зап. изъ М. д., II, гл. 4); есть ли сходство между артикуляціоннымъ движеніемъ слова «тилиснуть» и движеніемъ скользящаго по человѣческому тѣлу и врѣзывающагося въ него ножа? Нѣтъ; но за то это артикуляціонное движеніе какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ тому положенію лицевыхъ мускуловъ, которое инстинктивно вызывается особымъ чувствомъ нервной боли, испытываемой нами при представленіи о скользящемъ по кожѣ (а не вонзаемомъ въ тѣло) ножѣ: губы судорожно вытягиваются, горло щемитъ, зубы стиснуты — только и есть возможность произнести гласный *и* и языковые согласныя *т*, *л*, *с*, при чемъ въ выборѣ именно ихъ, а не громкихъ *д*, *р*, *з*, сказался и нѣкоторый звукоподражательный элементъ. То же касается и другихъ звуковыхъ образовъ: всѣ они непосредственно родственны не съ представленіями, которыя они вызываютъ, а съ чувствами, которыя въ насъ возбуждаютъ эти представленія; мы тогда ихъ признаемъ удачными, когда они гармонируютъ со всей мимикой лица, выражающей эти чувства, и своимъ звуковымъ составомъ способствуютъ (именно толь-

ко *способствуютъ*—большаго мы требовать не можемъ) появленію той же мимики и у слушающаго, а съ нею—согласно сказанному въ третьей главѣ—и усиленію самаго чувства. Итакъ, мы можемъ согласиться съ теоріей Вундта, поскольку она беретъ за точку отправленія не акустическое впечатлѣніе слова, а произведшее его артикуляціонное движеніе; но мы отвергнемъ его гипотезу «уподобительныхъ звуковыхъ жестовъ», какъ неправильно вносящую пантомимическіе термины въ область чистой мимики, и опредѣлимъ «звуковые образы» какъ «слова, артикуляція которыхъ соотвѣтствуетъ общей мимикѣ лица, выражающей вызываемое ими чувство».

И эта область простирается гораздо шире, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Читатель не забылъ о «сопутствующихъ движеніяхъ», играющихъ такую роль въ общей мимикѣ и пантомимикѣ человѣческаго тѣла: сплошь и рядомъ мимическія движенія понятны только какъ сопутствующія пантомимическимъ, въ каковомъ случаѣ они выражаютъ уже не чувства, а представленія. Здѣсь, дѣйствительно, можетъ быть рѣчь о предложенномъ Спенсеромъ «разсѣянномъ возбужденіи», слѣдующемъ за иннервацией непосредственно заинтересованныхъ органовъ и охватывающемъ прежде всего самыя подвижныя мускулы. Что артикуляціонныя мускулы не отстаютъ отъ другихъ—ясно само собой; вспомнимъ ради иллюстраціи о переписывающемъ Акакіи Акакіевичѣ, какъ онъ «и подсмѣивалъ, и подмигивалъ, и помогалъ губами». Положимъ, у него это движеніе не производитъ словъ—его работа нѣмая. Но въ иныхъ случаяхъ именно работа можетъ вызвать громкую артикуляцію и, слѣдовательно, появленіе «словъ-междометій» и «словъ - сигналовъ», какъ ихъ называетъ Бюхеръ. Мы знаемъ уже, что Вундтъ сочувственно относится къ теоріи Бюхера; тѣмъ естественнѣе было вспомнить о его «словахъ-сигналахъ» и отвести имъ мѣсто рядомъ со «звуковыми образами» въ изслѣдованіи о выразительныхъ звукахъ. Но и слова-сигналы не исчерпываютъ всего матеріала: основываясь на теоріи сопутствующихъ движеній, мы должны признать, что всякій пантомимическій жестъ сопровождается тѣмъ или другимъ измѣненіемъ въ положеніи артикуляціонныхъ мускуловъ, различнымъ у различныхъ человѣческихъ расъ и даже индивидуумовъ—и стало быть способствуетъ возникновенію того или другого слова. Это—результатъ очень важный: онъ объясняетъ намъ *проникновеніе представленій* изъ языка жестовъ въ языкъ словъ. Понятно, что

родство возникшаго такимъ образомъ слова съ вызвавшимъ его косвенно представленіемъ будетъ совершенно неуловимо, тѣмъ не менѣе мы будемъ имѣть дѣло не со «случайной или произвольной ассоціаціей», а съ вполне естественной и неизбѣжной.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ результатъ поможетъ намъ отвѣтить на другой вопросъ, вскользь только затронутый Вундтомъ въ его второй главѣ (I, 131 и сл.) и оставленный имъ безъ отвѣта—вопросъ о временномъ отношеніи языка жестовъ къ языку звуковъ. Согласно сказанному, этотъ вопросъ сводится къ другому вопросу—о сравнительномъ приоритетѣ чувствъ и представленій; а такъ какъ внутри развитія человѣческаго рода о приоритетѣ той или другой области душевныхъ явленій не можетъ быть и рѣчи, то придется признать, что оба соотвѣтствующихъ имъ языка съ самаго начала существовали рядомъ, звуки—для выраженія и сообщенія чувствъ, жесты—для представленій. Но вопросъ получаетъ другой характеръ, если ограничить его областью представленій, если предложить его въ такой формѣ: который изъ двухъ языковъ, языкъ жестовъ или языкъ звуковъ, былъ первоначальнымъ выразителемъ представленій? Тутъ отвѣтъ не можетъ быть сомнительнымъ: первенство безспорно принадлежитъ языку жестовъ. Въ жестѣ было непосредственно выражено представленіе; звукъ, какъ невольное порожденіе сопутствующихъ движеній, былъ вначалѣ лишь малозамѣтной придачей къ жесту. Но, по мѣрѣ развитія артикуляціи, его значеніе стало расти: представленіе въ силу ассоціаціи стало переходить отъ жеста къ слову, пока они не помѣнялись ролями: жестъ сталъ маловажной придачей къ слову. Со временемъ онъ отпалъ совершенно: *слово убило жестъ*. На нашихъ глазахъ совершается эволюція обратнаго характера: какъ раньше акустическій образъ представленія, слово, вытѣснилъ оптический, такъ теперь онъ въ свою очередь уступаетъ свое мѣсто оптическому знаку, письму. Письмо чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе вторгается въ область слова; ужъ теперь самыя важныя событія въ политической и культурной исторіи производятся не произносимой, а письменной рѣчью: *письмо убиваетъ слово*. Оптика вновь завоевываетъ отнятую у нея акустикой область; нетрудно, однако, понять, что этимъ она насъ не приближаетъ къ природѣ, а еще болѣе удаляетъ отъ нея.

В. Зѣлинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Понятіе безконечности въ алгебрѣ, въ анализѣ, въ геометріи, въ философіи; проблема о безконечности пространства; проблема о безконечности вещества.

I.

Съ понятіемъ безконечности мы встрѣчаемся въ разныхъ дисциплинахъ: и въ алгебрѣ, и въ анализѣ, и въ геометріи, и въ философіи. Это понятіе однако не во всѣхъ наукахъ имѣеть одинаковый объемъ и одинаковое содержаніе. Въ алгебрѣ и въ анализѣ оно имѣеть относительное значеніе, въ геометріи и въ философіи абсолютное. Начнемъ съ алгебры. Знакъ безконечности въ алгебрѣ ∞ ; основное выраженіе этого знака $\frac{a}{\infty} = 0$. Легко доказать, что если подъ ∞ будемъ подразумѣвать число, заключающее въ себѣ безконечное число единицъ, то выраженіе $\frac{a}{\infty}$ не имѣеть въ себѣ никакаго реального смысла. Какъ понять дѣленіе конечнаго числа a на безконечное число? Дѣйствія умноженіе и дѣленіе мы можемъ совершать только надъ конечными числами, а безконечность—нѣчто ни съ чѣмъ несравнимое: она не число, не величина. Съ другой стороны, $\frac{a}{\infty} = 0$ заключаетъ въ себѣ противорѣчія, если подъ ∞ мы понимаемъ абсолютно безконечное число, потому что тогда частное будетъ абсолютное 0, и получится, что $a = 0 + 0 + 0 + 0 \cdot \cdot \cdot = 0$; если же частное малое число d конечное, то $a = \overbrace{d + d + d \cdot \cdot \cdot}^{\text{безконечное число разъ}} = \infty$; если намъ возразятъ, что частное не 0, и не конечное малое d ,

а переменное число, приближающееся къ o , то это значитъ, что разсматриваютъ дѣленіе въ продолженіе дѣйствія, а не въ результатѣ; это, во-первыхъ; а во-вторыхъ, переменное есть рядъ конечныхъ величинъ, а такъ какъ ни одна конечная величина не годится въ частное, то и рядъ не удовлетворяетъ требованію, при пониманіи ∞ какъ безконечнаго числа. Многіе математическіе софизмы созданы именно на внутреннемъ противорѣчій выраженіи $\frac{a}{\infty} = o$.

Однако оно имѣетъ полную ясность, если подъ знакомъ ∞ будемъ подразумѣвать большое конечное число, столь большое, что a , раздѣленное на него, дастъ частное, равное конечному малому числу, не вносящему въ наши вычисленія погрѣшности большей, чѣмъ мы это заранѣе себѣ опредѣлили. Такое малое конечное число для данной задачи есть o . Такъ какъ мы ставимъ себѣ разные предѣлы погрѣшности, то и o имѣетъ разное значеніе, но каждый разъ конечное и меньшее опредѣленнаго числа.

Слѣдовательно, въ выраженіи $\frac{a}{\infty} = o$, ∞ конечное большое число, а o конечное малое число, хотя они и называются безконечно-большимъ и безконечно-малымъ вслѣдствіе того, что имѣютъ разныя значенія въ разныхъ вопросахъ.

Теперь, если мы перейдемъ къ высшей математикѣ, къ анализу, то тамъ встрѣтимъ знакъ dx . Чтобы понять то, что онъ собою выражаетъ, приведемъ примѣры. Пусть въ функціи $y = x^2$ величина x возрастаетъ на Δx , тогда $y + \Delta y = x^2 + 2x \cdot \Delta x + \Delta x^2$; или $\Delta y = 2x \cdot \Delta x + \Delta x^2$, а $\frac{\Delta y}{\Delta x} = 2x + \Delta x$. Переходя къ предѣлу Δx , когда $\Delta x = o$, т.-е. когда Δx меньше всякаго конечнаго положительнаго числа, находимъ $\frac{\Delta y}{\Delta x} = 2x$, или, употребляя знаки

предѣла Δx и Δy , пишемъ $\frac{dy}{dx} = 2x$; $\frac{dy}{dx}$ есть производная функціи $y = x^2$, а dx безконечно малое число. Надъ такими дѣйствіями и понятіями оперируетъ дифференціальное исчисленіе. Но мнѣ кажется, возможно было бы изложить курсъ этого исчисленія съ точки зрѣнія конечныхъ величинъ, понимая подъ dx величину хотя и конечную, но въ каждомъ случаѣ не выходящую изъ

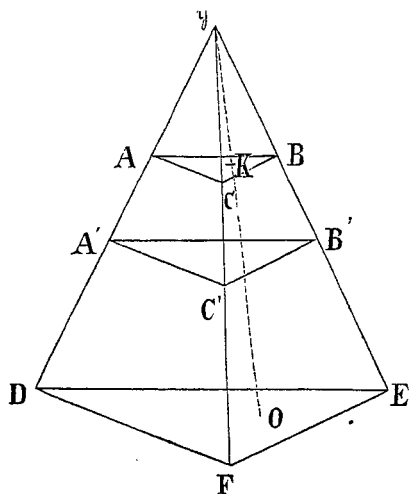
предѣловъ допустимой погрѣшности. Въ самомъ дѣлѣ положимъ на время, что дифференціальное и интегральное исчисленіе имѣютъ дѣло только съ конечными числами. Возьмемъ очень простую функцію $y = x^3$; допустимъ, что x возрастетъ на величину Δx столь малую, что Δx меньше погрѣшности, допускаемой въ данной задачѣ, въ данной системѣ конечныхъ величинъ, тогда $y + \Delta y = (x + \Delta x)^3 = x^3 + 3x^2 \cdot \Delta x + 3x \cdot \Delta x^2 + \Delta x^3$. Какъ, по условію, Δx ничего не значитъ (меньше погрѣшности) въ сравненіи съ x и съ другими данными вопроса и задачи, такъ Δx^2 и Δx^3 являются величинами неувовимо-малыми въ сравненіи съ Δx , поэтому $y + \Delta y = x^3 + 3x^2 \cdot \Delta x$, а $\Delta y = 3x^2 \cdot \Delta x$, или (какъ пишутъ, выражая предѣлъ) $dy = 3x^2 \cdot dx$. Послѣднее выраженіе есть дифференціалъ функціи $y = x^3$. Разъ мы умѣемъ получить дифференціалъ функціи, считая dx за конечную малую величину, то слѣдовательно, и вся теорія дифференціального исчисленія можетъ быть изложена съ этой, реальной, а не символической точки зрѣнія. Далѣе, если dx малая конечная величина, то можно было бы ввести знакъ, выражающій большую конечную величину ∞ , или какой другой, и въ анализѣ мы имѣли бы дѣло, какъ и въ алгебрѣ, только съ конечными числами.

При нашемъ пониманіи ∞ , можно сказать, что $\frac{x}{\infty} = dx$; $\frac{dx}{\infty} = dx^2$ и т. д.;

такъ какъ интегральное исчисленіе есть дѣйствіе обратное дифференціальному, то, очевидно, оно не вноситъ новыхъ принциповъ. Для иллюстраціи возьмемъ простѣйшій примѣръ.

Дана пирамида $SDEF$, гдѣ $ABC \parallel DEF$ и $So \perp DEF$; пусть $Sk = x$, а объемъ $SABC = y$, то $y = f(x)$.

Если дадимъ приращеніе Δx , то получится тонкій листъ $ABC A'B'C'$, призма. Обозначая площадь $ABC = b$, объемъ призмы $ABC A'B'C' = b \cdot \Delta x$; эта призма—приращеніе объема $SABC$, слѣд. равняется Δy ;

$$\Delta y = b \Delta x;$$

$$\text{такъ какъ } \frac{DEF}{b} = \frac{a}{b} = \frac{So^2}{Sk^2} = \frac{h^2}{x^2},$$

$$\text{то } b = \frac{ax^2}{h^2} \text{ и } \Delta y = \frac{ax^2}{h^2} \cdot \Delta x; \text{ или } dy = \frac{a}{h^2} \cdot x^2 dx.$$

Мы видѣли выше, что дифференціалъ $dy = 3x^2 dx$ получается отъ функции $y = x^3$, слѣд. $dy = \frac{a}{h^2} x^2 dx = \frac{a}{3h^2} 3x^2 dx$ получается отъ $y = \frac{a}{3h^2} x^3$.

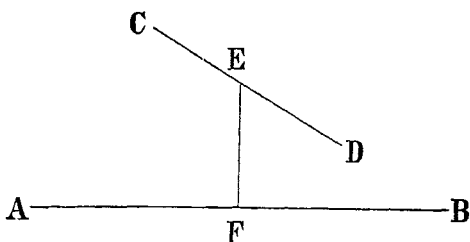
Функция $y = \frac{a}{3h^2} x^3$ выражаетъ объемъ $SABC$; если $x = h$, то $y = \frac{a}{3h^2} h^3 = \frac{ah}{3}$. Очевидно, интегральное исчисленіе, какъ теорія, трактующая о процессахъ, обратныхъ дифференцированію, можетъ быть изложена въ терминахъ ∞ и $\frac{x}{\infty}$ 1).

Такимъ образомъ понятіе безконечности въ алгебрѣ заключаетъ въ себѣ слѣдующее содержаніе: подъ безконечностью или безконечно большимъ числомъ въ алгебрѣ и въ анализѣ можно понять такое конечное большое число, по раздѣленіи на которое каждое данное и искомое число задачи дастъ частное, ускользающее изъ предѣловъ погрѣшности, принимаемой въ расчетъ условіями данной задачи (такое частное отъ искомой величины есть дифференціалъ ея). Только надъ такой относительной безконечностью можемъ мы совершать шесть алгебраическихъ дѣйствій; никакого иного реального значенія мы дать не можемъ величинѣ, которую можно умножать, на которую можно дѣлить.

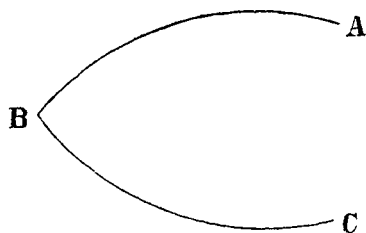
Иное дѣло въ геометріи. По крайней мѣрѣ геометрія Эвклида и геометрія Лобачевского заключаютъ въ себѣ абсолютную безконечность. На плоскости Эвклида, если $AB \perp EF$, а CD подъ угломъ $\alpha < 90^\circ$, то AB и CD пересѣкаются на разстояніи конечномъ отъ точки F , но если AB и CD обѣ перпендикулярны къ EF , то пересѣченіе CD и AB совершится только на разстояніи абсолютно безконечномъ отъ точки F . (См. ст. 572.)

1) ∞ понимается въ конечномъ смыслѣ.

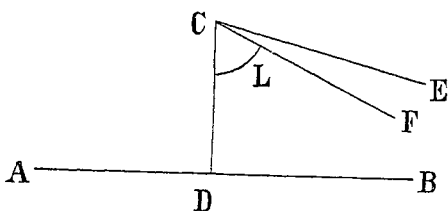
Вѣтви параболы AB и BC въ пространствѣ Эвклида пересѣкаются тоже на разстояніи абсолютно безконечномъ отъ точки B .

Въ геометріи Лобачевского на плоскости прямая AB перпендикулярная къ CD и CE , находящаяся къ CD подъ острымъ угломъ, большимъ нѣкотораго острого предѣльнаго угла α , пересѣкаются тоже на разстояніи абсолютно безконечномъ отъ точки D .

Эти безконечно большія разстоянія уже не суть величины и не могутъ быть выражены числами; если подъ величиной разумѣть нѣчто сравнимое съ другими количествами, надъ ними не могутъ быть совершаемы никакія дѣйствія.

Такъ геометрія, имѣя дѣло съ атрибутомъ природы, съ протяженностью, по своему пониманію безконечности отличается отъ алгебры и анализа и приближается къ философіи, вѣчно занятой изученіемъ реального и атрибутовъ его.

II.

Дѣйствительно, философія, начиная съ Анаксимандра, понимаетъ безконечность въ примѣненіи къ міру въ абсолютномъ смыслѣ.

Анаксимандръ же считалъ ее сущностью всѣхъ вещей. Парменидъ считалъ истинно сущее шарообразной формы, и Аристотель замыкалъ вселенную въ планетныя и звѣздную сферы, но зато они и говорили, что мѣръ не безконеченъ; безконечности придавали абсолютный смыслъ такъ же, какъ Анаксимандръ и Демокритъ.

Эпоха Возрожденія наукъ и искусствъ провозгласила безконечность мѣра въ абсолютномъ смыслѣ, отвергнувъ ученіе Аристотеля о семи небесахъ. Бруно проповѣдовалъ нераздѣльность пантеистическихъ и индивидуалистическихъ мыслей, всеобщее одушевленіе и безконечность мѣра, относясь съ религіознымъ умиленіемъ ко вселенной и фантастически обоготворяя природу.

Бруно доканчиваетъ коперникову картину мѣра тѣмъ, что устраняетъ твердый кругъ неподвижныхъ звѣздъ, о которомъ Коперникъ, а также Кеплеръ, еще предполагали, что онъ окружаетъ систему нашего солнца, и взаменъ того открываетъ взглядъ на безконечность мѣра... Безконечное пространство пробѣгаютъ безчисленныя созвѣздія, изъ которыхъ ни одно не составляетъ средоточія мѣра.

Отецъ европейскаго рціонализма Декартъ утверждалъ, что нѣтъ ненаполненнаго пространства, что матерія такъ же не имѣетъ малыхъ недѣлимыхъ частицъ, и мѣръ такъ же не имѣетъ конца, какъ и пространство. При сравненіи пространства и матеріи, первое заимствуетъ отъ послѣдняго наполненность, матерія отъ пространства неограниченность внутреннюю (безконечную дѣлимость) и внѣшнюю (безпредѣльность). Поэтому нѣтъ разныхъ матерій, а есть только одна однородная матерія и только одна безконечная вселенная. О сущности вещей рѣдко кто училъ лучше Спинозы, а онъ говорилъ, что извѣстные намъ атрибуты субстанціи—безконечное пространство и мышленіе. Также и другіе новые мыслители всѣ признавали безконечность мѣра, понимая ее въ абсолютномъ смыслѣ. Теперь посмотримъ, какъ понимали это Кантъ и новѣйшіе мыслители.

Въ ученіи объ антиноміяхъ выразился взглядъ Канта на безконечность мѣра.

Тезисъ I: антиноміи выражается такъ: мѣръ имѣетъ начало во времени и заключенъ въ границахъ въ пространствѣ, доказательство отъ противнаго. Чтобы мыслить въ себѣ мѣръ, который наполняетъ всѣ пространства, какъ цѣлое, на послѣдовательный

синтезъ частей безконечнаго міра надо смотрѣть какъ на законченный, что невозможно, потому что безконечность ряда состоитъ именно въ томъ, что онъ никогда не можетъ быть законченъ путемъ послѣдовательнаго синтеза. Слѣдовательно, міръ конеченъ.

Антитезисъ:

Міръ не имѣетъ начала, ни границъ въ пространствѣ, но безконеченъ какъ въ пространствѣ, такъ и во времени.

Доказательство:

Всякому существованію должно предшествовать нѣчто, ибо пустое время ничего создать не можетъ. Слѣдовательно, міръ вѣченъ.

Далѣе допустимъ, что міръ конеченъ и ограниченъ въ пространствѣ. Такимъ образомъ онъ находится въ пустомъ пространствѣ, которое неограничено. А такъ какъ міръ есть абсолютное цѣлое, внѣ котораго не можетъ быть предмета созерцанія, то отношеніе міра и пустоты пространства было бы отношеніемъ ни къ какому предмету. Но такое отношеніе ничто. Слѣдовательно, міръ неограниченъ.

Не касаясь того въ эту минуту, что правильнѣе—тезисъ или антитезисъ, мы сейчасъ можемъ констатировать тотъ фактъ, что Кантъ, въ противоположность картезианцамъ, безконечность міра понимаетъ какъ безконечность пространства и какъ безконечность матеріи. Его тезисъ говоритъ, что міръ заключенъ въ границахъ въ пространствѣ, а пространство предполагается безконечнымъ. Антитезисъ утверждаетъ, что міръ не имѣетъ границъ въ пространствѣ, а пространство остается опять внѣ сужденій.

Итакъ, Кантъ понималъ безконечность въ абсолютномъ смыслѣ, только онъ, считая пространство безконечнымъ (по крайней мѣрѣ такъ въ антиноміяхъ и въ трансцендентальной эстетикѣ), не находитъ возможнымъ доказать, безконечна или конечна матерія и противопоставляетъ тезису антитезисъ. Въ данную минуту для насъ неважно также и то, какъ объясняетъ Кантъ возможность борьбы космологическихъ идей—тезиса и антитезиса.

Переходя къ послѣдующимъ мыслителямъ, мы видимъ скорѣе признаніе безконечности міра, чѣмъ ея отрипаніе. Такъ Тренделенбургъ въ своихъ «логическихъ изслѣдованіяхъ», находя пространство и время субъективными и апіорными съ одной стороны, съ другой также и предметными, признавая необходимую

гармонію, въ которой субъективное, обусловливаемое и порождаемое въ извѣстной мѣрѣ жизнью, должно потомъ и поладить съ нею,—постулируетъ въ концѣ концовъ къ тому, что изъ движенія возникаютъ безконечное пространство и время.

Мнѣніе Герберта Спенсера является болѣе уклоняющимся отъ обычныхъ взглядовъ на пространство и время, нежели чья-либо точка зрѣнія изъ современныхъ мыслителей. Этотъ философъ, находя всѣ основныя идеи науки непостижимыми, считаетъ безконечное пространство во всѣхъ отношеніяхъ непознаваемымъ. Онъ не находитъ возможнымъ считать пространство или атрибутомъ вещей, или субстанціей, или апріорной формой созерцанія. (Когда мы созерцаемъ пространство, какія бываютъ условія созерцанія?)

Такъ что Спенсеръ нисколько не оспариваетъ насъ въ томъ, безконечно ли пространство или конечно, а вообще утверждаетъ непознаваемость пространства, времени, силы, матеріи, мысли что свидѣтельствуетъ, по его мнѣнію, объ относительности нашего знанія и намекаетъ на абсолютное бытіе, которое для ума недоступно.

Такой взглядъ его, однако, не помѣшаетъ намъ доказать, что пространство въ смыслѣ геометрическомъ все же безконечно, не касаясь того, что оно такое по существу.

Изъ современныхъ взглядовъ на безконечность міра приведемъ еще одно ясно-выраженное мнѣніе Паульсена, онъ говоритъ: «мы приходимъ такимъ образомъ къ формулѣ—всѣ движенія въ безконечномъ времени и въ безконечномъ пространствѣ образуютъ собою въ дѣйствительности единое движеніе; тѣлесный міръ есть единая система съ единымъ великимъ движеніемъ». Повидимому Паульсенъ вездѣ придерживается этого положенія, какъ факта.

III.

Теперь, убѣдившись въ томъ, что безконечность въ философіи понималась всегда въ абсолютномъ смыслѣ, а не въ относительномъ, мы должны спросить себя, есть ли у насъ какія доказательства въ пользу того, что міръ безконеченъ, или, напротивъ, имѣются аргументы за конечность міра?

Но правильный отвѣтъ можно получить только тогда, когда правильно, точно, и подробно поставленъ вопросъ; поэтому проблему о безконечности міра мы выразимъ слѣдующими формулами:

1) Безконечно ли пространство міра, разсматриваемое въ геометрическомъ смыслѣ?

2) Безконечна ли матерія, разсматриваемая, какъ объектъ физики?

Вопросы, постановленные въ такомъ смыслѣ, вызовутъ правильный геометрической и физической отвѣты. О сущности же пространства и матеріи пока не будетъ рѣчи. Для насъ въ данную минуту важно знать, безконечно ли пространство міра, безконечна ли матерія во вселенной, не касаясь того, что такое пространство, что такое матерія по существу; въ данную минуту интересуется насъ вопросъ о количествѣ міра, а не о первыхъ его основахъ.

Задача о томъ, безконечно ли наше пространство или конечно, принадлежитъ математикамъ. Утвержденія и отрицанія должны исходить отъ основателей новыхъ геометрій (Лобачевскій, Риманъ и др.) Центръ тяжести въ рѣшеніи даннаго вопроса лежитъ въ томъ, чтобы доказать эмпирически, что наше пространство Эвклидовское, а не Лобачевского или Риманна. Надо доказать, что треугольникъ, построенный на трехъ небесныхъ свѣтилахъ, какъ вершинахъ этого треугольника, заключаетъ въ суммѣ своихъ угловъ два прямыхъ,—тогда наше пространство безконечно; если же эта сумма *меньше* двухъ прямыхъ, то наше пространство есть пространство системы Лобачевского; если сумма угловъ *больше* двухъ прямыхъ,—то Риманна.

Если наше пространство Эвклидовское или Лобачевского, то оно безконечно. Если же оно системы Риманна, то оно—конечно (плоскости окажутся сферами ¹⁾).

Риманъ (въ своей статьѣ «Объ основаніи геометріи») говоритъ, что факты (въ основаніи геометріи Эвклида) не суть необходимы, а имѣютъ только эмпирическую достовѣрность; они—гипотезы и поэтому нужно еще изслѣдовать ихъ правдоподобность, которая во всякомъ случаѣ очень велика въ предѣлахъ наблюдений.

По мнѣнію Гельмгольца, наше пространство безконечно.

Дѣйствительно, наши астрономы, инженеры, архитекторы всѣ свои выкладки дѣлаютъ на основаніи принциповъ эвклидовой

¹⁾ Лобачевскій занимался изученіемъ небеснаго треугольника, построеннаго на трехъ небесныхъ свѣтилахъ, и пришелъ къ мысли, что сумма угловъ равна или почти равна двумъ прямымъ.

геометріи, и дѣйствительность не обманываетъ ихъ. Это эмпирическое доказательство того, что пространство міра — эвклидовое или близкое тому. Слѣдовательно, идеально выточенные прямы стержни, будучи параллельно поставлены и бесконечно удлинняемы, нигдѣ въ нашемъ пространствѣ не встрѣтятся (потому что оно эвклидово), никогда не выходя изъ него, что убѣждаетъ нашъ умъ въ бесконечности пространства міра. Допущеніе, что наше пространство имѣетъ сферическую форму, никѣмъ не доказано.

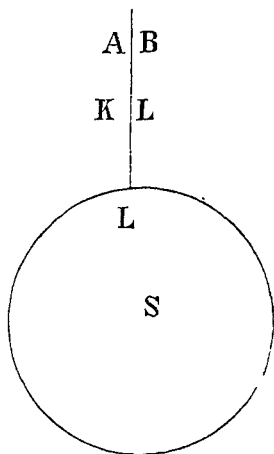
(Поэтому можно сказать, что и то, чему пространство служить, какъ перемѣнная, т. - е. абсолютное протяженное многообразіе, какъ предѣлъ, должно быть бесконечно, ибо перемѣнная приближается къ атрибутамъ предѣла.)

IV.

Теперь возникаетъ болѣе трудный вопросъ: бесконечно ли вещество міра.

Противъ положенія, что вещество бесконечно, выставляютъ свои возраженія, съ одной стороны, философы, основываясь на данныхъ естествознанія, съ другой—послѣдователи кантовскаго идеализма. Такъ нѣкоторые думаютъ (Риль въ его книгѣ «Теорія науки и метафизика»), что законъ постоянства энергіи говоритъ за конечность матеріи, потому что только конечное опредѣленно, постоянно или перемѣнно. Разъ энергія міра постоянна, слѣдовательно, количество ея опредѣленно, а энергія и матерія по существу одно и то же, слѣдовательно, матерія конечна въ своемъ количествѣ.

Но въ данномъ случаѣ, думается, изъ конечнаго факта сдѣланъ бесконечный выводъ. Если мы выводимъ законъ сохранения энергіи изъ механическихъ соображеній, то рассуждаемъ такъ: камень *B*, падающій съ высоты *L*, въ точкѣ *A* имѣетъ скорость *O*, но также имѣетъ способность при паденіи на землю произвести работу *L*; энергія камня *B* въ точкѣ *AO* \neq *L*; въ точкѣ

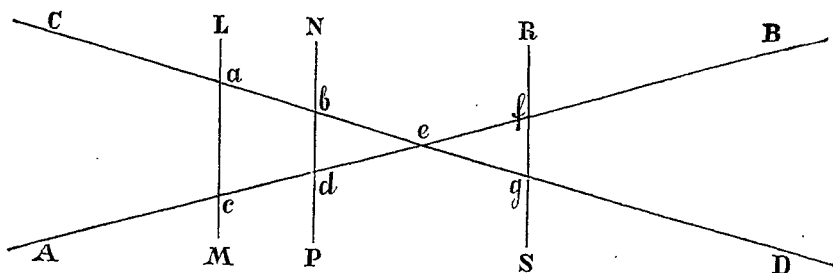
К тѣло имѣеть скорость Vk , а живая сила его $\frac{mVk^2}{2}$, способность произвести работу при паденіи на землю съ этой меньшей высоты $= E < L$;

оказывается $O + L = \frac{mVk^2}{2} + E$;

это равенство существуетъ для всякой точки линіи AL .

Если мы такъ выводимъ законъ сохранения суммы кинетической и потенциальной энергіи, то, очевидно, имѣемъ дѣло съ конечными системами, и законъ только для нихъ имѣеть значеніе; но ко всей вселенной примѣнять его мы не имѣемъ права, потому что относительно всей энергіи вселенной мы ничего не знаемъ, это, во-первыхъ; а, во-вторыхъ, быть можетъ, энергія вселенной абсолютно безконечна, слѣдовательно, — не величина, и о постоянствѣ ея говорить бессмысленно.

Если выводимъ законъ сохранения энергіи физическимъ путемъ на основаніи эквивалентныхъ чиселъ, на основаніи того, что калорія производитъ всегда и всюду опредѣленное число единицъ механической работы, то изъ такого постоянства соотношеній вывести ограниченность всей міровой энергіи столь же логично, сколь логично сдѣлать выводъ о конечности прямыхъ линій AB и CD на основаніи постоянства соотношеній

отрѣзковъ этихъ прямыхъ между параллельными, пересѣкающимися эти двѣ линіи, прямыми Lm , NP , RS и т. д.

$$\frac{ab}{cd} = \frac{be}{de} = \frac{eg}{ef} \text{ и т. д.}$$

Если опредѣленное количество теплоты порождаетъ опредѣленное количество механической силы, то отсюда слѣдуетъ ли,

что количество теплоты во вселенной конечно? Отнюдь нѣтъ. Изъ всего этого мы дѣлаемъ два вывода.

Во-первыхъ, законъ сохраненія энергiи имѣетъ мѣсто только въ опредѣленномъ кругу системы конечныхъ тѣлъ и явленій, а вселенная здѣсь не при чемъ; во-вторыхъ, этимъ путемъ нельзя доказать конечность энергiи міра, т.-е. конечность матерiи.

Теперь намъ остается рассмотретьъ возможность возраженія со стороны идеализма. Могутъ сказать, что вещество міра столь же велико, сколь велика область нашего ощущенія, потому что весь то міръ есть не что иное, какъ сѣть нашихъ ощущеній. О безконечности вещества, разъ вещество не объектъ, существующій независимо отъ субъекта, не можетъ быть и рѣчи.

На это можно отвѣтить такимъ образомъ: во-первыхъ, никто не доказалъ, что ощущеніе — фактъ чисто субъективный и по происхожденію и по содержанію, что оно не есть неадекватное испытываніе протяженной реальности; послѣднее же опредѣленіе реальности приводитъ насъ къ мысли, что содержаніе ощущенія вещества—фактъ въ нѣкоторомъ отношеніи объективный, и къ нему уже приложимъ вопросъ, имѣетъ ли онъ свойства безконечнаго. А, во-вторыхъ, съ точки зрѣнія чистаго субъективизма, вопросъ о безконечности вещества выразится такъ: всюду ли мы въ пространствѣ будемъ испытывать то, что называется веществомъ, если бы мы стали двигаться по прямой линіи въ вѣчное время? конечна ли эта область вещественнаго ощущенія или нѣтъ?

При такомъ положеніи вещей ясно, что идеализмъ своими принципами не доказываетъ заранѣе ни того, что лишенъ смысла вопросъ о безконечности вещества въ міровомъ пространствѣ, ни того, что эта безконечность невозможна.

Итакъ, ничто, ни данныя физики, ни силлогизмы не мѣшаютъ намъ допустить, что вещество безконечно. Но этого совершенно недостаточно для увѣренности въ томъ, что матерiя не конечна въ пространствѣ. Есть ли какія-либо данныя, которыя были бы лишнимъ шансомъ въ пользу безконечности или конечности матеріальнаго міра? Имѣются данныя въ пользу безконечности и нѣтъ никакихъ въ пользу мысли о конечности. Эти данныя—астрономическія.

Съ первыхъ дней существованія мыслящаго человѣка (который съ вавилонской башни или гдѣ-нибудь въ Китаѣ наблюдалъ те-

ченіе небесныхъ свѣтилъ) границы міра безпрестанно и непрерывно расширялись; и въ наши дни границы эти отъ насъ постоянно удаляются. Оказалось, не солнечной системой ограничивается міръ и не млечнымъ путемъ, замыкающимъ звѣздную систему, и не далекими туманными пятнами, которыя сами, быть можетъ, звѣздныя вселенныя. Труба открываетъ все новыя и новыя системы міровъ... Имѣя въ виду этотъ чрезвычайно великій и дивный фактъ, надо остановиться на томъ положеніи, что не только пространство міра, но и вещество, движущееся въ немъ, равно безконечны¹⁾. А если допустить, что нашъ умъ и наши внѣшнія чувства постоянно приближаютъ содержаніе нашего познанія къ атрибутамъ абсолютнаго, то нужно сказать, что бытіе истинно сущаго безконечно во всѣхъ отношеніяхъ.

Каллистратъ Жаковъ.

¹⁾ Мы еще могли бы привести соображеніе о безконечности энергіи и вещества, если бы коснулись понятія времени: то обстоятельство, что міръ до сихъ поръ не остылъ, не принялъ одинаковую во всѣхъ своихъ частяхъ температуру, доказываетъ, при допущеніи вѣчности міра, что матерія безконечна. Мы не распространяемся объ этомъ аргументѣ, потому что въ настоящей краткой статьѣ не касаемся вообще понятій о времени и вѣчности.

Новое изслѣдованіе о философіи права Канта и Гегеля.

I.

Новый трудъ профессора П. И. Новгородцева «Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ» тѣсно связанъ съ его предшествовавшимъ изслѣдованіемъ «Историческая школа юристовъ». Въ обоихъ названныхъ трудахъ П. И. Новгородцевъ выступилъ въ роли защитника идеи естественнаго права противъ современнаго историзма и позитивизма. Для выполненія этой задачи требовалось прежде всего такъ или иначе посчитаться съ наиболѣе типическими проявленіями новѣйшаго историзма, подвергнуть критическому разбору ученія, отрицающія естественное право. Это и было сдѣлано профессоромъ Новгородцевымъ въ его магистерской диссертациі «Историческая школа юристовъ». «Заинтересовавшись судьбами естественнаго права,—говоритъ г. Новгородцевъ,—я постарался разсмотрѣть въ этомъ трудѣ, насколько историческое направленіе въ юриспруденціи упразднило ту идею, которая издавна являлась опорой философіи права. Въ результатѣ изслѣдованія я пришелъ къ мысли, что это упраздненіе было мнимымъ и что естественно-правовая идея пережила тѣ нападенія, которыя были противъ нея сдѣланы».

Мнѣ нѣтъ надобности входить здѣсь въ подробный разборъ перваго труда г. Новгородцева, который я считаю весьма удачнымъ какъ по мысли, такъ и по выполненію. Но въ виду тѣсной связи этого труда съ разбираемой мною книгой о Кантѣ и Гегелѣ, я считаю не лишнимъ сказать два слова о его важнѣй-

шихъ результатахъ. А именно: профессору Новгородцеву удалось весьма убѣдительно доказать, что въ ученіяхъ корифеевъ новѣйшаго историзма содержатся элементы той самой идеи естественнаго права, которую они отвергаютъ. Отношеніе Савиньи къ этой идеѣ—далеко непослѣдовательно: съ одной стороны онъ является ея противникомъ, съ другой стороны у него попадаютъ изреченія, переносящія въ атмосферу естественнаго права въ воззрѣній.

Въ этой двойственности сказываются не тѣ или другіе случайные недостатки изложенія Савиньи, а коренное противорѣчіе его мысли. Естественный ростъ права, его самобытное національное развитіе въ ученіи знаменитаго нѣмецкаго юриста представляется то какъ необходимый *естественный законъ развитія* права, коего не въ силахъ нарушить законодатель, то какъ *норма желательнаго, должнаго*, съ которой онъ обязанъ сообразоваться. Творчество законодателя съ этой точки зрѣнія признается *то невозможнымъ, то нежелательнымъ*. Поскольку Савиньи считаетъ невозможнымъ какое бы то ни было творческое воздѣйствіе законодателя на развитіе права, постольку, разумѣется, онъ становится въ принципиально отрицательное отношеніе къ естественному праву. Естественное право выражаетъ собою норму желательнаго, должнаго; если все правовое развитіе совершается съ неуклонной, стихійной необходимостью, исключаящей свободное содѣйствіе человѣческой воли, къ праву нельзя обращаться съ какими бы то ни было пожеланіями и требованіями; постольку, очевидно, о естественномъ правѣ не можетъ быть и рѣчи. Однако, Савиньи обращается къ законодателю съ рядомъ нравственныхъ требованій: онъ хочетъ, чтобы законодатель не нарушалъ естественнаго роста права, не вносилъ въ него аномалій: законодатель долженъ быть точнымъ выразителемъ народнаго правосознанія: онъ долженъ признавать «единственно разумное» право—право, живущее въ сознаніи народа. Поскольку Савиньи противопоставляетъ право «единственно разумное» праву существующему, поскольку онъ разсматриваетъ право дѣйствующее съ точки зрѣнія должнаго, онъ, самъ того не замѣчая, становится на почву отвергаемаго имъ естественнаго права.

Такія же противорѣчія замѣчаются и въ мысли новѣйшаго представителя исключительно историческаго воззрѣнія на право Іеринга: съ одной стороны онъ утверждаетъ, что всѣ нравствен-

ныя и юридическія понятія человѣка суть результатъ вѣками накопленнаго историческаго опыта: съ этой точки зрѣнія, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о естественномъ правѣ, такъ какъ въ основѣ естественнаго права лежитъ сверхъопытная по существу идея должнаго. Съ другой стороны Іерингъ оцѣниваетъ все положительное право съ точки зрѣнія „идеи права“, понимая подъ этой идеей *право, какъ оно должно быть*, въ отличіе отъ права существующаго. Мало того, Іерингъ признаетъ идею права необходимымъ факторомъ правового развитія: онъ учитъ, что разумная цѣль есть «творецъ права». Но цѣль есть идея по существу апіорная, сверхъопытная: изъ опыта мы узнаемъ только то, что есть; между тѣмъ цѣль есть представленіе *о томъ, что должно быть*, слѣдовательно о томъ, чего нѣтъ въ нашемъ опытѣ. Такимъ образомъ, въ основѣ ученія Іеринга лежитъ непримиренная противоположность эмпиризма и идеализма. Съ одной стороны онъ — типическій представитель современнаго историзма, враждебнаго естественному праву, съ другой стороны въ его философіи несомнѣнно присутствуютъ элементы естественно-правовые.

Такая же непослѣдовательность можетъ быть указана въ мысли всѣхъ вообще сторонниковъ исключительно историческаго воззрѣнія на право. Между прочимъ, проф. Новгородцевъ вслѣдъ за другими учеными (Тило, Бергбомъ, Назимовъ) указываетъ на присутствіе естественно-правовыхъ воззрѣній въ ученіи знаменитаго критика естественнаго права Шталя. Въ результатѣ превосходнаго изслѣдованія г. Новгородцева оказывается, что новѣйшій историзмъ не только не упразднилъ идеи естественнаго права, но даже не былъ въ состояніи вытравить ее изъ сознанія собственныхъ своихъ сторонниковъ: это обусловливается тѣмъ, что идея естественнаго права есть *необходимый, неустрашимый элементъ правосознанія*. Наше правосознаніе всегда возвышается надъ правомъ положительнымъ, никогда не покрывается имъ; въ качествѣ правила поведенія всякая норма позитивнаго права въ отдѣльности точно такъ же, какъ и весь правовой порядокъ въ своей совокупности, подлежитъ нравственной оцѣнкѣ; но подвергать позитивное право нравственной оцѣнкѣ — значитъ сопоставлять его съ правомъ долженствующимъ быть, или, что тоже, — съ правомъ естественнымъ. Съ одной стороны естественное право представляетъ собою необходимую нрав-

ственную основу права положительнаго, такъ какъ всякая норма положительнаго права нуждается въ нравственномъ оправданіи; съ другой стороны, въ качествѣ нравственнаго критерія надъ правомъ положительнымъ, оно является необходимымъ факторомъ усовершенствованія, прогрессивнаго развитія послѣдняго. У Бергбома—одного изъ наиболѣе выдающихся представителей современнаго историзма въ юриспруденціи мы находимъ замѣчательное объясненіе той необычайной жизненности, которая составляетъ отличительную черту идеи естественнаго права. Въ душѣ каждаго человѣка,—говоритъ онъ,—у естественнаго права есть мощный союзникъ: это то чувство, что то или другое изъ существующаго на самомъ дѣлѣ не должно бы было существовать; на практикѣ это чувство проявляется какъ стремленіе къ преобразованіямъ. «Вотъ это-то стремленіе,—продолжаетъ Бергбомъ,—и есть главный врагъ нашей научной методы, а вмѣстѣ съ тѣмъ—одинъ изъ сильнѣйшихъ стимуловъ естественнаго права». Это характерное признаніе заключаетъ въ себѣ какъ бы невольную апологію естественнаго права и вмѣстѣ съ тѣмъ полнѣйшее осужденіе точки зрѣнія самого Бергбома. Если стремленіе человѣка къ преобразованіямъ, т.-е. къ усовершенствованію исторически существующаго, является злѣйшимъ врагомъ его метода, то этимъ только доказывается негодность послѣдняго. Стремленіе это выражаетъ то, что составляетъ смыслъ и цѣну человѣческаго существованія, и то научное направленіе, которое хочетъ его устранить, само себѣ изрекаетъ смертный приговоръ.

II.

Какъ бы ни были различны пониманія идеи естественнаго права, ея сторонники сходятся между собою въ томъ, что она обнимаетъ собою совокупность такихъ правилъ или нормъ, которыя обязательны сами по себѣ, независимо отъ какого бы то ни было внѣшняго законодательства, независимо отъ предписанія того или другого внѣшняго авторитета. Обязательность законовъ, издаваемыхъ государственною властью, обусловливается авторитетомъ государства; обязательность нормъ церковнаго права обусловливается авторитетомъ церкви; обязательность нормъ обычнаго права покоится на авторитетѣ той или другой общественной среды, подчиняющейся опредѣленнымъ юридическимъ

обычаямъ; обязательность всѣхъ вообще нормъ положительнаго права обусловливается тѣмъ или другимъ общественнымъ авторитетомъ. Напротивъ, нормы естественнаго права, если только мы вообще признаемъ существованіе такихъ нормъ, авторитетны сами по себѣ, единственно вслѣдствіе своей разумности. Если нормы положительнаго права по существу *гетерономны*, то о существованіи нормъ естественнаго права можно говорить только въ томъ предположеніи, что нашъ разумъ *автономенъ*, что онъ представляетъ собою *независимый отъ внѣшняго законодательства источникъ нравственныхъ сужденій*.

Вопросъ о естественномъ правѣ неизбежно долженъ былъ привести г. Новгородцева къ вопросу о *самостоятельности этической начала*. Если разумъ нашъ не есть самостоятельный законодатель въ нравственной сферѣ, то надъ исторически сложившимися правовыми нормами нѣтъ высшаго суда и высшаго законодательства, а въ такомъ случаѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о естественномъ правѣ. При такой постановкѣ вопроса за разрѣшеніемъ его необходимо обратиться къ этикѣ Канта. Говоря словами проф. Новгородцева, «нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если современная мысль въ разрѣшеніи вопроса о самостоятельномъ значеніи нравственной точки зрѣнія обращается къ Канту. Исторія философіи не знаетъ до сихъ поръ болѣе крупной попытки обосновать самостоятельное положеніе этической методы» (предисловіе, стр. II). Этимъ опредѣлился планъ разбираемой книги. Критическій анализъ нравственной философіи Канта и связанныхъ съ нею ученій о правѣ и государствѣ составилъ главную ея часть. Г. Новгородцеву предстояло выяснить какъ положительныя достоинства, такъ и пробѣлы указанныхъ отдѣловъ Кантова ученія. «Пробѣлы эти,—говоритъ г. Новгородцевъ,—какъ извѣстно, нашли глубокомысленнаго критика въ лицѣ Гегеля. Его основныя замѣчанія противъ Канта до сихъ поръ сохраняютъ весь свой интересъ и въ своей совокупности полагаютъ фундаментъ для другого построенія моральной философіи, основаннаго на иныхъ началахъ и стремленіяхъ. Нельзя найти лучшей параллели для взглядовъ Канта. Изучая кругъ вопросовъ, выдвинутыхъ Гегелемъ, мы убѣждаемся въ ихъ настоящей важности, но убѣждаемся также и въ томъ, что они не устраняютъ, а восполняютъ вопросы Канта. Мнѣ представлялось поучительнымъ именно со-

вмѣстное изложеніе ихъ доктринъ, при помощи котораго всего лучше выясняются какъ самостоятельность нормативнаго разсмотрѣнія, такъ и необходимость его восполненія».

Какъ видно отсюда, задача книги г. Новгородцева—не историческая, а догматическая: это—попытка восполнить Канта Гегелемъ. Цѣль автора заключается не въ томъ, чтобы изслѣдовать историческое происхожденіе двухъ названныхъ ученій, а въ томъ, чтобы выяснить ихъ *внутреннюю цѣнность*. Такъ понимая свою задачу, г. Новгородцевъ изучаетъ системы Канта и Гегеля «въ связи съ вызвавшей ихъ исторической обстановкой». Подобная попытка въ наши дни нуждается въ особенномъ оправданіи, ибо, говоря словами г. Новгородцева: «теперь стало не только обычнымъ, но и общеобязательнымъ требованіе, чтобы идеи изучались въ связи съ реальной средой, въ которой онѣ возникли и получили распространеніе. Столь же обычнымъ, почти шаблоннымъ стало возраженіе, стремящееся подорвать научную цѣну тѣхъ изслѣдованій, которыя оставляютъ въ сторонѣ обстановку, среду и берутъ ученія въ ихъ обособленномъ существованіи и внутреннемъ значеніи».

Чтобы устранить эти возраженія, г. Новгородцевъ предпосылаетъ своему изслѣдованію пространное введеніе, трактующее о методѣ изученія идей. Признавая важность и необходимость историческаго объясненія происхожденія идей, авторъ, во-первыхъ, указываетъ на неизбѣжныя границы такого объясненія, а, во-вторыхъ, настаиваетъ на томъ, что при изученіи идей вообще невозможно ограничиться одной исторической методой: «наряду съ исторической задачей здѣсь возникаютъ другія проблемы, которыя не укладываются въ предѣлы собственно историческаго изученія и имѣютъ самостоятельный интересъ». Это—вопросы системы, критики, догмы. «Соотвѣтственно съ этимъ можно говорить объ особомъ и отличномъ отъ историческаго изученія идей, для котораго всего удобнѣе сохранить старое названіе *философскаго*» (стр. 14).

Само собою разумѣется, что вопросъ о происхожденіи идей и объ относительномъ ихъ значеніи для той или другой исторической эпохи нисколько не исключаетъ философскаго, догматическаго вопроса о томъ, какіе элементы истины онѣ въ себѣ заключаютъ: задача изслѣдователя не ограничивается тѣмъ, чтобы отмѣтить тѣ условія времени и мѣста, которыя вліяютъ на обра-

зованіе философскихъ системъ и дѣлають возможнымъ ихъ появленіе въ ту или другую историческую эпоху; чтобы изученіе философскихъ системъ было всестороннимъ, необходимо путемъ философскаго анализа различить въ каждой изъ нихъ универсальное отъ мѣстнаго, отдѣлить въ ученіи каждаго философа тѣ элементы истины, которые имѣють непреходящее значеніе отъ временныхъ историческихъ наростовъ. Поэтому, конечно, нельзя не сочувствовать тому, что г. Новгородцевъ говоритъ о важности философскаго изученія идей: отрицать необходимость такого изученія можетъ только тотъ, кто отрицаетъ возможность философскаго познанія вообще и видитъ въ исторіи философіи только исторію человѣческихъ заблужденій. Если стать на такую точку зрѣнія, то, конечно, философскія идеи могутъ интересоваться насъ только въ качествѣ «рефлексовъ» или отраженій той или другой исторической среды въ человѣческомъ сознаніи; но если мы вѣримъ въ философію, философскія системы пріобрѣтають для насъ самостоятельное значеніе и цѣну: мы можемъ обращаться къ нимъ для разрѣшенія волнующихъ насъ метафизическихъ вопросовъ и, слѣдовательно, можемъ интересоваться ими и независимо отъ ихъ непосредственнаго отношенія къ породившей ихъ исторической средѣ.

Само собою разумѣется, что оба эти способа изученія должны взаимно восполнять другъ друга. Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Новгородцевъ, чтобы объяснить исторически философскую систему, нужно прежде всего *понять* ее: но понять философское ученіе—значить именно усвоить себѣ заключающійся въ немъ положительный элементъ истины, отбросивъ заблужденія. Вполнѣ понять философскую систему—значить возвыситься надъ нею: изреченіе Виндельбанда—«Kant verstehen, heisst über ihn hinausgehen (Präludien, VI) примѣнимо ко всякому вообще философу. Чтобы стоять на высотѣ своей задачи, историкъ философіи самъ долженъ обладать философскимъ складомъ ума: иначе онъ не будетъ въ состояннн понять не только безотносительнаго, но и относительнаго, временнаго значенія каждой данной системы для его эпохи. Съ другой стороны и философскій анализъ отдѣльныхъ ученій только тогда можетъ быть всестороннимъ, когда онъ опирается на историческое разсмотрѣніе.

Задача философскаго анализа именно въ томъ и заключается, чтобы въ каждой данной системѣ отдѣлить вѣчное зерно истины

отъ временной исторической скорлупы; для этого необходимо уяснить себѣ, насколько въ каждомъ ученіи отражается его несовершенная историческая среда, что именно въ немъ должно быть отнесено на счетъ временныхъ, преходящихъ вліяній; и только тогда, когда мы приведемъ въ извѣстность и отбросимъ этотъ историческій балластъ, задерживающій полетъ философской мысли, для насъ вполне выяснятся скрытыя въ отдѣльныхъ ученіяхъ непреходящія безотносительныя цѣнности. Говоря о психологической необъяснимости твореній генія, г. Новгородцевъ замѣчаетъ, что ни одно великое философское ученіе не можетъ быть *безъ остатка* сведено къ вліяніямъ внѣшней среды и быть объяснено ими одними. Замѣчаніе это должно быть признано вѣрнымъ, но только съ одной существенной оговоркой; только тогда, когда мы вполне отдадимъ себѣ отчетъ въ этихъ вліяніяхъ времени, составляющихъ *преходящій* элементъ той или другой философской системы, мы будемъ въ состояніи съ безупречной точностью выдѣлить тотъ *неумирающій остатокъ* философской мысли, который возноситъ мыслителя надъ его исторической средой и сообщаетъ индивидуальному творчеству генія непреходящее, универсальное значеніе.

III.

Разсужденія г. Новгородцева о методахъ изученія идей важны для насъ между прочимъ и потому, что въ нихъ содержится ключъ къ объясненію какъ достоинствъ, такъ и нѣкоторыхъ недостатковъ его изслѣдованія. Нельзя не сочувствовать попыткѣ г. Новгородцева дать философскую оцѣнку ученій Канта и Гегеля о правѣ и государствѣ и нельзя упрекать его за то, что онъ въ своей работѣ задается задачей догматической; но, какъ мнѣ кажется, даже при такой постановкѣ задачи, слѣдовало удѣлить больше вниманія вопросу о генезисѣ разбираемыхъ ученій, въ особенности ученія Гегеля, чѣмъ это сдѣлано уважаемымъ изслѣдователемъ; нисколько не отрицая цѣнныхъ результатовъ, добытыхъ философскимъ анализомъ г. Новгородцева, я думаю, что этотъ анализъ значительно выигралъ бы въ глубинѣ и полнотѣ, если бы авторъ, хотя бы въ краткомъ очеркѣ, охарактеризовалъ въ своей книгѣ тѣ промежуточныя звенья, которыя соединяютъ мысль Гегеля съ мыслью Канта,—я говорю о систе-

махъ Фихте и Шеллинга; въ этихъ системахъ выражается не только историческій, но и логическій переходъ отъ Кантова дуализма къ Гегелеву панлогизму; какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, пробѣлъ этотъ отчасти обусловливаетъ собою нѣкоторые другіе недостатки разбираемой книги.

Но прежде чѣмъ входить въ разсмотрѣніе этихъ недостатковъ; поговоримъ объ оцѣнкѣ ученія Канта, которая составляетъ важнѣйшую часть изслѣдованія г. Новгородцева. Главную заслугу нравственной философіи Канта г. Новгородцевъ видитъ въ томъ, что она неопровержимо доказала «самостоятельность этического начала». Если подъ самостоятельностью этического начала разумѣть *априорность* идеи должнаго, несводимость этой идеи къ какимъ-либо даннымъ внутренняго или внѣшняго опыта, то, разумѣется, съ этимъ нельзя не согласиться. Этотъ отдѣлъ ученія Канта прекрасно резюмируется приводимой у г. Новгородцева цитатой изъ «Критики чистаго разума». «Нравственное долженствованіе выражаетъ такой видъ необходимости и такую связь съ основаніями, которыхъ нельзя встрѣтить во всей остальной природѣ, помимо внутренняго сознанія человѣка. Разсудокъ можетъ познавать во внѣшней природѣ лишь то, что есть, было и будетъ; невозможно, чтобы здѣсь, что-либо *должно было быть* иначе, чѣмъ оно дѣйствительно есть въ своемъ временномъ явленіи. Долженствованіе лишается всякаго значенія, если имѣть въ виду только ходъ природы. Мы не можемъ спрашивать, что должно совершаться въ природѣ такъ же, какъ мы не можемъ спрашивать: какія свойства долженъ имѣть кругъ; вопросъ можетъ здѣсь идти только о томъ, что совершается въ природѣ или какія свойства имѣетъ кругъ. Но что же такое это долженствованіе, не имѣющее никакого примѣненія ко внѣшней природѣ? Ясно, что это—продуктъ внутренняго міра человѣка. Долженствованіе выражаетъ особое возможное или мыслимое дѣйствіе, основаніемъ для котораго является чистое понятіе. Разумъ съ полной самопроизвольностью создаетъ для себя особенный порядокъ,—міръ идей, къ которому онъ старается приблизить дѣйствительныя условія и согласно съ которымъ объявляетъ необходимыми такія дѣйствія, которыя никогда не случались и, можетъ быть, никогда неслучатся. Въ созданіи этого порядка онъ не слѣдуетъ указаніямъ внѣшней природы и дѣйствительнаго хода вещей; поэтому онъ и приходитъ здѣсь къ инымъ выво-

дамъ. И, можетъ быть, согласно съ этимъ особеннымъ идеальнымъ порядкомъ, все то, что по ходу природы совершилось и по своимъ эмпирическимъ основаніямъ неизбежно совершилось, не должно было совершиться» (83). Если такимъ образомъ наша разумная воля не получаетъ представленія нравственно должнаго изъ внѣшняго міра, а черпаетъ его сама изъ себя, то, значитъ, она *сама даетъ себѣ нравственный законъ*: иначе говоря, въ актѣ нравственнаго сознанія *воля наша автономна*: здѣсь она опредѣляется не извнѣ, а изнутри, т.-е. самопроизвольно.

Такимъ образомъ понимаемая, самостоятельность этического начала дѣйствительно составляетъ великое открытіе Канта. Но тутъ мое согласіе съ г. Новгородцевымъ кончается: въ своемъ увлеченіи Кантомъ онъ идетъ дальше, чѣмъ я могу за нимъ послѣдовать. Онъ хочетъ сохранить въ полной неприкосновенности Кантовъ дуализмъ теоретическаго и практическаго разума, настаивая на полной точности Кантовской попытки — разграничить эти двѣ области. Я вполне согласенъ съ г. Новгородцевымъ въ томъ, что слѣдуетъ точно различать научное объясненіе явленій и нравственную оцѣнку дѣйствій: тутъ мы имѣемъ дѣло несомнѣнно съ двумя различными проявленіями, различными функциями разума. Но г. Новгородцевъ утверждаетъ на этомъ основаніи, что идея должнаго вообще «выходитъ изъ сферы научнаго познанія» (83). Повидимому для него нравственная область есть вообще та «область таинственнаго и неопредѣленнаго», гдѣ «познаніе кончается и начинается другая дѣятельность разума» (стр. 80, ср. 81). Черезъ всю книгу г. Новгородцева красной нитью проходитъ противоположеніе этики—наукѣ. «Какъ ни старо разграниченіе этики и науки,—читаемъ мы на стр. 93,—оно все еще оказывается неяснымъ для нѣкоторыхъ ученій». Въ приведенномъ мѣстѣ г. Новгородцевъ, повидимому, подъ наукой разумѣетъ *положительную науку*, т.-е. ту, которая занимается изученіемъ явленій. Если бы такъ, то конечно съ нимъ можно было бы согласиться, ибо этика, какъ ученіе, по существу умозрительна и имѣетъ своимъ предметомъ не объясненіе чувственнаго міра явленій, а сверхчувственный порядокъ должнаго. Но изъ другихъ мѣстъ разбираемой книги видно, что авторъ противопоставляетъ этику *наукѣ вообще*; на стр. 99 онъ говоритъ: «ясное разграниченіе одинаково обратится на пользу какъ этики, такъ и науки: для первой будетъ сохранена безграничность ея перспективъ, для

второй—точность ея заключеній». Значить ли это, что въ этикѣ въ отличіе отъ науки точныя заключенія невозможны? Повидимому—да. На стр. 97 г. Новгородцевъ высказываетъ слѣдующее: «одна изъ существенныхъ заслугъ Канта состоитъ въ томъ, что своимъ формальнымъ пониманіемъ нравственнаго долженствованія онъ открылъ для нравственныхъ стремленій безграничный просторъ. Онъ указалъ, что идея свободы есть граница научнаго опыта: *методическая и связанная дѣятельность разума здѣсь кончается, чтобы уступить мѣсто безконечнымъ ожиданіямъ и стремленіямъ* (стр. 97, курсивъ мой). Смыслъ этого мѣста совершенно ясенъ: г. Новгородцевъ отрицаетъ возможность всякой методической дѣятельности разума и, слѣдовательно,—научнаго знанія за предѣлами опыта; предѣлы науки для него совпадаютъ со сферою явленій. Границы научнаго познанія г. Новгородцевъ проводить совершенно такъ же, какъ Кантъ: этика и, повидимому, вообще метафизика для него выходятъ за предѣлы теоретическаго познанія, т.-е. науки, и составляютъ область практическаго разума; съ этой точки зрѣнія слѣдовало бы, собственно говоря, отказаться отъ всякихъ попытокъ теоретическаго анализа и теоретическаго обоснованія нравственности. Въ самомъ дѣлѣ, анализировать нравственность—значитъ подчинять велѣнія практическаго разума высшему суду разума теоретическаго и, слѣдовательно, нарушать первенство практическаго разума; пытаться теоретически обосновать нравственность, значитъ опять-таки, ставить достовѣрность велѣній практическаго разума въ зависимость отъ достовѣрности тѣхъ или другихъ теоретическихъ положеній; а этимъ опять-таки нарушается указанный Кантомъ порядокъ инстанцій, и теоретическій разумъ вводится въ такую область, которая, съ точки зрѣнія Канта и г. Новгородцева, должна признаваться ему недоступною; съ этой точки зрѣнія, г. Новгородцевъ остается вполне послѣдовательнымъ, когда онъ съ сочувствіемъ указываетъ на «интересныя разъясненія» Зиммеля относительно невозможности обосновать мораль (стр. 92, примѣчаніе).

Извѣстно, однако, что Кантъ самъ первый нарушилъ указанныя имъ границы теоретическаго разума: онъ отрицалъ возможность метафизики, но его «Критика чистаго разума» заключаетъ въ себѣ метафизическіе элементы; онъ утверждалъ непознаваемость вещи въ себѣ; но опять-таки доказано, что уже въ этомъ утвержденіи заключалось познавательное о ней сужденіе: если бы

вещь въ себѣ была *только* понятіемъ нашего разсудка, она была бы вполне познаваема; о непознаваемости вещи въ себѣ можно говорить только въ предположеніи ея независимаго отъ насъ существованія; и тотъ, кто отрицаетъ возможность знать о ней что-либо, вынужденъ приписывать ей существованіе ¹⁾. Точно такъ же, Кантово ученіе о недоступности сферы долженствованія теоретическому обоснованію, не помѣшало ему написать его гениальную книгу «Критическое обоснованіе метафизики нравовъ»; его ученіе о первенствѣ практическаго разума, о неподсудности послѣдняго какой-либо высшей инстанціи не воспрепятствовало ему написать «Критику практическаго разума». Вся вообще нравственная *теорія* Канта была сплошнымъ нарушеніемъ указанныхъ имъ же самимъ границъ теоретическаго изслѣдованія ²⁾.

Въ наши дни г. Новгородцевъ въ числѣ многихъ другихъ указываетъ на необходимость возвращенія къ Канту; исправилъ ли онъ погрѣшности Кантова ученія, возвысился ли онъ надъ его противорѣчіями? Къ сожалѣнію, далеко не вполне. Какъ разъ по вопросу о предѣлахъ компетенціи этики, *какъ ученія*, у г. Новгородцева замѣчаются типическія колебанія: наука,—говоритъ онъ,—можетъ подвергнуть анализу сущность нравственнаго чувства и свести его къ идеѣ обязанности, но на этомъ анализѣ и кончается (стр. 91); здѣсь, повидимому, этика понимается *какъ наука*; ей отводится нѣкоторая, хотя и ограниченная сфера *точныхъ выводовъ*: она доказываетъ *априорность* идеи обязанности,

¹⁾ Ср. Kuno Fischer, Geschichte d. neueren Philosophie, V. B, 2 Aufl., S. 89—96.

²⁾ Кантъ отчасти предвидѣлъ эти возраженія, но его попытку на нихъ отвѣтить нельзя признать удачною. Именно, въ предисловіи и введеніи къ «Критикѣ практическаго разума» онъ говоритъ между прочимъ, что онъ хочетъ подвергнуть критикѣ не чистый практическій разумъ, а практическій разумъ вообще. Что касается чистаго практическаго разума, то онъ не можетъ служить объектомъ критики уже потому, что онъ является руководящимъ началомъ всякой критики. Вся задача критическаго анализа сводится къ тому, чтобы *доказать существованіе* чистаго практическаго разума; дальше этого, по мнѣнію Канта, критическое изслѣдованіе идти не можетъ. Нетрудно доказать однако, что «критика практическаго разума» не осталась въ указанныхъ предѣлахъ: въ дѣйствительности она не только устанавливаетъ существованіе чистаго практическаго разума, но отвѣчаетъ также и на вопросъ о возможности его предписаній, *ratio essendi* нравственнаго закона. Къ этому сводится все ученіе Канта о свободѣ какъ постулатѣ практическаго разума.

несводимость этой идеи къ какимъ-либо другимъ представленіямъ, заимствованнымъ изъ опыта; въ этомъ г. Новгородцевъ совершенно правильно видитъ *крупную научную заслугу* нравственной философіи Канта. Но спрашивается, какъ же согласить съ этимъ мнѣніе того же г. Новгородцева, что этика — вообще не наука? Если мы можемъ высказывать точно обоснованныя познавательныя сужденія относительно идеи долга, если мы, напр., точно знаемъ, что это идея—сверхопытная, то какъ же можно утверждать послѣ этого, что она «выходитъ изъ сферы научнаго познанія».

У г. Новгородцева есть и другія неясности. Извѣстно, что нравственное ученіе Канта не исчерпывается однимъ анализомъ нравственнаго сознанія: отвѣтивъ на вопросъ о томъ, что такое нравственность, онъ спрашиваетъ себя, какъ она возможна. Въ «Критикѣ практическаго разума» вопросъ этотъ разрѣшается въ томъ смыслѣ, что свобода составляетъ необходимое предположеніе нравственности. «Въ этомъ возвышенномъ пониманіи существа нравственности, какъ безусловной нравственной свободы, — говоритъ г. Новгородцевъ, — заключается заслуга Кантовой морали» (стр. 101). Несмотря на существенные недостатки Кантова ученія о свободѣ, я согласенъ съ тѣмъ, что оно включаетъ въ себѣ элементы весьма цѣнные; но если г. Новгородцевъ считаетъ возможнымъ заимствовать тѣ или другіе элементы Кантовскаго обоснованія нравственности, то ему не слѣдовало бы сочувствовать словамъ Зиммеля о невозможности ее обосновать. «Какъ говоритъ Кантъ, — читаемъ мы на стр. 91 разбираемой книги, — моральный законъ есть какъ бы фактъ чистаго разума, который мы сознаемъ въ себѣ а priori и который для насъ безусловно достовѣренъ». Но спрашивается, что же для насъ здѣсь безусловно достовѣрно, существованіе ли извѣстныхъ нравственныхъ представленій какъ *фактовъ* сознанія или существованіе дѣйствительныхъ нравственныхъ обязанностей? Въ существованіи у человѣка тѣхъ или другихъ *представленій* о нравственно должномъ никто никогда не сомнѣвался; но вопросъ о существованіи у насъ дѣйствительныхъ обязанностей возбуждалъ и возбуждаетъ массу сомнѣній и споровъ: уже самый фактъ существованія ученій, отрицающихъ нравственное долженствованіе или считающихъ возможнымъ построить мораль безъ обязанности, указываетъ на то, что безусловной достовѣрности мы здѣсь не имѣ-

емъ. Разъ нравственныя предписанія возбуждаютъ теоретическія сомнѣнія, они нуждаются въ теоретическомъ оправданіи.

Теоретическія сомнѣнія тутъ неизбѣжно возникаютъ потому, что въ основѣ нашего нравственнаго сознанія лежитъ рядъ *теоретическихкихъ предположеній*, могущихъ быть предметомъ спора. Прежде всего нравственныя предписанія предполагаютъ *возможность ихъ исполнить*; если идея долга требуетъ отъ насъ невозможнаго, то она покоится на иллюзіи. Обращаясь къ человѣку съ нравственными требованіями, мы предполагаемъ, что его воля свободна въ двоякомъ смыслѣ: во-первыхъ, она въ своемъ умопостигаемомъ корнѣ свободна отъ эмпирической причинности, т.-е. отъ всѣхъ вліяній, дѣйствующихъ во времени; во-вторыхъ, она представляетъ собою самостоятельный источникъ дѣятельности или, говоря словами Канта, представляетъ собою *умопостигаемую причину*, которая можетъ самопроизвольно начать рядъ дѣйствій. Мало того, нравственный законъ предполагаетъ возможность осуществленія нравственнаго порядка, т.-е. возможность для насъ преобразовать внѣшнюю дѣйствительность согласно съ его требованіями.

Такимъ образомъ, разрѣшеніе нравственнаго вопроса о должномъ зависитъ отъ разрѣшенія цѣлаго ряда теоретическихкихъ вопросовъ—о свободѣ нашей воли, объ отношеніи нашей воли къ законамъ вселенной. Какъ только мы углубимся въ нравственную философію, для насъ тотчасъ станетъ ясно зависимость представленій о должномъ отъ представленій о сущемъ,—этики отъ метафизики. Но поэтому самому для насъ обнаружится неточность произведеннаго Кантомъ разграниченія сферъ практическаго и теоретическаго разума. Съ одной стороны именно Кантовъ анализъ нравственнаго сознанія показалъ въ немъ присутствіе цѣлаго ряда метафизическихкихъ предположеній несомнѣнно теоретическаго характера: ученія о свободѣ, безсмертіи и о существованіи Бога суть несомнѣнно *теоретическія утвержденія о сущемъ*, а не практическія предписанія о желательномъ или должномъ поведеніи. Съ другой стороны, теоретическая метафизика съ точки зрѣнія Канта составляла запретный плодъ, а потому перечисленныя метафизическія положенія могли фигурировать въ его нравственной философіи только въ видѣ контрабанды, подъ именемъ «постулатовъ практическаго разума». Вслѣдствіе этого ученіе Канта попало въ заколдован-

ный кругъ: на вопросъ о томъ, «какъ возможна нравственность», «Критика практическаго разума» отвѣтила, что необходимыя предположенія нравственности суть свобода воли, безсмертіе и существованіе Бога; съ другой стороны, по смыслу «Критики чистаго разума», эти предположенія сами по себѣ никакою достовѣрностью не обладаютъ; они заимствуютъ свою достовѣрность отъ того самаго нравственнаго сознанія, коему они служатъ опорой ¹⁾).

Кантова метафизика не можетъ послужить надежной опорой для нравственнаго сознанія и по другимъ причинамъ. Нравственный законъ требуетъ осуществленія разума во внѣшнемъ чувственномъ мірѣ, дѣятельнаго проявленія свободы, принадлежащей человѣку какъ умопостигаемому существу, нумену, — въ сферѣ феноменальной. Между тѣмъ, нравственная философія Канта покоится на его дуалистической по существу метафизикѣ: въ ней міръ мыслимый, міръ вещей въ себѣ оторванъ отъ міра явленій; дуализму вещи въ себѣ и явленій соотвѣтствуетъ дуализмъ разума и чувственности; наконецъ этотъ же дуализмъ проявляется въ самомъ разумѣ, какъ раздвоеніе между разумомъ теоретическимъ, который можетъ познавать одни явленія, и разумомъ практическимъ, который витаетъ въ горней сферѣ міра умопостигаемаго. На почвѣ такой метафизики вопросъ объ осуществленіи нравственнаго начала въ жизни могъ получить толь-

1) Кантъ отчасти предвидѣлъ это возраженіе. Въ предисловіи къ „Критикѣ практическаго разума“ онъ говоритъ между прочимъ: „Чтобы меня не упрекали въ непоследовательности за то, что я теперь называю свободю условіемъ нравственнаго закона, а ниже утверждаю, что нравственный законъ есть первоначальное условіе нашего сознанія свободы, я напомнимъ только, что свобода есть, конечно, *ratio essendi* нравственнаго закона, тогда какъ нравственный законъ есть *ratio cognoscendi* свободы. Ибо, если бы предварительно нашъ разумъ не сознавалъ ясно нравственнаго закона, мы никогда не были бы управомочены признавать чего-либо подобнаго свободѣ (хотя послѣдняя не заключаетъ въ себѣ внутренняго противорѣчія). Съ другой стороны, если бы не было свободы, то въ насъ не было бы нравственнаго закона“. Объясненіе это нельзя признать удовлетворительнымъ, потому что свобода есть не только *основаніе бытія* нравственнаго закона, но и условіе его достовѣрности; мы не можемъ признавать для себя обязательными, достойными вѣры нравственныя предписанія, если мы не убѣждены въ возможности для насъ ихъ исполнить, т.-е. въ нашей свободѣ. Зависимость представлений о должномъ отъ представлений о сущемъ тутъ выступаетъ какъ нельзя болѣе ясно.

ко неудовлетворительное и противорѣчивое по существу рѣшеніе. И въ самомъ дѣлѣ, нетрудно убѣдиться въ томъ, что въ основѣ Кантова пониманія нравственной свободы лежитъ глубокое противорѣчіе: съ одной стороны свобода есть свойство нашего умопостигаемаго характера и постольку она трансцендентна міру явленій; съ другой стороны, она есть дѣятельное въ мірѣ начало. Съ одной стороны, Кантъ утверждаетъ, что законъ причинности дѣйствуетъ только въ сферѣ явленій: къ вещамъ въ себѣ, нуменамъ, онъ безусловно неприменимъ. Съ другой стороны, тотъ же Кантъ пытается понять нашу свободу какъ *умопостигаемую причину* (intelligibile Ursache) нашихъ дѣйствій, нашего эмпирическаго характера; съ одной стороны, онъ хочетъ, чтобы мы стремились привести дѣйствительность, т.-е. ту эмпирическую среду, въ которой мы дѣйствуемъ, въ согласіе съ нравственными требованіями; съ другой стороны, онъ требуетъ, чтобы наша нравственная дѣятельность была свободна отъ всякихъ эмпирическихъ побужденій.

IV.

Вопросъ объ осуществленіи нравственнаго закона въ жизни есть самое слабое мѣсто этики Канта, и это не ускользнуло отъ вниманія г. Новгородцева. Чтобы восполнить этотъ пробѣлъ Кантовской философіи, г. Новгородцевъ обратился къ Гегелю. Что же можетъ дать Гегель для восполненія Канта? «Въ противоположность Канту, — объясняетъ г. Новгородцевъ, — Гегель обратилъ главное вниманіе на объективную сторону нравственности, на ея осуществленіе въ жизни и ея связь съ дѣятельными силами исторіи. Отсюда вытекло его стремленіе отыскивать въ дѣйствительности признаковъ и условій осуществленія нравственнаго идеала и разсматривать этотъ идеалъ, какъ реальную силу, направляющую отдѣльныхъ лицъ путемъ пріобщенія ихъ къ общей нравственной жизни. Личность приводилась въ связь съ обществомъ, какъ необходимымъ условіемъ для нравственнаго развитія. «Царство цѣлей», которое оставалось у Канта абстрактнымъ идеаломъ нравственной воли, — болѣе добрымъ стремленіемъ, чѣмъ живой дѣйствительностью, надѣлялось у Гегеля плотью и кровью реальнаго нравственнаго организма» (стр. 161).

Противоположность этических направленій Канта и Гегеля здѣсь схвачена вѣрно и такъ какъ въ обоихъ ученіяхъ выражаются дѣйствительно существенные элементы нравственной идеи, то ихъ сопоставленіе могло бы быть чрезвычайно поучительнымъ. Есть, однако, многое, что мѣшаетъ проведенной г. Новгородцевымъ параллели быть въ достаточной мѣрѣ плодотворною. Во-первыхъ, въ отмѣченной противоположности нравственныхъ міровоззрѣній двухъ философовъ проявляется контрастъ ихъ метафизическихъ воззрѣній. Если нравственный идеаль Канта представляется слишкомъ отвлеченнымъ, далекимъ отъ жизни, то въ этомъ сказывается, какъ мы видѣли, метафизическій дуализмъ его системы. Съ другой стороны, въ особенностяхъ Гегелева пониманія нравственнаго идеала, какъ дѣятельнаго начала, воплощающагося въ исторіи, выражается панлогизмъ его метафизики. Поэтому въ основѣ всякой параллели между нравственными ученіями Канта и Гегеля должно лежать сопоставленіе ихъ основныхъ метафизическихъ принциповъ.

Но и этого мало. Ученіе Гегеля представляетъ собою вовсе не первую въ исторіи философіи попытку преодолѣть метафизическій и тѣсно связанный съ нимъ этический дуализмъ Канта. Въ томъ же направленіи раньше Гегеля работали Фихте и Шеллингъ. Устраненіе Кантовскаго дуализма въ метафизикѣ и въ этикѣ— есть та основная задача, которую ставитъ себѣ наукословіе Фихте. Отвергнувъ понятіе вещи въ себѣ, какъ бытія независимаго отъ сознанія, онъ пытается понять вселенную какъ проявленіе единаго начала, какъ результатъ самоутвержденія абсолютнаго «я» дѣйствующаго и созерцающаго.

Съ этой точки зрѣнія противоположность разума и чувственности теряетъ свой абсолютный характеръ: весь чувственный міръ понимается какъ проявленіе творческой дѣятельности мысли, результатъ ея самоограниченія. Подъ руками Фихте критика чистаго разума превращается въ систему идеалистическаго монизма. Въ томъ же духѣ идеалистическаго монизма онъ преобразуетъ и этику Канта; у него нравственный законъ уже не есть только «законъ того, что должно совершаться, хотя бы оно въ дѣйствительности не совершалось»: изъ отвлеченной заповѣди нравственный законъ превращается въ космическое начало: онъ выражаетъ собою конечную цѣль и содержаніе мірового процесса; въ исторіи вселенной онъ играетъ роль первоначальнаго двигателя.

Въ процессѣ развитія философской мысли отъ идеалистическаго дуализма къ идеалистическому монизму ученіе Шеллинга обозначаетъ собою дальнѣйшую стадію. Въ системѣ Фихте еще сохраняются кое-какіе слѣды дуалистическаго міровоззрѣнія Канта; съ одной стороны, онъ понимаетъ внѣшнюю природу какъ продуктъ дѣятельности «я»; съ другой стороны, та же внѣшняя природа противопоставляется у него дѣятельности «я» какъ внѣшняя граница, которую требуется преодолѣть, какъ противоположное разуму призрачное явленіе, лишенное внутренней жизни и цѣли. Послѣдовательно проведенный идеалистическій монизмъ долженъ понять внѣшнюю природу какъ одухотворенное цѣлое, осмысленное созданіе разума: и вотъ за эту-то задачу берется натурфилософія Шеллинга. Натурфилософія понимаетъ внѣшнюю природу и человѣческій духъ какъ различныя проявленія единаго абсолютнаго начала: противоположность между разумомъ и чувственностью, между духомъ и внѣшней природой исчезаетъ въ абсолютномъ. Абсолютное понимается какъ безразличіе или тождество того и другого, и такимъ образомъ натурфилософія переходитъ въ *философію тождества*. Эта точка зрѣнія проводится Шеллингомъ и въ его нравственной философіи. Нравственный законъ понимается имъ не какъ трансцендентное, а какъ имманентное міру начало. Тотъ же абсолютный духъ, который властвуетъ во внѣшней природѣ какъ естественный законъ, проявляется въ человѣческомъ обществѣ какъ правовой порядокъ и какъ нравственный законъ. Въ своемъ «Трансцендентальномъ идеализмѣ» Шеллингъ понимаетъ исторію человѣчества какъ постепенно совершающееся откровеніе абсолютнаго. Господство абсолютнаго проявляется здѣсь какъ торжество добра, которое составляетъ конечную цѣль исторіи, какъ совершенная гармонія человѣческой свободы и разумной необходимости. Высшимъ проявленіемъ абсолютнаго въ человѣческихъ отношеніяхъ Шеллингъ считаетъ правовой порядокъ какъ наисовершеннѣйшее сочетаніе свободы и необходимости; на этомъ основаніи онъ между прочимъ называетъ право наилучшимъ доказательствомъ бытія Божія¹⁾.

Г. Новгородцевъ, конечно, не станетъ отрицать ни того, что въ основѣ нравственнаго ученія Гегеля лежитъ его панлогиче-

¹⁾ Параллель съ Гегелевымъ ученіемъ о разумности существующаго тутъ напрашивается сама собою.

ская метафизика, ни того, что это ученіе во многихъ отношеніяхъ представляетъ собою логическое продолженіе и завершеніе предшествовавшихъ попытокъ построить метафизику и этику на началахъ идеалистическаго монизма. Гегель только завершаетъ борьбу противъ Кантовскаго дуализма, начатую его предшественниками; между его ученіемъ и ученіями Фихте и Шеллинга существуетъ не только историческая, но и логическая связь. Но если такъ, то отсутствіе характеристики двухъ названныхъ системъ или хотя бы краткаго обзора важнѣйшихъ ихъ результатовъ представляется совершенно непонятнымъ пробѣломъ въ книгѣ г. Новгородцева. Этотъ недостатокъ тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что изложенію ученій предшественниковъ Канта въ разбираемой книгѣ отводится цѣлыхъ тридцать страницъ; почему же г. Новгородцевъ не счелъ необходимымъ сдѣлать того же для предшественниковъ Гегеля? Неужели же Томазіи и Вольфы заслуживаютъ больше вниманія, чѣмъ Фихте и Шеллингъ?

Указанный пробѣлъ тѣсно связанъ съ другимъ недостаткомъ: какъ было уже мною указано раньше, онъ невыгодно отзывается на проводимой авторомъ параллели между Кантомъ и Гегелемъ. Во-первыхъ, непосредственный переходъ отъ Канта къ Гегелю представляется совершенно произвольнымъ и производитъ впечатлѣніе логическаго скачка; во-вторыхъ, отмѣчая противоположность нравственныхъ міровоззрѣній двухъ философовъ, авторъ не доходитъ до метафизическихъ корней этой противоположности; здѣсь его философскій анализъ проникаетъ недостаточно глубоко. Быть можетъ, этого не случилось бы, если бы г. Новгородцевъ не пропустилъ въ своемъ изслѣдованіи промежуточныхъ звеньевъ, связывающихъ мысль Гегеля съ мыслью Канта; тогда философскій вопросъ, поставленный борьбой монизма противъ дуализма, сталъ бы передъ нимъ во всемъ своемъ объемѣ.

Фихте, Шеллингъ и Гегель вѣрятъ въ добро, какъ реальную силу, осуществляющуюся въ исторіи, потому что они понимаютъ сущее какъ разумъ, потому что для нихъ міровой процессъ есть процессъ логическій, разумный. Возставая противъ субъективизма Кантовской этики, г. Новгородцевъ сочувствуетъ Гегелевскому пониманію добра какъ реальной исторической силы. Но можетъ ли онъ раздѣлять метафизическія предпосылки Гегеля и двухъ названныхъ его предшественниковъ? Какъ относится онъ къ

философскому монизму вообще и къ идеалистическому монизму великихъ германскихъ метафизиковъ первой половины XIX столѣтія въ частности? Вѣра въ добро какъ объективное начало, воплощающееся въ жизни и опредѣляющее ходъ историческаго развитія, не связана необходимо съ философскимъ монизмомъ, чему доказательствомъ служить хотя бы нравственное ученіе Владиміра Соловьева, который вовсе не былъ монистомъ. Но во всякомъ случаѣ вѣра эта, составляющая отличіе этики объективной отъ этики субъективной, неразрывно связана съ объективной телеологіей, съ признаніемъ *разумной цѣли*, лежащей въ основѣ существующаго разумнаго плана, опредѣляющаго ходъ исторіи. Признаетъ ли г. Новгородцевъ существованіе такого плана? На всѣ эти вопросы его книга не даетъ отвѣта.

Такой пробѣлъ представляется совершенно непонятнымъ въ изслѣдованіи, которое задается догматической задачей и хочетъ восполнить Канта Гегелемъ. Г. Новгородцева, разумѣется, нельзя упрекнуть въ эклектическомъ стремленіи внѣшнимъ образомъ сочетать нѣкоторыя положенія нравственной философіи Канта съ оторванными отъ ихъ метафизическаго контекста положеніями философіи права Гегеля. Онъ, очевидно, искалъ такой точки зрѣнія, которая возвышалась бы какъ надъ ученіемъ Канта, такъ и надъ ученіемъ Гегеля, и признавала бы относительную истину того и другого, объединяя ихъ въ органическомъ синтезѣ. Но чтобы найти такую точку зрѣнія, г. Новгородцевъ долженъ былъ бы прежде всего подвергнуть критической оцѣнкѣ основныя метафизическія предположенія излагаемыхъ имъ этическихъ и правовыхъ ученій. Однако, онъ этого не сдѣлалъ, а потому въ его изложеніи Кантъ и Гегель въ сущности вовсе не восполняютъ другъ друга, а только *противопологаются одинъ другому* какъ два интересные момента въ исторіи философской мысли. Вслѣдствіе этого книга г. Новгородцева въ томъ именно отдѣлѣ, гдѣ проводится параллель между Кантомъ и Гегелемъ, получаетъ двойственный характеръ не то догматическаго, не то историческаго изслѣдованія.

Что это такъ, видно между прочимъ изъ заключительныхъ словъ самого автора, гдѣ онъ подводитъ итогъ второй части своего труда. «Приступая къ изслѣдованію доктрины Гегеля,—говоритъ онъ здѣсь,—я поставилъ себѣ задачей прослѣдить, въ какомъ отношеніи его построеніе находится къ ученію Канта.

Въ результатѣ анализа оказалось, что дѣйствительное отношеніе двухъ философовъ въ интересующей насъ области представляется скорѣе отношеніемъ восполненія, а не отрицанія или исключенія. Съ самаго начала своей дѣятельности Гегель критикуетъ Канта, упрекаетъ его въ односторонности; но въ концѣ-концовъ онъ не отвергаетъ его субъективной точки зрѣнія, а только дополняетъ ее новымъ рядомъ вопросовъ, которые въ своей совокупности представляютъ переходъ отъ субъективной этики къ объективной» (стр. 244).

Ясное дѣло, что здѣсь изслѣдованіе г. Новгородцева становится скорѣе историческимъ, чѣмъ догматическимъ. Въ ученіи Канта онъ искалъ прежде всего философскаго обоснованія идеи естественнаго права, а потому въ первой части его книги его главнымъ образомъ интересовалъ догматическій вопросъ о *тѣхъ элементахъ истины*, которые заключаются въ этическихъ и правовыхъ воззрѣніяхъ автора «Критики практическаго разума». Во второй части книги для г. Новгородцева на первомъ планѣ стоитъ историческій по существу вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находятся построенія Гегеля къ ученію Канта. Въ результатѣ оказывается, что точка зрѣнія Гегеля «дополняетъ» точку зрѣнія Канта. Въ какомъ, однако, смыслѣ дополняетъ? Можетъ ли г. Новгородцевъ принять тѣ метафизическія «дополненія» къ Канту, которыя у Гегеля обусловливаютъ переходъ отъ этики субъективной къ этикѣ объективной? Повидимому, нѣтъ, но въ такомъ случаѣ главный результатъ этой части труда г. Новгородцева сводится къ такому тезису: нравственное ученіе Гегеля заключаетъ въ себѣ въ переработанномъ и дополненномъ видѣ нѣкоторые элементы нравственной философіи Канта: тезисъ этотъ, очевидно, не содержитъ въ себѣ никакого догматическаго вывода и представляетъ собою только сужденіе объ историческомъ отношеніи Гегеля къ Канту. Но если такъ, то къ работѣ г. Новгородцева должны быть предъявлены всѣ тѣ требованія, которыя предъявляются вообще къ историческимъ изслѣдованіямъ: переработка ученія Канта въ германской философіи XIX столѣтія имѣетъ свою сложную исторію, и тѣмъ болѣе приходится пожалѣть о томъ, что г. Новгородцевъ не изучилъ тѣ стадіи этого историческаго процесса, которыя подготовили философію Гегеля.

Если можно говорить о какомъ-нибудь догматическомъ резуль-

татѣ второй части разбираемаго изслѣдованія, то только въ смыслѣ постановки задачи: требуется найти переходъ отъ этики субъективной къ этикѣ объективной, понять добро какъ объективный факторъ мірового прогресса. Въ этомъ несомнѣнно заключается предметъ исканія г. Новгородцева; но почему же поставленный имъ вопросъ остался въ его работѣ безъ разрѣшенія? Это объясняется, какъ мнѣ кажется, слѣдующимъ образомъ: вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ получить то или другое разрѣшеніе только на почвѣ метафизическаго умозрѣнія: это вопросъ не только о должномъ, но и о сущемъ. Самая постановка его дѣлаетъ неизбѣжнымъ нарушеніе указанныхъ Кантомъ границъ теоретическаго изслѣдованія, но на такое нарушеніе г. Новгородцевъ пока не отваживается: въ своихъ догматическихъ воззрѣніяхъ онъ все еще остается Кантіанцемъ, хотя и неудовлетвореннымъ Кантомъ; въ его отношеніи къ метафизикѣ чувствуется колебаніе между страхомъ и влеченіемъ. Повидимому мы имѣемъ дѣло здѣсь съ точкой зрѣнія еще не вполне сложившейся и находящейся въ процессѣ развитія.

V.

Колебанія мысли г. Новгородцева отражаются и на его отношеніи къ естественному праву. Здѣсь онъ также исходитъ изъ Канта, отмѣчаетъ пробѣлы его философіи, но также не успѣваетъ въ своихъ попыткахъ ихъ пополнить. По изложеннымъ уже выше соображеніямъ о естественномъ правѣ вообще можно говорить только въ томъ предположеніи, что надъ положительнымъ правомъ есть высшее законодательство и высшій судъ разума *автономнаго*, т.-е. не связаннаго какимъ-либо внѣшнимъ законодательствомъ. Г. Новгородцевъ на этомъ настаиваетъ, и въ выясненіи этой мысли Канта, какъ одной изъ основъ истинной философіи права, заключается несомнѣнно цѣнная заслуга его книги. «Въ сущности,—говоритъ онъ,—нормативное разсмотрѣніе было всегда скрытымъ предположеніемъ естественно-правовой школы. Когда она говорила о первобытномъ договорѣ и естественныхъ правахъ человѣка, она болѣе разумѣла нормы должнствующаго, чѣмъ законы существующаго; хотя при этомъ не всегда обходилось безъ путаницы понятій. Кантъ вскрылъ эту сущность естественнаго права и представилъ ее въ самомъ яс-

номъ свѣтѣ, указавъ ея основу въ samozаконномъ сознаніи» (стр. 156).

Въ ученіи Канта раскрывается одинъ изъ существенныхъ элементовъ идеи естественнаго права, но исчерпывающаго объясненія этой идеи мы здѣсь все-таки не находимъ. «Сущность естественно-правовой идеи,—говоритъ г. Новгородцевъ,—состоитъ прежде всего въ ея критическомъ духѣ. Она знаменуетъ собою независимый и самостоятельный судъ надъ положительнымъ правомъ». Однако сущность естественнаго права не сводится къ одной только критикѣ существующихъ учреждений; говоря словами г. Новгородцева, оно заключаетъ въ себѣ «призывъ къ усовершенствованію и реформѣ во имя нравственныхъ цѣлей» (стр. 150). Но указывать положительному праву его нравственныя задачи и цѣли—значитъ предъявлять къ нему опредѣленныя матеріальныя требованія; а для этого естественное право должно само обладать опредѣленнымъ содержаніемъ. Въ чемъ же заключается содержаніе требованій естественнаго права и откуда оно происходитъ?

На этотъ вопросъ Кантъ не даетъ удовлетворительнаго отвѣта; вопросъ о содержаніи этическихъ нормъ, какъ извѣстно, у него вообще остается безъ разрѣшенія. Г. Новгородцевъ доказываетъ, что съ точки зрѣнія Канта вообще не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо неизмѣнномъ, разъ навсегда данномъ содержаніи идеи естественнаго права: «какъ выраженіе безконечныхъ нравственныхъ стремленій, эта идея не удовлетворяется никакимъ даннымъ содержаніемъ, никакимъ достигнутымъ совершенствомъ, но постоянно стремится къ высшему и большому. Тотъ, кто признаетъ за какимъ-либо конкретнымъ содержаніемъ окончательное значеніе и вѣчное совершенство, отдаетъ нравственную идею въ угоду временныхъ соображеній» (стр. 150).

Къ ученію Канта примыкаетъ такимъ образомъ современное ученіе о естественномъ правѣ съ измѣняющимся содержаніемъ, сторонникомъ коего въ числѣ многихъ другихъ является и г. Новгородцевъ. Быть можетъ, мы нѣсколько разошлись бы съ г. Новгородцевымъ въ формулировкѣ и обоснованіи этого ученія, но я не могу не согласиться съ нимъ въ одномъ: естественное право не есть кодексъ неподвижныхъ и неизмѣнныхъ требованій, и это уже потому, что право какъ порядокъ внѣшній есть сфера благъ относительныхъ, условныхъ, а, слѣдовательно, и конкретныя требо-

ванія добра, предъявляемая къ правовымъ нормамъ, должны быть условны, измѣнчивы, потому что безусловное добро не можетъ вмѣститься въ рамки какого-либо внѣшняго порядка.

Но если мы признаемъ содержаніе требованій естественнаго права измѣнчивымъ, то этимъ еще нисколько не разрѣшается вопросъ о томъ, откуда происходитъ это содержаніе, чѣмъ оно опредѣляется и обусловливается. Такъ какъ этотъ вопросъ оставляется Кантомъ безъ отвѣта, то здѣсь какъ разъ и сказывается необходимость *воспоминанія* его философіи. Это и побуждаетъ г. Новгородцева обратиться къ Гегелю. Но тутъ-то и обнаруживается недостаточность его точки зрѣнія. «Современный кантіанецъ, — читаемъ мы на стр. 222, — вслѣдъ за Гегелемъ, готовъ повторить: *Alle unsere Sittlichkeit wurzelt in der Sitte*, но, выводя содержаніе нравственности изъ общества, онъ надъ самимъ обществомъ ставитъ высшую норму». Вмѣстѣ съ Гегелемъ г. Новгородцевъ считаетъ *безспорнымъ* (курсивъ мой), что содержаніе морали почерпается изъ общественной среды, но отсюда, по его мнѣнію, не слѣдуетъ, чтобы общественный авторитетъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и основаніемъ морали. Высшимъ критеріемъ здѣсь всегда остается собственное убѣжденіе личности, которая можетъ подвергать критикѣ всякое данное содержаніе» (стр. 222). Если стать на эту точку зрѣнія, то придется признать, что личность не можетъ противопоставить общественной средѣ никакого новаго нравственнаго содержанія, а можетъ только отвергнуть всякое данное содержаніе. Если такъ, то требованія естественнаго права, какъ и всѣ вообще нравственныя требованія, не могутъ заключать въ себѣ никакого положительнаго идеала, никакихъ положительныхъ указаній относительно задачъ человѣческаго общества; оно представляетъ собою чисто отрицательный критерій, который указываетъ обществу, отъ чего оно должно воздерживаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ не опредѣляетъ тѣхъ конечныхъ цѣлей, къ которымъ должно стремиться. Такъ и подобало бы говорить послѣдовательному кантіанцу. Однако, черезъ всю книгу г. Новгородцева проводится мысль, что естественное право есть не только отрицательный критерій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и источникъ преобразованій и усовершенствованій дѣйствительности. Для этого оно должно прежде всего обладать содержаніемъ самостоятельнымъ, не заимствованнымъ изъ какой-либо конкретной общественной среды. Повидимому точка зрѣнія

г. Новгородцева заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. «Не безспорной моралью преданій, — говоритъ онъ, — а сложнымъ и труднымъ искусствомъ, рядомъ творческихъ актовъ, является личная нравственная жизнь въ развитомъ обществѣ». Но о какомъ же нравственномъ творествѣ личности можно говорить, если личность сама все заимствуетъ отъ общества и, слѣдовательно, не можетъ внести въ общественную жизнь никакого новаго нравственного содержанія?

Каковы бы, однако, ни были недостатки разбираемой книги, нельзя не привѣтствовать появленіе новаго серьезнаго труда даровитаго автора: что же касается отмѣченныхъ выше колебаній и неясностей въ философской точкѣ зрѣнія г. Новгородцева, то они обуславливаются процессомъ духовнаго роста его мысли, неудовлетворенной Кантомъ, но еще не вполне отъ него освободившейся.

Кн. Евгеній Трубецкой.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

Николай Бердяевъ. «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи». Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ. Съ предисловіемъ Петра Струве. Цѣна 2 р. 25 коп.

Этюдъ Н. А. Бердяева представляетъ обстоятельную критику міросозерцанія Н. К. Михайловскаго съ точки зрѣнія критической философіи и историческаго матеріализма. Но авторъ, при-мыкая къ историческому матеріализму, заранѣе предупреждаетъ, что онъ чуждъ ортодоксальности; въ этомъ—крупное преимущество его позиціи передъ позиціей, напр., Бельтова, критика котораго съ философской точки зрѣнія едва ли дала что-нибудь, кромѣ «полемиическихъ красотъ», и во всякомъ случаѣ не свела «теоретическихъ счетовъ съ субъективистами». И Бельтовъ, если онъ захочетъ держаться тѣхъ критеріевъ, которыхъ держался въ полемикѣ съ нѣмецкими социологами (напр., Конрадомъ Шмидтомъ), вѣроятно, объявитъ взгляды Бердяева буржуазными, а самого его—оппортюнистомъ. Но дѣло не въ этомъ. Мы хотимъ только указать, что Бердяевъ, не разставаясь съ самой общей основой историческаго матеріализма, въ пониманіи его дѣлаетъ очень много уступокъ. Онъ, по примѣру Вольтмана, зачисляетъ въ предшественники историческаго матеріализма Бокля и «развитіе производительныхъ силъ» понимаетъ настолько своеобразно, что подъ его концепціей не отказались бы подписаться люди, не имѣющіе съ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи ничего общаго. Мы лично съ нѣкоторыми оговорками готовы принять его формулу такъ, какъ она выражена на стр. 128 и слѣд., но мы думаемъ, что въ ней осталось очень немного отъ «теоріи

прогресса Маркса и Энгельса». Послѣ всего сказаннаго является вопросъ, какимъ путемъ пришелъ Бердяевъ къ своей смягченной концепціи историческаго матеріализма. «Ученики, — говоритъ онъ, — могутъ двинуть впередъ теорію своего учителя, только оплодотворивъ ее великимъ духомъ философскаго критицизма». Въ своихъ философскихъ взглядахъ Бердяевъ примыкаетъ къ неокантіанцамъ и, вооруженный методомъ критической философіи, подвергаетъ анализу воззрѣнія Н. К. Михайловскаго. Но центръ тяжести книги — не въ отрицательной части, а въ положительной.

Указавъ на общественную обстановку, въ которой воспитался Н. К. Михайловскій, Бердяевъ подчеркиваетъ громадное значеніе той задачи, которую глава субъективной школы сформулировалъ какъ гармоническій синтезъ правды-истины и правды-справедливости, но онъ находитъ, что самъ г. Михайловскій не сумѣлъ ее разрѣшить. Доказательству этого положенія и посвящена книга. Прежде всего Бердяевъ подвергаетъ гносеологическому анализу понятіе субъективизма и, исходя изъ извѣстнаго ученія Канта о трансцендентальной апперцепціи, проводитъ разницу между объективнымъ, какъ логическимъ, гарантированнымъ логическимъ а priori и субъективнымъ, какъ психологическимъ, обусловленнымъ индивидуальной психикой; первое обладаетъ общеобязательностью, второе лишено ея; но и второе на своемъ мѣстѣ имѣетъ свой *raison d'être*, ибо изъ процесса познанія нельзя искоренить субъективныхъ предпосылокъ; такое положеніе, какъ Бердяевъ показываетъ съ полной очевидностью, вовсе не является ересью съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи; послѣднее вполне признаетъ субъективизмъ своимъ ученіемъ о классовой психологіи, и такимъ образомъ сходится здѣсь съ субъективнымъ направленіемъ. Ошибка Н. К. Михайловскаго, по мнѣнію Бердяева, состоитъ въ томъ, что онъ смѣшиваетъ то и другое, вмѣсто того, чтобы тщательно разграничивать психологическое (субъективное) сознаніе и трансцендентальное (логическое). Этой ошибкой обусловлено то обстоятельство, что Н. К. Михайловскій отъ правильнаго понятія субъективизма въ социологіи переходитъ къ ложному, «субъективному методу». Бердяевъ, какъ и нѣкоторые изъ субъективистовъ, напр., Н. И. Карѣевъ, считаетъ совершенно невозможнымъ говорить о «субъективномъ методѣ»; у него это отрицательное отношеніе связано со всей

цѣпью предыдущихъ разсужденій; субъективизмъ—это законное психологическое а priori; методъ—понятіе, имѣющее исключительно логическій смыслъ и потому никоимъ образомъ не связуемое съ понятіемъ субъективнаго.

Установивъ предѣлы объективности социологическаго познанія, представивъ собственную формулу правды-истины, Бердяевъ переходитъ къ другой ипостаси двуединой правды—къ правдѣ справедливости. Онъ пытается доказать по аналогіи съ возможностью объективнаго познанія возможность и объективной нравственности. Тутъ, какъ и тамъ, онъ исходитъ изъ ученія Канта, ближайшимъ образомъ изъ той основной формулы категорическаго императива, которая объективность нравственнаго дѣянія ставитъ въ зависимость отъ возможности сдѣлать максимумъ воли принципомъ всеобщаго законодательства. Но Бердяевъ прекрасно понимаетъ, что кромѣ объективной морали существуетъ и мораль субъективная, историческая, но ея источникъ, по мнѣнію нашего автора, лежитъ не въ трансцендентальномъ нравственномъ сознаніи, а въ психологическомъ. Ошибка г. Михайловскаго, по Бердяеву, въ данномъ случаѣ заключается въ томъ, что онъ приписываетъ субъективной морали общеобязательное значеніе.

Въ связи съ этими мыслями Бердяевъ разсматриваетъ роль психологическаго анализа у Михайловскаго, и тщательно подчеркивая свое пониманіе историческаго процесса, какъ психологическаго по существу, пытается доказать, что у г. Михайловскаго біологическія отправныя точки зрѣнія помѣшали всесторонней оцѣнкѣ психическаго фактора культуры. Тутъ же онъ разсматриваетъ отношеніе г. Михайловскаго къ проблемѣ роли личности въ исторіи.

Бердяевъ увѣряетъ, что г. Михайловскій нигдѣ прямо не ставитъ и нигдѣ положительно не рѣшаетъ вопросы о роли личности въ исторіи; «мало того, его «субъективная» точка зрѣнія исключаетъ возможность постановки такого вопроса». Прочитывая нѣкоторыя мысли критикуемаго писателя о «естественномъ ходѣ вещей», онъ открываетъ въ нихъ принципиальное противопоставленіе человѣческой дѣятельности естественному ходу вещей; это-то обстоятельство, по мнѣнію г. Бердяева и мѣшаетъ г. Михайловскому какъ поставить, такъ и рѣшить вопросъ о роли личности въ исторіи. Мы не видимъ въ инкриминируемыхъ цитатахъ такого безусловнаго противопоставленія, какое хочетъ

въ нихъ усмотрѣть Бердяевъ. И во всякомъ случаѣ, если даже оно имѣется, оно ничему не помѣшало. Г. Михайловскій и ставитъ, и по своему разрѣшаетъ вопросъ о роли личности въ исторіи; насколько приемлема его точка зрѣнія—вопросъ другой, но отношеніе г. Михайловскаго къ проблемѣ совершенно ясно. Онъ изложилъ свои взгляды на этотъ предметъ въ статьѣ «Графъ Бисмаркъ». (Собр. соч. т. VI, стр. 100 и слѣд.) ¹⁾

Не рассматривая сложнаго вопроса о свободѣ и необходимости, перейдемъ къ взглядамъ Бердяева на прогрессъ. Онъ, конечно, по самому существу своихъ воззрѣній не можетъ раздѣлять біологически обоснованной субъективно телеологической и субъективно этической точки зрѣнія г. Михайловскаго. Его точка зрѣнія—объективно телеологическая и объективно этическая. Въ основѣ его аргументаціи и тутъ лежатъ идеи Канта, главнымъ образомъ «Критика силы сужденія», но эти идеи комбинируются у него съ различными сторонами теоріи историческаго матеріализма. Читатель, знакомый съ книгой Бердяева, вѣроятно, былъ нѣсколько удивленъ однимъ обстоятельствомъ; мы до сихъ поръ говорили только о трансцендентальной философіи, поскольку оперируетъ ею Бердяевъ, и не упоминали о томъ, какимъ образомъ она «оплодотворяетъ» концепцію историческаго матеріализма. Мы сдѣлали это вполне сознательно, ибо историко-материалистскія идеи автора выступаютъ главнымъ образомъ тогда, когда ему приходится говорить въ той или иной формѣ о прогрессѣ (приближеніе къ объективной истинѣ, къ объективной морали). Теперь мы, конечно, остановимся и на этой сторонѣ его аргументаціи, ибо она заслуживаетъ полнаго вниманія.

Въ своей теоріи прогресса Бердяевъ исходитъ изъ формулы Маркса и Энгельса, гласящей, какъ слишкомъ хорошо извѣстно, что въ основѣ историческаго процесса лежитъ развитіе производительныхъ силъ; но онъ хочетъ усмотрѣть въ ней болѣе глубокое, чѣмъ просто эмпирическое, философское содержаніе, и истолкованная такимъ образомъ, она превращается въ слѣдующую формулу процесса: «историческій процессъ есть не что иное,

¹⁾ Это упущеніе представляется намъ тѣмъ болѣе страннымъ, что Бердяевъ превосходно знаетъ сочиненія г. Михайловскаго. Указанное нами мѣсто трактуетъ, правда, вопросъ о роли личности не во всемъ его объемѣ; тамъ говорится главнымъ образомъ о роли великихъ людей, но оно опредѣляетъ отношеніе Михайловскаго и къ вопросу о личности въ исторіи вообще.

какъ процессъ общественной борьбы человѣка съ природой для поддержанія и развитія жизни; въ этой борьбѣ человѣкъ создаетъ социальную среду, которая становится между нимъ и природой, защищаетъ его отъ стихійныхъ силъ и нарастаніе которой символизируетъ силу человѣка, отдѣляющая его отъ зоологическаго состоянія; ...мѣриломъ прогресса является степень побѣды человѣка надъ природой; сила и могущество человѣка могутъ вырости только на этомъ базисѣ. Въ философскомъ отношеніи эта точка зрѣнія приводитъ къ тому результату, что прогрессъ есть побѣда сознательнаго надъ безсознательнымъ и слѣдовательно она согласуется съ чаяніями великихъ мыслителей человѣчества. Разныя историко-философскія направленія много толковали о ростѣ сознательности въ исторіи, но только ученіе Маркса и Энгельса указало на настоящій фундаментъ этого роста сознания».

Въ историческомъ процессѣ есть имманентная цѣлесообразность, ни въ какомъ случаѣ не противорѣчащая идеѣ законмѣрности. Въ этомъ пунктѣ Бердяевъ поддерживаетъ капитальную поправку къ ученію Штаммлера и Уорда, доказывая монистическій характеръ процесса. Но подчеркивая его телеологическій характеръ, Бердяевъ не ставитъ его въ зависимость отъ опредѣленнаго «субъективнаго» эмпирическаго идеала, какъ, по его мнѣнію, дѣлаетъ это г. Михайловскій. Опредѣляя свою точку зрѣнія, Бердяевъ комбинируетъ трансцендентальные элементы съ эмпирическими; эта точка зрѣнія и должна привести къ гармоническому синтезу двухъ ипостасей правды. Въ кантовскую точку зрѣнія Бердяевъ вноситъ поправку, доказывая, что объективная (общеобязательная) цѣль историческаго процесса должна осуществляться не въ умопостигаемомъ, а въ реальномъ мірѣ явленій. Санкціонирующая прогрессъ объективная норма носитъ этический по преимуществу характеръ. Но тутъ дѣло идетъ не только о регулятивной идеѣ. Есть трансцендентальныя основанія, гарантирующія цѣлесообразность историческаго процесса. «Въ объектѣ социальной науки мы видимъ имманентную законосообразность, потому что трансцендентальная апперцепція дѣлаетъ его таковымъ, внося конститутивный принципъ причинности... Цѣлесообразность коренится въ трансцендентальной апперцепціи, въ томъ сверхъ-индивидуальномъ сознаніи, которое создаетъ міръ не только причинно-обусловленнымъ, но и движущимся къ цѣли».

Итоги таковы: «въ социологическое познаніе вносится тройкое а priori: а priori психологическое, а priori логическое и а priori этическое. На а priori психологическомъ покоится субъективизмъ; это а priori не абсолютное, а относительное, постоянно измѣняющееся; на а priori логическомъ и этическомъ покоится «система объективной правды»; первое вноситъ въ познаніе принципъ законосообразности и рождаетъ правду-истину, второе вноситъ принципъ цѣлесообразности, даетъ объективное мѣрило прогресса и рождаетъ правду-справедливость».

Но мы видѣли до сихъ поръ только роль объективных элементовъ міросозерцанія Бердяева. Какова роль его субъективных элементовъ? Это вопросъ очень важный, ибо возможность объективнаго социологическаго познанія будетъ гарантирована лишь тогда, когда будутъ устранены моменты случайности въ дѣйствіи субъективныхъ элементовъ; въ противномъ случаѣ мы придемъ къ социологическому скептицизму à la Зиммель. Словомъ, съ этимъ кореннымъ вопросомъ неразрывно связанъ самый жизненный для социологіи вопросъ, вопросъ о возможности объективнаго социологическаго познанія. Бердяевъ именно въ этотъ критическій (въ логическомъ смыслѣ) моментъ утилизируетъ теорію историческаго матеріализма. Основныя формулы таковы: «психика прогрессивнаго класса является почвой, на которой наиболѣе гармонично сочетаются всѣ элементы и вырастаетъ единая «система правды», которую историческій процессъ призванъ осуществить въ мысли и жизни». «Въ авангардѣ современнаго общества мы замѣчаемъ гармонію трансцендентальнаго сознанія и психологическаго сознанія». «Умственное развитіе человѣчества есть постепенное приближеніе къ объективной абсолютной истинѣ путемъ устраненія субъективизма, вреднаго для объективнаго познанія». «Нравственное развитіе человѣчества есть приближеніе къ абсолютному нравственному благу, къ высшей человѣчности. Оно совершается путемъ устраненія субъективизма, вреднаго для объективной нравственности... Каждая историческая эпоха создаетъ въ своемъ прогрессивнѣйшемъ классѣ типъ нравственности болѣе высокой, чѣмъ предыдущія».

Мы нарочно сгруппировали всѣ эти формулы, чтобы показать, что Бердяевъ незамѣтно соскакиваетъ съ трансцендентальной почвы на эмпирическую. Тутъ у него цѣлыхъ два эмпирическихъ понятія: эпоха и классъ; эпоха—понятіе очень туманное, пригод-

ное для педагогическихъ цѣлей, но никакъ не для научныхъ; классъ (въ концепціи историческаго матеріализма)—понятіе вполнѣ определенное, но совершенно «субъективное». Мы съ Бердяевымъ убѣждены, что на великой исторической аренѣ дѣйствуютъ классы, но наше убѣжденіе едва ли имѣетъ объективную цѣнность, ибо доказать его трансцендентальнымъ путемъ мы бы не сумѣли. Вѣдь это одинъ изъ тѣхъ пунктовъ историческаго матеріализма, за которые ему пришлось выслушивать безконечныя упреки въ эмпиризмѣ. А разъ невозможно представить объективныя доказательства тому, что историческій процессъ есть непрерывная смѣна классовыхъ міросозерцаній, то исчезаетъ и возможность доказательства того положенія, что гармонія трансцендентальнаго и психологическаго сознанія осуществляется въ прогрессивномъ классѣ. Одно стоитъ и падаетъ вмѣстѣ съ другимъ. Мы отлично сознаемъ всю трудность этой задачи, мы думаемъ, что скептицизмъ въ данномъ вопросѣ можетъ быть устраненъ, но методъ Бердяева не даетъ объективныхъ результатовъ. Намъ кажется, что путь, избранный Бердяевымъ, все-таки правиленъ, но критеріи должны быть болѣе общими. Въ данномъ случаѣ теоретически гораздо послѣдовательнѣе Струве, отрицающій необходимость классовой точки зрѣнія.

Въ главѣ объ индивидуализмѣ г. Михайловскаго, Н. А. Бердяевъ оспариваетъ біологическую конструкцію проблемы отношенія личности къ обществу и выставляетъ другую. Для него нѣтъ противоположности между личностью и обществомъ; это не болѣе какъ фикція; въ историческомъ процессѣ существуетъ антагонизмъ, но это—антагонизмъ социальныхъ группъ, борьба классовъ. Но и для Бердяева человѣческая личность дорога, хотя и по инымъ основаніямъ: «Соціальный процессъ есть прежде всего психическое взаимодействіе людей, развивающееся на почвѣ совместной борьбы за жизнь. Въ этой борьбѣ недѣлимое приспособляется не къ естественной средѣ, а къ искусственной, стоящей между человѣческой жизнью и природой; поэтому соціальный процессъ есть постоянная побѣда соединенной человѣческой жизни надъ стихійной природой въ интересахъ совместной жизни людей. Все это знаменуется нарастаніемъ искусственной среды, которую мы и называемъ соціальной. Власть человѣка надъ природой и соединеніе человѣка съ человѣкомъ—вотъ сущность соціальной жизни. Развитіе человѣка—цѣль и резуль-

татъ соціальной жизни». Изъ этихъ словъ видно, что тутъ трансцендентальный анализъ еще дальше отступаетъ у Бердяева, чѣмъ въ первой главѣ.

Н. К. Михайловскаго-публициста Бердяевъ ставитъ выше, чѣмъ его же, какъ соціолога. Онъ доказываетъ, что «верховенствующая личность г. Михайловскаго—это идеальное отраженіе личности мелкаго производителя, стремящагося самостоятельно удовлетворить свои потребности на почвѣ натурального хозяйства». И основной фактъ русской дѣйствительности 70-хъ и 80-хъ годовъ—усиленіе капитализма, разрушающаго натуральное хозяйство мелкаго производителя—въ сочиненіяхъ г. Михайловскаго отражается перенесеніемъ въ публицистику соціологической идеи антагонизма между личностью и обществомъ. Поэтому и г. Бердяевъ вполне послѣдовательно причисляетъ г. Михайловскаго къ народникамъ, хотя и не крайнимъ.

Мы, къ сожалѣнію, не можемъ удѣлить мѣста предисловію П. Б. Струве, которое заслуживало бы отдѣльнаго разбора. Въ немъ Струве все болѣе и болѣе развиваетъ свои основныя философскія точки зрѣнія. Написанное въ формѣ критики на книгу Бердяева, оно представляетъ самостоятельный философско-соціологическій этюдъ, болѣе послѣдовательно выдерживающій основную философскія колоритъ. Основная идея П. Б. Струве заключается въ томъ, что Бердяевъ, по его мнѣнію, придаетъ слишкомъ большое значеніе классовому сознанию; самъ Струве отрицаетъ возведеніе классовой точки зрѣнія въ необходимость и слѣдовательно ратуетъ за полный просторъ для теоретической мысли. Въ сущности говоря у Струве тутъ ничего не остается отъ историческаго матеріализма. Въ этомъ отношеніи точка зрѣнія Бердяева намъ ближе; и выше, указывая на теоретическое противорѣчіе у него, мы не возражали противъ комбинаціи критицизма съ марксизмомъ по существу.

А. Дживелеговъ.

Новыя книги и брошюры, полученные въ редакціи.

Ив. Абово. Изъ родной красоты идеализма. Тифлисъ, 1902. Стр. 35. Ц. 20 к.

Иванъ Абрамовъ. Въ культурномъ скиту. (Среди неплюевцевъ). Спб., 1902. Стр. 127. Ц. 75 к.

Вопросы философіи, кн. 61.

Н. Н. Бахметевъ. Стихотворенія. Москва, 1901. Стр. 64. Ц. 80 к.

А. Бэнь. Психологія. Стр. XXXIV+422. Ц. 2 р. Москва, 1902.

Библиотека для самообразованія. II.

А. Фишеръ. Лекціи о бактеріяхъ. Стр. XII+299+V+24 Ц. 1 р. 60 к. Москва, 1902.

Александръ Введенскій. Философскіе очерки. Вып. I. Ц. 1 р. Спб., 1901. Стр. VIII+212.

П. П. Викторовъ. Очерки эволюціи нашей художественной и публицистической критики въ связи съ перемѣнами во взглядахъ на искусство въ нашемъ обществѣ. Москва, 1901. Стр. XVI+32. Ц. 60 к.

Его же. Живые вопросы текущей современности. Москва, 1901. Стр. 44. Ц. 60 к.

Его же. Фаустъ и Мефистофель, какъ основные типы въ трагедіи общественныхъ настроеній.

Екатеринославское научное общество. Сентябрь — ноябрь 1901. Екатеринославъ, 1901. Стр. 131.

Д. Зеленинъ. Новыя вѣянія въ народной поэзіи. Москва. 1901. Стр. 15. Ц. 25 к.

Его же. Международный языкъ науки и культурныхъ сношеній. Москва, 1901. Стр. 17. Ц. 25 к.

Проф. В. Иерусалемъ. Введеніе въ философію. Перев. съ нѣм. П. Ѳ. Некрасова. Спб., 1902. Стр. VII+243. Ц. 1 р.

Fr. Sada. Datovaní Platónova Faidva. V Praze, 1901. P. 78.

Т. Казаковъ. Тамара. Психологическій этюдъ. Варшава, 1901. Стр. 19. Ц. 15 к.

Н. Карѣевъ. Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени (1300—1800). Введеніе въ исторію XIX в. (Основные понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII в.). Изд. 2-е. Спб., 1902. Стр. XI+205. Ц. 60 к.

Божо Кнежевичъ. Принципи историје. Белград., 1898. Стр. VIII+306. Ц. 3 динара.

Его же. Пропорціја у историји. Белград. 1901. Стр. VII+384. Ц. 4 динара.

Мирный Трудъ. I. 1902. Харьковъ.

Научно-литературный сборникъ. Періодическое изданіе «Галицко-

русской матицы». Подъ редакціей Б. А. Дѣдицкаго. 1901. Томъ I. Кн. 1—3. Стр. 146+XXIII. Львовъ, Ц. 1 книга 1 р. 50 к.

А. Л. Николаевъ. Гипнотизмъ и преступленіе. Публичная лекція. Харьковъ, 1902. Стр. 54. Ц. 60 к.

OSSIP-LOURIE. La philosophie russe contemporaine. Paris, 1902. P. 276. Ц. 5 fr.

Отчетъ врачебно-продовольственнаго комитета VII съѣзда общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова 1899—1901 г. Казань, 1901. Стр. 116.

Отчетъ по С.-Петербургской городской больницѣ-колониі для душевнобольныхъ на Новознаменской дачѣ, за 1900 г. Составленъ главн. врачомъ Н. Н. Реформатскимъ. Спб., 1901. Стр. 127.

А. П. Охитовичъ. Новый (неопредѣленный) методъ рѣшенія алгебраическихъ уравненій. Часть I. Казань, 1900 г. Стр. XI+302+18. Ц. 2 р. 50 к.

В. Саводникъ. Ницшеанецъ 40-хъ годовъ. Максъ Штирнеръ и его философія эгоизма. Москва, 1902. Стр. 90. Ц. 60 к.

Уильямъ Джэмсъ. Бесѣды съ учителями о психологіи. Перев. съ англійск. Александра Громбаха. Москва, 1902. Стр. XIV+286. Ц. 50 к.

Уильямъ Джэмсъ. Психологія въ бесѣдахъ съ учителями. Переводъ съ англійскаго приватъ-доцента Императорскаго московскаго университета В. Н. Ивановскаго. Стр. XIII+164. Ц. 50 к.

Г. С. Фельдштейнъ. Ученіе о формахъ виновности въ уголовномъ правѣ. Москва, 1902. Стр. XI+569. Ц. 3 р.

Сергѣй Шараповъ. Вып. 14 (Т. V). Пороша. Москва, 1901. Стр. 80. Ц. 30 к.

Энциклопедическій словарь. Томъ XXXIV. Трумпъ—Углеродистый кальцій. Изданіе Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ. С.-Петербургъ). Спб., 1902.

Обзоръ журналовъ.

Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1901.
№ 1—3.

Aug. Dünge's. Das Problem des Todes.

Опредѣленія смерти съ химической и біологической точки зрѣнія не удовлетворяютъ разума; они не проводятъ рѣзкой границы между жизнью и смертью и не могутъ указать самаго момента послѣдней. По мнѣнію Дюнгеса, *смерть есть уничтоженіе индивидуальности*. Индивидуальность же можно вполне понять только съ «психо-физической точки зрѣнія». Съ психической стороны она есть «я» со всѣмъ содержаніемъ приобрѣтеннаго этимъ «я» опыта; она есть нѣкоторое «единство опыта» (Erfahrungseinheit). Каждое высшее (по лѣстницѣ эволюціи) «я»—есть результатъ сложения и взаимодействія многихъ низшихъ. На самой низкой ступени стоитъ атомъ съ «minimum'омъ» душевной жизни. Такимъ образомъ смерть есть уничтоженіе какого-нибудь «единства опыта» путемъ постепеннаго распаденія на единства опыта низшаго порядка, т. - е. она—событіе не *миновенное*.

Причины смерти какъ естественной, такъ и неестественной сводятся, въ концѣ-концовъ, ко всеобщей борьбѣ индивидовъ, обусловленной главнымъ образомъ «жаждою опыта» (Gier nach Erfahrung). Эта жажда побуждаетъ ихъ къ активности, къ расширенію своей индивидуальности на счетъ другихъ: она—причина борьбы, значить смерти и эволюціи. Смерть не приобрѣтена на какой-нибудь ступени эволюціи, какъ думаютъ Гете и Вейсманъ, а есть явленіе исконное.

Дюнгесъ приходитъ къ понятіямъ вродѣ *борьбы атомовъ*,

жаждующихъ опыта; за безконечные періоды времени они должны были накопить его немало.

Ios. Hickson. Der Kausalbegriff in der neueren Philosophie und in den Naturwissenschaften von Hume bis Robert Mayer. II—V сар.

Первая глава этой статьи была напечатана въ прошломъ году. Упомянувъ о Т. Браунѣ, Гиксонъ переходитъ къ ученію Милля. Въ доказательствѣ принципа причинности Милль запутался въ *circulo vitioso*. Сознавая отличіе простой постоянной послѣдовательности во времени отъ причинной связи, онъ не могъ дать критерія для различенія послѣдней. Признакъ безусловности на практикѣ непримѣнимъ (ее нельзя доказать) и понятіе ея—сбивчиво. Вообще эмпиризмъ совершенно не въ силахъ рѣшить проблему причинности. Правильный путь проложилъ Кантъ, но до конца его не дошелъ. Основа различія ученія его отъ взглядовъ Юма — понятіе объ опытѣ. У Юма опытъ соотвѣтствуетъ воспріятію; у Канта — это возможный опытъ, законченное научное познаніе природы. Его можно отрицать; но, признавъ его, необходимо принять принципы причинности и субстанціальности. Критерія для отличенія причинной послѣдовательности отъ простой Кантъ не далъ. Поставивъ принципъ субстанции во главѣ априорныхъ принциповъ, онъ долженъ былъ сдѣлать выводъ, что всѣ причинные законы — законы измѣненій субстанции; далѣе пойти ему мѣшало ложное понятіе о силѣ. Ученіе *Шопенгауэра* — шагъ назадъ даже въ сравненіи со взглядами Юма. Его классификація причинъ, доказательство априорности закона причинности, ученіе о силахъ — не выдерживаютъ критики. Окончательно проблема рѣшена *Роб. Майеромъ*, глубокое философское значеніе взглядовъ котораго и строго-гносеологическую точку зрѣнія Гиксонъ постоянно подчеркиваетъ.

Законъ причинности есть слѣдствіе ихъ аксіомы сохраненія субстанции: *ex nihilo nihil fit; nihil fit ad nihilum*. Это положеніе установлено Майеромъ не догматически, но какъ необходимое высшее руководящее правило изслѣдованія природы, условіе опыта (въ кантовскомъ смыслѣ). Изъ него выводится опредѣленіе причинности: причины, суть качественно превращаемыя (*verwandelbare*) и количественно неуничтожаемые объекты. Давъ новое опредѣленіе силы (сила есть то, что тратится при возникновеніи движенія; измѣримый, невѣсомый, неуничтожаемый, из-

мѣняемый объектъ), Майеръ сдѣлалъ эти положенія примѣнными къ опыту: получилась возможность точнаго сравненія явленій съ помощью общей мѣры. Критерій причинной связи—постоянное опредѣленное количественное отношеніе (равенство) между измѣненіями.

Затѣмъ Гиксонъ развиваетъ мысль, что единственное доказательство принципа сохраненія субстанции то, которое дано Майеромъ, разбираетъ попытки доказать его иначе и возраженія противъ него съ точки зрѣнія атомизма и психо-физическаго параллелизма. Майеръ же, по мнѣнію автора, далъ единственное доказательство закона причинности; прямое доказательство его объективной общезначимости невозможно и ненеобходимо.

О. Külpe. Zu Gust. Theod. Fechners Gedächtniss.

Кюльпе дѣлаетъ оцѣнку трудовъ и характеристику Фехнера по поводу столѣтія со дня его рожденія (19 апр. 1901 г.). Основатель психо-физики и экспериментальной эстетики былъ въ то же время передовымъ бойцомъ научной философіи. Выступивъ въ эпоху абсолютной метафизики, онъ рѣшительно и опредѣленно сталъ на точку зрѣнія метафизики индуктивной. Его міровоззрѣніе сводится къ панэнтеизму на монистическомъ основаніи и по существу (несмотря на эмпирическую точку зрѣнія) во многомъ близко ко взглядамъ Шеллинга: связь болѣе, чѣмъ историческая. Коренной недостатокъ его философіи—полное отсутствіе теоріи познанія.

J. Petzoldt. Solipsismus auf practischem Gebiet.

Петцольдтъ находитъ полную аналогію между теоретическимъ солипсизмомъ и тѣмъ ученіемъ, по которому собственное эгоистическое настроеніе, удовольствіе—основа всѣхъ поступковъ и желаній. Подобное ученіе не есть логически необходимая форма эвдемонизма, но легко можетъ возникнуть изъ него: стоитъ особенно сильно подчеркнуть субъективный моментъ въ чувствованіяхъ. Характерный образецъ практическаго солипсизма представляетъ ученіе Döring'a, обоснованное на потребности самооцѣнки (Selbstschätzung); авторъ доказываетъ полную недостаточность такого основанія и отмѣчаетъ промахи Дёринга (упущенъ моментъ самозабвенія въ созерцаніи идеала и служеніи ему; допущено удвоеніе мотивовъ и цѣлей и др.). Противъ солипсизма въ обоихъ видахъ Петцольдтъ приводитъ два аргумента. Первый—ученіе о цѣлостномъ опытѣ; второй же заслуживаетъ осо-

баго вниманія. Обратное изображеніе, говоритъ Петцольдтъ, возможно лишь тогда, когда есть прямое; если у супруговъ нѣтъ дѣтей, понятіе родителей не имѣетъ смысла. Такъ и понятіе «представленія» возможно лишь въ противоположность «непредставленію». Если вещей нѣтъ, то «представленіе ужъ не представленіе». Здѣсь смѣшиваются понятія, обозначающія реальныя отношенія между объектами (родители—дѣти) и понятія, находящіяся въ простомъ отношеніи противорѣчія другъ къ другу (родители—не-родители). Свойства ихъ совсѣмъ различны. Затѣмъ смѣшаны слова, названія съ самими понятіями. Если я утверждаю: «всякій объектъ есть представленіе», то для меня это предложеніе тождества, потому что всѣ признаки «представленія» вошли въ содержаніе понятія «объектъ», но для противника моего содержаніе обоихъ понятій не совпадаетъ. Для меня лично слово «представленіе» бесполезно, но не потому, что понятіе его не имѣетъ смысла, а потому, что это понятіе имѣетъ уже другое названіе; признаки представленія вошли въ «объектъ». Но это же слово необходимо, когда я желаю доказать противнику наличность такого тождества.

P. Barth. Подробный отчетъ о книгѣ Н. St. Chamberlain, *Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts.*

Archiv für Geschichte der Philosophie 1901. № 1—4. *Georg Misch. Zur Entstehung des französischen Positivismus.*

Контъ не основатель позитивизма; это умъ не творческій, а лишь «гениальный систематизаторъ». Начатки позитивизма относятся къ XVII—XVIII в., эпохѣ великаго и умственного движенія, энциклопедіи, вліянія англійскаго эмпиризма. Они связаны съ великими успѣхами точныхъ наукъ, главнымъ образомъ, механики, трудами Ньютона, «тріумфальнымъ шествіемъ» слѣдовавшихъ за нимъ великихъ французскихъ математиковъ. Рѣшительный моментъ при этомъ—пересмотръ Даламберомъ основныхъ понятій и методовъ механики. Истинный основатель позитивизма—Даламберъ и наряду съ нимъ Тюрго; у нихъ ужъ находимъ всѣ существенныя положенія позитивизма. У нихъ ясно сформулированы агностическій феноменализмъ; бытіе внѣшняго міра и закономѣрная связь дѣйствительности устанавливаются, какъ необходимые постулаты научнаго познанія; познаніе опредѣляется какъ установленіе отношеній между представленіями; задача философіи сводится къ предварительному объединенію частныхъ наукъ,

до завершения единого, цѣльнаго познанія. Дѣленіе наукъ у Даламбера соотвѣтствуетъ кантовскому дѣленію на абстрактныя и конкретныя. Тюрго полагаетъ въ основу историческаго изслѣдованія идею постоянного прогресса, эволюціи человѣчества, формулируетъ законъ трехъ стадій, его «политическая географія» есть социальная статика. Между этими взглядами, между этими мыслителями и Кантомъ можно установить историческую связь, прослѣдить, какъ привели они къ Канту, что авторъ и дѣлаетъ, считая главными непосредственными факторами такого воздѣйствія Сень-Симона и политехническую школу.

Rudolf Adam. *Ueber die Echtheit und Abfassungszeit des platonischen Alcibiades I.*

Вопреки мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей R. Adam считаетъ этотъ діалогъ не только подлиннымъ, но и относящимся къ расцвѣту дѣятельности Платона. Время изданія его—между 477 и 369 годами. Онъ соотвѣтствуетъ періоду развитія платоновской философіи, отразившемуся въ 5—7 книгахъ государства. Мнѣніе свое авторъ подтверждаетъ многочисленными, тщательно подобранными аргументами.

Lor. Mich. Billia. *Sulle dottrine psicofisiche di Niccolo Malebranche.*

Авторъ находитъ у Малевбранша не только признаніе психофизической связи, но и систематическое проведеніе этого взгляда съ тонкою наблюдательностью и послѣдовательностью. Окказіонализмъ не мѣшаетъ Малевбраншу, а, наоборотъ, подчеркиваетъ, подкрѣпляетъ постоянство отношеній между раздраженіемъ и ощущеніемъ, чувствомъ и движеніемъ. У этого мыслителя можно найти также зачатки теоріи познанія и ученія объ единствѣ матеріи; но это ужъ Billia высказываетъ въ видѣ предположенія, разработку котораго предоставляетъ другимъ.

E. Thouverez. *La Famille Descartes.*

Тридцать три семейныхъ документа, касающихся Декарта и его родныхъ.

Rich. Wahle. *Beiträge zur Erklärung Platonischer Lehren und zur Würdigung des Aristoteles.*

Основываясь на Θεэтетѣ, Софистѣ, Тимеемъ и Филебѣ, R. Wahle выясняетъ нѣсколько (7) важнѣйшихъ моментовъ въ метафизическомъ ученіи Платона; усвоивъ ихъ, сравнительно легко понять это ученіе, какъ оно изложено въ Тимеемъ (это—понятіе

идеи, отличіе истиннаго познанія отъ вѣроятнаго, созданіе космоса, *Λογα*, Деміургъ и боги; жизненность, равномерное движеніе и способность дѣйствовать, свойственныя идеямъ; принципъ составленія и т. д.). Оцѣнку Аристотеля R. Wahle даетъ очень строгую: Аристотель находится въ полной зависимости отъ своего учителя, новаго въ спекуляцію не внесъ ничего; онъ не вполнѣ понималъ побужденія Платона, напр., великую проблему, надъ которою бился Платонъ: «если *Παυτα ῥῆι*, все течетъ, то почему понятіе и форма устойчивы, пребываютъ?» Въ общемъ въ самыхъ важныхъ пунктахъ Аристотель прямо копируетъ своего учителя.

I. Halpern. *Der Entwicklungsgang der Schleiermacher'schen Dialektik.*

Обыкновенно смотрятъ на діалектику Шлейермахера, какъ на ключъ къ его теологической системѣ; между тѣмъ она по существу представляетъ собою чистую теорію познанія; цѣль ея—найти законы, по которымъ возникаетъ, развивается познаніе. Понять діалектику лучше всего можно, прослѣдивъ всѣ фазисы ея развитія, что I. Halpern и дѣлаетъ, стараясь отмѣтить, что побуждало философа къ новымъ измѣненіямъ и передѣлкамъ. Систему Шлейермахера можно назвать гносеологическимъ эволюціоннымъ пантеизмомъ, а охарактеризовать ее въ ея стремленіи соединить логику и метафизику можно какъ метафизическую логику.

Theod. Lorenz. *Weitere Beiträge zur Lebens Geschichte George Berkley's.*

Неизданные матеріалы для біографіи относятся къ 1731—3 г. (Дневникъ его друга и покровителя лорда Эгмонта Percival письма). Содержаніе ихъ касается возвращенія Беркли изъ Вестъ Индіи, хлопотъ о деканствѣ и назначенія епископомъ. Приложение до сихъ поръ неизвѣстный памфлетъ Беркли «Совѣтъ присягнувшимъ торіямъ».

Otto Alberts. *Der Dichter des in ungarischtürkischem Dialekt geschriebenen Kudatkubilik (1069—70 г.) ein Schüler des Avicenna.*

Выводы изъ анализа этой книги: авторъ ея—ученикъ Ибнъ-Сина; преданіе объ эзотерическомъ ученіи послѣдняго ложно. O. Alberts находитъ въ этой книги нѣсколько до сихъ поръ неизвѣстныхъ извлеченій изъ космической системы Анаксимандра.

Mos Grunwald. Miscellen.

Восемнадцать писемъ Гердера, Брандиса, Рейнгольда старш., Бутербека и др. Интересна переписка Villers'a для исторіи кантовской философіи во Франціи, письма Рейнгольда съ его отзывами о Фихте, Шеллингѣ, съ его увлеченіемъ Бардили и т. д.

Francis Maugé. *La liberté dans l'idéalisme transcendantal de Schelling.*

Шеллинга обвиняють въ томъ, что у него самый строгій детерминизмъ замаскированъ призрачною свободою; а на дѣлѣ скорѣе наоборотъ: у него абсолютная свобода скрыта подъ маской необходимости. Въ «я» необходимо сосуществуютъ двѣ дѣятельности (activité) — *идеальная* (субъективная, неограниченная, но принципъ ограниченія, носитель интуиціи) и *реальная* (воспринимаемая этой интуицей, объективная, ограниченная, но съ безконечнымъ стремленіемъ (tendance)). Необходимость присуща только реальной дѣятельности, а идеальная можетъ стать объектомъ «я» (т.-е. быть сознанной) только путемъ свободнаго акта, черезъ постулатъ, — категорическій императивъ Канта. Отвергая метафизическія построенія Шеллинга, авторъ дѣлаетъ попытку согласить его ученіе о свободѣ съ принципами критическаго феноменализма (Ренувье), посредствомъ понятія интеллектуальнаго усилія (effort intellectuel). Это понятіе должно совмѣщать въ себѣ всѣ признаки трансцендентальной абстракціи или интеллектуальной интуиціи Шеллинга, т.-е. есть шестой актъ «я» абсолютнаго субъекта и сознаніе категорическаго императива. Усиліе это не производится и не обусловлено ничѣмъ предшествующимъ и потому свободно.

W. Heidel. Πέρασ and Ἄπειρον in the Pythagorean Philo Sophes.

Авторъ вопреки мнѣнію Целлера находитъ близкую связь этой пары противоположностей съ этико-эстетическими идеями пифагорейцевъ и считаетъ ее первоначальной, основаніемъ остальныхъ. Разъясненіе Аристотеля, который самъ не понималъ пифагорейцевъ, сбивчиво и само требуетъ объясненія. Вопросъ рѣшается на основаніи пренебрегаемаго новыми изслѣдователями комментарія Симплиція, приводящаго мнѣніе какихъ-то другихъ ἐξηγηταί. Стоитъ только принять, что для первыхъ пифагорейцевъ числа еще не были математическими абстракціями, а отождествлялись наивно съ конкретными вещами (остаткомъ чего у насъ являются «именованныя числа»); ко времени Аристотеля подобное пони-

маніе уже отжило вѣкъ, а вмѣстѣ съ нимъ утраченъ былъ ключъ къ пифагорейскому ученію о числахъ.

Wieh. Mann. *Causalitäts- und Zweckbegriff bei Spinoza.*

Авторъ доказываетъ, что необходимость и всеобщая причинность въ системѣ Спинозы нисколько ни исключаютъ ни внутренней, ни внѣшней цѣлесообразности. Спиноза, въ сущности, боролся противъ мнѣнія, что «осуществленіе цѣлей есть свободное опредѣленіе человѣкомъ своихъ дѣйствій». На дѣлѣ субъективныя цѣли онъ все-таки признаетъ, объективныя—ничуть не противорѣчатъ причиной необходимости. Изъ аргументовъ Спинозы имѣетъ силу только тотъ, который указываетъ на несовмѣстимость дѣйствованія божества по цѣлямъ съ совершенствомъ его. Въ самомъ понятіи цѣли у Спинозы два недостатка: онъ не отличаетъ цѣль отъ мотива и изъ двухъ психологическихъ элементовъ, необходимыхъ для нея, представленія и волевого движенія, почти совершенно игнорируетъ первое.

A. Brachmann. *Spinozas und Kants Sittenlehren.*

Авторъ излагаетъ параллельно этическія ученія обоихъ философовъ, сравниваетъ ихъ и дѣлаетъ оцѣнку. Интересны послѣдніе выводы Канта и Спинозы: Спиноза, исходя изъ стремленія къ самосохраненію, приходитъ къ идеалу, чуждому всякихъ утилитарныхъ побужденій (блаженство не есть награда добродѣтели); Кантъ отъ положеній, исключających и тѣнь утилитаризма, приходитъ въ концѣ-концовъ къ понятію о наградѣ. Въ общемъ ученіе Канта гораздо выше, оно спасаетъ понятіе личности, въ его основу положена автономія воли. Что нравственность возможна только подъ условіемъ свободы воли—истина; но эта свобода у Канта не понятна. Его ошибка коренится въ томъ, что онъ, такъ сказать, поднялъ свободу надъ человѣкомъ, допустилъ непонятный переходъ изъ безусловно-свободнаго во всегда обусловленное дѣйствіе въ явленіи. По мнѣнію Брахмана, вопросъ рѣшается легко. Причинность и необходимость не тождественны; силы—и причиняющая, и терпящая воздѣйствіе—свободны; необходимость—между ними, необходимо дѣйствіе, происходящее отъ встрѣчи этихъ силъ. Самую причинность только и можно объяснить свободной волею.

G. Jäger. *Der Ursprung der modernen Staatswissenschaft und die Anfänge des modernen Staates.*

Подробный и тщательный анализъ учения Гоббса о государствѣ.

Jahresbericht über die deutsche Litteratur zur nacharistotelischen Philosophie (1891—96) von Ad. Dyroff.

Die deutsche Litteratur über die sokratische platonische und aristotelische Philosophie 1897, 98 f. von Otto Apelt.

Jahresbericht über die Geschichte der Philosophie und Zeitalter der Renaissance (1893—99). Von Schiltowsky und L. Stein. II. Folge.

С. Поварнинъ.

ПОЛЕМИКА.

Второй отвѣтъ г. Айхенвальду.

По поводу его рецензіи на мою книгу: „Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія“.

«Нѣсколько словъ», напечатанныхъ г. Айхенвальдомъ по поводу моей статьи въ № 60 «Вопросовъ философіи», снова заставляютъ меня сдѣлать нѣсколько разъясненій.

г) Г. Айхенвальдъ пишетъ: «Въ своей рецензіи я все время говорилъ о преждевременности не плана и не отдѣльныхъ экспериментовъ... Мнѣ представляется несвоевременной лишь попытка *синтезировать* результаты педагогической экспериментации, попытка *обобщить* ея скудные факты и дать на ихъ основѣ *систему* дидактики». Насколько далека я былъ отъ мысли построить экспериментальную «систему дидактики», ясно видно изъ слѣдующихъ словъ моего предисловія: «Я старался прежде всего выяснить *постановку основныхъ вопросовъ* экспериментальной педагогической психологіи и указать, какое мѣсто въ общей системѣ этой возникающей науки должны занять наиболѣе извѣстныя работы современныхъ психологовъ-экспериментаторовъ. Поэтому всякій, кто началъ бы искать въ моей книгѣ полного разрѣшенія затронутыхъ мною дидактическихъ вопросовъ, сталъ бы предъявлять къ моему сочиненію требованія, превышающія обѣщанія автора». Правда, для того, чтобы выяснить планъ будущихъ работъ по экспериментальной педагогической психологіи и рѣшить вопросъ, какую точность изслѣдованія могло бы внести въ педагогику широкое развитіе экспериментальной психологіи, я постоянно бралъ исходнымъ пунктомъ своихъ разсужденій различныя педагогическія проблемы и даже придалъ всей

своей книгѣ «форму» дидактики,—но я думалъ, что предисловіе моей книги и масса оговорокъ, которыя дѣлаются мною въ каждой главѣ, избавятъ внимательнаго читателя отъ поспѣшнаго заключенія, будто, по моему мнѣнію, теперь уже возможно построить цѣлую систему экспериментально-психологической дидактики. Строить такую цѣльную систему я, конечно, нахожу еще невозможнымъ. Но попытка «обобщить» и «синтезировать» данныя экспериментальной психологіи, съ цѣлью освѣтить нѣкоторыя проблемы педагогики и намѣтить путь дальнѣйшаго изслѣдованія въ этомъ направленіи, и теперь представляется мнѣ своевременной и полезной. Безъ такого предварительнаго «синтеза» и «обобщенія», основаннаго на фактическихъ знаніяхъ, призывъ къ труду въ области экспериментальной педагогической психологіи, дѣйствительно, могъ бы показаться чѣмъ-то чисто «лирическимъ».

2) Если въ своей книгѣ я привожу работы, которыми экспериментально устанавливаются такія «завѣдомо несомнѣнныя истины», какъ зависимость умственной работы отъ сна и движенія или значеніе разсѣивающихъ обстоятельствъ, то, конечно, не потому, чтобы я сомнѣвался въ этихъ истинахъ и не считалъ возможнымъ принимать ихъ во вниманіе до экспериментальной провѣрки. Я хотѣлъ только показать, что въ области явленій, которыхъ касаются эти «общеизвѣстныя истины», приложимъ экспериментъ, дальнѣйшее развитіе котораго сможетъ подарить намъ болѣе точными знаніями, чѣмъ грубыя обобщенія житейскаго опыта. Дѣйствительно, «безпрерывный опытъ всего человечества» показываетъ намъ, что «нормальной умственной работѣ должна соотвѣтствовать извѣстная мѣра сна и движенія», что «память отъ времени слабѣетъ», и т. д., но *какая именно мѣра сна и движенія соотвѣтствуетъ нормальной умственной работѣ человѣка извѣстнаго возраста и насколько слабѣетъ память отъ времени*,—это остается неизвѣстнымъ. И указаніе на то, что къ рѣшенію этихъ вопросовъ могутъ быть приложены точные методы изслѣдованія, нельзя считать выраженіемъ одного лишь «педаантизма».

3) Я согласенъ съ г. Айхенвальдомъ, что «при изученіи психическихъ фактовъ необходимо опираться не на одинъ лишь экспериментъ, а на всю совокупность философско-антропологическихъ знаній». И если бы я строилъ цѣльную систему педа-

гогической психологіи, а не старался только показать своевременность примѣненія психологической экспериментации въ педагогикѣ, то, конечно, поступилъ бы именно такъ.

4) Разсуждая о «задержкѣ (развитія?) умственныхъ процессовъ у дѣтей въ періодѣ, непосредственно предшествующемъ половой зрѣлости», г. Айхенвальдъ особенно упираетъ на слѣдующее свое замѣчаніе (которое онъ теперь даже печатаетъ курсивомъ): «если одинъ періодъ полового развитія не похожъ въ своихъ психологическихъ особенностяхъ на другой, если упадокъ душевныхъ силъ смѣняется ихъ подъемомъ, то изслѣдователи должны были заняться вопросомъ о причинахъ такой переменны». Это замѣчаніе г. Айхенвальда совершенно справедливо и вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что сказано на стр. 59 моей книги: «Вопросъ объ измѣненіяхъ памяти подъ вліяніемъ наступленія половой зрѣлости требуетъ особенной разработки. Мы знаемъ, что половая зрѣлость наступаетъ постепенно и что можно указать разные періоды половой зрѣлости. По наблюденіямъ врачей, каждый изъ этихъ періодовъ сопровождается своеобразными измѣненіями психической жизни, при чемъ не всѣ періоды оказываются одинаково продолжительными у разныхъ лицъ. *Поэтому было бы очень важно изслѣдовать, какъ отражаются на памяти (и другихъ душевныхъ процессахъ) разные періоды полового развитія*». Такимъ образомъ, замѣчаніе г. Айхенвальда теряетъ всякую силу въ смыслѣ возраженія противъ моей книги. Онъ напоминаетъ мнѣ о такихъ задачахъ экспериментальной педагогической психологіи, которыя были очень ясно отмѣчены мною.

5) Несмотря на приведенныя мною данныя, г. Айхенвальдъ все-таки продолжаетъ сомнѣваться въ самомъ фактѣ задержки психического развитія въ переходномъ возрастѣ и прямо заявляетъ: «меня не убѣждаютъ ни цифры г. Нечаева, ни цифры д-ра Старкова, потому что оба они изслѣдовали *школьниковъ*, а не дѣтей». Странное основаніе! Вѣдь, не только я одинъ, а цѣлый рядъ изслѣдователей, наблюдая въ разныхъ направленіяхъ психическое развитіе учащихся, замѣчали указанную задержку только въ опредѣленныхъ періодахъ возраста—ни раньше, ни позже, несмотря на то, что испытуемые всѣхъ возрастовъ (а не одного только переходнаго) были «школьниками». При такомъ положеніи дѣла недостаточно сказать «не вѣрю» или «меня не убѣждаютъ цифры», а слѣдуетъ противъ однихъ положитель-

ныхъ данныхъ выставить другія, если не болѣе, то хотя бы не менѣе убѣдительные факты и числа. Кстати, представляется совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ можно подорвать значеніе работы д-ра Старкова указаніемъ, что онъ производилъ свои измѣренія только надъ школьниками. Неужели отъ того, что «дѣти чувствовали себя школьниками», измѣнялся вѣсь ихъ тѣла, форма головы, длина туловища или незаконномѣрно появлялись извѣстные признаки полового развитія?!..

6) Въ своемъ отвѣтѣ г. Айхенвальду я указывалъ на то, что его замѣчаніе, будто мною не было принято во вниманіе вліяніе на память ассоціацій, неосновательно. Г. Айхенвальдъ возражаетъ на это: «Страницы 21—22 предшествуютъ въ книгѣ г. Нечаева страницамъ 46 и 47, откуда онъ въ своемъ отвѣтѣ мнѣ дѣлаетъ выписки». Совершенно вѣрно, но я думаю, что нельзя возражать противъ начала главы, не дочитавъ до конца ея, особенно если самъ авторъ (какъ я на стр. 22 своей книги) дѣлаетъ примѣчаніе, что для полного пониманія извѣстнаго мѣста сочиненія слѣдуетъ принять во вниманіе и дальнѣйшее изложеніе предмета ¹⁾).

7) Г. Айхенвальдъ заявляетъ, что я «остроумно приписываю ему невысказанное имъ утвержденіе, будто существуетъ память *чистая и нечистая*», при чемъ замѣчаетъ, что ему «вовсе не надо было доказывать, что въ дѣтствѣ особенно сильна именно «чистая» память».

Всякій, кто сравнитъ критику г. Айхенвальда (№ 59 «Вопр. Ф. и П.») съ моимъ отвѣтомъ ему (№ 60), убѣдится, что различіе между «чистой» и «нечистой» памятью лежитъ въ основѣ всѣхъ возраженій г. Айхенвальда, признающаго сомнѣніе въ особенной силѣ дѣтской памяти «выводомъ, дѣйствительно, очень неожиданнымъ», но въ то же время не отрицающаго роста памяти, насколько она зависитъ отъ ассоціацій («вѣдь въ зрѣломъ возрастѣ,—говоритъ г. Айхенвальдъ,—*не чистая* память усиливается, а усложняется вся человѣческая психика, возникаетъ цѣлый міръ новыхъ интересовъ и *ассоціацій*, богатѣетъ самое содержаніе ду-

¹⁾ Замѣчу кстати, что послѣ моего отвѣта казалось бы неудобнымъ на мѣстѣ г. Айхенвальда повторять, будто я, сравнивая дѣтскую память съ памятью взрослыхъ, *совсѣмъ забылъ объ ассоціаціяхъ*. Вѣдь это—фактически невѣрно.

ши, и вследствие этого и въ связи съ этимъ объемъ памяти становится все шире и шире»¹⁾.

Но если г. Айхенвальдъ соглашается съ тѣмъ, что память ассоціаціонная («не чистая») усиливается съ возрастомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не хочетъ признать сомнительнымъ особенную силу дѣтской памяти, то какъ же ему «вовсе не надо было доказывать, что въ дѣтствѣ особенно сильна именно «чистая» память»?.. Къ чему же тогда его ссылка на ходячіе «трузизмы»?.. Со своей стороны замѣчу, что «трузизмъ», приводимый г. Айхенвальдомъ, страдаетъ не только большой неясностью, но даже противорѣчить другому, тоже весьма распространенному трузизму, что всѣ душевныя способности человѣка постепенно развиваются и совершенствуются. Почему же «память» въ этомъ отношеніи должна составлять исключеніе? Не происходитъ ли здѣсь какого-нибудь смѣшенія понятій?

8) Отвѣчая на мое замѣчаніе относительно пониманія самой сущности экспериментальнаго изслѣдованія, г. Айхенвальдъ снова приводитъ слѣдующее соображеніе: «напримѣръ (въ книгѣ г. Нечаева) прочность запоминанія въ одномъ случаѣ изучается лишь постольку, поскольку она обусловливается однимъ только количествомъ повтореній, независимо отъ какихъ бы то ни было другихъ факторовъ....; но вѣдь надо еще доказать, что такая независимость возможна, что она существуетъ, что психологія даетъ намъ право разрывать живую ткань душевныхъ явленій». Все это возраженіе всецѣло направлено противъ того мѣста моей книги, гдѣ излагаются опыты Эббингауза («Das Gedächtnis») и Мюллера-Шумана («Experim. Beiträge zur Untersuchung des Gedächtnisses»). У этихъ авторовъ г. Айхенвальдъ и можетъ найти разъясненіе своихъ недоумѣній.

9) Г. Айхенвальдъ пишетъ: «изслѣдованіе Вагнера не имѣетъ прямого отношенія къ вопросу о связи между напряженностью работы и методами преподаванія. Вагнеръ разсматриваетъ, по словамъ самого г. Нечаева, «утомляемость учащихся, насколько она вызывается предметами обученія». Предметъ и методъ не одно и то же. Точно также и Эрнъ съ его таблицей уясняютъ «взаимное отношеніе упражненія и усталости у разныхъ лицъ при различнаго рода умственной работѣ»; между тѣмъ г. Нечаевъ

¹⁾ Курсивъ мой.

ссылается на нихъ для иллюстраціи своей мысли, что «различіе пріемовъ одной и той же работы можетъ имѣть вліяніе на степень ея утомительности для разныхъ лицъ». Различнаго рода умственная работа и разные пріемы одной и той же работы—это далеко не то же самое».

Это возраженіе объясняется тѣмъ, что г. Айхенвальдъ въ одномъ случаѣ не дочиталъ, а въ другомъ — не прочиталъ. О работѣ Вагнера у меня говорится, что онъ, «изслѣдуя утомляемость учащихся, насколько она вызывается различными предметами обученія (эти слова г. Айхенвальдъ цитируетъ), также подмѣтилъ, что личность учителя гораздо больше вліяетъ на величину утомленія, чѣмъ учебный предметъ» (этихъ словъ г. Айхенвальдъ не цитируетъ). Конечно, предметъ и методъ не одно и то же, но «личность учителя» обыкновенно сильно отражается на методѣ его преподаванія. Что касается работы Эрна, то въ ней, какъ видно изъ таблицы LXI (стр. 92 моей книги) изслѣдуется не только вопросъ о взаимномъ отношеніи упражненія и усталости у разныхъ лицъ при различнаго рода умственной работѣ (заучиваніе чиселъ, письмо, чтеніе, сложеніе, счетъ буквъ), но и вопросъ о вліяніи различія пріемовъ одной и той же работы на степень ея утомительности для разныхъ лицъ (счетъ буквъ по одной и по три).

10) Замѣчаніе г. Айхенвальда по поводу моихъ самонаблюденій («читать газеты и романы послѣ безсонной ночи еще можно, но предаваться активнымъ производительнымъ научнымъ занятіямъ,—въ этомъ позволительно усомниться») я назвалъ явнымъ недоразумѣніемъ и посоветовалъ моему критику лучше вчитаться въ цитируемую имъ страницу. Г. Айхенвальдъ теперь все-таки настаиваетъ на своемъ замѣчаніи, заявляя, что не видитъ никакого недоразумѣнія. Поэтому я долженъ привести выписку изъ своей книги: «Разбирая только отдѣльные дни, можно даже придти къ мысли, что количество сна предшествующей ночи не оказываетъ совсѣмъ никакого вліянія на количество умственной работы въ слѣдующій день... Однако, если брать во вниманіе не отдѣльные дни, а цѣлый рабочий періодъ, то дѣло значительно уясняется. Аналогія между измѣненіями въ количествѣ сна и напряженной умственной работой становится очевидной. Вмѣстѣ съ тѣми выясняется, насколько легко при поверхностномъ изслѣдованіи проглядѣть эту аналогію» (стр. 72). Г. Айхенвальдъ не

обратилъ вниманія на самое главное въ моемъ разсужденіи—на указаніе того метода, который слѣдуетъ примѣнять при данномъ изслѣдованіи. Я указывалъ, что при поверхностномъ отношеніи къ фактамъ (при наблюденіи отдѣльныхъ дней) можно придти къ совершенно ошибочнымъ заключеніямъ, которыя не подтверждаются данными болѣе глубокаго анализа. Г. Айхенвальдъ остановился только на первой половинѣ моего разсужденія и началъ возражать противъ такихъ положеній, которыя я самъ выставляю какъ результатъ «поверхностныхъ изслѣдованій».

11) Желая доказать, будто мои самонаблюденія по вопросу о нормѣ умственной работы ничего не говорятъ о качествѣ моего умственнаго труда, г. Айхенвальдъ замѣчаетъ: «прослѣдить по часамъ, сколько времени я читалъ книгу, и *механически отмѣтить, какова она свойства*,—это еще совсѣмъ не значитъ опредѣлить внутреннее качество моей работы; а вѣдь въ немъ все дѣло. Авторъ правъ, что «взглядываніе на часы» не можетъ существенно вліять на количество и качество работы,—но ему бы надо было прибавить, что оно не можетъ и опредѣлить послѣдняго». Читая эти строки, можно подумать, что всѣ мои «самонаблюденія» состояли только въ чисто внѣшней регистраціи того, сколько времени я читалъ ту или другую книгу, безъ обращенія вниманія на самый характеръ совершавшейся при этомъ умственной работы. Но дѣло въ томъ, что, гоняясь за эффектной фразой, г. Айхенвальдъ не шадитъ истины. Въ своей книгѣ (стр. 64—66) я опредѣленно говорю, что чисто внѣшняя регистрація совсѣмъ не годится для рѣшенія вопроса о нормѣ умственной работы и что моя цѣль заключалась именно въ томъ, чтобы намѣтить путь къ изслѣдованію даннаго вопроса путемъ возможно точныхъ *самонаблюденій*. При этомъ я опредѣленно указываю, что, отмѣчая свою умственную работу то какъ трудную, то какъ легкую, я руководствовался большимъ или меньшимъ *напряженіемъ вниманія* (стр. 68), т.-е. бралъ исходнымъ пунктомъ своей классификаціи *чисто-психологическій признакъ*. И если оказалось, что большаго напряженія вниманія отъ меня требовали научныя книги, и меньшаго—чтеніе беллетристики, то это, конечно, еще не значитъ, что, опредѣляя легкость своей умственной работы, я руководился исключительно названіями книгъ, а не тѣмъ напряженіемъ, которое вызывалось во мнѣ ихъ чтеніемъ. Стремленіе къ эффектной фразѣ не толь-

ко помѣшало г. Айхенвальду правильно понять мою книгу, но даже позволило ему утверждать, будто я нахожу, что «при изслѣдованіи количества и качества работы можно ставить на одинъ уровень научныя занятія и чтеніе газетъ и романовъ». Никогда я не говорилъ и даже не думалъ подобнаго вздора. Въ своемъ первомъ отвѣтѣ я только указывалъ г. Айхенвальду, что при своихъ самонаблюденіяхъ я не задавался невыполнимыми задачами («вогнать въ диаграмму тѣ тонкія движенія и волненія души», которыми могутъ отличаться другъ отъ друга разные виды «легкой» и «напряженной» работы) и удовольствовался различеніемъ только двухъ основныхъ родовъ умственнаго труда—напряженнаго и легкаго.

На этомъ я кончаю свои возраженія г. Айхенвальду. Надѣюсь, что наши точки зрѣнія достаточно выяснились.

А. Нечаевъ.

Московское Психологическое Общество.

CLXLVII. Протоколъ закрытаго (съ гостями) засѣданія 8-го декабря 1901 г.

Засѣданіе было открыто въ 8 час. 20 мин. вечера въ залѣ Правленія университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи почетнаго члена В. И. Герье и дѣйствительныхъ членовъ: Ю. И. Айхенвальда, Ю. П. Бартенева, А. Н. Бернштейна, Н. В. Бугаева, К. М. Быковского, Д. В. Викторова, Н. Д. Виноградова, П. И. Новгородцева, И. Ф. Огнева, Н. П. Пустовскаго, Г. А. Рачинскаго, Э. А. Савей-Могилевича, В. П. Сербскаго, П. Э. Соколовскаго, М. С. Соловьева, кн. С. Н. Трубецкого и членовъ-соревнователей А. А. Андреевой, Э. Д. Селивачева и гостей по запискамъ членовъ.

Въ засѣданіи происходило, между прочимъ, слѣдующее:

1. Сторонній посѣтитель Д. С. Мережковскій прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ «Русская культура и религія».

2. Послѣ перерыва засѣданія на 20 минутъ, происходили пренія по поводу выслушаннаго реферата, въ которыхъ принимали участіе Н. В. Бугаевъ, В. И. Герье, кн. С. Н. Трубецкой, Г. А. Рачинскій и сторонній посѣтитель С. Э. Шараповъ.

3. Предложены къ избранію въ дѣйствительные члены Общества Л. М. Лопатинъ, кн. С. Н. Трубецкимъ, Г. А. Рачинскимъ и В. И. Герье слѣдующія лица: профессоръ К. Я. Гротъ, секретарь редакціи «Вопр. Ф. и П.» Н. П. Корелина, профессоръ В. И. Вернадскій и профессоръ московской консерваторіи А. Н. Скрябинъ.

Засѣданіе закрыто въ 12 час. ночи.

CLXLVIII. Протоколъ закрытаго (съ гостями) засѣданія 22-го декабря 1901 г.

Засѣданіе было открыто въ 8 час. 30 мин. вечера въ Библиотечномъ залѣ университета подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи гг. почетныхъ членовъ В. И. Герье и А. Θ. Кони, гг. дѣйствительныхъ членовъ: Н. А. Абрикосова, Ю. И. Айхенвальдъ, К. А. Андреева, Н. Н. Баженова, Ц. П. Балталона, А. П. Басистова, А. Н. Бернштейна, Н. В. Бугаева, К. М. Быковского, Д. В. Викторова, Н. Д. Виноградова, В. Е. Гиацинтова, В. А. Гольцева, Н. В. Давыдова, Ф. Ланна, И. Ф. Огнева, Г. А. Рачинскаго, Г. И. Россолимо, Θ. Е. Рыбакова, Θ. А. Савей-Могилевича, М. С. Соловьева, С. А. Суханова, кн. С. Н. Трубецкого, кн. Д. Н. Цертелева и членовъ-соревнователей Θ. Д. Селивачева и С. Г. Шахъ-Назарова и гостей по запискамъ членовъ.

Въ засѣданіи происходило, между прочимъ, слѣдующее: . .

1. Поч. чл. Общества *А. Θ. Кони* прочелъ сообщеніе подъ заглавіемъ: «Этическія начала въ уголовномъ процессѣ». Сообщеніе, продолжавшееся съ перерывомъ отъ 8 ч. 40 м. до 10 ч., вызвало по окончаніи продолжительныя рукоплесканія со стороны членовъ Общества и публики.

2. Д. ч. *В. А. Гольцевъ*, выразивъ въ общемъ согласіе съ мыслями, высказанными референтомъ, сдѣлалъ возраженіе относительно нѣкоторыхъ пунктовъ сообщенія.

3. Предсѣдатель Общества Л. М. Лопатинъ выразилъ А. Θ. Кони благодарность Общества за интересное сообщеніе.

Слова Л. М. Лопатина были покрыты рукоплесканіями членовъ общества и публики.

4. Произведена баллотировка лицъ, предложенныхъ въ предыдущемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Общества. При этомъ оказались избранными: *К. Я. Гротъ*, *Н. П. Корелина* и *В. И. Вернадскій* единогласно 15-ю баллотировавшими, *А. Н. Скрябинъ* 13 голосами противъ 3-хъ.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 30 м.

Подписка на 1902 годъ.

ПЧЕЛОВОДНЫЙ МУЗЕЙ,

иллюстрированный журналъ по пчеловодству,
выходитъ въ Ставрополь-Кавказскомъ подъ редакцію

Г. В. Парадіева

не менѣе 8 разъ въ годъ

книжками въ объемъ до 2¹/₂ печати. лист. съ иллюстраціями и приложеніями.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Къ естественной исторіи пчелы. — Медоносныя растенія. — Враги и болѣзни пчелъ. — Ульи, павильоны, омшаники. — Пасѣчная утварь. — Медъ и воскъ. — Биографическіе очерки. — Образцовыя пасѣчныя хозяйства. — Фельетонъ. — Словарь пчеловодства. — Библиографія. — Разныя извѣстія. — Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

ВЪ ГОДЪ ДВА РУБЛЯ СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ.

Подписку адресовать:

„Ставрополь-Кавказскій, Георгію Васильевичу Парадіеву“.
Для ознакомленія высылается бесплатно одинъ изъ вышедшихъ
номеровъ журнала по первому требованію.

Редакторъ-издатель Г. В. Парадіевъ.

Объявленіе о продолженіи изданія журнала

ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ ВЪ 1902 Г.

(Годъ изданія сорокъ третій).

Журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1902 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ дух. Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ и по содержанию общедоступнымъ большинству читателей, а также переводы твореній блж. Иеронима и блж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „Библиотечка твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“. Къ январю 1902 г. выходитъ 16-я ч. твор. блж. Иеронима.

Указомъ Св. Синода отъ 8/29 февр. 1884 г. подписка на „Труды“ и „Библиот. твор. св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“ рекомендована для духовн. семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей. Журналъ выходитъ ежемѣсячно—книгами отъ 10—15 листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб., а за границу 8 руб.

Съ требованіями относительно книгъ журнала редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней по слѣдующему адресу: въ редакціи журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“ въ гор. Кіевѣ (Ильинская, д. № 5).

Редакторъ проф. В. 6. Пѣнцигій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ (2-й г. изданія)

„САМОПОМОЩЬ“

популярный журналъ для семьи

гигиенической, сельскохозяйственной, технической и педагогической

12 №№ журнала въ годъ и 48 приложений библиотеки „САМОПОМОЩИ“.

Подписная цѣна со всеми приложениями 4 руб. въ годъ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Николаевская, № 37.

„Помогай себѣ самъ!“ вотъ девизъ нашего времени и идея самопомощи все болѣе входятъ въ сознание людей. Журналъ „Самопомощь“ посвящается этой идее. Это первый русскій популярный журналъ, съ столь широкой программой, могущей удовлетворить каждаго. Провинциальная интеллигенція, люди труда, мысли и практическаго дѣла, чиновники, помѣщики, военные, священники, учителя, ремесленники, сельскіе хозяева, наконецъ, родители и воспитатели—найдутъ въ журналѣ „Самопомощь“ и его многочисленныхъ приложенийъ, въ ясной и общедоступной формѣ, много полезныхъ для себя указаній, совѣтовъ и наставленій, въ области медицины и гигиены, сельскаго хозяйства и домохозяйства, техники и ремеселъ, воспитанія и обученія и пр.

Въ 1902 г. подписчики получатъ слѣдующія приложения:

Медицина и гигиена. 1) Малокровіе. 2) Гигиена старости. 3) Сонъ и бессонница. 4) Катарръ желудка. 5) Нервность нашего времени. 6) Тучность или ожирѣніе. 7) Гигиена слаборукихъ. 8) Домашняя косметика. 9) Лѣченіе худобы. 10) Гигиена волосъ. 11) Геморой и привычные запоры. 12) Домашняя аптека. Техника и ремесла. 1) Пишущія машины. 2) Автомобили. 3) Уходъ за велосипедомъ. 4) Волшебный фонарь. 5) Столяръ-любитель. 6) Ацетиленовое освѣщеніе. 7) Двигатели малой силы. 8) Электричество въ домашнемъ быту. 9) Рецепты по фотографіи. 10) Граммофоны. 11) Технические рецепты дома. 12) Мелкія производства. Сельское хозяйство и домоводство. 1) Системы полеводства. 2) Уходъ за плодовымъ садомъ. 3) Малина и ея разведеніе. 4) Замѣтки по пчеловодству. 5) Молочное хозяйство. 6) Искусственные удобрения. 7) Посадка деревьевъ. 8) Устройство двѣтниковъ. 9) Земледѣльческія орудія. 10) Деревенскія постройки. 11) Обработка почвы. 12) Уходъ за лугами. Воспитаніе и педагогія. 1) Переутомленіе дѣтей. 2) Семейное воспитаніе. 3) Учебные столы и скамейки. 4) Дурныя привычки дѣтей. 5) Дѣтскія игры. 6) Мать и дитя. 7) Городъ и деревня для дѣтей. 8) Награды и наказанія въ воспитаніи. 9) Капризные дѣти. 10) Школьная гигиена. 11) Вліяніе наследственности. 12) Нормальная дѣтская.

Премія для подписчиковъ. Подписчики, подписавшіеся до 1-го января 1902 года получатъ въ видъ преміи журналъ „Самопомощь“ со всеми приложениями въ теченіе октября, ноября и декабря текущаго года бесплатно, а всего получатъ 15 №№ и 60 приложенийъ.

Подписчики по желанію могутъ подписаться наложеннымъ платежемъ, о чемъ заявляютъ редакціи простымъ, даже открытымъ письмомъ. Первый № журнала имъ высылается немедленно, съ наложеніемъ платежа 4 р. 25 к. (25 к. почтовые расходы), а остальные №№ по полученіи денегъ, высылаются обыкновеннымъ порядкомъ. № журнала для ознакомленія высылается съ 4 очередными приложениями за 50 коп. деньгами или марками.

Подробная программа бесплатно.

Открыта подписка на 1902 годъ
на еженедѣльную политическую, общественную и литературную газету

ОТГОЛОСКИ

(годъ изданія 7-й),

цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 3 р.,

и ежемѣсячный литературно-научный журналъ

ЛИТЕРАТУРНОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

(годъ изданія 8-й),

цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 3 р.

Адресъ редакціи обоихъ изданій: С.-Петербургъ, 6-я Рождественская, 10.

Лица, подписывающіяся на оба изданія, платятъ за годъ съ доставкой и пересылкой 5 руб., на 8 мѣс.—4 руб., на 6 мѣс.—3 руб., на 4 мѣс.—2 руб:

Въ программу газеты „Отголоски“ входятъ все обычные отдѣлы политическихъ, общественныхъ и литературныхъ газетъ, а именно руководящія статьи всякаго рода, фельетонъ, романы, рассказы и очерки, обзоръ мнѣній и отзывы печати, внутреннее и иностранное обозрѣніе, хроника русской и заграничной жизни, обзоръ открытій и изобрѣтеній, театръ и музыка, справочныя свѣдѣнія: торговая, биржевая и пр. Отвѣты редакціи. Объявленія.

„Литературное Обозрѣніе“ заключаетъ въ себѣ обзоръ всехъ выдающихся и наиболее интересныхъ новинокъ русской литературы въ области беллетристики и науки, важнѣйшихъ журнальныхъ статей и лучшихъ изъ вновь выходящихъ книгъ. Задача изданія—помощь читающей публикѣ разобраться въ массѣ печатнаго матеріала, появляющагося на книжномъ рынкѣ и въ періодической печати. Тѣмъ изъ читателей, которые не имѣютъ времени или возможности слѣдить за новыми журналами и книгами, подробное изложеніе содержанія новыхъ произведеній литературы съ приведеніемъ наиболее характерныхъ отрывковъ изъ нихъ можетъ до известной степени замѣнить непосредственное съ ними знакомство. Въ этихъ видахъ приложены особая забота о томъ, чтобы №№ изданія доставляли возможно болѣе интереснаго для чтенія матеріала. Въ журналѣ помѣщаются и произведенія беллетристики русской и иностранной, романы, рассказы, очерки и проч., а также литературно-критическія и научныя статьи по всемъ отраслямъ знаній, преимущественно по вопросамъ, выдвигаемымъ въ русской литературѣ. О книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, даются отзывы въ отдѣлѣ „Библиографія“.

Редакторъ-издатель И. В. Скворцовъ.

Тридцатый годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ

30-й г. изд.

на иллюстрированные журналы

30-й г. изд.

„ПРИРОДА и ОХОТА“ и „ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА“.

Журналы „Природа и Охота“ и „Охотничья Газета“ циркулярно Главнаго штаба Военнаго Министерства рекомендованы по войскамъ. Ученнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ одобренъ для фундаментальныхъ библиотекъ.

Подписчики получаютъ 12 книгъ „Природы и Охоты“ (выходить ежемѣсячно) и 50 №№ „Охотничьей Газеты“.

Оба журнала иллюстрируются рисунками русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Премія: „Звѣри Россіи“—

обширный трудъ въ нѣсколько томовъ, со множествомъ иллюстрацій въ текстѣ профессора звѣрописи А. С. Степанова и художника Высотскаго и

съ „Альбомомъ звѣрей Россіи и охотъ на нихъ“,

будутъ выходить при книгахъ журнала „Природа и Охота“ до окончанія всего труда.

ПРЕМІЯ 1902 года:

Охотничій календарь Л. П. Сабанѣва.

Полная справочная книга для ружейныхъ и псовыхъ охотниковъ. Дополненное и исправленное 4-е изданіе съ 500 рисунками въ текстѣ, до 800 стр. большого формата. Съ приложеніемъ къ книгѣ лѣчебника собакъ, описанія всѣхъ породъ собакъ, дрессировки, натаски и проч. и законовъ объ охотѣ.

Въ журналахъ печатаются: Разказы, повѣсти, очерки изъ охотничьей жизни.—Путешествія зоологовъ и охотниковъ.—Руководяція статьи.—Описание способовъ охоты псовой и ружейной, рыболовства и ужения, системъ и выбора ружей и ружейныхъ принадлежностей, сортовъ пороха, дробы и проч., породъ собакъ—борзыхъ, гончихъ, легавыхъ, воспитанія ихъ, дрессировки, натаски и лѣченія.—Отчеты о садкахъ на рѣзвость и злобу, о состязаніяхъ въ стрѣльбѣ.—Отчеты о дѣятельности охотничьихъ обществъ.—Статьи съ описаніемъ обзора жизни и мѣсоонохожденія звѣрей, птицъ и рыбъ, способовъ разведенія и сохраненія полезныхъ, истребленія вредныхъ.—Корреспонденціи изъ всѣхъ мѣстностей Имперіи.—Ветеринарный отдѣлъ.—Юридическій отдѣлъ.—Новости текущей охотничьей жизни у насъ и за границей.—Библиографическія замѣтки.—Обзоръ иностранной литературы.—Вопросы охотниковъ и отвѣты.

Подписная цѣна: на годъ съ перес. и доставк. 15 руб., на полгода—7 руб. 50 коп., за границу 20 руб. Разсрочка по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Москва, Пречистенка, д. Станицкой.

Редакторъ-издатель Н. В. Туркинъ.

Принимается подписка на 1902 годъ
на ежемѣсячный, иллюстрированный, литературный и научно-популярный

„ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ“.

Подписная цѣна 1 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой.

Въ №№ журнала за 1901 г. были помѣщены между прочимъ рассказы: Леонид Андреева, „Кусака“, „Случай“. К. Баранцевича, „Интрига“. Ив. Бункина, „Руда“. В. Вересаева, „Къ спѣху“. Мазонка Горькаго, „Пѣсня о слѣпыхъ“, В. І. Дмитріевой, „Безъ Бога живого“. Ивановича, „Не понравилось“. Серафимовича, „Подъ уклонъ“. Така, „На ходу“. Н. Тимковскаго, „Двѣ семьи“, „Травля“, „Ржавчина“. Евг. Чарикова, „Кашитудия“. Стихотворенія: К. Вальмонта, А. Боане, О. Боголюбовой, Ив. Бункина, П. Гайдебурова, Галиной, А. М. Федорова, К. Ффанова и др.; статьи профессоровъ: Н. А. Каблукова, „Какъ начались торговныя сношенія“. Ал. Кизеветтера, „XIX в. въ исторіи Россіи“. В. О. Ключевскаго, „Петръ Великій среди своихъ сотрудниковъ“. В. М. Шикевича, „Изъ области биологіи“. О. Д. Хвольсона, „Бесѣды по вопросамъ физики“. Статья Гр. Н. Потанина, „Община—область“. Политическая хроника, Взглядъ. Внутреннее обозрѣніе, Вл. К.—ра. Снимки съ картинъ, портреты, карты, рисунки къ тексту.

Въ 1902 году будутъ между прочимъ помѣщены рассказы: Л. Н. Андреева, „Старый студентъ“. В. Вересаева, „Тревога“, „Случай“. С. И. Гусева-Сренбургскаго, „Мужъ совѣта“. Н. Н. Златовратскаго, „Сироты 305 версты“. Д. Н. Макина, „Ранній батюшка“. П. Е. Накрохина, „Контрасты“. И. Ф. Нахичина, „Безъ хлѣба“. М. В. Релицкаго, „Ошибка“. А. Серафимовича, „Степные люди“. Н. Д. Телешова, „Лишній ротъ“. Н. И. Тимковскаго, „Звѣзды“. А. П. Чехова, „Архидіея“. Е. Н. Чарикова, „Родители“. Статьи: С. Ан—скаго, „Культурное движеніе на почвѣ высшешкольного образования во Франціи“. Проф. И. И. Иванова, А. Н. Островскій. А. А. Кизеветтера, „Взгляды старой и новой Россіи на общественное положеніе женщины. А. Ф. Коки, С. И. Зарудный. С. Н. Котлярскаго, „Новая Италія“. Проф. М. А. Мензбара, „Что такое Дарвинизмъ и какъ онъ поголовлялся“. Проф. П. Н. Миллюкова, „Средневѣковій уголокъ въ современной Европѣ“. С. А. Порѣцкаго, „Почему цвѣты растений бывають разнаго цвѣта. Ф. А. Щербини, „Киргизы“ и др.

Контора и редакція—С.-Петербургъ, Спасская, 26.

Издатель В. С. Миролюбовъ.

Редакторъ П. В. Голяховскій.

Годъ III. Открыта подписка на 1902 годъ 3 РУБЛЯ.

на научно-спеціальный и бытовой журналъ

ВѢСТНИКЪ ГОМЕОПАТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ,

издаваемый въ г. Харьковѣ подъ редакціей д-ра Е. Дюкова.

Журналъ имѣеть задачи, во 1-хъ, разработку вопросовъ, касающихся теоріи и практики гомеопатическаго лѣченія и общественно-бытовой стороны дѣла гомеопатіи въ Россіи и за границей; во 2-хъ, устраненіе предубѣжденія и выясненіе недоразумѣній, существующихъ относительно гомеопатіи и раздѣляющихъ врачей на два враждебныхъ лагеря—аллопатовъ и гомеопатовъ. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книжками отъ 2-хъ печат. лист. Цѣна ТРИ руб. съ пересылкой, на 1/2 года 1 р. 50 к. Допускается разсрочка по соглашенію. Подписка принимается въ редакціи: Харьковъ, Екатеринбургская, 26.

Открыта подписка на 1902 годъ
на ежемѣсячный художественно-иллюстрированный журналъ
„ОХОТНИЧЬЕ ДѢЛО“.

Подписная цѣна на годъ 2 руб. съ пересылкой.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ два листа большого формата. Роскошныя иллюстраціи, помѣщаемыя въ журналъ, знакомятъ съ лучшими художественными произведеніями русскихъ и иностранныхъ художниковъ, съ выдающимися по красотѣ экстерьера собаками и проч. При редакціи образована испытательная коммиссія по охотничьему оружію для пристрѣлки ружей, пробы пороховъ, пыжей, дрови, пуль и проч. Результаты пристрѣлокъ, пробъ и научныхъ изслѣдованій публикуются въ журналъ. Подписчики пользуются совѣтами коммиссіи по охотничьему оружію. Безвозмездный выборъ ружей производится подписчикамъ также однимъ изъ членовъ испытательной коммиссіи.

Подписка принимается въ Москвѣ (Пречистенка, д. Станицкой), въ редакціи „Охотничье Дѣло“. Подписная цѣна на годъ съ перес. и дост. 2 рубля.

Подписка на 1902 годъ на журналъ
„ДѢЯТЕЛЬ“.

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Программа журнала слѣдующая:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигиеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія. 3) Повѣсти, рассказы, стихотворенія и другія статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія. 4) Письма изъ провинціи. 5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни. 6) Изъ жизни и печати. 7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учрежденій. 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и другихъ странахъ. 9) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ трезвости въ Россіи и за границей. 10) Протоколы Казанск. Общ. трезвости. 11) Критика и библиографія. 12) Объявленія.

Подписная цѣна, только за полный годъ, 2 рубля.

Журналъ за 1897 годъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пров. въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни. Выписывающіе за 1897, 1898, 1899, 1900 годы платятъ 8 рублей.

Редакторъ-издатель А. Соловьевъ.

Открыта подписка на 1902 годъ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

„Прикаспійскую торгово-промышлен. газету“.

Подписная плата:

въ Астрахани: на годъ 4 р., на полгода 2 р. 75 к., на 3 мѣсяца 1 р. 75 к., на 1 мѣсяць 75 к.; въ другіе города и села: на годъ 4 руб. 50 к., на полгода 3 руб., на 3 мѣсяца 2 руб., на 1 мѣсяць 85 коп.

Годовые подписчики получаютъ газету въ ноябрѣ и декабрѣ **БЕЗПЛАТНО.**

Объ изданія съ 1-го января 1902 года новой ежедневной газеты

„РУССКІЙ ГОЛОСЪ“

политической, общественной, ученой, литературной и экономической, съ обширною программю и безъ предварительной цензуры.

„Русскій Голосъ“, подъ редакцію К. В. Трубникова, будетъ выходить въ Петербургѣ одновременно въ двухъ изданіяхъ: 1) въ большемъ объемѣ (14 р.) съ особыми вечерними прибавленіями, съ рис. въ текстѣ и безпл. иллюстрир. прилож., и 2) въ маломъ объемѣ (4 руб.), съ рис. въ текстѣ и съ воскресными иллюстрированными выпусками.

Программа газеты „Русскій Голосъ“:

I. Руководяшія статьи по разнымъ вопросамъ. II. Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ въ Россіи и за границею, равно изъ разныхъ телеграфныхъ агентствъ. III. Статьи и извѣстія по вопросамъ внутренней и международной политики, а также статьи научнаго и практическаго содержания по разнымъ отраслямъ. IV. Обзорніе движенія русскаго и иностраннаго законодательства и государственнаго управления. V. Церковный отдѣлъ, духовная литература. VI. Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей. VII. Статьи и извѣстія по разнымъ отраслямъ финансовой и экономической дѣятельности въ Россіи и за границей. VIII. Обзорніе событий государственной и общественной жизни. Хроника и извѣстія. Некрологи. IX. Областные обзорнія и корреспонденціи изъ Россіи и другихъ государствъ. Отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ русскіхъ и заграничныхъ. X. Обзоръ текущей журналистики и замѣчательныхъ явленій литературы русскаго и иностранной. Критическія статьи о вновь появившихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ. XI. Статьи и извѣстія по вопросамъ искусства; новости театра и музыки. XII. Изящная словесность—повѣсти, романы, рассказы, сцены, стихотворенія, мемуары и путешествія. XIII. Судебная хроника русская и иностранная; судебныя рѣшенія и ихъ обсужденіе. XIV. Статьи и извѣстія о движеніи повсемѣстно въ Россіи и за границей промышленности, сельскаго хозяйства, торговли, горнаго дѣла и торговаго мореходства. XV. Статьи и извѣстія о дѣйствіяхъ русскіхъ и иностранныхъ акціонерныхъ компаній и разныхъ видовъ товариществъ. XVI. Биржевыя извѣстія внутреннія и заграничныя ярмарки; урожаи. XVII. Рисунки историческіе и бытовые, соответствующіе содержанию статей. Портреты замѣчательныхъ дѣятелей. XVIII. Спортъ. XIX. Справочный отдѣлъ. XX. Казенныя и частныя объявленія.

Словія подписки на 1902 годъ на ежедневную газету „РУССКІЙ ГОЛОСЪ“.

Подписан цѣна на первое (большое) изданіе газеты „Русскій Голосъ“ съ вечерними прибавленіями и иллюстрированными приложеніями:

	На годъ.		11 м.		10 м.		9 м.		8 м.		7 м.	
	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.
Безъ доставки	14	—	13	—	12	—	10	50	9	80	9	—
Съ доставкой по город. почтѣ	16	—	15	—	13	50	12	—	11	—	10	—
Съ пересылкой иногороднимъ	17	—	15	50	14	50	13	50	12	50	11	30
За границу	26	—	24	50	23	—	21	—	18	50	16	—
	На 6 м.		5 м.		4 м.		3 м.		2 м.		1 м.	
	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.
Безъ доставки	8	—	6	80	5	50	4	—	2	80	1	50
Съ доставкой по город. почтѣ	9	—	7	50	5	80	4	50	3	30	1	80
Съ пересылкой иногороднимъ	10	—	8	50	7	—	5	50	4	—	2	—
За границу	14	—	12	—	10	—	8	—	6	—	3	—

Разсрочка платежа годовой подписной цѣны перваго (большого) изданія допускается для служащихъ по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ, а для другихъ лицъ—по соглашенію съ конторою. Взносы по разсрочкѣ производятся: гг. иногородними подписчиками: при подпискѣ 7 руб., въ концѣ марта 7 руб. и въ началѣ августа 3 руб.; городскими: при подпискѣ 5 р. 50 к., въ концѣ марта 5 р. 50 к. и въ концѣ іюня 5 руб.; безъ доставки—при подпискѣ 5 руб., въ концѣ марта 5 руб. и въ началѣ іюля 4 руб.

Подписная цѣна на второе (малое) изданіе газеты „Русскій Голосъ“ съ воскресными иллюстрированными выпусками,—съ доставкою на домъ или пересылкой иногороднимъ: на годъ 4 руб., на полгода 2 руб., на 3 мѣсяца 1 р. За границу: на годъ 8 руб., на полгода 5 р., на 3 мѣсяца 2 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ газеты „Русскій Голосъ“, Фонтанка, 54; а также въ книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Н. П. Карбасникова, Литейный, 46, Мелье и К^о, Невскій проспектъ, 20, Товарищества М. О. Вольфъ, Невскій, Гостинный дворъ, М. В. Попова, Невскій проспектъ, 66; а также въ Москвѣ въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова, Моховая, д. Баженова, и Товарищества М. О. Вольфъ, Кузнецкій мостъ, 12; въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова въ Варшавѣ, Новый Свѣтъ, 69 и въ Вильнѣ, Большая ул., д. Гордона.

Издатель и редакторъ газеты „Русскій Голосъ“
Константинъ Васильевичъ ТРУБНИКОВЪ.

ВѢСТНИКЪ ОПЫТНОЙ ФИЗИКИ

И

ЭЛЕМЕНТАРНОЙ МАТЕМАТИКИ.

Выходитъ 24 раза въ годъ отдѣльными выпусками, не менѣе 24 стр. каждый, подъ редакціей профессора В. А. Циммермана и приватъ-доцента В. Ф. Когана.

Программа журнала: Оригинальныя и переводныя статьи изъ области физики и элементарной математики. Статьи, посвященныя вопросамъ преподаванія математики и физики. Научная хроника. Разныя извѣстія. Математическія мелочи. Задачи для рѣшенія. Рѣшенія предложенныхъ задачъ съ фамиліями рѣшившихъ. Упражненія для учениковъ. Задачи, предложенныя на испытаніяхъ зрѣлости. Библиографическій отдѣлъ: обзоръ иностранныхъ журналовъ; замѣтки и рецензіи о новыхъ книгахъ. Объявленія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подписная цѣна съ пересылкой за годъ 6 руб., за полугодіе 3 руб. Учителя и учительницы низшихъ училищъ и всѣ учащіеся при непосредственныхъ сношеніяхъ съ конторой редакціи платятъ за годъ 4 руб., за полугодіе 2 руб. Допускается разсрочка подписной платы по соглашенію съ конторой редакціи. Книгопродавцамъ 5% уступки.

Отдѣльные номера текущаго семестра по 30 к., прошлыхъ семестровъ по 25 к.

Журналъ за прошлые годы по 2 р. 50 к., а учащимся и книгопродавцамъ по 2 р. за семестръ. Семестры XVI и XXIII распроданы.

Пробный номеръ высылается по первому требованію.

Адресъ для корреспонденцій: Одесса. Въ редакцію „Вѣстника Опытной Физики“.

Городской адресъ: Нѣжинская, 47.

Редакторъ В. А. Циммерманъ.

Издатель В. А. Гернетъ.

Принимается подписка на
 1902 г. „ЖУРНАЛЪ Годъ II.
 Невропатологіи и Психіатріи
 имени С. С. Корсакова“,

издаваемый Обществомъ Невропатологовъ и Психіатровъ
 при Московскомъ университетѣ.

Журналъ будетъ выходить книжками отъ 10—12 печатныхъ листовъ каж-
 дые 2 мѣсяца и, кромѣ оригинальныхъ статей по Невропатологіи, Психіатріи,
 Психологіи, Антропологіи, Медико-Педагогическимъ вопросамъ и Судебной Ме-
 дицинѣ, будетъ заключать въ себѣ систематическіе обзоры и рефераты, на
 которые редакция обратитъ особое вниманіе съ цѣлью дать читателю возможно
 полную картину современнаго состоянія Невропатологіи, Психіатріи и сопре-
 дѣльныхъ наукъ. Кромѣ того, въ журналѣ будетъ помѣщаться обширный би-
 блиографическій указатель какъ русской, такъ и иностранной литературы.

**Годовая цѣна съ пересылкою и доставкой десять руб-
 лей. За границу 12 рублей.**

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Дѣ-
 вичье поле, Клиника Нервныхъ Болѣзней.

Открыта подписка на новую газету
ЕЖЕДНЕВНИКЪ
 ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Духовная и умственная жизнь культурныхъ народовъ наиболѣе ярко и про-
 грессивно отражается въ литературѣ и искусствахъ. „Ежедневникъ“ ста-
 вить себѣ прямою задачею: слѣдить изо дня въ день, внимательно и убѣж-
 денно, за всѣми выдающимися проявленіями литературы, беллетристики, науки,
 театра, музыки, живописи, ваянія, зодчества и др. искусствъ, какъ въ Рос-
 сіи, такъ и за границей. Къ участию въ газетѣ приглашены извѣстные лите-
 раторы, критики и художники, списокъ которыхъ будетъ объявленъ своевременно.
 Завѣдываніе литературнымъ и театральнымъ отдѣлами принялъ на себя **К. Н.
 Льдовъ**. ♦ Подписка принимается въ конторахъ: редакціи (Слѣб., Б. Коню-
 шенная, 6—4) и типографіи „Балашевъ и Ко“ (Фонтанка, 95), а также во
 всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Цѣна съ дост. и перес.: на годъ—**8 руб.**, на 6
 мѣс.—**5 р.**, на 3 мѣс.—**3 р.** Подписавшіеся на 1902 г. получаютъ газету въ
 текущемъ году **бесплатно**. Первый номеръ выйдетъ 1-го декабря. Желаю-
 щіе ознакомились съ „Ежедневникомъ“ благоволятъ прислать свой адресъ;
 пробный номеръ будетъ высланъ имъ бесплатно.

Редакторъ-издатель Э. Н. Борманъ.

ТИФЛИССКІЙ ЛИСТОКЪ

(двадцать пятый годъ изданія),

ежедневная газета, съ будущаго года будетъ выходить въ увеличенномъ форматѣ (размѣра „Русск. Вѣд.“) по слѣдующей, утвержденной правительствомъ программѣ:

1) Приказы по военному и гражданскому управленіямъ Кавказа и Закавказья. 2) Статьи по внутреннимъ и крайнимъ вопросамъ. 3) Обзорніе иностранной политической жизни. 4) Научно-литературный отдѣлъ. 5) Общая хроника: внутренняя и иностранная. 6) Библиографія. 7) Мѣстный отдѣлъ: театр, музыка и корреспонденціи. 8) Справочный отдѣлъ и объявленія. ♦ Текстъ газеты будетъ иллюстрироваться. ♦ По понедѣльникамъ и послѣпраздничнымъ днямъ подписчикамъ будутъ разсылаться телеграммы.

Подписная цѣна остается безъ измѣненія, а именно: иногороднимъ: на годъ—7 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. ♦ Подписка принажается исключительно въ конторѣ изданія: Тифлисъ, Головинскій, № 3.

Принимается подписка на 1902 г. на ЮЖНО-РУССКУЮ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННУЮ

Г А З Е Т У,

еженедѣльное изданіе Харьковскаго Общества Сельскаго Хозяйства и Сельско-хозяйственной промышленности.

Программа газеты: 1) Правительственныя распоряженія. 2) Хроника. 3) Земскій отдѣлъ. 4) Внутреннія извѣстія. 5) Заграничныя извѣстія. 6) Научныя статьи. 7) Фельетонъ. 8) Среди газетъ и журналовъ. 9) Библиографія. 10) Разныя извѣстія. ♦ Пробный № высылается за семикопеечную марку. ♦ Подписная цѣна съ дост. и перес.: за годъ—4 р., за 1/2 года—2 р., 3 мѣс.—1 р., 1 мѣс.—50 к. ♦ Въ розничной продажѣ одинъ №—15 к. ♦ Объявленія за 1 строчку пята на 1 стр.—20 к., на послѣдней—10 к., при повтореніи уступа: за 3 раза—15%, 5 разъ—20%, 10 разъ—25%; далѣе по соглашенію.

Статьи, присылаемыя для напечатанія, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію. Нѣ принятые возвращаются, если на это приложены марки. Статьи безъ обозначенія условій считаются бесплатными.

Адресъ редакціи: г. Харьковъ, Петровскій пер., № 9.

Редакторъ А. Беникъ.

5-й г. изд.

Открыта подписка на 1902 г.

5-й г. изд.

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ подъ редакціей М. К. Лемме при новомъ составѣ сотрудниковъ. ♦ Новая редакція ставитъ своею задачею детальную разработку и наивозможно полное освѣщеніе вопросовъ, нуждъ и интересовъ мѣстнаго края при широкомъ въ то же время вниманіи къ современной русской и иностранной общественно-государственной жизни.

Подписная цѣна понижается и теперь на годъ для подписчиковъ г. Екатеринослава 8 руб., для иногороднихъ 10 руб.

Подробности 12 м. 11 м. 10 м. 9 м. 8 м. 7 м. 6 м. 5 м. 4 м. 3 м. 2 м. 1 м. подп. слѣд.:

Съ доставкой въ г. р. к. р. к. р. к. р. к. р. к. р. к. р. к. р. к. р. к. р. к. р. к. р. к. р. к. р. к. р. к.

Екатеринославъ. 8— 7 50 7— 6 50 6— 5 50 5— 4 25 3 25 2 50 1 75 1—

Съ пересылкой

иногороднимъ. . 10 — 9 50 9 — 8 25 7 50 6 75 6 — 5 25 4 50 3 50 2 40 1 25

За границей. . 23 — 21 — 19 — 17 — 15 — 13 50 12 — 10 50 9 — 7 — 4 50 2 50

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ШАХМАТНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

посвященный играмъ въ шахматы и шашки,
1902 года.

Изданія годъ пятый.

Сотрудники по шахматному отдѣлу (который будетъ занимать не менѣе $\frac{3}{4}$ каждаго №): С. З. Алаинъ, И. И. Александровъ, О. С. Берштейнъ, К. К. Бетингъ, Ф. И. Бреде, А. М. Бурмейстеръ, Я. Бутковский, А. К. Гавриловъ, А. Галагай, др. А. В. Галицкій, Г. А. Гельбакъ, Л. В. Геника, А. Гомолицкій, А. Ф. Гончаровъ, Л. Ш. Готтесманъ, Б. П. Григорьевъ, А. Грузинскій, О. Ф. Евецкій, Г. З., Н. А. Извольскій, Н. Д. Кашкинъ, М. И. Клемшнеръ, Н. Л., др. Э. Ласкеръ, А. А. Левинъ, А. П. Лукинъ, Н. И. Максимовъ, Э. С. Монтвидъ, В. И. Ненароковъ, К. В. Розенкранцъ, В. Е. Сердобинскій, А. П. Смиттенъ, А. В. Соловцовъ, А. М. Сушковъ, Э. Ф. Спроге, А. Н. Хардинъ, С. Н. Цемшъ, М. И. Чигоринъ, Э. С. Шифферсъ, А. И. Шошинъ, Д. М. Яновскій и др.

Сотрудники по шашечному отдѣлу (который будетъ занимать около $\frac{1}{4}$ каждаго №): Е. Ф. Андресенъ, А. Г. Зенченковъ, Ф. А. Кауленъ, Н. Н. Панкратовъ, Н. П. Смирновъ, А. В. Харьяновъ, А. И. и В. И. Шошины и др.

Годовыя подписчики получаютъ бесплатно приложеніе-альманахъ:

„ЧЕРНЫЙ КОРОЛЬ“

роскошное, богато-иллюстрированное изданіе, содержаніе котораго составятъ: шахматные и шашечные разсказы, стихотворенія, шутки, біографіи (съ портретами) лучшихъ игроковъ, собраніе шахматныхъ и шашечныхъ задачъ, блестящихъ партій и т. п.

Подписная цѣна (съ пересылкой и доставкой): за годъ—7 руб. (за границу 8 руб.), за полгода—4 руб., отдѣльная книжка—75 коп. Роскошное изданіе на веленовой бумагѣ—12 руб.

Допускается **разсрочка платежа**: 2 руб. при подпискѣ, 2 руб. къ 1 марта и 3 руб. къ 15 іюля. По соглашенію (личному или письменному) съ редакціей допускаются и **болѣе льготныя** условія разсрочки.

Адресъ редакціи: Москва, 1-я Мѣщанская, д. Морозовой.

Подробная программа и пробный № высылаются бесплатно.

Редакторъ-издатель П. П. Бобровъ.

Вышелъ въ свѣтъ Альманахъ „Шахматнаго Обзорѣнія“ за 1901 г.:

ШАХМАТНЫЕ ВЕЧЕРА.

Цѣна 2 руб.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Выписывающіе изъ редакціи „Шахматнаго Обзорѣнія“ (Москва, 1-я Мѣщанская, д. Морозовой) за пересылку не платятъ. Подробныя объявленія бесплатно.

Открыта подписка на 1902 г. на еженедѣльный, иллюстрированный, религіозно-нравственный

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

4 рубля за годъ
съ пересылкой.

КОРМЧІЙ

2 руб. 50 коп.
за полг. съ пер.

(пятнадцатый годъ изд.).

«КОРМЧІЙ» одобренъ и рекомендованъ разными вѣдомствами.

За **ЧЕТЫРЕ** рубля въ годъ „КОРМЧІЙ“ даетъ:

52 №№ журнала, украшеннаго рисунками, и Современнаго Обзорія.

52 №№ иллюстриров. листовъ по воскреснымъ житіямъ святыхъ.

24 книжки для народа, подъ общимъ заглавіемъ:

„Народная библіотека Кормчаго“.

Содержаніемъ книжекъ будутъ служить разные религіозно-нравственные рассказы.

При одновременной выпискѣ десяти экземпляровъ журнала за 1902 годъ одиннадцатый высылается бесплатно.

Адресъ редакціи: Москва, Б. Ордынка, д. Бажановой (кв. Протоіерей Скорбяч. ч.).

Редакторы: протоіерей { С. П. Ляпидевскій.
И. Н. Бухаревъ.

Изд. свящ. С. С. Ляпидевскій.

За прежніе года журналъ „КОРМЧІЙ“ продается по ТРИ РУБЛЯ съ перес.

Есть сброшюрованные экземпляры за 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900 гг. При выпискѣ журнала за всѣ восемь лѣтъ цѣна 20 рублей съ пересылкой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ПЕРМСКІЙ КРАЙ“.

Газета издается въ гор. Перми и выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ; въ эти послѣдніе дни подписчикамъ рассылаются телеграммы „Россійск. Телегр. Агентства“.

Собственные корреспонденты имѣются во всѣхъ городахъ и многихъ селахъ и заводахъ Пермской и Вятской губ., а также въ Петербургѣ, Москвѣ и губернскихъ городахъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На годъ 6 р., 11 мѣс.—5 р. 50 к., 10 мѣс.—5 р., 9 мѣс.—4 р. 50 к. 8 мѣс.—4 р., 7 мѣс.—3 р. 50 к., 6 мѣс.—3 р., 5 мѣс.—2 р. 50 к. 4 мѣс.—2 р., 3 мѣс.—1 р. 80 к., 2 мѣс.—1 р. 20 к., 1 мѣс.—60 к.

Допускается разсрочка на льготныхъ условіяхъ.

Подписываться можно на всѣ сроки, но не иначе, какъ съ 1-го числа наждаго мѣсяца. Учителямъ народныхъ училищъ и церк.-приход. школъ и законоучителямъ этихъ училищъ при годовой подпискѣ на газету предлагается скидка 20%, съ разсрочкой уплаты подписной суммы въ теченіе 5-ти мѣсяцевъ.

Плата за объявленія и публікаціи: впереди текста—15 коп. за строку, послѣ текста—5 коп. за строку. За годовыя, полугодовыя и многократныя объявленія значительная скидка по соглашенію.

Редакція и контора газеты: Пермь, Пермская ул., № 59.

Редакторъ-издатель С. А. Басовъ.

Открыта подписка на 1902 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

общественной жизни, политики, литературы и торговли

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Условія подписки:

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

на годъ 7 рублей,

11 мѣс. — 6 руб. 50 коп., 10 мѣс. — 6 руб., 9 мѣс. — 5 руб. 50 коп.,
 8 мѣс. — 5 руб., 7 мѣс. — 4 руб. 50 к., 6 мѣс. — 4 руб., 5 мѣс. — 3 р. 50 к.,
 4 мѣс. — 3 р., 3 мѣс. — 2 р. 40 к., 2 мѣс. — 1 р. 70 к., 1 мѣс. — 90 к.,
 $\frac{1}{2}$ мѣс. — 50 коп.

Подписка съ переносомъ на слѣдующій годъ не принимается.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой, съ платою не менѣе какъ 1 рубль въ мѣсяцъ до выплаты всей суммы, *обязательно* при первомъ же взносѣ дѣлать надписи въ письмѣ—*въ разсрочку*, иначе газета будетъ высылаться лишь до того срока, по который внесены деньги.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются бесплатно.

Подписка принимается только съ 1-го и 16-го числа каждаго мѣсяца.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ впереди текста, плата въ двое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 разъ дѣлается уступка отъ 10⁰/₀, 30 разъ — 15⁰/₀, 40 — разъ 20⁰/₀, 50 разъ — 25⁰/₀, 60 разъ — 30⁰/₀, отъ 70—100 разъ — 40⁰/₀, не менѣе 100 — 150 разъ уступка 50⁰/₀. За адреса, въ 5 строкъ, на 1-й стр. газеты—10 р. въ годъ—150 разъ, 6 р.— за 75 разъ, 4 р.— за 38 разъ и 2 р.— за 15 разъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз., или по 50 коп. за 100 экз.

За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., при чемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копейки могутъ быть высылаемы марками.

Пріемъ подписки, объявленій и розничная продажа газеты производится:

Въ Орлѣ — въ конторѣ „Орловскаго Вѣстника“, Зиновьевская улица, д. № 2, и въ отдѣленіи ея—Московская ул., аптек. магазинъ Полякъ.

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

Въ Ельцѣ—на Соборной ул., д. Маличкина, бывшій Пантелеевыхъ, рядомъ съ Преображенской церковью, В. Д. Лукашовъ.

Въ Брянскѣ—Авилдовская ул., домъ Сурнина, А. К. Оедоровъ.

Только розничная продажа газеты:

Въ Москвѣ, Петровск. лин., кн. торг. Анисимова; въ Ельцѣ, у газетчика М. И. Давыдова; въ Брянскѣ, въ библ. г. М. И. Юдина и г. Оедорова; въ Карачевѣ, въ магазинѣ А. Н. Хализева; въ Ливнахъ; библиотека г. Крафтъ; въ Болховѣ, Ново-Московский. ант. Р. Г. Вольперта; въ Рославлѣ, писче-бумажный магаз. Д. В. Рафаилова; въ Липецкѣ, книжн. магаз. А. И. Полянскаго.

Редакторъ-издатель А. И. Аристовъ.

Открыта подписка на 1902 годъ

(XX-й годъ изданія)

на ежедневную политическую, экономическую и литературную газету

„ЮЖНАЯ РОССИЯ“

(бывш. ЮЖАНИНЪ).

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ея района.

Въ виду исключительныхъ условий, въ которыхъ находится сельское хозяйство на югѣ Россіи, газета отводитъ особое мѣсто статьямъ, освѣщающимъ различныя детали этой отрасли отечественной промышленности.

Редакція газеты направляетъ все свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра.

Форматъ газеты нѣсколько увеличенъ.**Условія подписки на газету «Южная Россія»:**

Безъ доставки и пересылки.			Съ доставкой на домъ въ городѣ и пересылкой иногороднимъ.		
На годъ	7 р.	— к.	На годъ	8 р.	— к.
» 11 мѣсяцевъ	6 »	50 »	» 11 мѣсяцевъ	7 »	50 »
» 10 »	6 »	10 »	» 10 »	7 »	— »
» 9 »	5 »	60 »	» 9 »	6 »	40 »
» 8 »	5 »	10 »	» 8 »	5 »	80 »
» 7 »	4 »	60 »	» 7 »	5 »	20 »
» 6 »	4 »	— »	» 6 »	4 »	50 »
» 5 »	3 »	75 »	» 5 »	4 »	— »
» 4 »	3 »	— »	» 4 »	3 »	25 »
» 3 »	2 »	50 »	» 3 »	2 »	75 »
» 2 »	1 »	50 »	» 2 »	2 »	— »
» 1 »	1 »	— »	» 1 »	1 »	20 »

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15-го чиселъ мѣсяца и не можетъ переходить чрезъ январь 1903 года. Длг годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: въ два срока: съ доставкой: къ 1-му января—4 р. 50 к. и къ 1-му мая—3 р. 50 к., безъ доставки: къ 1 января—4 р. и къ 1-му мая—3 р.; въ три срока съ доставкой: къ 4-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—3 р. и къ 1-му юня—2 р.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—2 р. и къ 1-му юня—2 р.

Подписка принимается: въ г. Николаевѣ (Херс. губ.) въ конторѣ „Южной Россіи“, уг. Соборной и Спасской и въ конторѣ объявленій Л. А. Каменера, уг. Спасской и Рождественской, д. Циглера; въ г. Кременчугѣ у А. М. Михилевича, Большая Мѣщанская, д. Петрунькина, № 68 (противъ торгового банъ Сандомирскаго); въ С.-Петербургѣ и Москвѣ въ конторахъ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о.

Редакторъ-издатель С. П. Юрицынъ.

Открыта подписка на 1902 годъ на дѣтскій иллюстрированный журналъ

Годъ изданія
23-й.

ИГРУШЕЧКА

ДЛЯ МЛАДШАГО
ВОЗРАСТА.

Журналъ „Игрушечка“ допущенъ Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцелярїи по учрежденіямъ Императрицы МАРІИ къ приобрѣтенію въ библіотеки.

„Игрушечка“ съ 1897 года даетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ бесплатнаго приложенія шесть иллюстрированныхъ томовъ, подъ общимъ названіемъ „Библіотечка Игрушечка“. Въ журналѣ помѣщаются рассказы на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ русскимъ переводомъ.

Шесть томовъ „Библіотечки Игрушечка“ въ 1902 году будутъ посвящены отечествовѣдѣнію.

При журналѣ „Игрушечка“ существуетъ ДВА особыхъ отдѣла:

1) Годъ XIII. **ДЛЯ МАЛЮТОКЪ.** (До 8-ми лѣтняго возраста).

Статьи этого отдѣла печатаются крупнымъ шрифтомъ, со многими рисунками. Особой подписки на отдѣлъ „Для малютокъ“ нѣтъ.

Подписчики „Игрушечки“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“, кромѣ шести книжечекъ, получаютъ еще отдѣльную премію, приуроченную къ этому возрасту.

2) Педагогическое изданіе, посвященное вопросамъ воспитанія дѣтей и самообразованія матерей:

НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ.

(Годъ изданія IX). (Выходитъ 9 разъ въ годъ). Цѣна отдѣльно 3 р.

Вступая въ 9-й годъ изданія, редакція „НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“, будетъ пользоваться сотрудничествомъ тѣхъ же лицъ, которые въ теченіе восьми лѣтъ, помогая редакціи своимъ участіемъ, способствовали успѣху этого изданія. Главная задача—помочь женщинамъ-матери, въ особенности неопытной, разобраться въ тѣхъ коренныхъ вопросахъ, которые ей ежедневно предъявляетъ жизнь. Въ 1902 г. будетъ печататься рядъ статей по семейному праву.

Годовая подписная цѣна: съ дост. и перес. въ Россіи:

„Игрушечка“ съ шестью томиками „Библіотечка Игрушечка“ въ Россіи 3 р., „Игрушечка“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“ и двумя преміями 5 р., „Игрушечка“ съ педагогическимъ изданіемъ „На помощь матерямъ“ 5 р., „Игрушечка“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“, 2-мя преміями и педагогическимъ изданіемъ „На помощь матерямъ“ 7 р., „На помощь матерямъ“ отдѣльно 3 руб.

За границу каждое изданіе на 2 руб. дороже.

Адресъ: **С.-Петербургъ, Гончарная, д. 10.**

Редакторъ-издательница *А. Н. Пышкова-Толмачева.*

1902 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

1902 г.

ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

съ бесплатнымъ приложеніемъ Сборника рѣшен. Угол. и Гражд. Кассац. Деп. и Общ. Собран. Прав. Сен. и Собранія узакон. и распор. Правительства.

Выходитъ два раза въ недѣлю *): по воскресеньямъ и четвергамъ,

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Годовая подписная цѣна съ дост. и перес. 7 р. Допускается разсрочка въ платежи: при подпискѣ—4 р. и къ 1 апрѣля—остальные 3 р.

Правительственныя и общественныя учрежденія, а также должностныя лица этихъ учрежденій, въ правѣ подписываться въ кредитъ, но при условіи, чтобы: а) требованія были заявлены на бланкѣ присутствія, съ указаніемъ числа, мѣсяца, года и №; б) при требованіи были присланы два рубля, и в) въ требовательномъ бланкѣ опредѣленъ былъ срокъ, къ которому должны быть доставлены въ редакцію остальные подписныя деньги (5 р.) за газету, при чемъ учрежденіе принимаетъ на себя отвѣтственность за своевременную присылку остальныхъ денегъ (5 р.), до истеченія того года, на который сдѣлана подписка.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59).

Программа: Передовыя статьи.—Обзоръ постановленій отечественнаго и послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностраннаго законодательства.—Статьи и замѣтки специально-юридическаго содержанія. — Рисунки и иллюстраціи къ тексту статей на общемъ основаніи.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи.—Фельетонъ.—Рѣшенія Правительствующаго Сената.—Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и процессахъ.—Рефераты юридическихъ ученыхъ обществъ и диспуты.—Движеніе по государственной и общественной службѣ (приказы министерствъ).—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ. — Новыя книги и отзывы о нихъ (библиографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшія полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору „Юридической Газеты“ за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщение въ „Юридической Газетѣ“ въ отдѣлѣ „Почтового ящика“, справокъ о резолюціяхъ Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, но не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе подписнаго года, дѣлается бесплатно. Лица же, желающія получить по дѣламъ Кассационныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу присылаютъ кромѣ двухъ рублей и стоимость отвѣтной телеграммы.

§ 2. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Справки и порученія по судебнымъ и административнымъ департаментамъ Правительствующаго Сената, равно какъ и по всѣмъ, вообще, кромѣ Кассационныхъ Департаментовъ Сената (см. выше § 1-й), центральнымъ и мѣстнымъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ (правительственнымъ и общественнымъ) должны производиться на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

* Въ дни Рождества Христова равно на сырной, страстной и пасхальной недѣляхъ, а также въ два дѣтскіе мѣсяца (съ 15 іюня по 15 августа) газета выходитъ по одному разу въ недѣлю.

§ 4. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имуще- ственныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ кон- торною редакціи.

§ 5. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обяваны сообщать: а) бандероль, за которою получаютъ „Юридическую Газету“; б) когда и къмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ и долж- ностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое пра- вительственное учрежденіе.

§ 6. При невзносѣ полной годовой подписной платы и при неисполненіи условій, указанныхъ выше въ §§ 1—5 настоящей программы, всѣ требованія, запросы и порученія оставляются безъ движенія, такъ какъ порученія, преду- смотрѣнные § 1, обязательны для конторы, если подписчикомъ исполнены тре- бованія, указанные въ §§ 1 и 5, а порученія, предусмотрѣнные въ §§ 2 — 4, могутъ считаться обязательными для конторы лишь тогда, когда послѣдняя изъявитъ согласіе принять исполненіе возлагаемаго на нее порученія.

§ 7. Контора редакціи „Юридической Газеты“ также принимаетъ на себя указаніе адресовъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

художественно-педагогическій журналъ

„ВѢСТНИКЪ УЧИТЕЛЕЙ РИСОВАНІЯ“.

Программа журнала: 1) Правительственныя распоряженія по педагогической, художественной и художественно-промышленной части. 2) Художественная и педагогическая хроника. 3) Обзоры и сообщенія о русскихъ и иностранныхъ педагогическихъ, художественныхъ и художественно-промышленныхъ выставкахъ, музеяхъ, школахъ, классахъ и т. п. 4) Обзоръ русскихъ и иностран- ныхъ педагогическихъ и художественныхъ газетъ и журналовъ; сообщенія и отзывы о программахъ, руководствахъ, пособіяхъ и различныхъ усовершен- ствованіяхъ въ дѣлѣ преподаванія рисованія, черченія и чистописанія. 5) Фелье- тоны. Статьи по текущимъ педагогическимъ и художественнымъ вопросамъ. 6) Сообщенія и отчеты о конкурсахъ и дѣятельности художественныхъ и пе- дагогическихъ учрежденій, обществъ, комиссій, сѣздовъ и т. п. 7) Краткія извѣстія. 8) Некрологи. 9) Объявленія.

Кромѣ рисунковъ въ текстѣ, будутъ помѣщаться приложенія на отдѣль- ныхъ листахъ въ видѣ рисунковъ, чертежей, таблицъ, русскихъ и переводныхъ сочиненій въ предѣлахъ программы.

12 номеровъ въ годъ. Срокъ выхода 15-е число каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 3 руб.

Подписной годъ начинается 15-го сентября.

Подписка принимается: отъ городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій, 40 въ Москвѣ—въ Берлинскомъ художественномъ магазинѣ Ю. Ф. Брокмана, Неглинный проѣздъ, домъ Третьяковыхъ.

Изгороднихъ просятъ обращаться исключительно на имя редактора-издателя

А. Н. Смирнова. С.-Петербургъ, Озерной пер., д. № 6, кв. 5.

Годъ 67.	Открыта подписка на 1902 годъ НА БОЛЬШОЙ И СТАРЪЙШІЙ художеств.-литерат.-политич.-обществ.-семейный еженедѣльный иллюстрированный журналъ	52 №№
8 руб.		бесплатно
Разсрочка.		73 цѣнныхъ прилож.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ журналъ принимаютъ участіе лучшія литературныя и художественныя силы.

Гг. подписчики въ 1902 году получаютъ:

52 №№ художественнаго, литературнаго и общественнаго журнала въ форматѣ самыхъ большихъ заграничныхъ журналовъ. Болѣе 2.500 столбцовъ текста. Всѣ событія недѣли обильно поясняются роскошными иллюстраціями. Особое вниманіе обращено на жизнь провинціи. Въ журналѣ помѣщаются: романы, повѣсти, драматич. произвед., стихотворенія. — Снимки съ наиболѣе выдающихся произвед. искусства. — Портреты и биографіи. — Домашнія развлеченія, задачи на преміи, шахматы, шашки и игры. — Бесплатные отвѣты на всѣ запросы гг. подписчиковъ.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

24 иллюстрированное Генриха Сенкевича, полное собраніе сочиненій автора всемірно-извѣстныхъ произведеній: Камо грядеши, Огнемъ и мечомъ, Потоць, Безъ догмата, Крестоносцы и многихъ другихъ. Единственное полное иллюстрирован. изданіе большого книжнаго формата въ образцовомъ переводѣ. Болѣе 5.000 стр. текста. съ иллюстр. лучш. художниковъ.

Каждый томъ продается отдѣльно по 1 рублю.

12 книгъ политическаго, общественнаго и литературнаго журнала, въ форматѣ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Болѣе 2.500 стр. текста. Большіе романы. Критическія статьи по всѣмъ вопросамъ литературы, общественной жизни и науки.

12 Выпусковъ моднаго ЖУРНАЛА Болѣе 1.000 иллюстрацій. Хроника модъ. Моды дамскія, дѣтскія, мужскія. Пояснительный текстъ.

Каждый выпускъ въ отдѣльной продажѣ стоитъ 50 коп.

24 офорта и эстампа съ лучшихъ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Прекрасное украшеніе каждой гостиной. Офорты и эстампы печатаны на лучшей портретной бумагѣ.

Каждая картина продается отдѣльно по 2 р.

Подписавшіеся до 25-го денября 1901 года получаютъ особую премію:

АЛЬБОМЪ КРАСАВИЦЪ всего міра.

Этотъ роскошный альбомъ въ отдѣльной продажѣ стоитъ 4 руб.

Подписная цѣна: съ пересылкою и доставкой 8 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ 1 апр. 3 р., къ 1 июля 2 р.

Подписка принимается: въ главн. конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“, С.-Петербургъ, Казанская ул., 24, при главн. конторѣ фабрики К^о „В. Говарда“ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Отвѣтственный редакторъ В. Т. Гарасовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей старшаго возраста

ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ

(изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова).

22-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Журналъ допущенъ въ ученическія бібліотеки всѣхъ низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки и въ библ. средн. учебн. завед.

Съ 1902 г., кромѣ атласа картинъ въ краскахъ по всеобщей этнографіи, всѣмъ годовымъ подписчикамъ будетъ разсылаться новое бесплатное иллюстрированное приложеніе „БИБЛОТЕНА НАШИХЪ ДѢТЕЙ“ собраніе произведеній лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей, доступныхъ для дѣтей и юношества. Въ 1902 г. будутъ даны четыре тома, заключающіе въ себѣ: 1) сочиненіе К. Фламмариона—Маленькая Астрономія и 2) историческая повѣсть Марка Твэна—„Жанна д'Арнь“. Цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой—6 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

о всѣхъ книжныхъ магазинахъ и главной конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Загородный проспектъ, 28.

Открыта подписка на ежемѣсячный научно-литературный журналъ на 1902 годъ (годъ третій)

КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

„Кавказскій Вѣстникъ“ даетъ ежегодно около 3.000 страницъ оригинальныхъ и переводныхъ статей съ арм., груз., татарск., арабск. и съ европ. яз.

Условія подписки: для городскихъ подписчиковъ: въ годъ 9 руб., полгода—5 руб. Для иногороднихъ: въ годъ 10 руб., на полгода 6 руб.

Разсрочка допускается для учебныхъ заведеній и учащихся, подписывающихся непосредственно въ конторѣ журнала. Книжнымъ магази. ком. ск. 10⁰/₀.

Адресъ редакціи и конторы: Тифлисъ, Тургеневская, 11. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ конторѣ журнала и въ отдѣленія конторы: Тифлисъ, Голов. пр., № 1 (книжный маг. Хидекедь).

Полный экземпляръ „Кавказскаго Вѣстника“ за 1900 годъ можно получить въ конторѣ журнала за 11 руб.; за 1901 г.—10 руб.

Годовые подписчики получаютъ въ 1902 г. приложеніемъ къ „Кавказскому Вѣстнику“ романъ М. С. Хатисовой „ПО НОВОМУ ПУТИ“.

Редакторъ-издатель В. Д. Коргановъ.

1902 г. ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ Годъ XXI.

➤ РЕБУСЪ, ➤

знакомящій читателей съ современною научною разработкой вопросовъ психической области, какъ-то: **медиумизма** (спиритизма), животнаго магнетизма, **гипнотизма**, ясновидѣнія, двойного зрѣнія, мысленнаго внушенія, видѣнія призраковъ: прижизненныхъ, присмертныхъ, посмертныхъ и т. п. На страницахъ журнала помѣщаются описанія сеансовъ извѣстныхъ медиумовъ въ Россіи и за границею. Статьи по **астрологіи**, знакомящія съ этой наукой, и теоретически и практически: составленіе гороскоповъ. Статьи по оккультизму, заключающія въ себѣ ученіе древнихъ и новѣйшихъ оккультистовъ.

Беллетристика: романы, повѣсти и рассказы.

Годъ съ дост. 5 р., безъ дост. 4 р., 1/2 года съ дост. 3 р., безъ дост. 2 руб.

Разсрочка: при подпискѣ 2 руб.; 1-го апрѣля, 1-го іюля и 1-го окт. по 1 р.

Адресъ: Царское село (Петербургской губ.), редакція журнала „Ребусъ“.

Третій годъ изданія.

Ежемѣсячный, политическій, научный, литературный и иллюстрированный журналъ

1902 г. НОВЫЙ ВЪКЪ. 1902 г.

Журналъ поставилъ своею цѣлью быть горячимъ защитникомъ просвѣщенія, нравственности и милосердія. Онъ стойко борется съ тѣми темными сторонами жизни, которыя, какъ печальное наслѣдіе, остались отъ XIX-го вѣка.

Всѣ отрасли знаній только тогда вполне могутъ быть использованы человѣчествомъ, когда послѣднее, параллельно, будетъ развивать и усовершенствовать духовныя силы, а поэтому наступившій XX вѣкъ долженъ быть торжествомъ именно тѣхъ трехъ началъ, которыя ставятся редакціей своимъ девизомъ. Полный успѣхъ первыхъ двухъ лѣтъ, наглядно выразившійся въ необходимости выпустить нѣкоторые №№ вторымъ изданіемъ, показываетъ, что общество очень сочувственно отнеслось къ задачамъ журнала. Въ настоящемъ 1902 году, въ виду уже имѣвшихъ мѣсто событій, въ отдѣлѣ „Внѣшнія извѣстія“, съ полною правдивостью, выяснится та политическая обстановка, которая въ настоящее время имѣетъ мѣсто при сношеніяхъ съ Европой и съ пограничными государствами далекаго Востока. Особенная забота установлена на всестороннее ознакомленіе со славянскими землями, имѣя цѣлью правдивое выясненіе ихъ современнаго политическаго положенія и надеждъ на будущее. Свѣдѣніямъ о новыхъ успѣхахъ науки, человѣческихъ знаній и экономической жизни государствъ отведено въ журналѣ значительное мѣсто.

Литературный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ лучшія оригинальныя и переводныя произведенія въ видѣ романовъ, повѣстей, стихотвореній и т. п. Въ этотъ же отдѣлъ войдутъ свѣдѣнія изъ прошлаго родной старины. Рисунки, которыми снабжается каждая книжка, являясь выразителями произведеній современнаго искусства, всегда въ должной степени дооплачиваютъ и поясняютъ текстъ.

Въ 1902 году книжки журнала „НОВЫЙ ВЪКЪ“, какъ и въ предшествующемъ году, будутъ выходить, начиная съ января, 15 числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ 11—14 печ. листовъ. Книжка заключаютъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: I. Внутреннія извѣстія. Хроника. II. Внѣшнія извѣстія. Заграничныя мелочи. III. Статьи по сельскому хозяйству, технику, финансамъ, искусству, спорту, военному дѣлу и т. п. IV. Литература: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, эпиграммы и т. п. V. Изъ прошлаго: мемуары, воспоминанія, замѣтки о старинѣ и т. п. VI. Биографія. VII. Письма и корреспонденціи, — внутреннія и изъ иноземныхъ государствъ. VIII. Благотворительность и милосердіе. IX. За мѣсяць (фельетонъ). X. Наша печать. XI. Мелочи жизни. XII. Свистокъ. XIII. Почтовый ящикъ, вопросы и отвѣты. XIV. Объявленія.

Всѣ годовые подписчики на 1902 годъ получаютъ бесплатно литературный богато иллюстрированный сборникъ по образцу такихъ же заграничныхъ изданій, составленный исключительно изъ произведеній отечественныхъ авторовъ, беллетристовъ и поэтовъ. Сборникъ будетъ снабженъ иллюстраціями, исполненными лучшими нашими художественными силами и портретами тѣхъ авторовъ, произведенія которыхъ войдутъ въ составъ сборника, составляющаго одно изъ лучшихъ украшеній каждой гостиной.

Въ годъ, считая и премію, съ доставкою и пересылкой всего 3 руб., $\frac{1}{2}$ года—2 руб. Допускается расрочка (по 1 р.). Отдѣльныя №№ по 30 к. За перемѣну адреса—30 к. Доставившіе въ году подписку (хотя бы и разновременно) на 5 экз. получаютъ шестой бесплатно. Первый № можетъ быть отправленъ наложеннымъ платежомъ (доплата 30 к.), а остальные №№—обыкновеннымъ порядкомъ, но они будутъ высланы только тогда, когда платежъ будетъ оплаченъ. Годовые экземпляры за 1900 и 1901 гг. (I и II г. изд.) высылаются за 3 руб.

Объявленія: за 1 стр. 35 р., за $\frac{1}{2}$ стр. 20 р. и за $\frac{1}{4}$ стр. 10 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Спб., Екатерининскій кан., д. 97), въ книжныхъ магазинахъ и складахъ, въ конторахъ для объявленій и т. п.

За редактора-издателя С. Г. Николаевъ.

Природа и Люди

Мин. Народ. Пр. разрѣшенъ къ выпискѣ въ бесплатныя библіотеки и читальни.

Открыта подписка на 1902 годъ

(XIII-й годъ изданія).

Подписной годъ начинается съ 1-го ноября.

Въ теченіе 1902 года всѣ подписчики получатъ:

52 иллюстрир. №№, въ которыхъ будутъ помѣщаться выдающіяся со- бытія всего міра, очерки и рассказы изъ исторіи науки, путеше- ствій и изобрѣтеній, романы и повѣсти, живописныя описанія чудесъ и ве- ликихъ явленій природы, фокусы, забавы и развлеченія.

12 книгъ съ рисунками, объемомъ свыше 2.000 страницъ, въ которыхъ будутъ помѣщаться сочиненія извѣстныхъ писателей, состоящія изъ романовъ, рассчитанныхъ на занимательное, но поучительное чтеніе, подъ общимъ заглавіемъ:

БИБЛИОТЕКА РОМАНОВЪ.

(Приключенія на сушѣ и на морѣ.)

И кромѣ того **БЕЗПЛАТНО** безъ всякой доплаты за пере- сылаку могутъ получать, по же- ланію, на выборъ:

Жизнь животныхъ Брэма

подъ редакціей д-ра зоологіи **А. М. Никольскаго.**

Роскошное изданіе съ массою рисунковъ и хромолитографіями.

12 иллюстрированныхъ выпусковъ **1000** страницъ убор- **3** тома 60 печат- большого формата, на велене- стой печати. ныхъ листовъ. вой бумагѣ, свыше 600 рисунковъ.

И Л И

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІИ СЛОВАРЬ,

вполнѣ законченный, подъ редакціей д-ра философіи **М. М. Филиппова.**

12 выпусковъ формата словарей **3800** столбцевъ убор- **3** тома 120 печат- Брокгауза и Мейера. стой печати. ныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ „Природа и Люди“ со всѣми при- ложеніями остает- **5** РУБ. за годъ безъ доставки; съ доставкой и пе- ся прежняя: **5** рубли по всей Россіи **ШЕСТЬ** рублей. Допу- скается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 марта 1 руб., къ 1 мая 1 руб. и къ 1 іюля остальные или по одному рублю въ мѣсяцъ до пол- ной уплаты подписной цѣны.

Главная контора и редакція: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная, соб. д., № 12.

Издатель **П. Сойнинъ.**

Редакторъ **Ф. Груздевъ.**

Открыта подписка на 1902 годъ на

ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

И

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

1) „Церковный Вѣстникъ“—еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) „Христианское Чтеніе“ — ежемѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Въ качествѣ приложенія къ журналамъ редація издаетъ:

Полное Собраніе Твореній св. Іоанна Златоуста

въ русскомъ переводѣ.

Условія подписки:

а) Отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ 5 (пять) руб., съ приложеніемъ „Твореній св. Іоанна Златоуста“—6 руб. 50 коп.; за „Христианское Чтеніе“ 5 (пять) руб., съ приложеніемъ „Твореній св. Іоанна Златоуста“—6 р. 50 к.

б) За оба журнала 8 (восемь) руб., съ приложеніемъ „Твореній св. Іоанна Златоуста“—9 (девять) руб. съ пересылкой.

Цѣна за границей:

за оба журнала 10 (десять) руб.; съ приложеніемъ „Твореній св. Іоанна Златоуста“ — 11 руб. 50 коп.; за каждый журналъ отдѣльно 7 (семь) руб., съ приложеніемъ „Твореній св. Іоанна Златоуста“—9 рублей.

За изящный англійскій переплетъ прилагать 50 к.

Иногородніе подписчики надписываютъ свои требованія такъ: въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христианскаго Чтенія“, въ С.-Петербургѣ.

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій пр., 182, кв. 1), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при „Церковномъ Вѣстникѣ“; въ Москвѣ подписка принимается въ Отдѣлѣ по распространенію духовно-нравственныхъ книгъ (Петровка, Высокопетровскій монастырь).

Редакторъ проф. А. Лоухинъ.

ВЪ СКЛАДАХЪ ИЗДАНИЙ

А. Ю. Маноцковой

Москва, 1) тип. Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К^о**; 2) маг. „**Книжное Дѣло**“, Моховая; 3) Спб., книжн. складъ **Звонарева**, Б. Московская, 12 и 4) Спб., типографія Мин. Путей Сообщенія Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К^о**,

находятся слѣдующія новыя книги собственнаго изданія:

П. Лафаргъ. „Умственный трудъ и машина“. Переводъ съ франц. Ц. 45 к.

Л. Штейнъ. „Нъ аграрному вопросу“. Вып. I (самостоятельное дѣло). Исторія землевладѣнія и поземельнаго права до половины XIX в. Цѣна 75 к.

Эр. Махъ. „Научно-популярные очерки“. Вып. I (представляющій самостоятельное дѣло). „Этюды по теории познанія“. Переводъ А. Мейера, подъ редакціей П. К. Энгельмейера, съ предисловіемъ къ русск. изд. Э. Маха.

Эр. Махъ. „Научно-популярные очерки“. Вып. II (самостоятельное дѣло).

„Этюды по естествознанію“. Пер. А. А. Мейера, подъ редакціей П. К. Энгельмейера, съ портретомъ Эр. Маха. Цѣна 1 р. 20 к.

Фр. Юдль. „Давидъ Юмъ, его жизнь и философія“. Переводъ А. А. Мейера. Цѣна 1 р. 20 к. (трудъ этотъ премированъ Мюнхенскимъ университет.).

Эр. Лависсъ. „Всеобщая Исторія“ для дѣтей старшаго возраста. Приложенія и 13 картъ. Перев. съ 14 франц. изд. Цѣна 1 р. 20 к.

В. И. М. „Чехія и Чехи“. Очеркъ съ рис. и картой. Цѣна 40 к.

„Научно-популярная бібліотека А. Маноцковой“ для юношества и самоучекъ, первая серія:

№ 1. К. Петерсъ. „Популярная минералогія“. 58 рисунк. Цѣна 80 к.

№ 2. Проф. І. Нусбаумъ. „Основы биологіи“. 40 рисунк. Цѣна 80 к.

№ 3. З. Герингъ. „Основы политической экономіи“. (Экономич. бесѣды). Цѣна 75 к.

№ 4. Д-ръ Штерлингъ. „Наука о здоровьи“. (Основы гигиены). 13 рисунк. Цѣна 80 коп.

№ 5. Л. Жерарденъ и Томэ. „Общая ботаника“. 68 рисунковъ. Цѣна 1 р.

№ 6. Ф. Піотровскій. „Наука о погодѣ“. (Основы метеорологіи). 52 рис. Цѣна 70 к.

№ 7. Проф. Нолль. „Антропологія“. Съ 110 рисунк. Цѣна 85 к.

№ 8. Натансонъ. „Популярная физика“. Съ 140 рисунками. Цѣна 85 коп.

Выписывающіе изъ главнаго склада всю серію цѣликомъ получаютъ ее за 6 р. съ пересылкой. Съ требованіями обращаться въ **Москву, магазинъ „Книжное Дѣло“** (отдѣленіе книгоиздательства и главн. складъ изданій А. Ю. Маноцковой), а равно и въ другіе склады.

Принимается подписка на 2-ю и 3-ю серіи

„Научно-популярной бібліотеки А. Ю. Маноцковой“ для юношества и самоучекъ.

ВТОРАЯ СЕРІЯ.

№ 1. Фраасъ. „Геологія“, съ мног. рис.

№ 2. Гюнтеръ. „Физическая географія“, съ мног. рис.

№ 3. Бернштейнъ. „Популярная химія“, съ политипаж.

№ 4. Гейльпернъ. „Астрономія“, съ мног. рис.

№ 5. Эльзенгансъ. „Популярная Психологія и Логика“.

№ 6. Захаріасъ. „Дарвинизмъ“.

№ 7. Томэ. „Описательн. ботаника“ (системат. и морфологія), съ мног. рис.

№ 8. Габерланъ. „Популярн. этнографія“, съ мног. рис.

ТРЕТЬЯ СЕРІЯ.

№ 1. І. Вальтеръ. „Общая океанографія“.

№ 2. А. Бишофъ. „Основа финансовой науки“.

№ 3. Ф. Кирхнеръ. „Этина“.

№ 4. Морзелли. „Общая социологія“.

№ 5. Заборовскій (съ допоян. по Неймайеру и Гетчинсону) — „Палеонтологія“, съ мног. рис.

№ 6. Брефельдъ. „Популярн. бактериологія“, съ рис.

№ 7. Э. Д. „Исторія мірозданія“, съ рисунк.

№ 8. Т. Филта. „Всеобщая исторія“.

По соображеніямъ редакціоннымъ и цензурнымъ нѣкоторые изъ перечисленныхъ авторовъ могутъ быть замѣнены другими. Подписная цѣна на каждую серію порознь 5 руб., на обѣ серіи вмѣстѣ 9 руб.

—● По выходѣ изъ печати цѣна будетъ значительно повышена. ●—

Обѣ серіи выйдутъ въ теченіе 1901—2 года и будутъ заключать въ себѣ до 100 листовъ каждая, т.-е. по 10 — 15 листовъ въ каждой книгѣ.

Допускается разсрочка: а) при подпискѣ на одну серію 3 руб. и при полученіи 4-го №—остальные 2 руб. (наложеннымъ платежомъ); б) при подпискѣ на обѣ серіи 5 руб. и при полученіи 8-го № — остальные 4 руб. (наложеннымъ платежомъ).

Для земствъ, различныхъ казенныхъ и общественныхъ учрежденій допускается болѣе льготныя условія подписки, а именно:

1) При подп. на 10 и болѣе экз. каждой серіи дѣляется уст. съ подп. цѣны—10 ⁰ / ₀
2) " " " 25 " " " " " " " " —15 ⁰ / ₀
3) " " " 50 " " " " " " " " —20 ⁰ / ₀
4) " " " 100 " " " " " " " " —25 ⁰ / ₀

Съ требованіями и подпиской слѣдуетъ обращаться въ главный складъ и отдѣленіе книгоиздател. А. Ю. Маноцновой: Москва, магазинъ „КНИЖНОЕ ДѢЛО“, Моховая, 26.

Проспекты по первому требованію высылаются бесплатно.

IX годъ изданія.

Открыта подписка на 1902 г.

на ежедневную общедоступную газету (кромѣ дней послѣ праздниковъ).

„СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ“

издающуюся въ Томскѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкой въ Томскѣ.	4 р.	3 р. 30 к.	2 р. 30 к.	40 к.
Съ перес. въ другіе города	5 „	4 „ — „	3 „ — „	50 „
Съ пересылкой за границу	9 „	7 „ — „	5 „ — „	1 р.

За печатаніе въ „Сибирской Жизни“ объявленій взимается плата: впереди текста за строку петита—20 коп., позади текста—10 коп. За рассылку объявленій при газетѣ вѣсомъ не болѣе лота—7 руб. за 1000 экземпляровъ

Подписка и объявленія принимаются: въ книжныхъ магазинахъ и типо-литографіяхъ П. И. Макушина въ Томскѣ и Иркутскѣ.

Иногородніе требованія свои адресуютъ: въ г. Томскѣ, въ контору редакціи газеты „Сибирская Жизнь“.

Издатель П. Макушинъ.

Редакторы: П. Макушинъ.
А. Макушинъ.

Открыта подписка на 1902 годъ (двадцать третій годъ)

на ежемѣсячное литературно-политическое изданіе

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Вышла декабрьская (двѣнадцатая) книга.

СОДЕРЖАНИЕ: I) Разказы о прошломъ. Изъ автобіографіи моего пріятеля. С. Я. Елпатьевскаго. Окончаніе. — II) Злобы жизни. Густава Вида. Пер. съ датск. А. и П. Ганзенъ. Окончаніе. — III) Власть. Разказъ. Ив. Митропольскаго. — IV) Одинъ изъ многихъ. Разказъ. Н. В. Раиса. Пер. съ чешск. М. П. Петровскаго. — V) На сѣверѣ дальнемъ. Этнографическій очеркъ изъ жизни на русско-американской границѣ. Тана. — VI) Финляндскія новеллы. Пер. Л. Горбуновой. — VII) Стихотвореніе. В. Л. — VIII) Путь къ славѣ. Повѣсть. И. Н. Потапенко. Окончаніе. — IX) Новыя данныя о кабинетѣ министровъ императрицы Анны Іоанновны. А. Н. Филиппова. Окончаніе. — X) Безъ хозяина. М. Фридмана. — XI) Муниципализація общественныхъ службъ въ Соединенныхъ Штатахъ. В. Тотоміанца. — XII) Межселенные передѣлы среди удѣльныхъ крестьянъ. В. В. — XIII) Братская лига дѣтей Франціи. В. И. Суханова. — XIV) Армянская поэзія XIX в. и ея происхождение. Юрія Веселовскаго. — XV) Общественная борьба съ туберкулезомъ, какъ съ народной болѣзью. Ф. М. Блюментала. — XVI) Къ характеристикѣ современнаго театра. (Полное собраніе сочиненій кн. А. И. Сумбатова.) В. А. Гольцева. — XVII) Отвѣтъ П. Д. Боборыкину. П. С. Когана. — XVIII) Изъ провинціальной лѣтописи. Евгенія Чирикова. — XIX) Националистическій фруктъ. С. Н. Сыромятниковъ (Сигма): Опыты русской мысли. Книга первая, Спб., 1901 г. М. Пр. — XX) Внутреннее обозрѣніе. — XXI) Иностранное обозрѣніе. В. А. Г. — XXII) Письма о литературѣ. М. А. Протопопова. — XXIII) Библиографическій отдѣлъ. XXIV) Объявленія.

Подписная цѣна съ до-

ставкаю и пересылкою	12 м.	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
во всѣхъ мѣстахъ Россіи:	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу:	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го апр., 1-го іюля, 1-го октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 коп. Книгопродавцамъ дѣляется уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается. Подписка принимается: въ Москвѣ: въ конторѣ журнала, Вагавковскій пер., домъ Аппаксиной; въ С.-Пб.: въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ: въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ: въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Вильнѣ: въ кн. маг. Н. П. Карбасникова.

При конторѣ находится складъ изданій журнала „Русская Мысль“.

Подписка на 1901 годъ, за израсходованиемъ нѣкоторыхъ номеровъ журнала, прекращена.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

Открыта подписка на 1902 годъ (13-й г. изд.)

на общепедагогической журналъ для школы и семьи

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1901 года напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Изъ моихъ служебныхъ воспоминаній. С. Бобровскаго; 2) Эволюція воспитанія и образованія у различныхъ народовъ. М. Страховой; 3) Изъ жизни французской начальной школы. Ея же; 4) Вопросы о реформѣ средней школы во Франціи. П. Мажуева; 5) Къ вопросу о подготовкѣ учителей среднихъ учебн. заведеній (Германія). А. Готлиба; 6) Подготовка учителей новыхъ языковъ въ Германіи, Австріи, Франціи и Швейцаріи. Графа А. Мусина-Пушкина; 7) Особенности игръ и тѣлесныхъ упражненій въ современной Германіи. Д-ра А. Виренюса; 8) Первый международный конгрессъ педагог. печати въ Парижѣ. Е. Ковалевскаго; 9) Отдѣлъ русскаго начального образованія на всемирной выставкѣ въ Парижѣ. С. Игнатьева; 10) Въ американской гимназіи. И. Рубинова; 11) Дѣятельность управленія Кавказскаго уч. округа за послѣднее 20-лѣтіе. Н. Попова; 12) Школьная гигиена (по Котельману). М. Брейтмана; 13) Взглядъ на педагога въ современномъ обществѣ. М. Лысковского; 14) Школа и воспитаніе. О. Роговой; 15) Задачи и средства эстетическаго воспитанія въ средней школѣ. А. Миринова; 16) Къ вопросу объ отбѣжкахъ баллами познаній учащихся. Я. Гуревича; 17) Каникулярныя развлечения учениковъ средн. уч. заведеній. П. Акимова; 18) Къ университетскому вопросу. Проф. Е. Будде; 19) Комиссія по преобразованію средней школы и результаты ея занятій. Я. Гуревича; 20) Къ предстоящей реформѣ нашей средней школы. Проф. А. Архангельскаго; 21) Живая школа. М. Караулова; 22) Объ учительскихъ семинаріяхъ. А. Тарновскаго; 23) Къ вопросу о реформѣ духовной средней школы. А. Кремлевскаго; 24) Результаты съѣзда русскихъ дѣятелей по коммерческому образованію. Е. Гаршина; 25) Забѣтки по вопросамъ сельскохоз. образованія. И. Мещерскаго; 26) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1900 и 1901 гг. И. Бѣлоконскаго; 27) Къ вопросу о расширеніи курса начальной школы. М. Новикова; 28) Къ вопросу о реформѣ городскихъ училищъ. И. Сердюкова; 29) По вопросу о реформѣ городскихъ училищъ. К. Тихомирова; 30) Наши методы преподаванія и умственный паразитизмъ. В. Вахтерова; 31) Грамматика русскаго литературнаго языка, какъ предметъ изученія въ университетѣ и въ средней школѣ. Проф. Е. Будде; 32) По поводу постановки естествознанія въ будущей средней школѣ. Проф. В. Шимкевича; 33) Отечествознаніе въ средней школѣ. Я. Руднева; 4) Нѣсколько словъ объ учебникѣ древней исторіи. Проф. Н. Карѣва; 35) Первые уроки исторіи. К. Иванова; 36) Въ защиту натурального метода преподаванія новыхъ языковъ. Л. Леше; 37) Обученіе чтенію сознательному, правильному и выразительному. М. Тростникова; 38) Забѣтки о постановкѣ преподаванія чистописанія (по экспонатамъ Парижск. выст. 1900 г.). И. Евсеѣва и мн. др. статьи.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библиографіи, печатается хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессиональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печатныхъ листовъ каждая.

Подписная цѣна.

въ Петербургѣ безъ доставки 7 р.; съ доставкою 7 р. 50 к.; для иногороднихъ съ пересылкою 8 р.; за границу 9 р. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за 6 р. въ годъ съ разсрочкою уплатъ въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15⁰/₁₀₀

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель **Я. Г. ГУРЕВИЧЪ.**

Открыта подписка на 1902 г.

на еженедельный, общедоступный, иллюстрированный журнал для семьи

IV-й г. изд. **СПУТНИКЪ ЗДОРОВЬЯ** IV-й г. изд.

подъ редакціей и при ближайшемъ участіи гг. профессоровъ и врачей по ихъ спеціальностямъ.

52 номера журнала даютъ своимъ читателямъ массу полезныхъ статей и свѣдѣній, изложенныхъ вполне доступнымъ и понятнымъ языкомъ, по всемъ вопросамъ популярной медицины, гигиены и санитаріи, освѣщающихъ всё могущее заинтересовать читателя вопросы сохраненія его здоровья.

24 приложения, содержащія въ себѣ полезныя и необходимыя свѣдѣнія по домоводству, домохозяйству, фальсификаціи продуктовъ, сельскому хозяйству, ветеринаріи и т. д., по скольку они затрагиваютъ вопросы о человѣч. здоровьи и вполне примѣнны при каждой семейной обстановкѣ. Кромѣ того въ теченіе 1902 года подписчики получаютъ

— Б Е З П Л А Т Н О — **16** приложений весьма полезныхъ въ каждой семьѣ: и безъ всякой доплаты за пересылку

12 книгъ общедост. библіотеки „ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ“.

Подача первой помощи, проф. Эмарха, съ рисунками. — Здоровые и больные нервы, проф. Крафтъ-Эбинга. — Искусство продлить жизнь, проф. Эбштейна. — Поваренная книга. Діететика для желудочн. больн., проф. Видерта. — Массажъ и его примѣненіе. Д-ра Бернъ, съ рисунками. — Водолѣченіе. (Дома у себя.) Д-ра Дюваль, сочин. удостоен. преміи Парижск. Академіи. — Гигіена повседневной жизни, проф. Гравицъ. — Какъ сохранить здоровье дѣтей, проф. Фишль. — Гигіена кожи, волосъ и ногтей, проф. Ралле. — Гигіена зубовъ и рта, проф. Бертенъ. — Глазь и уходъ за нимъ, проф. Фика. — Домашняя гимнастика, д-ра Ангерштейна и

ОБЩЕДОСТУПНОЕ РУКОВОДСТВО къ

ПРЕДУПРЕЖДЕНІЮ БОЛѢЗНЕЙ

И СОХРАНЕНІЮ ЗДОРОВЬЯ. Въ 4-хъ томахъ.

Подъ редакціей проф. Г. В. Хлопина. — Введеніе проф. Ф. Ф. Эрисмана.

Подписавшіеся на 1902 г. и внесшіе годовую плату до 20 декабря с. г. получаютъ 8 №№ журнала съ двумя къ нимъ приложениями **за ноябрь и декабрь 1901 года** **бесплатно** и кромѣ того, въ началѣ года одновременно всё 4 тома „Руководства къ предупрежденію болѣзней“.

Цѣна съ пересылкой на годъ **5** р. Разсрочка допускается.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала „Спутникъ Здоровья“, С.-Петербургъ, Коломенская ул., собств. домъ.

Отвѣтственный редакторъ А. О. Дукать.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ
(четвертый годъ изданія)
на еженедѣльную газету
ПРАВДА,

выходящую безъ предварительной цензуры подъ редакціей прив.-доп. В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского, при ближайшемъ участіи І. В. Гессена, О. О. Грузенберга, пр.-доп. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. І. Петражицкаго по прежней программѣ.

Годовые подписчики получаютъ въ качествѣ приложеній: Сборникъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ и общаго собранія І-го и кассационныхъ департаментовъ и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената и „Законодательный Вѣстникъ“, въ которомъ будутъ помѣщены всѣ распубликованныя въ 1902 г. общія узаконенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ, и тѣ указы Правител. Сената и административныя распоряженія, которые представляютъ существенное значеніе для разъясненія смысла законовъ.

Редакція даетъ годовымъ подписчикамъ „Права“ бесплатные отвѣты (въ количествѣ не болѣе 3-хъ) на юридическіе вопросы.

Подписная цена: на годъ съ доставкой и пересылкой—7 р., на полгода—4 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ 1 мая 3 р. За границу на годъ—10 р. Отдѣльные номера продаются по 20 к.

Главная контора: С.-Петербургъ, Дмитровскій пер., № 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 г.

на литературную, политическую, обществ. и комерческ. газету

ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ

выходящую въ г. Казани ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.
ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газетн—возможно полное изученіе мѣстнаго камско-волжскаго района и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Въ городѣ безъ дост.

Въ городѣ съ дост.

На 12 мѣс. 6 р. 25 к.	На 6 мѣс. 3 р. 25 к.	На 12 мѣс. 7 р. — к.	На 6 мѣс. 4 р. — к.
„ 11 „ 5 „ 75 „ „ 5 „ 2 „ 75 „ „ 11 „ 6 „ 50 „ „ 5 „ 3 „ 50 „	„ 10 „ 5 „ 25 „ „ 4 „ 2 „ 25 „ „ 10 „ 6 „ — „ „ 4 „ 3 „ — „	„ 9 „ 4 „ 75 „ „ 3 „ 1 „ 75 „ „ 9 „ 5 „ 50 „ „ 3 „ 2 „ 25 „	„ 8 „ 4 „ 25 „ „ 2 „ 1 „ 20 „ „ 8 „ 5 „ — „ „ 2 „ 1 „ 50 „
„ 7 „ 3 „ 75 „ „ 1 „ — „ 60 „ „ 7 „ 4 „ 50 „ „ 1 „ — „ 75 „			

Иногороднимъ съ пересылкой: на 12 м. 9 р., на 11—8 р. 50 к. на 10—8 р., на 9—7 р. 25 к., на 8—6 р. 50 к., на 7—5 р. 75 к., на 6—5 р., на 5—4 р. 25 к., на 4—3 р. 50 к., на 3—2 р. 75 к., на 2—2 р., на 1—75 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: для иногороднихъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р., для городскихъ—2 р., 1 марта 2 р., 1 іюня 2 р. и 1 августа 1 р.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1902 г. безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету бесплатно со дня подписки до 1-го января 1902 года.

Открыта подписка на 1902 годъ

на духовный журналъ

СТРАННИКЪ,

съ приложеніемъ

Общедоступной Богословской Библіотеки

и новой серіи богословско-апологетическихъ трактатовъ.

Духовный журналъ „Странникъ“ будетъ издаваться въ 1902 году по прежней широкой программѣ, обнимающей весь кругъ движеній богословско-философской мысли и церковно-общественной жизни, интересамъ которой онъ не ослабю служить въ теченіе болѣе сорока лѣтъ. Кромѣ того въ удовлетвореніе насущнѣйшей потребности нашего времени редакція съ 1898 года приступила къ крупному литературному предпріятію, именно къ изданію „Общедоступной Богословской Библіотеки“, имѣющей своею цѣлью сдѣлать вполне доступными для читателей лучшія и капитальнѣйшія произведенія русской и иностранной богословской литературы.

Журналъ попрежнему будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 10—12 и болѣе печатныхъ листовъ (до 200 страницъ въ книжкѣ).

ЦѢНА: а) въ Россіи за журналъ „Странникъ“ съ приложеніемъ двухъ томовъ „Общедоступной Богословской Библіотеки“ и одного вып. „Богословско-апологетическихъ трактатовъ“ **восемь (8) руб.** съ пересылкой и доставкой, б) за границей **11 руб.** съ пер.

Примѣчанія: а) Въ отдѣльной продажѣ для неподписчиковъ цѣна „Общедоступной Богословской Библіотеки“ 2 руб. 50 коп., а съ пересылкой 3 р.

б) Желающіе имѣть выпуски „Библіотеки“ въ изыщномъ англійскомъ переплетѣ благоволятъ прилагать по 50 к. за выпускъ.

в) Новые подписчики, желающіе получить уже вышедшіе восемь выпусковъ „Библіотеки“ (четыре тома „Православнаго Собесѣдоват. Богословія“, два тома „Исторіи Христ. церквей“ и два тома „Православной Богословской Энциклопедіи“), при выпискѣ всѣхъ прилагаютъ по 1 руб. за томъ, а при выпискѣ на выборъ—по 1 р. 50 к.

г) Въ виду связанныхъ съ изданіемъ приложеній большихъ расходовъ, редакція вынуждена печатать ихъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и поэтому подписчикамъ на льготныхъ условіяхъ будетъ выдавать только по 1 экз. За второй и слѣд. экземпляры подписчики платятъ по 2 р. 50 коп. за экз. безъ перес. и 3 руб. съ перес., въ англійскомъ переплетѣ 3 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Адресоваться: въ редакцію журнала „Странникъ“ С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 182.

Городскіе Спб. подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи—Телѣжная ул., д. № 5.

За редактора издатель проф. А. П. Лопухинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

2-й годъ изданія.

КАЗАНСКІЙ МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

органъ Общества врачей при Императорскомъ
Казанскомъ Университетѣ,

издаваемый подъ редакціей предсѣдателя Общества проф. Л. О. Даркшевича.

Журналъ посвящается русскимъ работамъ по всемъ отраслямъ теоретической и практической медицины.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Оригинальныя статьи. II. Рефераты текущей литературы. III. Годовые обзоры литературы по специальностямъ. IV. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, съѣздовъ и докторскихъ диспутахъ въ Казанскомъ университетѣ. V. Отчеты больничныхъ учреждений. VI. Корреспонденціи. VII. Рецензіи. VIII. Библиографія. IX. Письма въ редакцію. X. Некрологъ. XI. Хроника и мелкія извѣстія.

Срокъ выхода: ежемѣсячно, исключая іюня и іюля (двойныя книжки въ маѣ и августѣ).

Подписная цѣна для не членовъ Общества 5 руб. въ годъ.

Подписка принимается въ библиотекѣ Общества (Казань, Университетъ) и въ книжномъ магазинѣ бр. Башмаковыхъ (Казань, Пассаажъ).

Объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ братьевъ Башмаковыхъ.

Рукописи для помѣщенія въ „Журналъ“ направляются по адресу: Казань, Университетъ, Общество врачей, въ редакцію „Казанскаго Медицинскаго Журнала“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

на политическо - общественную и литературную газету

Е Н И С Е Й.

ВЫХОДИТЪ въ Красноярскѣ ТРИ РАЗА въ недѣлю.

Подписная цѣна: съ доставк. и перес. на годъ 7 р., на полг.

4 р., на четверть г. 2 р. 50 к., на одинъ мѣсяць 1 р.

Городскіе подписчики, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, получаютъ безплатно телеграммы Московскаго Телеграфнаго Агентства.

Подписка принимается: въ Красноярскѣ—въ конторѣ редакціи газеты въ Томскѣ—въ отд. конторы, въ Москвѣ—въ центральной конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Мясницкая ул. д. Сытова, и въ конторѣ объявленій И. К. Голухева—Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи, въ Петербургѣ—въ отдѣленіи конторы Т. д. Л. и Э. Метцль и К^о, Б.-Морская № 11. Плата за объявленія впереди текста 20 к. за стр.; позади текста 10 к. за стр. петита. Объявленія изъ всѣхъ мѣстъ и странъ принимаются непосредственно въ конторѣ газеты, въ Красноярскѣ, а также въ конторѣ Торг. Дома Л. и Э. Метцль и К (Москва—Мясницкая, д. Сытова и Петербургъ—Б. Морская, 11), въ конторѣ объявленій И. К. Голубева (Москва, Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи), въ отдѣленіи конторы редакціи (Томскъ), въ конторѣ объявленій А. З. Ремизова (Москва, Б. Дмитровка, д. Живаго) и во всѣхъ вообще конторахъ по приему объявленій и подписки.

Редакторъ-издатель *Е. Кудрявцевъ.*

Открыта подписка на 1902 годъ

XIII г.

НА ЖУРНАЛЪ

XIII г.

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

Журналъ имѣетъ цѣлью распространеніе среди русскаго общества правильныхъ взглядовъ на воспитаніе и образованіе.

Съ 1901 года кромѣ педагогическихъ статей, въ журналѣ помещаются научно-популярныя статьи по естествознанію, психологіи, философіи, филологіи, обществовѣдѣнію, исторіи, исторіи литературы, а также по вопросамъ искусства.

Программа журнала: I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библиографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложенія: литературно-педагогическіе очерки, разск., воспоминанія и т. д. VI) Объявленія.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Аври (Victor Henri), Н. Ф. Арешевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, приватъ-доц. Я. А. Боткинъ, Ю. А. Буинъ, И. А. Бунинъ, И. П. Бѣлоконскій, Н. М. Бычковъ, приватъ-доц. В. А. Вагнеръ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, пр. Р. Ю. Виперъ, А. Ф. Гартвигъ, М. О. Гершензонъ, пр.-доц. А. В. Горбуновъ, А. Е. Грузинскій, жена врача Е. С. Дрептельнъ, В. Е. Ермиловъ, Д. Н. Жбанковъ, Н. В. Закъ, С. В. Зенченко, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, приватъ-доц. А. А. Ивановскій, приватъ-доцентъ В. Н. Ивановскій, прив.-доц. Н. А. Ивановъ, В. Е. Игнатъевъ, Н. А. Кабуковъ, В. В. Каллашъ, И. М. Красноперовъ, Е. Ловичъ, Е. І. Лозинскій, проф. И. И. Мечниковъ, проф. И. Н. Миклашевскій, Н. Мировичъ, Ф. Г. Мищенко, Н. Ф. Михайловъ, Л. П. Никифоровъ, Е. С. Некрасова, М. К. Николаева, Ф. Ф. Ольденбургъ, В. П. Острогорскій, В. В. Петровъ, Н. И. Поздняковъ, Г. Роковъ, Н. А. Русскихъ, Л. М. Розенфельдъ, Н. Д. Сатурианъ, Д. Д. Семеновъ, А. С. Симоновичъ, А. М. Скабичевскій, Н. В. Сперанскій, К. М. Станюковичъ, приватъ-доц. Е. Д. Сивидкій, Л. Д. Сивидкій, В. С. Строва, І. Тевсъ, Н. И. Тезяковъ, В. А. Фальборкъ, А. Н. Филипповъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, А. С. Хахановъ, П. В. Хопрровъ, В. И. Чарнолуцскій, кн. Д. И. Шаховской, А. А. Штевенъ, Ф. А. Эрвь, проф. Ф. Ф. Эрismanъ, В. Е. Чаушкянъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ, и многіе друг.]

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ и для безиматныхъ народныхъ читаленъ.

Съ 1902 года журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала не менѣе 20 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки 5 р. съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода 3 р., съ пересылкой за границу 7 р. 50 к., для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногородныхъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

Въ 1902 году (годъ восьмой)

Журналъ Министерства Юстиціи

будеть выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ.

Подписной годъ начинается съ января 1902 года.

Программа журнала.

Въ „Журналѣ“ печатаются: 1) Указанія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству М. Ю.; 2) Статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданскаго и уголовнаго; 3) Обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній Гражд. и Уголов. Касс. Д.—товъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената; 4) Литературное обзорѣніе: а) критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ русскихъ и иностранныхъ, библиографическій указатель юридической литературы русской и иностранной; 5) Обзоръ иностраннаго законодательства: свѣдѣнія о новыхъ законахъ, и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ; 6) Письма изъ Англіи и Франціи.

Въ „Журналѣ“ за 1894—1901 годъ были напечатаны, между прочимъ статьи слѣдующихъ авторовъ: А. Л. Боровиковскаго, Е. В. Васильевскаго, М. М. Винавера, Ю. С. Гамбарова, М. Ф. Громницкаго, Д. А. Дриля, М. В. Духовскаго, М. А. Дьяконова, А. И. Загоровскаго, К. П. Змирянова, А. Ф. Кони, Н. М. Коркунова, Ф. И. Леонтовича, В. М. Нечаева, П. Н. Обнинскаго, В. К. Случевскаго, В. Д. Спасовича, Е. Н. Тарновскаго, И. Я. Фойницкаго, Г. Ф. Шершеневича, И. Г. Щегловитова, И. Е. Энгельмана и мн. др.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ главной конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго юридическаго лицея, воспитанники Императорскихъ училища правовѣдѣнія и Александровскаго лицея и слушатели военно-юридической академіи платять при подпискѣ въ главной конторѣ—по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за приемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: книжный складъ **М. М. Стасюлевича**, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются въ главной конторѣ съ платою по расчету 30 копеекъ за строку и 8 рублей за страницу.

Редакція журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ **В. Ф. Дерюжинскій**.

1902 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ 7.

на журналъ

Вопросы Нервно-Психической Медицины,

издаваемый подъ редакціей профессора унив. св. Владиміра

И. А. СИКОРСКАГО

в ъ К і е в ъ.

Журналъ выходитъ книжками каждыя три мѣсяца по слѣдующей программѣ:

1) Оригинальныя статьи по вопросамъ психіатріи и нервной патологии, а также по вопросамъ анатоміи, физиологіи, гигиены нервной системы и врачебной экспертизы, относящейся къ этимъ предметамъ. 2) Критика и библиографія по тѣмъ же вопросамъ. 3) Хроника нервныхъ клиникъ, психіатрическихъ клиникъ, домовъ для умалишенныхъ, заведеній идиотовъ и исправительныхъ заведеній. 4) Краткія замѣтки по содержанию трехъ предыдущихъ отдѣловъ. Статьи для журнала присылаются редактору въ заказныхъ письмахъ или бандероляхъ по слѣдующему адресу: Кіевъ, профессору И. А. Сикорскому (Б. Подвальная, 15). Авторы критическихъ обзоровъ получаютъ гонораръ 60 р. за печат. листъ. Авторы статей получаютъ по 25 экз. отдѣльныхъ отисковъ. О присланныхъ въ редакцію книгахъ и изданіяхъ будетъ оповѣщено въ одной изъ ближайшихъ книжекъ.

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой въ годъ 6 р.

Лпца, подписывающіеся на 5-й и 6-й годъ журнала, платятъ 10 р.,

на 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й—24 р.

Подписка принимается: въ редакціи журнала (Кіевъ, Б. Подвальная, 15), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина, Югансона и Ровова въ Кіевѣ, а также въ книжномъ магазинѣ Карла Риккера въ Спб. (Невскій, 14).

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1893 года въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадутся на два отдѣла: офиціальныи и научныи.

Въ офиціальномъ отдѣлѣ помѣщается годовоіи отчетъ университета, акты рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорніи лекцій и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотоіи медали.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Е. Пассекъ.**

Открыта подписка
 НА 1902 ГОДЪ
 НА
ТРУДЫ
 ИМПЕРАТОРСКАГО
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,
 Журналъ сельскохозяйственный и экономическій.

„Труды И. В. Э. Общества“ въ 1902 году издаются под редакціей секретаря Общества и выходятъ книжками **6 разъ въ годъ**. „Труды“ заключаютъ въ себѣ полныя свѣдѣнія о дѣятельности И. В. Э. Общества и обзоры экономической жизни и литературы. Въ составъ ихъ входятъ слѣдующіе отдѣлы:

1. **Журналы** общихъ собраній, отдѣленій и комиссій, состоящихъ при Обществѣ.

2. **Доклады**, а также **статьи**, служащія матеріалами для докладовъ какъ въ общихъ собраніяхъ, такъ и въ отдѣленіяхъ и комиссіяхъ, касающіеся сельскаго хозяйства (I отдѣленіе Общества), техническихъ сельскохозяйственныхъ производствъ и сельскохозяйственной механики (II отдѣленіе Общества) и сельскохозяйственной статистики и политической экономіи (III отдѣленіе Общества).

3. **Обзоры** сельскохозяйственной и экономической жизни Россіи и другихъ странъ; дѣятельности сельскохозяйственныхъ обществъ, земствъ и другихъ учреждений въ области, входящей въ кругъ занятій И. В. Э. Общества, а также обзоры русской и иностранной литературы по всѣмъ предметамъ той же области. **Критика и Библиографія.**

Въ Приложеніяхъ къ журналу помѣщаются: годовой отчетъ секретаря И. В. Э. Общества, систематическій каталогъ книгъ, поступающихъ въ бібліотеку Общества, и стенографическіе отчеты преній въ общемъ собраніи и отдѣленіяхъ Общества по вопросамъ, представляющимъ наибольшій общественный интересъ.

Подписная цѣна за 6 книгъ „Трудовъ“ со всѣми приложеніями **3 р.** съ доставкой и пересылкой.

Подписчики „Трудовъ“, желающіе получить „Русскій Пчеловодный Листокъ“, издаваемый И. В. Э. Обществомъ, доплачиваютъ 1 р. 50 к., вмѣсто 2 р., уплачиваемыхъ отдѣльными подписчиками „Пчеловоднаго Листка“.

Подписка принимается по слѣдующему адресу:

въ редакцію „Трудовъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества“, С.-Петербургъ, Забалканскій просп., № 33.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ЕЖЕГОДНИКЪ ПО ГЕОЛОГИИ И МИНЕРАЛОГИИ РОССИИиздаваемый под редакціей **Н. Криштафовича***(6-й годъ изданія).***ПРОГРАММА.**

I. Оригинальныя статьи и замѣтки. II. Систематическіе указатели литературы. III. Систематическіе обзоры литературы. IV. Рефераты. V. Извѣстія объ экспедиціяхъ, экскурсіяхъ и пр. VI. Личныя извѣстія. VII. Разныя извѣстія: VIII. Музеи и коллекціи.

„Ежегодникъ“ печатается на русскомъ и параллельно на французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ.

„Ежегодникъ“ выходитъ **ежемѣсячно**, исключая двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (10 выпусковъ въ годъ, каждый выпускъ объемомъ въ 5 печатныхъ листовъ).

Редакціонный годъ съ 1 апрѣля по 1 апрѣля.

Подписная цѣна за годъ съ пересылкой—6 рублей въ Россіи, за границу—**15 марокъ = 20 франкамъ.**

Подписна принимается въ Редакціи (п. Ново-Александрія, Люблинской губ.) и въ книжныхъ магазинахъ: Эггера, Суворина, Риккера, Карбасникова, Оглоблина, Иогансона и во всѣхъ др.

Плата за объявленія—на всѣхъ европейскихъ языкахъ—за одинъ разъ: за стран. (in 4°) 20 руб., за 1/2 стр. 10 руб., за 1/4 стр. 5 руб., за 1/8 стр. 3 руб.

Комплектъ „Ежегодника“ за предыдущіе года (44 выпуска, составляющихъ 5 томовъ) 35 руб. 50 коп. для новыхъ подписчиковъ 28 руб.

Редакторъ-Издатель **Н. І. Криштафовичъ.**

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТОЙ.**1902 г.****ОТКРЫТА ПОДПИСКА****1902 г.**

на политическую научную, литературную и торгово-промышленную газету

ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

выходящую въ Одессѣ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ съ иллюстраціями въ текстѣ. Рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. п.

По возможности въ каждомъ № „Южнаго Обозрѣнія“ помѣщается беллетристическое произведеніе (разсказъ, повѣсть, романъ) русскихъ или иностранныхъ авторовъ.

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе“: въ Одессѣ съ доставкой на домъ на годъ—6 руб., 6 мѣс.—3 руб. 50 коп., 3 мѣс.—1 руб. 80 коп., 1 мѣс.—60 коп. На города (съ пересылкой) на годъ—8 руб., 6 мѣс.—4 руб., 3 мѣс.—2 руб., 1 мѣс.—1 руб.

Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе“, при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная ул., собственнй домъ.

Редакторъ **Н. П. Цанни.**Издатель **Г. М. Белейсонъ.**

та подписка на 1902 г. (XXI годъ изданія)

НА ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

РОДНИКЪ.

Годовое изданіе „Родника“ состоитъ изъ 12 книгъ (около 2800 столбцовъ текста и 500 рисунковъ). „Родникъ“ рекомендованъ, одобренъ и допущенъ для для всѣхъ учебныхъ заведеній.

Содержаніе РОДНИКА составляютъ:

I. Беллетристика, въ которой редакция старается давать больше такихъ вещей, которыя съ интересомъ прочтуть и взрослые, для чего постоянно привлекаетъ въ журналъ писателей, работающихъ въ журналахъ для взрослыхъ.

II. Биографіи, главнымъ образомъ „людей труда и сильной воли“.

III. Статьи и очерки, знакомящіе дѣтей съ народной поэзіей и сказаніями всѣхъ странъ и народовъ.

IV. Статьи популярно-научнаго характера изъ исторіи, географіи, естественныхъ наукъ, относящіяся до родного быта и природы и написанныя главнымъ образомъ русскими учеными и путешественниками, хорошо изучившими родину.

V. Очерки изъ современной жизни, знакомящіе дѣтей съ выдающимися событиями русской и иностранной жизни.

VI. Описанія игръ, занятій, опытовъ и мелкія свѣдѣнія научнаго характера.

Переводы съ иностранныхъ языковъ даются въ умѣренномъ количествѣ, въ виду того, что дѣтскій журналъ прежде всего долженъ знакомить дѣтей съ родной природой и жизнью.

Обращено особенное вниманіе на внѣшность изданія: помимо многочисленныхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ текстъ, въ „Родникѣ“ помѣщаются отдѣльныя картинки въ краскахъ и снимки съ произведеній извѣстныхъ художниковъ, русскихъ и иностранныхъ.

Вмѣстѣ съ „Родникомъ“ издается ежемѣсячный педагогическій листокъ:

Воспитаніе и Обученіе,

посвященный вопросамъ семейнаго воспитанія, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія. „Воспитаніе и Обученіе“ выходитъ ежемѣсячно выпусками большого формата въ 32—64 столбца убористой печати.

Условія подписки на 1902 годъ прежнія:

На годъ съ дост. и перес. за 12 книгъ „Родника“ **5 руб.** На годъ съ дост. и перес. за 12 книгъ „Родника“ и 12 №№ „Воспитаніе и Обученіе“ **6 руб.** За границу **8 руб.** Отдѣльно за 12 №№ педагогическаго листка „Воспитаніе и Обученіе“—**2 рубля.**

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій просп., 90—92, при магазинѣ книгъ и учебныхъ пособій **Н. Н. Морева.**

Издатели: { Н. Моревъ.
Алексѣй Альмедингенъ.

Редакторъ Алексѣй Альмедингенъ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1902 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертатіи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненій по всемъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣню коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорѣнія преподаванія, распрежденія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные.

Ученныя записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всеми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 рублю. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ **В. Мищенко.**

Открыта подписка на 1902 г. (IX г. изд.)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНИЕ

Русская Музыкальная Газета

(съ иллюстраціями).

Подписная цѣна: съ доставкой: на 1 годъ 3 руб., на 6 мѣс. 1 р. 75 к., на 3 мѣс. 1 р., съ пересылкой: на 1 годъ 3 р. 50 к., на 6 мѣс. 2 р. на 3 мѣс. 1 р. 25 к. Съ перес. за границу на годъ 4 р. Отдѣльные №№ по 10 коп., съ пер. 15 коп. Пробные №№ высылаются за 7 коп. марку.

Подписка принимается: въ отдѣленіяхъ конторы: въ С.-Петербургѣ—въ музыкальномъ магазинѣ І. Юргенсона (Большая Морская, 9); въ Москвѣ—въ музыкальной торговлѣ Василій Бессель и К^о (Петровка 12); Кіевѣ—въ книжномъ и музык. магазинѣ Л. Идзиковскаго (Крещатикъ, 29); въ Одессѣ—въ нотномъ и инструментальномъ магазинѣ Г. и В. Бальца,—и во всѣхъ книжныхъ и музыкальныхъ магазинахъ. Редакція и Гл. контора: Спб. М. Морская 6.

Ред.-Изд. *Ник. Фундейзенъ.*

LA REVUE

ANCIENNE

Revue des Revues.

On Numéro spécimen
sur demande.

XII-e ANNÉE.

24 Numéros par an
Richement illustrés.

Peu de mots, beaucoup d'idées.

Directeur: Jean Finot.

Au prix de 24 fr. (ou en envoyant par la poste 9 roubles on a un abonnement d'un an pour LA REVUE, richement illustrée.

„Avec elle, on sait tout, tout de suite“ (Alex. Dumas), car „LA REVUE est extrêmement bien faite et constitue une des lectures les plus intéressantes, les plus passionnantes“ (Francisque Sarcey); „rien n'est plus utile que ce résumé de l'esprit humain“ (E. Zola); „elle a conquis une situation brillante et prépondérante parmi les grandes revues françaises et étrangères“ (Les Débats);

La Revue paraît le 1-er et le 15 de chaque mois et ne publie que des articles inédits signés par les plus grands noms français et étrangers.

La Revue publie également les analyses des meilleurs articles parus dans les périodiques du monde entier, caricatures politiques, des romans et nouvelles, dernières inventions et découvertes, etc., etc.

La collection annuelle de La Revue forme une vraie encyclopédie de 4 gros volumes, ornés d'environ 1500 gravures et contenant plus de 400 articles, études, nouvelles, romans, etc.

Les Abonnés reçoivent de nombreuses primes de valeur. (Demander nos Prospectus).

On s'abonne sans frais dans tous les bureaux de poste de la France et de l'étranger chez tous les principaux libraires du monde entier et dans les bureaux de La Revue.

Rédaction et Administration: 12, AVENUE DE L'OPÉRA, PARIS.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗВѢСТІЯ МОСКОВСКАГО Сельскохозяйственного Института.

Годъ VIII. 1902.

Извѣстія выходятъ **четырьмя** книгами въ годъ, составляющими не менѣе 35 листовъ текста in-8°.

ПРОГРАММА «ИЗВѢСТІЙ».

Официальный отдѣлъ. I. Правительственныя распоряженія, касающіяся М. С.-Х. Института.—II. Постановленія Совѣта Института и отношенія къ нимъ приложенія: а) программы и планы лекцій и практическихъ занятій въ Институтѣ; б) отчеты объ экскурсіяхъ, ежегодно совершаемыхъ студентами Института подъ руководствомъ профессоровъ, преподавателей и пр.; в) работы комиссій, назначаемыхъ Совѣтомъ Института для разслѣдованія различныхъ вопросовъ, и г) отчеты о командировкахъ членовъ совѣта и другихъ лицъ, служащихъ въ Институтѣ.—III. Нѣкоторые изъ журналовъ засѣданій сельскохозяйственного комитета, состоящаго при Институтѣ, а именно тѣ, которые имѣютъ особенное значеніе для учебной и ученой дѣятельности Института.—IV. Годишный отчетъ о состояніи Института.—V. Каталоги и описанія библіотеки, разнообразныхъ коллекцій и учебныхъ пособій, находящихся при Институтѣ.

Неофициальный отдѣлъ. I. Труды профессоровъ, преподавателей, ассистентовъ, студентовъ Института и постороннихъ лицъ, а именно: а) естественно-историческіе, и б) статистико-экономическіе (преимущественно касающіеся изученія русскаго народнаго хозяйства). Сюда входятъ какъ отдѣльныя самостоятельныя изслѣдованія, такъ и совмѣстныя работы, исполненныя въ лабораторіяхъ, кабинетахъ, на опытномъ полѣ, или на предполагаемой опытной станціи, пасѣкѣ, въ лѣсной дачѣ, огородѣ, питомникѣ и пр.—II. Критическія и библиографическія статьи о выдающихся произведеніяхъ народнохозяйственной и естественноисторической литературы.—III. Метеорологическія наблюденія, произведенныя на обсерваторіи Института.

Работы могутъ сопровождаться рисунками, таблицами, чертежами, диаграммами и пр. и, по желанію автора, краткимъ резюме на какомъ-либо иностранномъ языкѣ (резюме должно быть составлено самимъ авторомъ и прислано въ редакцію одновременно со статьею). Оглавленія каждой книги Извѣстій, кромѣ русскаго языка, печатается еще на французскомъ языкѣ.

Подписка принимается въ канцеляріи Московскаго Сельск. хозяйствен. Института и въ книжн. магаз. Карбасникова (Москва, Варшава, Вильна, С.-Петербургъ) и „Трудъ“ (Москва, Тверская).

Подписная цѣна въ годъ, за четыре книги, 5 р.; для студентовъ высихъ учебныхъ заведеній 2 р. 50 к.; цѣна отдѣльной книги 1 р. 50 к.; отдѣльные оттиски статей естественноисторическихъ и статистикоэкономическихъ высылаются названными книжными магазинами наложеннымъ платежомъ по расчету 20 коп. за листъ.

Редакторы: С. И. Ростовцевъ.
Д. Н. Пряниниковъ.

Открыта подписка на 1902 г.

на большую ежедневную политическую, общественную
и литературную газету,

издаваемую безъ предварительной цензуры,
съ еженедѣльными иллюстрированными добавленіями,

„Русскій Листокъ“

(XIV годъ изданія).

Газета принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ ежедневныхъ изданій, благодаря своему чисто русскому направленію, безусловной свѣжести и новизнѣ помѣщаемыхъ сообщений и всего матеріала, а также благодаря живости, краткости и ясности печатаемыхъ въ ней статей извѣстныхъ журналистовъ. Всѣ административныя новости (сообщаемыя по телефону изъ Петербурга и по телеграфу изъ другихъ мѣстъ) появляются въ „**РУССКОМЪ ЛИСТКѢ**“ не только одновременно съ петербургскими газетами, но даже часто и раньше послѣднихъ.

Свои корреспонденты имѣются во многихъ городахъ Россіи и за границей—въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Софіи, Римѣ, Женевѣ и друг., а въ случаяхъ особой важности командированы спеціальные корреспонденты. (Въ истекшемъ году было послано 6 кор.—въ Данцигъ, Реймсъ и Дюнкирхенъ на торжества, въ Брюссель—на конгрессъ, въ Боснію и Герцеговину—во время смутъ.)

Обширность программы „**РУССКАГО ЛИСТКА**“ даетъ возможность предложить читателямъ большое обиліе самаго разнообразнаго матеріала. Ежедневно во фельетонахъ помѣщаются лучшіе романы, повѣсти, историческія и научныя статьи.

Иллюстрированныя добавленія извѣстныя по своей художественности, въ 1902 г., какъ было и въ истекшемъ 1901 г., будутъ выходить **еженедѣльно** и за годъ составлять объемистый томъ съ массою рисунковъ, портретовъ, модъ и т. п. Всѣ болѣе крупныя событія дня иллюстрируются фотографическими снимками нашего фотографа.

Подписная цѣна:

8 р. на ГОДЪ съ доставкой и пересылкой **ВОСЕМЬ р.** **8 р.**
на 6 мѣс. **4 р. 50 к.**, на 4 мѣс. **3 р. 30 к.**, на
3 мѣс. **2 р. 50 к.**, на 2 мѣс. **1 р. 70 к.**, на 1 м.
90 коп.

При годовой подпискѣ допускается разсрочка:

при подпискѣ—5 р. и къ 1 іюля—3 р. или при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля—3 р. и къ 1 іюля—2 р. Кроме того, допускается особая разсрочка по 1 руб. въ мѣсяць—въ теченіе 8 мѣсяцевъ, считая съ января.

Адресъ главной конторы: Москва, Мясницкая улица, домъ № 20.

Свои отдѣленія—въ Москвѣ, Петербургѣ, Тулѣ, Калугѣ и Рязани.

Редакторъ-издатель *Н. Л. Казеций*.

Открыта подписка на 1902 г. (VII-й годъ изданія)

на иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

24 номера
и

ВСХОДЫ

бесплатное
приложенеіе.

Допущенъ въ среднія и низшія учебныя заведенія (Ж. М. М. П. 1897 г. февраль, стр. 63), бесплатныя народныя читальни и библиотеки. Одобренъ и включенъ въ каталогъ книгъ для чтенія воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: а) 1-го числа—въ большомъ форматѣ, отъ 5—6 печатныхъ листовъ въ два столбца, разнообразнаго содержанія, б) 15-го—въ маленькомъ форматѣ отъ 7 до 14 печатныхъ листовъ, содержащихъ въ себѣ одно произведеніе беллетристическое или научно-популярное. Редакція остановилась на этой новой формѣ изданія дѣтскаго журнала, находя болѣе дѣлсообразнымъ давать дѣтямъ то или другое произведеніе законченнымъ въ одномъ или, много, въ двухъ номерахъ и оставляющимъ вслѣдствіе этого болѣе цѣльное, ясное и глубокое впечатлѣніе, что трудно достигается при дробленіи произведенія на большое количество номеровъ.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаетъ извѣстная писательница для дѣтей А. Н. Анненская.

Въ журналѣ помѣщается ежемѣсячно: 1) Небольшой отдѣлъ съ особой нумераціей для дѣтей дошкольнаго возраста и 2) для родителей—критическій указатель дѣтской литературы.

Въ 1902 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, какъ и въ предыдущіе годы.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: А. Алтаевъ, В. Анучинъ. А. Анненская, К. Баранцевичъ, А. Боянъ, И. Бунинъ, А. Варенцевъ, Н. Гаринъ М. Горькій, А. Давыдовъ, С. Елпатьевскій, А. Заринъ, А. Коваленская, П. Кулаковъ, П. Левашовъ, В. Львовъ, М. Лялина, Д. Маминъ-Сибирякъ, С. Миндловъ, В. Немировичъ-Данченко, Л. Нелидова, А. Нечаевъ, А. Никольскій, К. Носиловъ, В. Писвячевскій, С. Порѣцкій, И. Потапенко, А. Паевская, В. Радичъ, А. Свирскій, В. Свѣтловъ, А. Сизова, К. Станюковичъ, В. Сѣрошевскій, В. Сысоевъ, А. Федоровъ-Давыдовъ и др.

Въ видѣ бесплатнаго приложенія годовымъ подписчикамъ будетъ дано въ 1902 году: Маркъ Твенъ. Избранныя сочиненія для дѣтей. Большой томъ въ два столбца съ 300 иллюстраціями въ текстѣ. Въ составъ его войдутъ слѣдующія три капитальныя произведенія извѣстнаго американскаго писателя: 1) Принцъ и нищій, 2) Приключенія Тома и 3) Приключенія Финна.

Въ №№ журнала въ 1902 году будетъ напечатано между прочимъ: Томасъ Эдиссонъ. Біограф. очеркъ. А. Анненской.—"Былое" Разказы изъ русской исторіи. Е. Баранцевича.—"Скарденое дѣло". Историческая повѣсть. А. Зарина.—Разсказъ. Д. Мамина-Сибиряка.—"Въ родной семьѣ". Романъ для дѣтей. Гоктора Мало.—Въ плѣну у черкесовъ. Быль. Е. Новиковой.—Разсказъ. И. Потапенко.—"Богданъ Хмельницкій". Историч. повѣсть. В. Радича.—Скитальцы. Продолженіе "Рыжика". А. Свирскаго.—"Силачъ". Разсказъ изъ фабричной жизни. Его же.—"Барри". Изъ путешествія по Альпамъ. В. Свѣтлова.—"Въ степяхъ Монголіи" пов. В. Сѣрошевскаго.—Рядъ научно-популярныхъ статей по биологій, физикѣ, ботаникѣ, зоологій, физической географіи, исторіи культуры, этнографіи постоянныхъ сотрудниковъ "Всходовъ": Д. Боропчевскаго. И. Левашева, А. Нечаева К. Носилова и др.

Цѣна съ доставкой и пересылкой въ Россіи на годъ 5 р., на 1/2 года 2 р. 50 к. Безъ доставки 4 р. 50 к. За границу 8 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ 1-му мая 2 р.

Годовые подписчики, желающіе получать книжки малаго формата въ изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ, доплачиваютъ 1 р. 25 к.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Пантелеймоновская, 27, въ конторѣ Печковской: Москва, Петровская линія; въ книжныхъ складахъ О. Н. Поповой: Спб., Невскій, 54 и Москва, Б. Никитская, 33; въ книжныхъ складахъ бр. Башмаковыхъ: Спб., Казань, Рига,—и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Ред.-изд. Э. Монтвидъ.

Ред. П. Голяховскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 годъ на

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

(одиннадцатый годъ изданія)

съ приложеніемъ твореній святого Аѳанасія, архіепископа александрійскаго.

Въ 1902 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе „Богословскаго Вѣстника“ ежемѣсячно, книжками въ пятнадцать и болѣе печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ:

1) Творенія Св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ; 2) Исслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, составляющія въ большей своей массѣ труды профессоровъ Академіи; 3) Изъ современной жизни: обзорѣнія важнѣйшихъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ и сообщенія изъ области внутренней жизни Академіи; 4) Систематическій обзоръ текущей русской журналистики, преимущественно духовной, а также критики, рецензіи и бібліографіи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ; 5) Приложенія, въ которыхъ будутъ печататься автобіографическія записки высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа тверскаго (продолженіе), и протоколы Совѣта Академіи за истекшій 1901 годъ (полностью). Въ качествѣ собственнаго приложенія къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“ всѣмъ подписчикамъ его въ 1902 году будутъ даны:

первая и вторая части Твореній святого Аѳанасія, архіеписк. александрійскаго
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Подписная цѣна на „Богословскій Вѣстникъ“ совмѣстно съ приложеніемъ первыхъ двухъ томовъ твореній св. Аѳанасія Александрійскаго

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Примѣчаніе. Безъ пересылки **семь** рублей, за границу—**десять**.

Адресъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ проф. А. Спаскій.

„СЛАВЯНСКІЙ ВѢКЪ“.

(II-й годъ изданія.)

(Съ 1-го августа 1901—30-е іюля 1902.)

Подписка:

Въ Австро-Венгріи: на годъ 10 кронъ, на полгода 5 кронъ.
 „ Германіи „ „ 10 марокъ „ „ 5 марокъ.
 „ Россіи „ „ 6 рублей „ „ 3 рубля.

Подписываться можно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Въ Сербіи на годъ 12 динаровъ, на полгода 6 динаровъ.
 „ Болгаріи „ „ 12 левовъ, „ „ 6 левовъ.
 „ Черногоріи „ „ 10 кронъ, „ „ 5 кронъ.

Во всѣхъ прочихъ странахъ, вошедшихъ въ почтовый союзъ на годъ, 14 франковъ, на полгода 7 фванковъ.

Адресъ редакціи: Wien, VIII/2 Bennogasse № 22.

Редакторъ-издатель д-ръ Д. Н. Вергунъ.

БЪЛГАРСКА СБИРКА

описание за книжнина, исторически и общественни знания.

Българска Сбирка ще издава и прѣзъ 1902 года (IX г.) еднажъ въ мѣсеца, освѣнъ юли и августъ въ размѣръ отъ 4—5 печатни листовѣ. „Б. Сб.“ съдържа: I. Изяцна книжнина: разкази и стихотворения.—II. Отечествовѣдение: статии отъ минадотони.—III. Икономически общественно—педагогически въпроси.—IV. Книжовни оцѣнки.—V. Прѣгледъ на списания.—VI. Що става въ нашенско и на чужбина.—VII. Нашенска и чужда лѣтопись.—VIII. Разни вѣсти.

Годишно струва 8 лева въ България, 9 на чужбина, 3 рубли въ Русия.

На ученици, селски учители, свещеници, на писаритѣ въ разнитѣ канцеларии „Българска Сбирка“ се отстъпва по 6 лева годишно (10 книжки), ако предплатятъ въ администрацията.

Най-доброто изплащане на абонамента е съ пощенски записъ който се праща въ администрацията.

Стари годишни течения: Намѣрватъ се за проданъ въ администрацията ни I—VII год. течение за 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899 и 1900 година на „Българска Сбирка“. Цѣна: I г. и VII по 8 л., II, IV, V и VI г. по 7 л. III г. 6 лева. И седемтъ год. течения, струватъ 68 л. купени направо отъ администрацията, се отстъпватъ за 54 л., изиrowдени въ прѣдплата.

Всичко за „Българска Сбирка“ се изпроважда въ София, ул. Славянска № 26, дѣто е редакцията и администрацията.

Редакторъ С. С. Бобчевъ.

ОТКРЪТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ВОЛЫНЬ.

(Двадцать четвертый годъ изданія.)

Подписная цѣна:

на 12 мѣс.—6 р., на 11 м.—5 р. 50 к., на 10 м.—5 р., на 9 м.—4 р. 50 к., на 8 м.—4 р., на 7 м.—3 р. 50 к., на 6 м.—3 р., на 5 м.—2 р. 50 к., на 4 м.—2 р., на 3 м.—1 р. 50 к., на 2 м.—1 р. 10 к., на 1 м.—60 к.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ по 5 коп.

Подписка принимается въ гор. Житомирѣ, въ главной конторѣ редакціи, по Большой Бердячевской улицѣ, въ Архирейскомъ домѣ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку газеты лишь въ томъ случаѣ, если подписка принята въ главной конторѣ.

Контора газеты открыта ежедневно, за исключеніемъ дней праздничныхъ, отъ 9 ч. утра до 6 ч. пополудни.

Редакторъ-издатель Г. И. Коровицкій.

О ПОДПИСКѢ НА 1902 ГОДЪ НА ВЪСТНИКЪ ПРАВА,

Журналъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества,
издаваемый подъ редакціей Г. Б. Слюзберга.

	На годъ:	По полугодіямъ.	
		Январь.	Іюнь.
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р. — к.	4 р. — к.	4 р.
” ” съ доставкою	8 ” 50 ”	4 ” 50 ”	4 ”
Въ другихъ город. съ доставкою	9 ” — ”	5 ” — ”	4 ”
За границей	12 ” — ”	7 ” — ”	5 ”
Отдѣльныя книги журнала	1 ”		

Подписка принимается: въ конторѣ „Вѣстника Права“, С.-Петербургъ, Верейская ул., д. № 12, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Сергіевская, 62.

Открыта подписка на 1902 г. на ежемѣсячный литературный журналъ

НОВОЕ ДѢЛО.

Съ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ еженедѣльной общественно-политической ГАЗЕТЫ.

Журналъ **Новое Дѣло** издается, какъ **продолженіе** 34-лѣтняго изданія **Недѣли** и **Книжекъ Недѣли**, при томъ же составѣ редакціи.

Направленіе и характеръ „Новаго Дѣла“ остается тождественнымъ съ „Недѣлей“. Развитіе общественной самодѣятельности, горячее вниманіе къ народнымъ нуждамъ, участіе къ жизненнымъ интересамъ всѣхъ сословіи, усовершенствованіе нашихъ юридическихъ и экономическихъ отношеній, развитіе жизнедеятельности страны путемъ не узкоплеменной, но обще-русской самостоятельной культуры—вотъ основныя черты этого направленія.

Ежемѣсячное изданіе „Новаго Дѣла“, служащее продолженіемъ „Книжекъ Недѣли“, предназначается для строгаго и тщательнаго подбора произведеній художественной литературы, статей философскихъ, культурныхъ, біографій, путешествій, литературной критики и т. п., а также для того отдѣла обзора движенія мысли и литературы, который за границей составляетъ такъ называемыя „Журналы журналовъ“.

Еженедѣльное изданіе „Новаго Дѣла“, служащее продолженіемъ газеты „Недѣля“, представляетъ собою разработанную и освѣщенную лѣтопись текущей политической, общественной, экономической и научной жизни.

Подписная цѣна: на ежемѣсячный журналъ: на годъ—7 р., на 6 м.—3 р. 50 к., на 3 м.—1 р. 75 к. съ пересылкой. Тоже, съ приложеніемъ еженедѣльной газеты, на годъ—10 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—2 р. 50 к., на 1 м.—85 к. съ пересылкой. За границу на 3 р. дороже. Книгопродавцамъ уступка. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи (Гончарная, д. 10, въ С.-Петербургѣ), гдѣ также принимаются и объявленія.

Подписчики „Недѣли“ платятъ за годовое изданіе **журнала и газеты** вмѣсто 10 руб. 7 руб.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Гончарная, 10.

Подписка принимается, кромѣ конторы редакціи, также въ отдѣленіяхъ конторы „Новаго Дѣла“: при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Н. П. Карбасникова, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и др. магазинахъ. Въ Кіевѣ у Н. Я. Оглобина и въ Москвѣ въ конторѣ Печковской.

Рукописи для редакціи могутъ быть адресованы **В. П. Гайдебурову**, С.-Петербургъ, Фонтанка, д. 37.

Редакторъ-издатель **А. Н. Пѣшнова-Толивѣрова**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

НА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗДАНИЕ РУССКАГО БИБЛОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры 8 разъ въ годъ въ послѣднихъ числахъ каждаго мѣсяца (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ) книжками отъ 5 до 8 печатныхъ листовъ.

Въ журналѣ печатаются: научныя статьи и матеріалы, хроника ученой и литературной жизни, обзоры иностранной литературы о Россіи, отзывы и обзоры книгъ и статей преимущественно въ области истории русской литературы и русской исторіи; извѣстія, замѣтки и сообщенія по тѣмъ же вопросамъ, указатели и библиографическія работы, отчеты о дѣятельности Русскаго Библиологическаго Общества, объявленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

А. В. Андреевъ, Н. Н. Бахтинъ, А. К. Бороздинъ, В. О. Боцяновскій, С. Н. Брайловскій, А. И. Браудо, Н. М. Буда-Жемчужниковъ, А. М. Бѣловъ, С. А. Венгеровъ, О. А. Витбергъ, Э. А. Вольтеръ, Н. А. Гастфрейндъ, Б. М. Городецкій, П. А. Дилакторскій, Г. А. Ильинскій, Г. И. Иогансонъ, В. В. Каллашъ, В. Н. Кораблевъ, Н. И. Коробка, А. О. Круглый, И. А. Кубасовъ, Г. З. Кунцевичъ, А. Л. Лиговскій, А. М. Лисовскій, А. М. Ловягинъ, X. М. Лопаревъ, Е. А. Ляпкѣй, А. I. Лященко, М. Н. Мазаевъ, В. В. Майковъ, А. I. Маленъ, А. Э. Мальгрень, В. Л. Модзалевскій, В. Н. Перетцъ, П. В. Петровъ, Е. В. Пѣтуховъ, В. И. Саитовъ, А. В. Селивановъ, П. К. Симони, В. В. Сиповскій, А. В. Смирновъ, А. И. Соболевскій, В. И. Срезневскій, А. М. Филипповъ, В. А. Францевъ, К. I. Храневичъ, П. Н. Шефферъ, С. Н. Шубинскій, П. Е. Щеголевъ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ «Литературный Вѣстникъ» за 1901 годъ одобренъ для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1901, ноябрь, стр. 34).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ: съ доставкой и пересылкою въ Россіи 5 р., за границу 6 р.

На полгода въ Россіи 3 р., за границу 3 р. 50 к.

Цѣна за отдѣльную книжку 1 руб. (выписывающіе отдѣльныя книжки изъ редакціи за пересылку не прибавляютъ).

О всѣхъ новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются извѣщенія или помѣщаются рецензіи.

Подписка принимается: 1) для городскихъ подписчиковъ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, 2) для иногороднихъ—въ редакціи „Литературный Вѣстникъ“, С.-Петербургъ, Подольская ул., д. 11, кв. 12, 3) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.

Редакторы: А. I. Лященко,
М. Н. Мазаевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 г.

на ежедневную общественно-политическую и литературную газету
(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

ПРИБАЛТІЙСКІЙ КРАЙ

въ г. Ригѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

безъ доставки въ конторѣ редакціи на 1 м.—50 к., на 2 м.—1 р., на 3 м.—1 р. 25 к., на 4 м.—1 р. 75 к., на 5 м.—2 р. 25 к., на 6 м.—2 р. 50 к., на 7 м.—3 р., на 8 м.—3 р. 50 к., на 9 м.—3 р. 75 к., на 10 м.—4 р. 25 к., на 11 м.—4 р. 50 к., на годъ—5 р. Съ доставкой на домъ въ г. Ригѣ и съ пересылкою въ др. мѣста Имперіи на 1 м.—75 к., на 2 м.—1 р. 50 к., на 3 м.—1 р. 75 к., на 4 м.—2 р. 50 к., на 5 м.—3 р. 25 к.; на 6 м.—3 р. 50 к., на 7 м.—4 р. 25 к., на 8 м.—5 р., на 9 м.—5 р. 25 к., на 10 м.—6 р., на 11 м.—6 р. 50 к., на годъ—7 р. За границу, въ государства Всеобщаго Почтового Союза на 1 м.—1 р. 50 к., на 2 м.—3 р., на 3 м.—3 р. 50 к., на 4 м.—5 р., на 5 м.—6 р. 50 к., на 6 м.—7 р., на 7 м.—8 р. 50 к., на 8 м.—10 р., на 9 м.—10 р. 50 к., на 10 м.—12 р., на 11 м.—13 р. 50 к., на годъ—14 р.

ПОДПИСКА на газету и заказы на объявленія принимаются въ конторѣ газеты (Рига, Больш. Песочная улица, № 24).

Газета печатается въ собственной типографіи.

Редакторъ Н. Г. Молоствовъ.
Издатель А. А. Крюгеръ.

1902.

АГБЮРЪ

XX г.

ежемѣсячный иллюстрированный дѣтскій журналъ съ педагогическимъ отдѣломъ.

Во всей Имперіи единственныя иллюстрированныя періодическ. изданія на армянскомъ языкѣ.

ТАРАЗЪ

XIII г.

еженедѣльный иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.

Годовая плата журнала „Агбюръ“ 3 рубля (за границу 4 руб. „Тараза“—6 руб. (за границу—10 руб.).

Адресъ: Тифлисъ, редакція журнала „Агбюръ“ или „Таразъ“ (Tiflis, Caucasé) Rédaction du journal „Agbüür“ ou „Taraz“.

Редакторъ-издатель Т. Я. Назарьянъ.